

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Teleskop

Nikolaï Ivanovich Nadezhdin

71465

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Aug. 12. m i
to 13

7.121.26
3345.211 m.11

St. N. P. Mauc. 1853.

ТЕЛЕСКОПЪ

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТЕАТРСКОЕ

ЖУРНАЛЪ

СОВРЕМЕННОГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ НАДЕЖДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ.

Che chi ha i duo occhi, li veda!

ALFIERI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаиіи предспавлены были
въ Ценсурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва,
Января 27 дня, 1835.

LIBRARIER
STACK

Николай Лазаревъ.

JUN 15 1967

1835
1835
1835

1833

N 1

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ТЫСЯЧА ВОСЕМЬ СОТЪ

ТРЕДЦАТЬ ВТОРОЙ

ГОДЪ.

Вскую шапанася азыцы и людѣ поучиша-
ся щещинамъ? Живыи на небесахъ по-
сѣиша ны и Господь поругаеша ны!

Псал. II. 1. 5.

„Времена стѣпанъ!“ сказалъ одинъ изъ на-
шихъ краснорѣчивыхъ соопечесивенниковъ. Да,
стѣпанъ, повпоримъ мы. Давно ли по всей поч-
ти Европѣ, сопрясенной Юльскимъ извержені-
емъ за-Рейнскаго волкана, пробѣгала судорожная
дрожь мяпежа, войны, раздора? Черныя тучи
облегаля горизонты: и испугленное лжемудро-
ваніе, во имя просвѣщенія, угрожало всеобщимъ
запмѣишамъ! Прошло не болѣе полушора года: и

лихорадочное ожесточеніе, разливавшееся всюду, изнурило само себя. Вездѣ, мало по малу, свѣплѣешь и упихаешь: вездѣ обнаруживаешь, болѣе или менѣе, стремленіе къ мирному, благодушному успокоенію. Мятежъ вспыхнетъ и задумитъ самъ себя: война загорится и угаснетъ безъ пожара. Бурный разливъ умовъ самъ собою улегается въ естественное ложе: и упомянутые, разочарованные народы поспѣшаютъ опочить въ лонѣ пищины и порядка!

Сіе возвращеніе движеніе къ успокоенію составляетъ замѣчательную характеристическую черту испекшаго года. Онъ оплачивается особенною потребностію, если можно такъ выразиться, округленія и докончанности произшествій. Почти во всѣхъ событіяхъ 1832 года мы видимъ не столько броженіе, закваску, зародышъ будущаго, сколько умиротвореніе, довершеніе, развязку прошедшаго. Это послѣдній актъ современной драмы, еще не совсѣмъ окончанный, но уже рѣзко обозначившійся. Примирены закоренѣлыя распри, услышаны давнія законныя требованія, подавлены новыя буйныя припизанія. Любовь къ пищинѣ и порядку, воспитанная сороколѣтними кровавыми опытами, превозмогла надъ безпокойною жаждою волненій и переворотовъ. Лю-

ди, вразумленные безуспѣшными покушеніями въ своемъ безсиліи, волею и неволею отказываются отъ безумнаго приписанія на судьбы міра и предоспаваютъ ихъ управленіе вѣчнымъ успавать міродержавнаго порядка. Все возвращается въ законную колею, все спремившись къ еспешственности и равновѣсію, все покоряется мирному, правильному ходу. Дипломатія обезоруживаетъ войну: бывшы замѣняются переговорами: мечъ припугливается пропоколомъ. Говорить это не объ одной политической жизни Европы: и въ сферѣ умственной также предчувствуется утѣшительный конецъ распримъ между старыми предразсудками и новыми безразсудными порывами. Ибо, по вѣчному закону единства человеческого бытія, жизнь естъ плодъ идей и заключаетъ въ себѣ ихъ сѣмя.

Вѣглый взглядъ на важнѣйшія событія 1892 года удостовѣритъ въ справедливости нашихъ предположеній.

Начнемъ съ крайняго запада Европы. Прежде всѣхъ, конечно, вниманіе наше должно обратиться на Францію, это горнило вулканическихъ соприсеній, колеблющихся Европу. Прошлый годъ заспалъ ее во всемъ пылу разрушительной горячки, возбужденной Польскимъ переворотомъ. Усмирение Польскаго мятежа должно было обуздать въ ней безумную ревность пропаганды,

сопровождавшую первые припадки бѣшенства: но, зло, сосредоточившись, внутри шѣлъ сильнѣе свирѣпствовало. Раздоръ воцарился между двумя основными элементами Французской конспирѳуцїи: Паламъ Депутатовъ объявила смертельную войну Паламъ Перовъ, посягнувъ на коренныя условїя ея организацїи. Смерть Казимира Перъе, пщещно усиливавшася возвести къ искусственному равновѣсїю вражду партїй, ниспровергла послѣднїй оплотъ порядка. Спраски разгорѣлись. Смышной споръ о кандидатахъ на безсмертїе въ новомъ Пантеонѣ подалъ поводъ къ соблазнительному шуму, унизившему Паламу Депутатовъ до буйнаго шоржнца и доспойно вознагражденному общимъ свиспомъ. Наконецъ холера разогнала мятежныхъ предсавишелей мятежнаго народа: но зло не прекратилось. Шаривари, съ коими встрѣчены были бѣглецы въ различныхъ краяхъ Францїи, изобличали повсюдное ослабленїе узъ довѣрїя и покорности, долженствующихъ соединять вѣшви государственнаго организма. Въ Вандѣ горѣла междоусобная война: Парижъ кипѣлъ заговорами. Наконецъ, въ Іюнѣ, кровопролитный мятежъ, при похоронахъ Ламарка, оппраздновалъ доспойную годовщину Іюльскихъ дней: и сіе кровопролитїе было послѣднимъ кризисомъ анархїи. Софизмы, коими защипники Іюльской революцїи усиливались оправдать законность мятежа, ниспроверглись;

очарованіе развѣялось; пропасть, изрытая мечной ложной свободой, разсѣлась; и правительство, возникшее изъ подъ баррикады, подвергаясь опасности быть раздавленнымъ новыми баррикадами, почувствовало необходимость принять снова твердый монархическій тонъ и переставъ пошлостями спрашивать черни химерою Короля-Гражданина. Осадное положеніе, въ которомъ былъ объявленъ Парижъ послѣ Іюньскаго возмущенія, можно считать спасительнымъ переломомъ Франціи. Съ тѣхъ поръ огульно обнаружилось въ ней возвращеніе къ шпигу и порядку, чрезъ принятіе дѣятельныхъ мѣръ къ обузданію народнаго буйства и возстановленіе благоговѣнія къ престолу. Новое Министерство мыслить и дѣйствуетъ въ духѣ монархическомъ: при созваніи новыхъ Палатъ оно получило рѣшительный и постоянный перевѣсъ надъ оппозиціей; партія умѣренныхъ беретъ верхъ надъ партіей движенія; главнѣйшіе побуждители къ безпорядкамъ въ рукахъ правительства. Такъ, менѣе чѣмъ въ два года, совершился циклъ революціи, въ коей Франція не выиграла ничего, кромѣ бѣдсвой междоусобія, внушеннаго и внѣшняго разспроисва, слезъ и крови. Поучительный урокъ для вселенной! Но она не совѣтъ еще расплашилась за свое Іюльское сумасшествіе. Судьба Герцогини Беррійской, приковывающая къ себѣ невольное уча-

шіе, оспается грознымъ спрашивающимъ для правительсва баррикадъ. Пророчество Шампобріана исполнилось: незаконное ниспроверженіе законной диктатуры уже начинается приносить горькіе плоды свои!

Англія представляетъ картину еще успѣшнѣе. Примѣръ Франціи осповался и въ ней безпокойнымъ движеніемъ, усилить давно чувствуемую потребность реформъ; но сіе движеніе было гораздо спокойнѣе и пошуму обошлось безъ насильственной развязки. Министрство, поддерживаемое Королемъ, умѣло сохранить миръ съ Парламентомъ и народомъ. Временное увольненіе его только что высило его авторитетъ и довѣренность. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, шорисы и радикалы должны были умолкнуть. Дѣло преобразования, съ согласія Правительсва, совершилось тихо, безъ насильсва и ломки, безъ шума и крови. Многосложные узлы, запыленные вѣковыми привычками, распутаны ловко, оспорожено: и умная организація Британіи, копорая представляетъ въ себѣ удивительное насиліе естественному порядку вещей, готовое рассыпаться отъ малѣйшаго попрясенія, успранивъ припязанія нововводителей, обезпечила опять на долго свое искусственное существованіе.

Довершимъ обзоръ запада Европы нѣсколькими словами. Въ распрѣ двухъ державныхъ

братъевъ (Дон-Педро и Дон-Мигуэля), какой впрочемъ давно не видано было на политическомъ горизонтѣ, равно какъ въ распрѣ двухъ братъевъ-народовъ (Голландцевъ и Бельгійцевъ), замѣчающаго поже стремленіе къ развязкѣ, къ окончанію долголѣтней вражды, къ соглашенію за-спартыхъ интересовъ, въ чемъ порукою служило поведеніе другихъ державъ, неуправное и примирительное. Можно надѣяться, что Опорно и Антверпенъ въ лѣтописяхъ новаго года означатся мѣсяцами не начала, а окончанія войны, и что общій миръ увѣчаетъ общія желанія Европы.

За исключеніемъ полу-Европейской борьбы Султана съ возмущившимся Пашею, временнаго занятія Италіи Французскими и Австрійскими войсками и нѣсколькихъ мѣсячныхъ беспорядковъ въ Швейцаріи и Западной Германіи, остальная часть Европы и не переспавала наслаждаться полнѣе утѣшительнымъ спокойствіемъ, всего зря начинающаго всюду занимать. Австрія и Пруссія представляли рѣзкое исключеніе изъ прочихъ государствъ Европейскихъ: въ теченіе минувшаго года онѣ пользовались неварушимымъ миромъ; и только гибельная лавина, начавшая жать свою съ насъ, возмущала спокойствіе первыхъ мѣсяцовъ. Это дало возможность симъ двумъ державамъ дѣлательно

бодрствовать надъ охраненіемъ Германскаго Союза отъ другой гибельнѣйшей язвы умовъ, проникавшей въ слабѣйшіе пункты его изъ за Рейна. Рѣшительныя мѣры, принятыя на Франкфуртскомъ Сеймѣ общимъ согласіемъ Германіи, подъ предсѣдательствомъ Австріи и Пруссіи, положили конецъ буйнымъ порывамъ, коихъ ничтожность еще ранѣе изобличилась жалкою пародіею Гамбакскаго праздника.

Кажется довольно для оправданія нашихъ надеждъ, для подтвержденія нашихъ предчувствій! Но есть еще одна черта, хотя слабо еще наръзанная на браздахъ происшествій, которую освѣтитъ стипаема мы нашею обязанностию. На изнанкѣ нашего вѣснаго полушарія, въ Новомъ Свѣтѣ Америки, разгоряченное воображеніе мечтателей любило созидать утопію совершенства, къ коему должна, по ихъ мнѣнію, стремиться Европа. Федеративная конституція Соединенныхъ Штатовъ служила камнемъ преткнанія и соблазна для Снага Свѣта. Главой Іюльскаго возмущенія Франціи былъ спарецъ, сорудникъ Вашингтона и Франклина. Взоры и другихъ Европейскихъ политиковъ обращались шудаже съ завислывыми надеждами. Спранное ослѣпленіе! Какъ будто пятьдесятъ лѣтъ сущесствования свѣжихъ, мощныхъ, дѣятельныхъ прищелцовъ, на неизмѣримомъ просторѣ юной, дѣвственной

земли, могутъ быть примѣромъ для великихъ Европейскихъ народовъ, изжившихъ пышность, замахеръвшихъ въ своихъ нравахъ и обычаяхъ, приросшихъ всѣми членами къ вѣковой скорлупѣ своего полипического организма! И что значатъ пятьдесятъ лѣтъ въ жизни рода человеческого? Минута, въ коей безумно искашь ручательства для обезпеченія судебъ вселенной! Пятьдесятъ лѣтъ прошли: и кумирь, коему поклонялись ослѣпленные энтузіасты, запался. Въ федеративномъ устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ начинается глухое броженіе. Опдавленный сѣверъ, нагруженный дичающими пришельцами, угрожаетъ взять перевѣсъ надъ болѣе образованнымъ, но не столь многочисленнымъ, югомъ. По непрочности единой центральной силы, долженствующей господствовать надъ элементами полипической массы, равновѣсіе скоро можетъ разрушиться: и либо полипическое единство Федератіи должно распасться, либо фантомъ Президента долженъ будетъ пріобрѣсти Монархическую вещественность, которая одна только можетъ держать массу разнородныхъ элементовъ государства, силою законнаго притоптыванія!

И такъ воцѣ довершеніе спасительнаго урока, завыщаннаго намъ минувшимъ годомъ! Къ чему жъ теперь всѣ волненія, всѣ смуты, всѣ не-

успроисива, колебавшія лице Европы въ печеніе полу-вѣка и за два съ половиною года угрожавшія ей новыми переворотами? Священный законъ единства предначертанъ вселенной Вѣчнымъ Единовластипицелемъ и Самодержцемъ, *Имъже царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду.* Уклоненія отъ него могутъ быть только мѣстныя и временныя. По непреложнымъ успавамъ міроуправленія рано или поздно онѣ должны возвратиться снова къ нему; и упорныя, дерзающіе оспановивъ сіе возвращеніе шесшвіе, погибають раздавленныя тяжкими колесами. *Вскую маташася лзыцы и людіе поучашася тщетнымъ? Живыи на небесахъ посмѣется имъ и Господь поругается имъ!..*

Конечно, сіи горькіе опыты могутъ служить вразумленіемъ, поученіемъ міру. Но блаженны шѣ, коихъ Небо сохранило отъ плачевной необходимости быть самимъ для себя живыми уроками! Такова именно судьба нашего любезнаго опечесшва, нерушимо наслаждающагося благословеннымъ миромъ и шшшиною подъ сѣнію благочесшпвой вѣры и вѣрности. Тогда какъ за опспальную часш Европы мы радуемся, усмашривая конецъ ея волненіямъ и бѣдшшвіямъ: какія вышшія, шоржесшвеннѣйшія ощущенія должно возбуждать въ насъ созерцаніе постояннаго благоденшвія Россіи, ограждаемой

опъ всѣхъ бурь промысломъ Неба и опеческими попеченіями Монарха! Прошедшій 1832 годъ, для Европы богатый только надеждами, для насъ богатъ и воспоминаніями сладостными, утѣшительными. Умножимъ ими испорію нашего благоденствія.

Извнѣ Россія наслаждалась совершенными миромъ, участвуя въ умиротвореніи Европы только силою своего могущественнаго посредства. Безпокойства, произведенныя Горцами на южныхъ нашихъ предѣлахъ, скоро подавлены.

Внутри, новыя права и преимущества, дарованныя благородному Россійскому Дворянству, сообщили новую жизнь выборамъ, столь важнымъ въ нашей государственной іерархіи; а устанавленіе сословія Почетныхъ Гражданъ и учрежденіе Коммерческихъ Судовъ, обещающихъ сократить разорительныя для купечества тяжбы любовными сдѣлками, были новыми свидѣтельствами попечительности Монарха о благѣ вѣрнаго ему народа.

Въ дѣлописяхъ народнаго просвѣщенія замѣнимъ открытіе Гельсингфорскаго Университета, состоящаго подъ высокимъ покровительствомъ Государя Наслѣдника.

Царство изящныхъ искусствъ ознаменовалось сооруженіемъ величественной колонны въ честь Императора Александра и широкимъ оп-

крышіемъ пышнаго псалпра, украшеннаго высокимъ именемъ Государыни Императрицы.

И *Жизый на Небесяхъ, поспѣваясь* суетными *штаніями языковъ*, благоволилъ явить своей возлюбленной, православной Руси, порожественное свидѣтельство опеческаго благоволенія, ознаменовавъ, въ минувшій годъ, благое и мудрое царствованіе Николая, явленіемъ новой святыни, Чудотворныхъ Мощей Священнаго Митрофана! Благочестивый Монаръ самъ, изъ дальняго Песербурга, спѣшилъ воздасть поклоненіе новоявленному молищеннику, приумножившему сонмъ Святыхъ, украшающихъ и покровительствующихъ его Россію!..

Такимъ образомъ мы вступаемъ въ Новый Годъ, съ миромъ, съ радостію, съ упованіемъ! И да поможетъ намъ Небо проводить его въ бездну вѣчности съ шѣмъ чувствами, кои насъ одушевляють теперь на его таинственномъ прагѣ!

II

СОСТОЯНІЕ ИСКУССТВА

ВЪ ГЕРМАНИИ.

(3. КНИГ.).

Тепе умеръ! Это была державная сила въ міръ искусство, о коипорой можно воскликнуть съ Шапобріаномъ: «Король умеръ! да здравствуетъ Король!» Вѣкъ кончился, вѣкъ начался. Искусство умерло, искусство родилось. Погребальный звонъ похоронъ возвѣстилъ вмѣстѣ праздникъ крестинный. Законное владычество гения, конемъ непрерывно вѣнчающаго родъ человеческій, не терпимъ междоусобія: какъ скоро оно положило въ гробъ своего мершвеца, оно идетъ, само не зная куда, искать младенца въ пеленахъ и помазать для будущности. И пусть всѣ новорожденные дѣти прислушиваются къ звону колокола, раздавагося въ Германіи; пусть начинаютъ лучшія свои мечпы; пусть ворочаются въ своихъ колыбеляхъ и говорятъ маперямъ своимъ: «мапушка, мапушка, чего тебѣ хочешя!» Ибо воптъ минуша, когда слава пускается по свѣту опыскивать между ними наследника усопшему спарцу! Цѣпы въ дубравахъ, правы на лугахъ, источники въ песчаныхъ степяхъ, поившіе безбрежную чашу умершаго вѣка, да наполнятся снова живошворной

росы, дабы воскормить въкъ новый! Трауръ и празднество, смерть и рожденіе, ничто не измѣнилось. Безъ ужаса, безъ гнѣва и безъ сѣпованій, царство искусства погребаетъ своихъ мершвецовъ и съ яснымъ спокойствіемъ идетъ на встрѣчу новымъ судьбамъ, пріемлетъ новую форму.

Сія форма, какова она будетъ, какова должна быть? Вопросъ сей неминуемо влечетъ за собою другой: какія спихи напоящей Европы испощены уже искусствомъ? какія можетъ оно предвидѣть въ будущности? чпо въ современной нашей жизни имѣетъ сколько прочности, чпо можетъ обѣщать неиспощимое удовлетвореніе его вѣчному началу? То есть, мы хотимъ воспользоваться искусствомъ некромантически, дабы опъ имени его спросить пущыя гробы, бьется ли еще сердце въ груди человѣчества, и довѣдались у пылчелѣстныхъ мотиль, почему солнце востока не пробуждаетъ болѣе таинственныхъ звуковъ въ пустынномъ камнѣ, при разсвѣтѣ утра!

Въ какомъ состояніи Гете оставилъ послѣ себя область поэзіи и воображенія? Вокругъ, въ родной странѣ своей, онъ заключаетъ собой ту эпоху гармоніи и покоя, копорая предшествоуетъ во всѣхъ литературахъ. Такъ какъ Германія оспавалась въ Европѣ при однихъ наблюденіяхъ и изъ волненій, окружавшихъ ее,

извлекала только забаву для воображенія; такъ какъ ничто, въ ея происходившее, не испортило ее изъ ясной принципы и блаженного спокойствія: по и искусство въ ней, какое ни было, лишь бы только было, вполне удовлетворяло ея потребностямъ. Оно соспавляло для ней родъ особой религій чувства, имѣвшей свое особое безконечное и свою особую вѣчность, отъ которой ничего болѣе не требовалось, какъ только имѣть довольно силы, чѣмъ заглушить шумъ окружающихъ потрясеній и перевороповъ, въ коихъ Германія не хотѣла принимавъ никакого участія. Изучивше всѣ произведенія этой кровавой для прочихъ странъ Европы эпохи: вы увидите, что всѣ онѣ окружены сіяніемъ мира, подобно тѣмъ Византійскимъ Дѣвамъ, коихъ видѣть я улыбающимися въ златыхъ вѣнцахъ, на снѣгахъ храмовъ, сокрушаемыхъ дыханіемъ вѣчной бури. Здѣсь случилось именно проптивное тому, что было въ мірѣ Греческомъ. Тамъ жизнь общественная съ своими установленіями и справами, возвышалась для того, чѣмъ, на хребтѣ своихъ мраморныхъ горъ, вознесши тѣмъ выше чудеса искусства: здѣсь напротивъ, жизнь общественная исчезала, дабы дать просторъ искусству являться и двигаться совершенно одному, безъ границъ и предѣловъ, въ мірѣ, созданномъ собственною его рукою. Перечтете всѣ сочи-

ненія минувшаго вѣка и скажице, если можете, какой политической системы сохраняютъ онѣ печать? Въ нихъ проявляется геній человѣчества, блуждающій въ безпредѣльности, безъ плоти и образа, полкущійся во всѣ края безбрежнаго небеснаго свода, дабы извлечь изъ нихъ, на всѣ лады, вверхъ и внизъ, безформный звукъ вѣчности. Предположимъ, что испорія, которая гремѣла вокругъ, испребилась бы внезапно изъ памяти человѣческой. Никто не зналъ бы ни роковаго числа 89, ни пагубной славы Мирабо. Кровь, дымящаяся на звѣрскихъ рукахъ Конвента, не вопіяла бы попомощу. Чтобы сдѣлались знаменитыя поля Маренго, Ваграма, Лейпцига, Ватерлоо? Могли ли бы рассказать просподушные поселяне, какимъ шумомъ онѣ ушнаны, отъ чего шеперь на нихъ клеверъ шакъ свѣжъ, боярышникъ шакъ густъ, колосъ шакъ тяжель до лѣшняго срока? Никто не сохранилъ бы воспоминанія ни о печаляхъ, ни о радостяхъ, кои въ то время доспавались людямъ. И имя Наполеона, это неслыханное имя, которое само себя начерпало на всѣхъ спѣнахъ, которое преслѣдуетъ и возмущаетъ меня повсюду, въ чащѣ лѣсовъ и на городскихъ перекресткахъ, въ шумѣ листвьевъ и въ ропотѣ волнъ... никто не могъ бы сказать мнѣ, что оно значить, кто носилъ его, ни даже, носилъ ли кто его въ самомъ дѣлѣ! Но, при

пакомъ совершенномъ уничтоженіи всѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, прошедшее не со всѣмъ бы для насъ погибло. Оспались бы поэты, присуществовавшіе при великихъ событіяхъ. Они собрали бы въ свои урны потоки слезъ, намъ неизвѣстныхъ, сохранили въ себѣ образъ временъ, погибшихъ невозвратно; въ ихъ твореніяхъ мы нашли бы слѣды минувшихъ дней празднества и печали, ополоски воллей опчальнія и торжества, кои иначе заперялись бы на вѣки!

Первый человекъ, встрѣчающійся намъ въ сей эпохѣ Германскаго искусства, изобразилъ направление и духъ ея въ высокой эпопее. Самъ не вѣдая того, онъ олицетворялъ, въ двухъ поэтическихъ лицахъ Фауста и Маргариты, два враждебныя гѣнія, коихъ вѣчная борьба составляетъ сущность Германскаго народа: крайнее напряженіе размышленія и крайнюю степень чистосердечія, излишество пышности и излишество младенческой простоты, все богатство знанія, наслѣдованнаго отъ минувшихъ тысячелѣтій, и все спѣдливое невѣдѣніе новаго поколѣнія, которое не вмѣшивалось еще ни въ шумъ, ни въ прихоти испорчи. Сіе характеристическое созданіе можно назвать основаніемъ новаго искусства: оно предобразило въ себѣ новую эпоху творчества. Нужно было, чтобы прикосновеніе волшебнаго жезла какъ бы очаровало на минушу Германскій духъ,

дабы онъ могъ взглянуть на себя съ сей почки зрѣнія и изобразить себя въ подобной эпической формѣ. Хорошо ли это, или дурно? Радоваться ли подобному соспоянію, или съповать? Поэтъ не заботился о томъ: онъ поспроилъ свою чудную загадку въ пущыни и всѣмъ оспальнымъ своимъ произведеніямъ сообщилъ нерушимое спокойствіе и вѣчную неподвижность сфинксовъ, кои окружаютъ его мысль, не объясняя нисколько. Это Гете! На ряду съ нимъ не вопрошайте ни Виланда, ни Гердера! Ихъ спокойствіе гораздо глубже и, если можно шакъ выразишь, гораздо безразсуднѣе: ни одинъ изъ нихъ не носитъ на себѣ слѣда современныхъ печалей и бѣдспвій; можно подумать, что они писали въ дни воспочнаго покоя, въ шѣхъ мирныхъ спранахъ, гдѣ не слышно ничего, кромѣ шороха лиспьевъ пальмы, кромѣ пихаго дыханія въперковъ, шепчущихъ у вратъ священнаго града Дельфы. Посреди сихъ жрецовъ вѣчнаго мира, еспъ однако одинъ, который, кажешя, сосредоточилъ въ одномъ себѣ всѣ муки, всю лпхорадочную шоску своего времени. Посмотри-те на него: онъ объятъ пожирающимъ, неукротимымъ безпокойствомъ; его давитъ ужасная тайна; видъ какой-то бездонной пропасти ниспровергъ и ожесточилъ его мощный геній. Это Шиллеръ! Онъ и самъ не спарался скрывать, что былъ жертвою невѣдомой бури, колебав-

шей землю подъ его ногами. Но только онъ одинъ измѣняетъ себѣ такимъ образомъ. Современники горько упрекали его за то: наслаждаясь сами ясною пищиной, они повсюду ему безпрестанно подъ разными формами: «а мы развѣ на розахъ!» Между тѣмъ, криштика брашъ-съ Шлегелей, наследница криштики Гердера, безспрашная, распочипельная на похвалы, привязанная къ церемоніямъ и обрядамъ, болѣе обширная, чѣмъ глубокая, служила къ возвышенію наружной пышности искусства, ни сколько не заботясь о томъ, что происходило за его пределами, льстя величію его, но не смѣя предсказать съ спрогими, вразумительными совѣтами. Въ то же время, когда во Франціи свирѣпствовалъ всеразрушительный Конвентъ, въ Германіи пробудилось древнее поколѣніе менеспредовъ, которое, за нѣсколько вѣковъ, опочило глубокимъ сномъ вмѣстѣ съ Императоромъ, къ нему принадлежавшимъ, въ древнемъ замкѣ Барбаруссы. Сонъ его продолжался около тысячи лѣтъ: такъ оно было чуждо новому міру! Его спихну соспавляли колесницы фей, очарованные кони, чудныя пищцы, неслыханныя пѣсни, поэзія, болѣе прозрачная и болѣе безпечная, чѣмъ воздушная пурпурно-крылая дѣва на озерѣ Чернаго Лѣса. И вотъ воскресаетъ снова Аріэль поэтовъ, рѣзвый духъ, выковыывающій, своимъ пигмейскимъ молодомъ, алмазы ручейка, бле-

сѣлки песка, кудри солнца, цвѣтны радуги, искры изъ подковъ упряженныхъ коней, волшебный кристаллъ міра, гдѣ отражается весь міръ, земля, звѣзды и твердь, безъ ада—не шу ужасную, безбрежную, нераздѣльную природу, коей всѣ движенія сливаются въ одинъ грозный вопль—но природу въ ея безконечномъ разнообразіи, золотой лучъ, изливающийся въ сладкогласномъ пѣніи, цвѣтокъ, бесѣдующій въ своемъ майскомъ благоуханіи! . . . Эпо Тикъ, Совѣтникъ Тикъ, рѣзвый сильфъ, забавляющій себя и другихъ пылочно игривыхъ обороцовъ, наспоющій буффонъ вселенной, наслѣдникъ сапожника Ганса-Сахса и Мейстер-Зингеровъ, единственный поэтъ существующей эпохи, цвѣтокъ одушевленный, крылатый, разноцвѣтный, вѣчно порхающій, никогда неуловимый, копорый, безъ всякаго опеченя самому себѣ, ныряетъ и блещетъ своими лазурными цвѣтами въ бездонномъ мракѣ Христіанской безконечности! Но и здѣсь искусство довольно ли отчуждало себя отъ современныхъ условій человѣчества? О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Продолжимъ далѣе! Еще оспается предѣлъ, копорый должно перешагнуть: сіи фигуры еще слишкомъ вещественны, слишкомъ обременены матеріею. Надобно, чпобъ онѣ не имѣли ни шѣла, ни формы, ни огня, ни мѣста, чпобы не принадлежали ни къ наспоющему, ни къ прошедшему. Такъ какъ не возмо-

жно было совершенно опдѣляться опъ вселенной, должно было измѣнить ее совершенно. Должна была явиться другая земля, другое солнце, другая луна; въ мечпахъ пворческаго духа, испуленного до нѣкошораго рода неземнаго сумасшесствія, міры новыя, подобно фантомамъ, должны были возникапъ и наполняпъ собой безбрежный океанъ пустошы, упоенный своимъ собшвеннымъ эиромъ. И въ высотѣ невѣдомаго неба, созданнаго сими мечпами, окруженные сіяніемъ невѣдомаго свѣша, ангелы Жан-Поля, должны были проспирапъ свои бѣлоснѣжныя крилѣ, дабы прикрывапъ и задушавъ, ихъ исполнскимъ размахомъ, крики, оглашающіе дѣйсвишельную вселенную!

И пакъ вопъ цѣлая липература, въ коей не слышно ни малѣйшаго опголоска современной общесвиенной жизни! Неоспоримо, чпо съ самыхъ опдаленныхъ временъ древности, испорія искусства предсшавляетъ непрерывныя усилія къ освобожденію генія опъ узъ и формъ дѣйсвишельности. Но только Германія предсшавлено достигнушъ сей крайней степени опшмеченія. Ея характеръ состоиптъ въ постоянномъ спремленіи къ одухопворенію міра. Во всѣхъ возрастахъ своей жизни, она усиливалась, различными средсшвами, осуществивъ великое чудо умсшвеннаго міра, создапъ мысль безъ формы: и только она могла имѣпъ язычесшво

безъ жерпвопріношеній, эпопею безъ чудеснаго, христіанство безъ алтарей; право безъ кодекса, искусство безъ опечесства.

Но сіе напряженіе спиритуализма до самой крайней степени должно было наконецъ породить реакцію. Эта реакція была рѣшена въ шопть день, когда Германія, бросившись въ опчаянную схватку съ Наполеономъ, въ 1813 и 1814 годахъ, приняла дѣятельное участіе въ политическомъ пересозданіи Европы. Съ сей минуты, искусство въ ней должно было также пересоздаться. Великая школа, о копорой мы шеперь говорили, имѣла время совершить все, что ей совершить надлежало. У ней не оспалось болѣе ни одного величественнаго памятника, на лѣсахъ, зашпоеннаго, недокончаннаго. Сама ли она возимѣла сознаніе, что вѣкъ ея кончился, или мысль дѣйствительно dospigла своего предѣла—какъ бы то ни было, она оспановилась, взглянула въ будущность. и тогда обозначилось, что ея нерушимый покой, копорый казался споль возвышеннымъ и великимъ, не удовлетворялъ папріотическому энгузіазму, начавшему измѣрять ея силу. То, что прежде называлось спокойствіемъ, провозглашено было холодноспью; то, что считалось высокимъ одушевленіемъ, шеперь показалось безчувственностью. Не могли проснить ей, что она была шакъ равнодушна къ земнымъ событіямъ, когда

вся Германія претепшала; чпо заранѣе не оппраздновала въ поэпическпхъ созданіяхъ искуспва пу славную эру освобожденія онпъ чуждаго нга, копоруую сыны Тевпона шакъ медлили совершпшь въ испоріи! Веспма несправедливо думашъ, какъ многіе еще увѣрены, чпо Гепе до самой смерпс своей сохранилъ слѣпое благоговѣніе Германіи. Напропивъ, оппозиція, болѣе или менѣе шумная, возникла всюду пропивъ его всемогущеспва. Какъ будпшо при древнемъ Аонпскомъ оспрацизмѣ, крипика, въ сін послѣдніа времена, епедневно повпоряла ему, въ разныхъ выраженіяхъ: »скупно слушапъ, чпо шебя всѣ называюптъ справедливымъ!« И дѣйспвптельно, еще недоспапочно объяснено, какъ безжалоспно сей космогенпческій геній, самъ не желая шого, поппралъ свѣжіа чувспва національнаго энпузіазма, какъ неумолпмо эпша бронзовая рука, сама не помышляя о шомъ, обрывала зеленые лпспья надеждъ на пупп своемъ. Гепе первый далъ Германіи познаніе добра и зла; н сіе познаніе оказадоь шакъ горькпмъ, чпо соопечеспвеннпкп начали упрекапъ его за шо. Холодное безспраспіе, съ конмъ онъ продолжалъ цареспвовашъ въ вѣкѣ новомъ, кппящемъ новыми мыслями и чувспвами, возбуждало въ нпхъ шакое же негодованіе, какпмъ, во Франціи, школы Гжи де Спаль и Шашобріана пресплѣдовали одряхлѣвшее кощунспво Вольпера. Съ какою искренноспіоу н

увлеченіемъ предавались прежде его опытамъ, прочно пакъ пеперь, разочарованные и пресыщенные, боялись быть жертвою същей его. Это не былъ уже юный, мощный геній, при своемъ вступленіи на царство: это былъ не Наполеонъ искусства, основывавшій въ самомъ себѣ права владычества надъ каждою частичкою природы, гдѣ только бурный конь его попрыскалъ своею гривой! Нытъ! Будущность подкопала его могущество: и лучше было умереть поскорѣе, чѣмъ продолжая призракъ изнемогающаго существованія, подъ оскорбленіями, коими насмѣющееся всегда забрасываетъ прошедшее!

Такимъ образомъ искусство Германское, пораженное въ лицѣ своего маслишатаго предсавителя, не могло долѣе опкладывать своего перерожденія: оно поспавило для себя обязанностью сдѣлаться національнымъ; рѣшилось ограничить предѣлами своей родины пошъ безбрежный, неопредѣленный горизонтъ, въ коемъ дошлъ блуждало. Тогда Германія поспавила саму себя цѣлю своихъ изысканій. Ученость брашьевъ Гриммовъ начала раскапывать ея первобытную древность, коей, со временъ Клоппшюка, извѣспень былъ только лживый, шаеправный призракъ. Все измѣнилось. Музыка переспала бышь, какъ во времена Моцарта и Гайдена, повсемѣспнымъ звукомъ, общему гармонію, выливаю-

щелюся съ сѣвера и съ юга, изъ Италіи и изъ Германіи, безмяннѣмъ эхомъ рода человѣческаго, оглашающіеся равно и огъ плеска волнъ на Венеціанскомъ Лидо, и огъ лучей солнца на золотѣ Неаполитанскаго померанца, и съ высокой тѣравы, коей поросли развалины Колизея, и изъ успѣ красавицъ Саламанкскихъ, и съ гипсаръ Севиллы, и съ лимонныхъ деревъ Андалузін, и наконецъ изъ безгласныхъ нѣдръ раковинъ, коими усыпаны берега Дуная. Родилась музыка народная, пуземная, музыка Вебера, Бетховена, Шлора, коей, съ нѣжныхъ лѣтъ дѣтства, слышали рапсодіи, блуждающія по вечерамъ у воротъ города, полупонную мелодію, опъзывающуюся въ народныхъ пѣсняхъ, вздохи, нашептываемыя шумомъ опечеснвенныхъ дубравъ, опголосками родныхъ скалъ, свисомъ вѣпра, пробирающагося сквозь расщелины мшистыхъ стѣнъ древнихъ Рейнскихъ замковъ, завывающаго на распутияхъ Чернаго Лѣса, шумомъ веселья на Эльбѣ, пискомъ Тирольской вольники, спуконней Цыганскаго шамбурина. То былъ смутный, облачный, шуманный хоръ цѣлаго поколѣнія людей, кошорое, послѣ шестидней работы, успѣлось вечеромъ у воротъ дома, воспѣвать свое успокоеніе до утѣра. Тоже должно сказать и о живописи. Греческая школа Винкельма и Геше оспавлена для спаринной Германской школы XIV вѣка. Художники не довольствовались однимъ только заним-

спиваніємъ предметовъ изъ опечистивенной исторіи. Корнеліусъ, славный своими превосходными рисунками Фаусна, не хотѣлъ продолжать только пиршество Нибелунговъ и передѣлывать колдуновъ среднихъ вѣковъ: онъ имѣлъ нужду въ симпатіи, болѣе пышной и глубокой, съ сими героическими временами. Чѣобы вполне посвятившись въ тайны ихъ генія, онъ спарался изучить самыя наружныя средства ихъ и механическіе способы. Энтузіазмъ къ среднимъ вѣкамъ создалъ себѣ въ Минхенѣ новую Сикстинскую Часовню. Испощенное въ идеяхъ и расперявшееся въ формахъ, новѣйшее искусство переплавилось въ масперской спариннаго Германскаго искусства: снова начали изучать фрески древнихъ готическихъ соборовъ, кои съ Реформаціи преданы были забвенію; опчиснили стѣны ихъ и, подъ мрачною нагошою, въ коей онъ представлялись доселѣ, опкрыли новыи невѣдомый міръ древнихъ символовъ, сияющихъ златомъ и пурпуромъ. Это было опкрытие важное. Философическія понятія наспяющей эпохи, въ свою очередь, облеклись суровыми и прозрачными чертами росписныхъ Кельнскихъ оконъ. Безконечное спало укладывавшись тысячами способами въ истощенной рамѣ вѣпхой рѣзбы Ниренбергской. Самыя свѣжія современные идеи охотно прикрывались мокрымъ плащомъ Гольбейна и его вѣковыми цвѣтами. Чѣпо-

бы промчаться непрепятственно чрезъ враждебный спанъ обыкновенности, будущность, подобно Клориндѣ, облеклась въ древніе доспѣхи и сокрыла юность свою подъ пледомъ и наручниками минувшей эпохи. По мѣрѣ увлеченія Германія въ мятежъ внѣшней жизни, искусство въ живописи дѣлало последнее возваніе къ спокойствію и чистосердечію формъ, оплечающихъ памятники среднихъ вѣковъ, подобно какъ Римъ, по мѣрѣ увлеченія своего въ міръ, когда не оспавалось для него извнѣ никакой надежды покоя, при Адрианѣ, усиливался, по крайней мѣрѣ въ ваяніи, найми мирную пищину Египетскихъ гробницъ и Восточныхъ драконовъ.

И вопъ подъ вліяніемъ сей новой эпохи, рождается рыцарская, воинственная поэзія, копорая, въ свою очередь, спремглавъ мечется въ пылъ битвы! Доселѣ жила она уединенною въ своихъ мечтахъ и видѣніяхъ: теперь, подобно Жаннѣ д'Аркъ, покидаетъ таинственное древо фей и мчится, вооруженная, на поле славы. Прощай мирная хижина, прощайте сладкія, чарующія сновидѣнія! Хопите ли видѣть божественную дѣву? Она выпраждаетъ булашнымъ вершеномъ булашныя нити для богатырской кольчуги: ея передникъ наполненъ серебрянными пулями, золотыми шпорами; дѣвственный поясъ раздѣляется въ складкахъ знаменъ; она поетъ

свою брачную пѣснь на оспромѣ лезвѣ булапнаго меча Кернера. Берегись, могучій сынъ Корсики! бросай свой сѣрый мундиръ и прехграничную шляпу! Твой бѣлый конь 'слишкомъ тяжель, пвой алмазная шпага слишкомъ мала! Скорѣе, скорѣе! Спасайся! Воптъ она, вся закованная въ булаптъ, на рьяномъ конѣ, покрытомъ кровавымъ полпомъ, мчинся вихремъ по слѣдамъ пвоинмъ! Не засиживайся на поздно ея брачномъ пиршеспвѣ!..

Такимъ образомъ сіи два года, 1813 и 1814, упивались грозными, героическими пѣснопѣніями. Поэпы преврапились въ Тиршеевъ: они сами скакали въ рядахъ священнаго ополченія Германіи. Одинъ изъ нихъ, фанатикъ Янъ, продолжалъ свои испуленные возгласы даже въ садахъ Пале-Рояля. Эпо не были расчепы обдуманнаго плана: эпо было высшее наипіе папріонизма, раскаленнаго кровавымъ солнцемъ Люцена и Лейпцига! Кпо скажешъ, чпо сей поэзи не доспавадо вешеспвенности? Напронивъ, она была упоена ею! Будучи опголосокомъ собыпій, она служила для нихъ призывною шрубою. Она была вся огонь, вся кровь, вся шумъ, вся дѣйспвіе, вся героизмъ. Пуля, сразившая Кернера, въ то время какъ онъ оканчивалъ свою Пѣснь Меча, довершила огненное крещеніе новаго испуства!

Уланда можно назвапъ Беранже Германіи. Хоппа онъ прикасаешся еще къ эпохѣ, копцую

мы прошли, его вдохновеніе олицетворяется измѣненіемъ характера. Онъ пришелъ поздно, къ вечеру исполинской бипвы, возсоздавшей Германію и Европу. Громы уже смолкли, права высохла, мечъ опочилъ въ ножнахъ, бипва кончилась. Съ вѣрою низитрима онъ явился на молишву передъ концемъ жаркаго дня. Скромный и добродушный при побѣдѣ, онъ подобенъ ангелу Новаписа на бивуакѣ: съ дѣтскою радостію празднуетъ торжество родины, согрѣваясь солнцемъ ея славы, любясь цвѣтами надеждъ ея. И онъ также освѣжаетъ новою зеленью поэтическія воспоминанія древней Германіи; упоеніе народнои гордости облачается въ дупъ его скромною одеждою спаринной баллады; онъ даетъ своимъ радостнымъ изліяніямъ напѣвъ и проспоу среднихъ временъ. Это вассалъ Рудольфа Габсбургскаго, распѣвающій пѣсни подъ дикою грушею, на развалившейся башнѣ своего феодальнаго владыки. И чѣмъ болѣе духъ его приклоняется въ будущность, тѣмъ крѣпче держится онъ за плющъ роднаго гоппического міра. Такимъ образомъ онъ въ поэзіи поже, чшо Корнеліусъ въ живописи. Оба они выражаютъ въ себѣ то тѣсное соединеніе новой жизни съ древними формами, которое составляетъ олицетворительный характеръ современной Германіи.

Замѣчательно, чшо при настоящемъ возро-

Телеск. Ч. XIII.

3

жденіи своемъ, Германія показала сколько предрасположенія къ среднимъ временамъ, сколько напроливъ во Франціи оказано было къ нимъ опшраценія. Здѣсь господствовало энпузіазмъ къ древней священнои Имперіи Карла Великаго, подобно какъ пашъ энпузіазмъ къ новой Имперіи Наполеона. Германская молодежь носила бубли длинноволосыхъ царей Меровеяскаго поколѣнія, почно пашъ какъ во Франціи фіалку Опца Николая. Чпобы сокрыпъ разслабленіе, ппгпопѣвшее надъ ней со временъ Реформаціи, Германія принуждена была возврапппсь къ своимъ среднимъ временамъ. Тамъ народная гордосп ея, въ пышномъ блескѣ Имперапорскаго Двора, могла находипъ для себя ппщу. И вопъ почему, спуспя пысячу лѣтъ, ея обновленная поэзія начала будипъ своихъ древнихъ Опппоновъ въ ихъ вѣковыхъ гробницахъ, почно пашъ какъ современная Французская поэзія будипъ своего мерпвеца, недавно заснувшаго на скалѣ С. Елены!

Наконецъ я долженъ произнесп имя, споль мало извѣспное по сю спорону Рейна и однако споль исполненное силы и мужесппва, чпо не лъзя говорипъ объ немъ безъ одушевленія. Это Геррестъ! Мужъ сей очевидно наслѣдовалъ крѣпоспъ Иракла и мощъ Типановъ. Природа воорушила его для смерпнаго единоборспва со всѣми идеями, началами и мнѣніями. Подобно Испанскому шорeadору, онъ нашелъ въ родномъ лѣсу

дикаго вола Германіи, раздражилъ его ярость, пробудилъ въ немъ всѣ сласы, извелъ его на позорище Европы и, не щадя себя, сражался съ нимъ, во всѣхъ пунктахъ, всякимъ оружіемъ. Скажише, чѣмъ не былъ Герресъ: эпо-спрадалецъ и жерпва панпеизма! Вездѣ, гдѣ под-ламывалось какое-нибудь начало, онъ бросался на его мѣсто, дабы поддержать его и быть раз-давленнымъ его обломками. Онъ обращался съ идеями, какъ рыцари среднихъ временъ съ сиротами и вдовами: бралъ ихъ подъ свой покровъ и защиту, какъ скоро видѣлъ оспа-вленными, поруганными. Онъ былъ и якобин-цемъ и миспикомъ, и буйнымъ проповѣдни-комъ ложной свободы и наконецъ искреннимъ поборникомъ самодержавной власти. Во время возстанія Германіи проливъ Наполеона, увле-каясь неисповѣдомъ азіатскаго папріюизма, онъ кричалъ при вѣроломной измѣнѣ Альзаса общему дѣлу: «сожгите Спразбургъ и не оспав-ляйте ничего, кромѣ шпица его колокольни, во свидѣтельство вѣчнаго мщенія Германіи.» По-спановленія Священнаго Союза нашли въ немъ сначала ожесточеннаго проптивника: крамольный духъ овладѣлъ его неукротимымъ воображеніемъ: онъ воцѣлѣ; демагогомъ и въ продолженіе осмы-лѣнъ былъ спрашивающимъ порядка, воспанов-леннаго въ Германіи. Наконецъ исполнскал сила ума взяла верхъ надъ его освирѣпѣвшею фанпа-

*

зією. Уходившись, онъ увидѣлъ жалкіе плоды того блестящаго призрака, котораго, съ примѣра Франціи, домогался для Германіи. Безпреспанныя смуты, пренія и мятежи, ругавшіеся конституціонною монархіею Людовика XVIII, наконецъ образумили его. Онъ опвергъ съ презрѣніемъ сей ничпожный призракъ, хранящій въ себѣ посполный зародышъ неуспройсхвъ и бѣдспвій. Но чѣмъ замѣнилъ его для Германіи? Спранное, и шѣмъ не менѣе поучительное явленіе! Герресь, разочарованный въ мечпахъ своихъ, возврапился снова къ идеѣ безусловнаго самодержавія, оспященнаго пѣснѣишимъ соединіемъ съ религіею. Каполитическое Первосвященство показалося ему единспвенно способнымъ къ осуществленію сей идеи. Съ того времени, онъ объявилъ войну насполящей Германіи: предаль уголовному суду Реформацию, копорая дала первый знакъ споеволю и самоуправспву, и либерализмъ, довершившій дѣло Реформаци, провозгласилъ религіозное самодержавіе, полипитическій папизмъ, Наполеона, увѣнчаннаго піарою, Лютера, оспященнаго помазаніемъ церкви. Испинное блаженство и испинная свобода, по его мнѣнію, должны соспопль въ дѣтской безусловной покорности сему реличному самодержавію. Таково полипитическое ученіе Герреса, погрѣшающее не сполько въ основаніяхъ своихъ, сполько въ фанпастической формѣ.

Оно ярко отразилось и въ Германской литературѣ. Удивленія достойное чудо, которое вмѣстѣ должно служить важнымъ урокомъ! Такая сила вѣры и инстинкта единовласія, вѣдренный во внутреннѣйшей глубинѣ души человеческой! Сей дерзкій, мятежный, неукротимый духъ, сей грозный Аппиала умсвиеннаго міра, потрясавшій въ своихъ основаніяхъ царство идей, преклоняется предъ Вапиканомъ, лобызаешь Крестъ и повергается въ смиренномъ благоговѣніи къ подножію Престола!

Изъ всѣхъ прозаическихъ писателей Германіи, Герресь, можешь быть, болѣе всѣхъ имѣетъ въ себѣ чисто Германскаго, безъ всякой чуждой примѣси. Въ Гете можно находить прозрачную ясную Вольтера, въ Гердеръ спокойствіе Бюффона. Вожди сей школы спарались всячески умѣришь, посредствомъ искусства, преизбыточествующую роскошь ихъ дѣеспвеннаго языка. Герресь напротивъ есть первый изъ тѣхъ, кои усиливаются всѣми мѣрами еще болѣе возвысить его грубую независимость. Увлекался идиомомъ неукротимымъ, съ коимъ не можетъ справиться, онъ мчится бурнымъ вихремъ, подобно Байронову Мазетъ, до тѣхъ поръ, пока вшоргается въ распрепанную чащу преданій, окружающихъ колыбель его народа. Это Жан-Поль знанія и философіи: его языкъ подобенъ безпорядочному прозябанію первобытныхъ дубравъ, гдѣ

все расплетъ и все умираетъ, гдѣ взгромождены другъ на друга и сѣдые пни въковыхъ дубовъ и однодневныя былинки, кои муравей попираетъ своею ногою, основы крокодиловъ и змѣй, клювъ сипараго орла и коспи исчезнувшихъ поколѣній. Когда языкъ, разобузданный такимъ образомъ, долженъ выражать понятія и потребности современной гражданственности, ничто не можетъ сравняться съ бессильною неловкостью сего испанскаго глагола. Но когда Герресь обращаетъ его, какъ бываетъ почти всегда, къ героическимъ временамъ рода человеческого, тогда онъ производитъ изумительное дѣйствіе. Сей языкъ, весь изъ одной глыбы, смущенный, глухой, нераздѣльный говоръ народа идей, ропотъ громаздящихся другъ на друга, мало по малу облекается въ плѣло, распрямляется, выплывается. И вопль, почти гибкій и прозрачный, спремится въ высоту, вызывается себя по образцамъ величественныхъ памятниковъ голическаго зодчества. Не ломаясь, не обрываясь нигдѣ, онъ увѣнчивается себя при каждомъ словѣ украшеніями и арабесками; вкореняется вездѣ; всюду вѣдряется; всюду разпускается на несмысленныя листья; вяжется въ снопы надъ своими колоннами; ползетъ; спускается; воздымается снова, не переводя духа, не останавливаясь нигдѣ; и, когда такимъ образомъ создается изъ себя памятникъ, весь изъ одного кам-

ня, почпимъ изъ одной фразы, мысль испоргаепся изъ него, яркая и шумная, подобно эху, извлекаемому изъ высокихъ сводовъ мрачнаго готическаго собора.

Воспишанный философіею Шиллинга, Геррестъ приложилъ ее къ исторіи, шакъ какъ Окенъ къ наукамъ еспешивеннымъ. Онъ пославилъ цѣлю своихъ трудовъ собраніе всѣхъ преданій міра. Но его исторія воспочныхъ религій, не смошря на безмѣрную обширность изысканій, еспъ болѣе дѣло шворческаго искусства и поэпическаго гаданія, чѣмъ науки. Я не знаю книги, копорая былабъ болѣе исполнена роскошнаго упоенія природой. Это шоржеспивенное шеспвіе Индійскаго Вакха, несущаго въ рукъ виноградную киспъ, снѣпую съ лозы безконечнаго. Каждое изъ богослуженій первобытной Азіи предспавляешся здѣсь, въ свою очередь, подъ покровомъ и фізіономіею своего климата. Между ними, однѣ скачуптъ, воспламененныя въ своихъ гимнахъ, выѣсптъ съ львицами Ирана; другія пресмыкающіяся, унылыя и пещерныя, подобно зміямъ Абиссиніи; шрешья празднуютъ неподвижную суббощу вѣчноспи въ сфинксахъ и канопяхъ Нила. Это не воспокъ упренній и простодушный, воспашающій съ ложа своего, подобно младенцу въ первую ночь вселенной, и зовущій своего вѣчнаго опца. Это воспокъ переплавленный, преображенный, воспокъ ученый, возбужденный изъ своей

могилы, дабы опыскапъ изъясненіе своему дѣшспву въ спароспи, Оивамъ въ Александріи, колыбели во гробѣ. Всѣ сіи младенчеспвующія религін, наслѣдующія другъ другу чрезъ ряды сполѣпій, образуяптъ какъ бы безконечную процессію, шеспвующую на одно великое празднеспво, воспѣвающую, успами народовъ, единое »осанна!« въ безмѣрной базиликѣ Азіи. О какое чудное зрѣлище предспавляется подѣ безбрежною лазурью небесъ Индіи и Персіи, когда сіи колоссальныя имперіи воздѣваюптъ руки и преклоняюптъ колѣна въ своихъ развалинахъ; когда Вавилонъ возлагаептъ злапую шіару на чело свое; когда Бактра попрысаептъ на вершинахъ горъ своею алмазною кадильницею; когда Египесптъ подѣ своимъ гранипнымъ бадахиномъ возсѣдаептъ для измѣнія ппхой молишвы, когда Хаддея сышлесптъ вокругъ себя полными руками боговъ; подобно какъ нынѣ юныя дѣвы усыпаюптъ майскими цвѣпами пупъ священной процессіи! Смоприпе! Сіи блуждающія религін благословляюптъ на воспопкъ прагъ, чрезъ копорый вспупаептъ въ жизнь родъ человѣческій. Умолкните плаинспвенныя ппицы, гнѣздящіяся на обелискахъ Нила! Умолкните единороги Евфрапа! Грідесптъ Агнесптъ Божій! Іудея, гдѣ онѣ закалаептся въ жерпву, сама оканчиваептъ собою великое жерпвоприношеніе младенчеспвующаго міра: оно зсосожитаептся на своемъ Ливанѣ! И шеперь празднеспво Азіи кон-

чилось! Ниневія и Вавилонъ, гдѣ ваши запо-
нканья одежды, запошвейные нарамники!
Экватана и Персеполь, гдѣ ваши пурпурныя
мантіи, алмазныя мишры? Воспочное упрѣ по-
родило день, коего сіяніемъ наслаждающся всѣ
концы вселенной!

Природа, образовавшая на сѣверѣ обширный
горизонтъ Германіи; дабы новыя народы могли
въ немъ свободно препираться между собой, по
видимому, желала, чпобы сей горизонтъ слу-
жилъ вмѣстѣ поприщемъ для великаго испы-
нанія мнѣній и идей человѣческихъ. Пока уче-
нія и сислемы, кои шеперь борющся въ ней другъ
съ другомъ, только чпо начинали роспи, юныя
и несварливыя, пребуя для себя не много мѣ-
сца, до шѣхъ поръ онѣ жили согласно. Тогда
пріятно было видѣть ихъ двигающимися и раз-
вивающимися совоюно. Но по мѣрѣ возраспа-
нія и созрѣнія, каждая изъ нихъ возимѣла свои
прихоты, начала дѣйствовать самобытно, само-
правно. Въ сей спранѣ мира и пишины, шеперь
слышенъ только прескъ вѣрованій и сислемъ,
подкапывающихъ другъ друга, рукопашный бой
идей, громъ обрушивающихся теорій, спукъ
діалектическаго оружія докпоровъ и филосо-
фовъ, дерущихся на смерть. Каполицизмъ обез-
оруженъ пропеспанцизмомъ, пропеспанцизмъ
піэпизмомъ, піэпизмъ раціонализмомъ. Эпо ро-
ковый, закланный кругъ, начертанный на пескѣ,

изъ копорого невозможно сдѣлать шагу, не вспрыпывъ гибели. Слава Шиллера обращается пропивъ славы Гете. Философія Гетеля убиваетъ философію Шеллинга. Шеллингъ быть убійцею своего учителя. Всѣ мнѣнія человѣческія какъ будто назначили себѣ здѣсь общее свиданіе, словно въ новой Александріи, дабы развились во всей полноцѣ и, до-сигнувъ послѣдняго края зрѣлости и могущесства, вспунили въ смертный бой между собою, чшобы распознать удобнѣе другъ друга въ своихъ обломкахъ. Выведенное до самаго крайняго верха, зданіе спиритуализма Германскаго разрушается тихо, безъ шума. Съ своихъ вспыхъ зубцовъ, оно размешиваетъ прахъ свой на всѣ чешыре въпра, прахъ не смерти, а жизни, не маперіи, а мыслей, прахъ идей, копорыя новый демиургъ соберетъ въ свою могучую длань, дабы выѣлишь изъ нихъ новый міръ знанія, дѣятельности и искусства!

Либераторная школа, образующаяся нынѣ, такъ еще нова, что не возможно судить объ ней. Она болѣе замѣчательна своими антипатіями, чѣмъ привязанностями, болѣе намѣреніями, чѣмъ дѣлами. Поприще ея начинается разочарованіемъ и сапирою. Одно изъ главнѣйшихъ ея попеченій, показать, что она умѣла освободиться отъ предразсудковъ, можетъ дѣйствовать сама собою. Это энтузіазмъ, копорый, об-

манувшись въ своихъ вѣрованіяхъ, обращается пропивъ себя и ругающа самымъ собой. Эпоха холодная и спрошивая, когда жизнь подспрекаетъ себя къ дѣйствію осмѣяніемъ себя самой! Не упоминаемъ объ испугленномъ ожеспоченіи Берне. Вольфгангъ Менцель, корифей современной Германской брѣники, исполненъ саркастической желчи: эпо нивелировщикъ либературный, копорый первый поколебалъ всемогущество Геше. Гейне, въ своихъ картинахъ современной Германіи, издѣвается, съ совершенно Французскимъ легкомысліемъ, надъ увядающимъ просподукшимъ своей родины: пуща и рѣзвась, подобно ребенку, онъ подливаетъ яду въ чашу, изъ коей пьютъ вѣшій издыхающій вѣкъ. Прикованная къ шуму дневныхъ событій, школа сія не имѣетъ того высокаго безкорыстія, коимъ отличалась предыдущая династія художниковъ; и, подобно народному пѣнію, копорое повпоряется успами всѣхъ, современное искусство Германское раздѣляется между полною безчисленныхъ, безименныхъ поэтовъ.

III.

ДВѢ ВСТРѢЧИ.

§ 1.

ОЧАРОВАНІЕ.

Г. де Верденъ, старый Наполеоновскій офицеръ, котораго во время Восстановленія получилъ большое сословіе, пріѣхалъ провести лѣто въ Версали, гдѣ имѣлъ загородный домъ, лежащій между церковью и Монпрельской заставою, на дорогѣ въ Сен-Клу. Служба при дворѣ не позволяла ему учредить свое всегдашнее пребываніе въ деревнѣ, ему принадлежавшей.

Сей домъ, построенный некогда для приближеннаго любовнымъ забавамъ какого-нибудь вельможи, имѣлъ обширныя принадлежности: его сады простирались равно влѣво и вправо, дабы опдалась его равной длиною сѣнѣ, какъ опъ первыхъ Монпрельскихъ домовъ, такъ и опъ хижинъ, построенныхъ вблизи заставы. Такимъ образомъ хозяева, не будучи совершенно одиноки, наслаждались, въ двухъ шагахъ опъ города, всѣми пріятностями уединенія. По слухамъ проповѣдчию, фасадъ дома и подъѣздъ были со стороны улицы; но, быть можетъ, сперва улица сія была мало посѣщаемая. Эта догадка, кажется, вѣроятною, если вспомнить, что она оканчивалась у павильона, построеннаго Людовикомъ XV для

дѣвицы Романсъ, и чпо, не доходя до него, взорамъ любопытныхъ встрѣчаеяся множество подобныхъ убѣжищъ, коихъ внушительность и украшенія изобличаютъ благоразуміе нашихъ дѣдовъ въ наслажденіяхъ, кои, не смотря на общую молву о ихъ распущенствѣ, любили однако скромность и тайну.

Однажды въ зимній вечеръ, Г. де Вердень, его жена и дѣти, находились одни въ пустомъ домѣ. Ихъ люди опущены были въ Версаль на свадьбу одного изъ нихъ. Полагая, что праздникъ Рождества Христова, въ соединеніи съ симъ обшественельствомъ, будетъ для нихъ доспапочнымъ извиненіемъ предъ господами, они заправдновались долѣе, нежели сколько позволялъ домашній порядокъ.

Однако ослушники танцовали не безъ умышленій совѣсти, по прошествіи срока, назначеннаго для возвращенія домой; ибо Г. де Вердень извѣстенъ былъ за человека, который никогда не забывалъ исполнять даннаго обѣщанія съ неизмѣнной точностію. Десять часовъ пробило, а ни одинъ изъ нихъ не возвращался.

При глубокомъ молчаніи, царствовавшемъ въ окружности, слышно было только, время отъ времени, завываніе ночнаго вѣтра между черными вѣтвями деревь, который гудѣлъ вокругъ дома или врывался въ его длинные коридоры. Морозъ такъ очистилъ воздухъ, такъ ошвер-

днѣ землю и охватилъ москвовую, что все имѣло ту сухую звучность, копорая такъ изумительна зимою: тяжелая походка запоздалого пьяницы или спукъ фіакра возвращающагося въ Парижъ звонче опзывались и далѣе были слышны, чѣмъ обыкновенно. Мерливые листья, пускавшіеся словно въ пляску отъ внезапныхъ порывовъ вихря, дрожали на камняхъ, коими дворъ былъ вымощенъ, и сообщали говоръ ночи, когда она опредѣляла себя на безмолвіе. Коропко, эпо былъ одинъ изъ тѣхъ суровыхъ вечеровъ, кои вырываютъ у нашего эгоизма бесполезное сосраданіе о спранникѣ или о безпріютномъ бѣднякѣ и когда каминный огонекъ бываеиъ для насъ такъ пріятенъ.

Въ эпо время все семейство Верденъ находилось въ госпниной и не беспокоилось ни объ опсупсиви служившелей, ни о бездомныхъ людяхъ, ни о поэзи, копорой дышашъ зимніе вечера; не умишвуя понапрасну и довѣрясь покровишельству спараго воина, оно предавалось той неизчерпаемой сладости, копорою такъ богата семейственная жизнь, когда чувшва въ ней не связаны, когда дружелюбіе, опкровенность и нѣжность, одушевляющъ взоры, разговоры, игры.

Полковникъ сидѣлъ, или лучше сказать, былъ погруженъ въ высокихъ и проспорныхъ креслахъ, подлѣ камина, гдѣ пылалъ огонь, разливая ту опсрую, проникательную шеплошу, копорая

всегда бываетъ признакомъ большаго наружнаго холода. Прислонивъ къ спинкѣ кресель слегка наклоненную голову, добрый отецъ оспавался въ самомъ безпечномъ положеніи, выразившемъ совершенное спокойствіе, сладкую полношу сердечной радости. Его руки, небрежно сброшенные съ кресель и въ половину усыпленные, довершали выраженіе его счастья.

Онъ смотрѣлъ на меньшаго изъ дѣтей своихъ, на мальчика лѣтъ пяти, полураздѣлаго, котораго не давался мащери, хопѣвшей его раздѣль совершенно. Малышка бѣгалъ опѣ ночнаго чепца и рубашки, которыми мащ изрѣдка грозила ему; все еще въ своей шипой манишкѣ, онъ смѣялся, когда мащ клкала его, замѣчая, что и сама она также смѣется его дѣпской непокорности. Тогда онъ снова принимался играть съ сеспрою, сполькоже невинною, какъ и онъ, но болѣе рѣзвою и говорившею лучше, чѣмъ онъ, коего неясныя слова и спутанныя мысли были едва понятны самимъ родителемъ. Маленькая Моина, старше его двумя годами, возбуждала своими, уже опчаспи женскими, задирками безконечныя смѣхи, которые вдругъ раздавались, словно прескучая ракета, и, казалось, безъ всякой причины. Но види ихъ обонхъ, какъ они капались передъ огнемъ, показывая безъ всякаго стыда свои маленькія пухленькія рученки и ноженки, шаки бѣленькія и шаки нѣжныя, смѣшивая букли

своихъ черныхъ и бѣлокурыхъ волосъ, спалкиваясь своими розовыми личиками, въ конхъ радости изваяла прелесныя ямочки, разумѣлся, ошець, а еще болѣе машь, понимали эти маленькія рѣзвощи. Сии два существа, яркими цвѣшомъ своихъ влажныхъ глазъ, блестящихъ щекъ, алебаспровой кожи, помрачали цвѣшны мягкаго ковра, бывшаго шеапромъ ихъ побоища, на копоромъ они безъ вреда падали, верпѣлись, боролись и капались.

Сидя на спулѣ, по другую спорону камина, прошивъ мужа, машь, окруженная разбро-санными плашьями, оспавалась съ краснымъ башмакомъ въ рукѣ, въ самомъ небрежномъ положеніи. Ея нерѣшипельная спротоспъ исчезала въ улыбокѣ, начерпанной на успахъ ея. Ей было около шпридцати осьми лѣтъ; но она сохраняла еще свою прелеспъ, опть рѣдкаго совершенства черпъ лица, коимъ огонь, свѣшъ и счастье, придавали въ шу минушу блескъ нееспешвенный. Часпо она переспавала смопрѣшь на дѣшей и обращала ласкающіе взоры на важное и могучее лице мужа. Иногда глаза обоихъ супруговъ вспрѣчались и они размѣнивались безмолвными наслажденіями и глубокими мыслями.

Лице Полковника было очень смугло. Его широкой и гладкой лобъ прорѣзывался нѣсколькими прядями волосъ съ просѣдью; красный бан-

пикъ блиспалъ въ пепелищѣ его фрака; и мужественный огонь голубыхъ глазъ, храброспъ, начерпанная въ морщинахъ поблекшихъ щекъ, говорили, что тяжкіе и славные труды dospавили ему сей знакъ оплнчія. Въ это время невинная радость дѣшей отражалась на его мужественной и бодрой физиономіи, въ коей проглядывали невыразимое просподушіе и искренность. Сей сипарый воинъ безъ особенныхъ усилий сдѣлался снова ребенкомъ: ибо у солдатъ, которые испытывали свѣтъ и жизнь, которые научились знатъ и бдспвіи, неразлучныя съ силою, и преимущества, принадлежація слабости, всегда спавшся особенная любовь къ дѣтскому возрасту.

Далѣе у круглаго стола, освѣщеннаго лампами, коихъ яркій свѣтъ сражался съ болѣе блѣднымъ мерцаніемъ восковыхъ свѣчъ, поставленныхъ на каминѣ, сидѣлъ мальчикъ лѣтъ принадацати, занимаясь чпеніемъ полспой книги, коей листы быспро переверпывалъ. Крикъ сесспры и брапа ни сколько не развлекалъ его. На лицѣ у него изображалось все любопытспво юности. Это глубокое занятіе оправдывалось привлекательными чудесами Тысячи Одной Ноци и мундиромъ Лицея. Онъ былъ неподвиженъ, въ положеніи глубокаго размыпленія, облокочившися на столъ и склоняся головой на руку, коей бѣлые пальцы рѣзко пробивались межъ черныхъ

волось. Свѣтъ падалъ прямо ему въ лице, а весь корпусъ находился въ тѣни: онъ походилъ на тѣ темныя порфирѣны, въ коихъ Рафаель изображалъ самъ себя, внимательнымъ, наклоненнымъ, помѣщающимъ о будущности.

Между сѣмъ споломъ и Госпожею де Верденъ, прекрасная и высокая молодая дѣвушка шла въ пальцахъ, по наклоняясь, по снова опадаясь опъ нихъ головою, коей черныя, какъ смоль, волосы, искусно приглаженные, отражали свѣтъ огня яркимъ глянцемъ.

Одна Елена сама собою составляла уже прекрасное зрѣлище. Ея красота отличалась рѣзкимъ выраженіемъ силы и изящества; волосы, хотя приподнятые шпъ, что должны были обрисовываться рѣзкими черпами лобъ, были сплошь густы, что вопреки гребню, вились энергически близъ шеи. Ея брови, довольно густыя и правильно образованныя, ярко рисовались на блѣднѣющемъ челѣ. Верхняя губа отличалась даже нѣкопорыми признаками мужества, образующими легкую тѣнь внизу Греческаго носа, коего контуры имѣли отличное совершенство. Но плѣнительная округлость формъ, опккровенное выраженіе другихъ чертъ лица, прозрачность нѣжнаго румянца, сладостная мягкость губъ, овальный очеркъ лица и въ особенности свѣтлость дѣвственнаго взора, растворяли сію мужественную красоту женскою прелестью,

сообщая ей ту очаровательную скромность, коей ищемъ мы въ сихъ ангелахъ мира и любви. Только ничего слабаго не замѣтно было въ сей дѣвушкѣ; ея сердце было также нѣжно и душа также сильна, какъ величественны были пропорціи и фигура привлекательна.

Подражая молчанію своего брата Лиценсия, она, казалось, была добычею одной изъ шѣхъ роковыхъ дѣвическихъ думъ, кои споль часно ускользаютъ отъ наблюдательности ощица и даже отъ прозорливости маперн; шакъ чпо невозможно было узнать, игрѣ ли свѣта или тайнымъ спраданіямъ должно было приписать тѣ своенравныя шѣни, кои, подобно облакамъ на ясномъ небѣ, пробѣгали по лицу ея.

Двое спарипихъ дѣшей были въ то время совершенно забыты Г. и Гжею де Верденъ. Между тѣмъ много разъ испытующій взоръ Полковника обнималъ безмолвную сцену, кошорая на впоромъ планъ представляла желанное осуществленіе надеждъ, предображавшихся въ дѣшской сумашохъ на первомъ планѣ семейной карпины. Изображая человѣческую жизнь въ нечувствительныхъ општѣнкахъ, сін фигуры составляли родъ живой поэмы; а роскошь побочныхъ принадлежностей, украшавшихъ залу, разнообразіе положеній, противоположности, образующемыя одеждами, пѣспрѣвщими отъ разнообразія красокъ, и коншраспы, созданныя выра-

*

женіемъ сихъ лицъ, споль рѣзко опылчавшихся другъ опъ друга пономъ, ярко печатлѣмымъ различными возраспами и округлоспями, опливзвыпими на свѣпъ, разливали на сіи одушевленныя спраницы человѣческой природы всѣ богатспва скульпшуръ, живописи, поэзи. . . Наконецъ безмолвіе и зима, уединеніе и ночь, сообщали свое птаинспвенное величіе сей высокой и просподуцной карпинъ, прелеспнѣйшему созданію природы!

Въ супружеской жизни бываюпъ священныя минушы, невыразимою прелеспию коихъ, можепъ быпъ, одолжены мы воспоминанію о лучшемъ мірѣ. Небесныя лучи разливаюпся на подобныхъ минушахъ, предназначенныхъ уплашипъ намъ частъ нашихъ спраданій, примирипъ насъ съ жизнию. Тогда, кажешя, міръ, въ очаровательной шкани, распшлаетъ передъ нами великія идеи порядка, ходатайспвуешъ за законы, за общеспво, и изобличаетъ предъ нами будущность.

Однакожъ не смотря на прогашельныя взгляды, бросаемыя Еленою на Авеля и Моину, когда раздавалась ихъ шумная дѣшская радость, не смотря на счастье, свѣплѣвшее на ясномъ лицѣ ея, когда она украдкою спопрѣла на опца, въ ней замѣпно было чувспво глубокой меланхоліи, напечатлѣнной въ движеніяхъ, въ положеніи, и особенно въ глазахъ, осѣненыхъ длинными рѣсницами. Ея бѣлыя, мощныя руки, сквозь копорыя проходила свѣпъ,

сообщая имъ прозрачный и почти эфирный румянецъ, ея руки—дрожали!.. Однажды только, не вызывая другъ друга, глаза ея и Гжи де Вердень встрѣпились; тогда эти двѣ женщины поняли другъ друга, взоромъ пушклымъ и холоднымъ, почтительнымъ у Елены, мрачнымъ и грознымъ у мапери. Елена быстро опустила глаза свои на пальцы, проворно выдернула иглу и долго не подымала головы, которая, казалось, сдѣлалась для ней слишкомъ тяжелымъ бременемъ.

Мапъ была ли слишкомъ строга для дочери и находила строгость свою нужною?.. Или, можетъ быть, она завидовала красотѣ Елены, съ кой могла еще соперничествовать, но не иначе какъ прибѣгая къ очарованіямъ шуалепа?.. Быть можетъ, дочь, какъ и всѣ дочери, когда онѣ становились проницательными, свѣдала какую-нибудь тайну, которую мапъ ея, по видимому, споль усердно преданная своимъ обязанностямъ, считала погребенною въ своемъ сердцѣ, какъ въ могилѣ?.. Какъ бы то ни было, но, съ нѣкотораго времени, Елена сдѣлалась болѣе набожною, болѣе погруженною въ себя, чѣмъ въ нѣ дни, когда, рѣзвая и безпечная, просилась на балы; и никогда не была она такъ ласкова къ опцу, какъ теперь, особенно когда Гжа де Вердень не была свидѣтельницею ласкъ молодой дѣвушки...

Не смотря на то, если въ привязанности Еле-

ны къ мапери находилось нѣкопорое охлажденіе, по оно выражалось пакъ шонко, чпо Полковникъ не могъ шого замѣппшъ, сколько ни былъ ревнивъ къ согласію, царспвовавшему въ его семьѣ, въ коемъ полагалъ всю свою славу. Никпо не могъ имѣшъ сполько зоркоспи, чшобъ измѣришъ глубину эппхъ двухъ женскихъ сердець: одно было молодо и великодушно, другое чувспвипельно и гордо; первое богато снисходительностію, второе полно шонкоспи и любви. Если мапъ подавляла дочь искуснымъ деспонизмомъ, по это было чувспвипельно одной ея жерпшѣ. Впрочемъ шолько послѣдспвія могли родишъ сіи неразрѣшимыя предположенія. До сей ночи, никакой обвинипельной искры не вырывалось изъ ихъ душъ; но между ними и Богомъ конечно воздымалась какая нибудъ зловѣщая пайна...

— » Полно, Авель! « вскричала Гжа де Вердень, пользуясь минуною безмолвія и успалоспи, въ которую Моина и брапъ ея спояли неподвижны; » полно, поди сюда, сынъ мой, пора спать... «

И кинувъ на него повелительный взглядъ, она взяла его быспро на колѣна...

— Какъ! сказалъ Полковникъ, уже одиннадцатъ съ половиной, а никпо не возвратилсѣ! Каковы молодцы?.. Гуспавъ, продолжалъ онъ, обращѣсь къ сыну, если тебѣ оспается прочесшъ не много, дочитай свою сказку; еспкжъ

нѣтъ, шакъ въ дорогу! Поди спать, другъ мой. Завтра намъ надобно сдѣлатьъ пять миль, а какъ мы должны быть въ Лицеѣ въ восемь часовъ, то не надо шумить съ приврашникомъ...

Не показывая ни малѣйшаго вида неудовольствія, Гуспавъ закрылъ книгу въ ту же минуту, съ покорностію вмѣстѣ спрадапельною и разумною, показывавшею, какую власъ Полковникъ имѣлъ въ своемъ домѣ.

Послѣдовала минута молчанія, въ копорую Г. де Верденъ, взявши Моину, еще сражавшуюся со сномъ, тихо положилъ ее на себя: тогда колеблющаяся головка малюпки упала на грудь отца; и она заснула, совершенно закрывая золотыми кольцами прекрасныхъ волосъ своихъ.

Въ это время ужасно быстрые шаги раздались на улицѣ, по землѣ, и вдругъ при удара въ дверь пробудили эхо въ домѣ. Снѣ удары были краснорѣчивы и выразипельны, какъ вопль умирающаго. Спорожевая собака залаяла съ бѣшенствомъ. Елена, Гуспавъ, Полковникъ и жена его вздрогнули; но Авель, копоратаго голову убирала масть, и Моина не проснулись.

— Ну! эшонтъ спѣшнѣтъ, кажется! вскричалъ онъ, кладя дочь свою въ кресла. Онъ быстро вышелъ изъ комнаты, не слыхавъ просьбы жены: «другъ мой! не ходи пожалуй-спя!...»

Г. де Верденъ пошелъ въ свою спальню, взялъ пару писпосеповъ, зажегъ пошайной фонарь,

бросился на лестницу, сбѣжалъ по ней съ быспрошю молніи и скоро очутился у двери дома.

» Кто здѣсь? « спросилъ онъ.

— Отворише!.. отвѣчалъ голосъ, почти удашаемый частымъ прерывистымъ дыханіемъ.

» Другъ ли? «

— Другъ!

» Одни ли вы? «

— Одинъ... но отворише... они идутъ! они идутъ!..

Едва Полковникъ успѣлъ не много распахнуть дверь, какъ кто-то проскользнулъ въ нее съ фантасмическою быспрошю шѣни; и прежде нежели Г. де Вердень могъ ему вопрошивишься, незнакомецъ принудилъ его опустити дверь, толкнувъ ее сильно ногой, и оперся на нее, какъ будто желая воспрепятствовать отворити ее снова. Тогда Г. де Вердень, поднявъ въ одно время и пистолетъ и фонарь къ груди незнакомца, дабы удержати его въ должныхъ границахъ, увидѣлъ человека средняго роста, закутаннаго въ шубу, широкую и длинную, похожую на одежду спарика, но копорая, казалось, совсѣмъ не по немъ была сдѣлана. По оспорожности или случайно, лобъ бѣглеца былъ совершенно закрытъ надвинутю на глаза шляпою.

— Государь мой, сказалъ онъ Полковнику, опустити пистолетъ вашъ. Я не намѣренъ оспа-

вапсья у васъ безъ вашего согласія; но если я опшюда выду, смерпъ ожидаетъ меня у заспа-вы... И какаа смерпъ!.. Вы будете опвѣчать за нее Богу!.. Я прошу у васъ госпепрїимспва на два часа. Подумайте объ эпомъ хоропенько, государь мой: ибо хопя я теперь и умоляю васъ, но буду наконецъ принужденъ повелѣтъ со вѣтъ деспотизмомъ необходимости... Я прошу у васъ госпепрїимспва Аравїйскаго... Да буду я для васъ сваяпынею!.. Еслижъ нѣпг... то мнѣ оспается идти на смерпъ... Мнѣ нужна пайна, убѣжище и вода!.. О! воды, воды!.. повпорилъ онъ хриплымъ голосомъ.

«Кпо вы шаковы?» спросилъ его Полковникъ, удивленный бѣглоспю рѣчей незнакомца.

—А!.. кпо я шаковъ?.. шакъ опворише! я иду!.. опвѣчалъ сей послѣднїй съ адскою иронїею.

Не смопря на искуспво, съ коимъ Г. де Верденъ направлялъ лучи своего фонаря, онъ могъ увидѣтъ только нижнюю часпъ лица своего госпя; и ничпю въ немъ не ходапайспвовало въ пользу госпепрїимспва, споль спранно испрапшаемаго. Его щеки были багроваго цвѣпа и дрожали; черпы лица ужасно искороблены; глаза горѣли въ пѣни, опброшенной шляпою, словно пламенники, предъ коими блѣднѣлъ слабый свѣтъ фонаря.

Однакожъ надобно было опвѣчать.

«Милоспивый Государь!» сказалъ Полковникъ:

«ваши слова показываютъ человѣка хорошаго общеслива; но на моемъ мѣстѣ, вы бы!» ..

— Вы располагаете моею жизнію! вскричалъ незнакомецъ ужаснымъ голосомъ, прерывая своего хозяина.

«Два часа!» сказалъ въ нерѣшимости Г. де Верденъ.

— Да, два часа только! повпорилъ незнакомый. Но вдругъ онъ оппояснулся назадъ свою шляпу съ выраженіемъ опчаянія и, какбы желая сдѣлать послѣднее покушеніе, бросилъ на хозяина взоръ, коего яркій блескъ проникъ въ душу Полковника. Эпипсъ внезапный просверкъ воли и разумѣнія походилъ на молнію и былъ разительнѣе, какъ громъ; ибо есмь минуны, когда люди облакаются неисповѣдимымъ могущесствомъ.

«Взойдите, кпо бы вы ни были!» сказалъ важно хозяинъ дома, покорснвудя одному изъ пѣхъ инстинктуальныхъ влеченій, въ коихъ человѣкъ не всегда умѣетъ дать себѣ опчетъ: «вы будете безопасны подѣ моимъ кровомъ.» ..

— Богъ васъ наградишь! промолвилъ неизвѣстный, испуская глубокій вздохъ. ..

«Вооружены ли вы?» спросилъ Полковникъ.

Вмѣсто оппыта незнакомецъ быспро распахнулъ и запахнулъ опянь свою шубу, давши ему бросишь одинъ только взглядъ на себя. По види-

мому онъ былъ безъ оружія, въ коспномъ молодого человека, только что покинувшего балъ.

Какъ ни былъ скоръ осмопръ, сдѣланный недоверчивымъ воиномъ, онъ однако увидѣлъ сполько, что вскрикнулъ невольно:

«Гдѣ, чортъ возьми, могли вы шакъ испачкаться въ шакое сухое время?»

— Уже распросы? опвѣчать незнакомецъ съ надменноспію.

«Слѣдуйте за мною!» сказалъ Г. де Вердень.

Они сдѣлались безмолвны, какъ два игрока, вызывающіе на бой другъ друга.

Полковникъ начиналъ уже имѣть зловѣщія предчувствія; неизвѣстный пятошилъ его сердце, какъ привидѣніе: но данная клятва взяла верхъ; онъ повелъ госпія по корридорамъ и лѣспницамъ своего дома и ввелъ въ большую комнашу вѣпораго эпажа, надъ самою госпиною. Она была необипаема и служила зимою вмѣсто сушильни, не сообщалась ни съ какою другою комнашою, не имѣла другихъ украшеній на пожелпѣвшихъ спѣнахъ своихъ, кромѣ одного негодного зеркала, оспавленного прежнимъ владѣльцемъ на каминѣ, и еще другаго, которое, не годясь при обзаведеніи Г. де Вердень, было оспавлено про запасъ на прошивъ камина. Полъ эпаго обширнаго чердака не былъ подмешень; воздухъ былъ холодець; и

всю мебель его составляли два развалившіеся спула.

Поспавивъ фонарь свой на успутъ камина, Полковникъ сказалъ незнакомцу:

«Ваша безопасность пребуеть, чпобъ эпа негодная комнапа служила вамъ убъжищемъ... И какъ я вамъ далъ слово храниль шайну, то вы позволите мнѣ запереть васъ здѣсь.»

Неизвѣстный наклонилъ голову въ знакъ согласія.

—Я просилъ только убъжища, шайны и... воды! прибавилъ онъ.

«Сей часъ принесу» отвѣчалъ Г. де Вердъ.

Попомъ щцапельно затворивъ дверь, онъ ощупью вошелъ въ госпиную и взялъ свѣчу, чпобъ самому доспапъ въ буфетѣ графинъ съ водою.

—Ну чпоже, кпо памъ? спросила Госпожа Вердъ у своего мужа.

«Ничего, мнлая, пактъ!» отвѣчалъ онъ холодно.

—Однакожъ мы приспально слушали; пы кого-то сей часъ провелъ на верхъ...»

«Гуспавъ! Елена!» сказалъ Полковникъ, смопря на дѣпей, кои подняли къ нему головы: «вы должны ничего не слыхашъ; подумайте, чпо чеспъ опца вашего зависипъ опъ вашей скромности.»

Лиценспъ и молодая дѣвушка отвѣчали ему,

значительнымъ наклоненіемъ головы. Гжа де Вердень смѣшалась и была внутренно оскорблена способомъ, которымъ употребили мужъ ея, чинящій заспавишь ее замолчать.

Полковникъ, взявъ графиню и спаканъ, снова вошелъ въ комнату, гдѣ былъ его плѣнникъ. Онъ нашелъ его спящимъ, прислонясь къ стѣнѣ, съ обнаженною головою. Шляпа его была брошена на одинъ изъ двухъ стульевъ. Въроятно незнакомецъ не думалъ быть такъ ярко освѣщеннымъ; ибо лобъ его сморщился и лице сдѣлалось заборщившимъ, когда глаза его встрѣтились съ пронизательными глазами Полковника; но онъ смягчился и физіономія его приняла пріятное выраженіе, чинящій возблагодарить своего покровителя.

Когда сей послѣдній поспавилъ графиню и спаканъ на уступъ камина, неизвѣстный бросилъ на него пламенный взглядъ и прервалъ молчаніе.

—Государь мой! сказалъ онъ пріятнымъ голосомъ, не имѣвшимъ уже прежняго судорожнаго хрипѣнія, но которымъ не менѣе тѣмъ изобличалъ въ немъ внутренній прелесть. Государь мой, я покажусь вамъ спраннымъ... Но извините мои причуды... Онъ необходимъ. Если вы здѣсь оставались, то не сморщитесь на меня, когда я буду пить. »

Полковникъ грубо отвернулся назадъ, до-

досадуя, что долженъ безпрестанно повиноваться челоуѣку, котораго ему не нравился. Тогда незнакомецъ вынулъ изъ кармана плапоукъ, обернулъ имъ правую руку и, схвативши графинъ, выпилъ за разъ всю воду, въ немъ бывшую. Не помѣшавши нарушить свою безмолвную клятву, Г. де Вердень посмопрѣлъ машинально въ зеркало; тогда отраженіе двухъ зеркалъ дало ему возможность обхватить незнакомаго глазами; и онъ увидѣлъ, что плапоукъ покраснѣлъ вдругъ отъ прикосновенія къ рукамъ, кои были полны крови.

—А! вы смопрѣли на меня? вскричалъ неизвѣстный, когда, выпивши и завернувшись снова въ шубу, взглянулъ на Полковника съ испытующею недоуверчивостію. Я пропалъ . . . они ѣдутъ . . . вотъ они . . .

«Я ничего не слышу!» сказалъ Г. де Вердень.

—Почему что вамъ не такъ нужно, какъ мнѣ, прислушиваться къ каждому звуку въ пространствѣ . . .

«Спало бытъ, вы дрались, имѣли дуэль . . . вы всѣ покрыты кровью?» спросилъ его пронзительный Полковникъ, различая цвѣтъ широкихъ пантеновъ, промокшихъ на плащѣ его господя.

—Да! дуэль . . . вы говорите! . . . повпорилъ незнакомый; и горькая улыбка блуждала на устахъ его.

Въ эту минуту шопонгъ нѣсколькихъ лоша-

дей, скакавшихъ въ галопъ, раздавался въ опдаленіи; но эпошъ шумъ былъ еще слабъ, какъ первые лучи ушра. Привычное ухо Полковника узнало эпошъ фруншовыхъ лошадей. Тогда бросивъ на плѣннаго взоръ, способный разсѣять всѣ сомнѣнія, конь могла внушить его невольная нескромность, онъ взялъ съ собой свѣчу и сошелъ въ госпинуую.

Только что положилъ онъ ключъ опъ верхней комнапы на каминъ, какъ безпреспанно умножающійся эпошъ приближавшейся кавалеріи заставилъ его вздрогнуть; ибо лошади скоро оспановились у дверей его дома. Размѣнявшись нѣсколькими словами съ поварищами, одинъ изъ всадниковъ сошелъ съ лошади и, громко поспучавшись въ дверь, принудилъ Полковника сойпи опперепъ ее. Сей послѣдній не могъ преодолѣть шайнаго волненія при видѣ шеспи жандармовъ, коихъ оружіе и шляпы, обложенныя серебромъ, блестѣли при свѣтѣ мѣсяца.

— Г. Полковникъ! сказалъ одинъ изъ всадниковъ: не слышали ль вы недавно человѣка, бѣгущаго къ заспавъ?

» Къ заспавъ?.. Нѣтъ! «

— Вы ни кому не опворяли дверей своихъ?..

» Развѣ я имѣю обычай опворять свои двери? «

— Ахъ! извиняте, Г. Полковникъ! но шеперь, мнѣ кажется, что...

»Э! э!« вскричалъ Г. де Вердень съ гнѣвомъ: »вы хопшите издѣвашся надо мной? имѣете ли вы право?«

— Ничего, ничего, Г. Полковникъ! пихо сказать всадникъ. Вы извините наше рвеніе. . . Мы васъ знаемъ и увѣрены, что вы, какъ человѣкъ благоразумный, не согласитесь никакъ принять убійцу въ домъ свой и ночью. . .

»Убійцу!« вскричалъ Полковникъ. »Кто жъ такой?« . .

— Сей-часъ изрубленъ, Г. Маркизь де Монн, отвѣчалъ жандармъ. Убійца преслѣдуется биспро: мы увѣрены, что онъ здѣсь въ окруженіи и спѣшимъ захватить его. Извините, Г. Полковникъ!

Син послѣднія слова были сказаны жандармомъ тогда, какъ онъ уже садился на лошадь; и по счастію ему не возможно было видѣть лица Полковника; ибо тогда привязчивый офицеръ полиціи, привыкшій предполагать все, могъ бы очень легко получить подозрѣніе, взглянувъ въ эту опкрытую физиономію, въ коей шакъ вѣрно выпечатаывались все движенія души.

»Извѣстно ли вамъ имя убійцы?« спросилъ Полковникъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ всадникъ. Онъ оставилъ конпорку, полную денегъ и банковыхъ билетовъ, не допронувшись ни до чего. . .

«Спало бышь, мценіе?» сказала Г. де Верденъ.

—Воптъ еще! Надъ шарикомъ-по!.. Нѣтъ, нѣтъ.. Вѣрно молодець не успѣлъ ничего захватить!..

И жандармъ догналъ своихъ товарищей, копорые скакали впередъ и уѣхали уже далеко. Г. де Верденъ споялъ, съ минушу, жерпвою безпкойсхва весьма поняшнаго. Скоро онъ услышакъ людей своихъ, копорые, возвращаясь, горячо спорили; голоса ихъ раздавались на перекресткѣ Монпрельскомъ. Онъ не долго дождался ихъ. Когда они пришли, гнѣвъ, копорому нуженъ былъ предлогъ, чптобы извергнуться изъ сердца, гдѣ онъ кнѣтъ, разразился со вѣсьмъ оглушающимъ прескомъ грома. Задрожалъ весь домъ. Но Полковникъ вдругъ упихъ, когда одинъ изъ нихъ, самый смѣлый и уверчивый, именно камердинеръ его, сказалъ, чпто они были оспавновлены при входѣ въ Монпрельскую заспаву жандармами, искавшими убійцу.

Полковникъ вдругъ замолчалъ. Онъ слова напомнили ему обязанноспи, возложенныя на него спраннымъ обстоятельствомъ; онъ пухо приказать людямъ оейже часъ ложиться спать и, оспавя ихъ удивлялись легкости, съ коей поверилъ для камердинера, самъ ввошелъ на дѣспинцу, чптобы ворочившись въ госпінную.

Но въ то время, какъ сіи произшесствія совершались на дворѣ, случай, но видному ничто

не значущій, перемѣнилъ положеніе другихъ дѣйствующихъ лицъ нашей исторіи.

Только что Г. де Верденъ вышелъ изъ комнаты, какъ жена его, попеременно глядя по на ключъ верхней горницы, по на Елену, сказала наконецъ тихимъ голосомъ, склоняясь къ своей дочери:

— «Елена... Отецъ твой оставилъ ключъ на каминѣ...»

Удивленная молодая дѣвушка подняла голову и, заспѣчиво глядя на мать, которой глаза бли-спали любовныиспвомъ:

«Такъ чтожь, маминька?» отвѣчала смущен-нымъ голосомъ.

— Я бы очень желала знать, что дѣлается... шамъ... на верху... Если шамъ кто еспь, по онъ еще не успелъ... Сходи шуда...

«Я!» ... сказала молодая дѣвушка съ нѣкопорымъ ужасомъ.

— Ты боишься? ...

«Нѣтъ! Но... мнѣ кажется... я различила по-ходку мушеры...»

— Если бы я могла идти сама, я бы не просила тебя сходить, Елена! возразила мать съ холодною важноспію... Если отецъ взой-детъ и не найдетъ меня здѣсь, онъ, можетъ быть, спанетъ искать меня, тогда какъ шво-его опсушспвія и не замѣняютъ.

«Если вы приказываете, я пойду!» отвечала Елена. «Но я поперяю уваженіе отца моего.»

— Право! сказала Гжа де Вердень иронически. Если ны изъ шупки дѣлаешь важную вещь, такъ поди и посмотри, кпо шамъ на верху... Вошь ключъ, дочь моя! Опець, приказавъ тебѣ хранить молчаніе, не запретила ходить въ эту комнапу. Поди и знай, что дочь не должна никогда судить матери.

Сказавши сіи послѣднія слова со всею строгостию оскорбленной матери, Гжа де Вердень взяла ключъ и подала его Еленѣ. Сія послѣдняя вспала, не говоря ни слова, и вышла изъ гостиной.

«Матушка вѣрно выпросить себѣ прощеніе. Но д... я погибну во мнѣніи отца моего... Ужели она хочеть лишить меня его нѣжности и выгнать меня изъ дома?»

Сія мысли пѣснились въ ея воображеніи, пока шла она безъ свѣчи по длинному корридору, на концѣ коего находилась дверь панишвенной комнапы. Когда она дошла до ней, безпорядокъ ея мыслей имѣлъ въ себѣ нѣчто роковое. Эпопть родъ смущаго размышленія заставилъ выхлынуть тысячу ощущеній, кои доселѣ копились во глубинѣ ея сердца. Уже не вѣруя, можетъ быть, и прежде въ счастливую будущность, она совсѣмъ опчаялась въ эту минупу своей жизни. Судорожно дрожала она,

вкладывая ключъ въ замокъ. И волненіе ея сдѣлалось такъ сильно, что она принуждена была осяноровиться и положила руку на сердце, какъ бы для того, чтобы утишить его глубокое и звучное бѣшеніе...

Наконецъ она отворила дверь.

Скрытъ лешель конечно слабо коснулся ушей убійцы; ибо сей человекъ, когото слухъ былъ такъ тонокъ, оспался, будто приклеенный къ спянь, неподвижный, поперянный въ своихъ мысляхъ... Свѣтлый кругъ, исходившій изъ фонаря, слабо освѣщала его; и, въ этой свѣтло-темной полосѣ, походилъ онъ на нѣ мрачныя спашун рыцарей, кон вѣчно сползше по угламъ какой нибудь черной гробницы подъ навѣсомъ готической часовни. Капли холоднаго пота струились по желтому, широкому челу его. Невѣроятная дерзость блиспала на лицѣ, судорожно искоробленномъ. Его пламенные глаза, неподвижные и сухіе, казалось, созерцали бипву во мглѣ, передъ нимъ расплывшейся. Тревожныя, смущенныя думы пробѣгали по лицу, когото швердое и опредѣленное выраженіе изображало необычайную душу. Корпусъ, положеніе, пропорціи—все согласовалось съ его дикимъ гениемъ. Этотъ человекъ былъ весь сила, весь могущество: онъ созерцалъ мракъ, его окружавшій, какъ образъ своей будущности.

Привыкну видѣть энергическія лица гитав-

поютъ, прѣснвившихся вокругъ Наполеона, и занятый болѣе нравственными любопытствами, Полковникъ не замѣтилъ физическія особенность сего необычайнаго чловѣка. Но Елена, подверженная, какъ и всѣ женщины, вѣщнымъ впечатлѣніямъ, была поражена сими сплывающаго смысла сѣмью и гнѣвомъ, величія и сираси, сѣмью поэтическимъ хаосомъ, который придавалъ незнакомцу видъ Люцифера, возникающаго изъ своего нadenія. Вдругъ буря на лицѣ его упрощалась какбы силою волшебства; и неизлечимая власть, коей незнакомецъ, можешь быть самъ того не зная, былъ и началомъ и сдѣлалъ, размылась вокругъ него со всею возрастающею быстротою наводненія. Попытокъ мыслей кинуть съ чела его въ ту минулу, какъ черны его приняла ошесивенныя свои формы. Тогда молодая дѣвушка, отарованная, или спраннымъ везанномъ зрѣлища или тайною, которую въ пемъ принимала, могла только любоваться предсѣною физиономіею, возбуждившею все ея учасіе.

Она стояла нѣсколько времени въ молчаніи и замѣшательствѣ, которое до того времени было ей неизвѣстно. Но скоро, потому ли что Елена, можешь быть, испустила громкое восклицаніе, или сдѣлала замѣтное движеніе, либо потому, что убійца, возвратившись изъ идеальнаго міра въ дѣйствительный, услышала, кромѣ своего дыханія, другое, постороннее, онъ обра-

ниль голову къ дочери своего хозяина и, при-
спавшись въ шемногу, почпи безраз-
личную, привѣпилъ наконецъ божественное ли-
це и, величественныя формы созданія, которое,
видя неподвижнымъ и шуманнымъ, подобно приз-
раку, долженъ былъ конечно счестъ за ангела.

«Государь мой!» сказала она пренеющимъ го-
лосомъ.

Убийца вздрогнулъ.

—Женщина! воскликнулъ онъ тихо. Возможно
ли! Подиже прочь! продолжалъ онъ: я ни кому
не даю права сожалѣть о мнѣ, прощать ме-
ня, или изрекать мой приговоръ... Поди, ди-
ня моя! прибавилъ онъ съ повелительнымъ же-
ствомъ: я бы очень дурно возблагодарилъ хозя-
ина этого дома за услугу, мнѣ оказанную, ес-
либъ дозволилъ кому-нибудь изъ здѣшнихъ ды-
шать однимъ воздухомъ со мною. Должно поко-
ряться законамъ свѣща, въ которомъ мы живемъ...

Эта послѣдняя фраза была произнесена имъ
въ полголоса.

Обнявъ своимъ глубокимъ взоромъ всѣ бѣд-
ствія, вызванныя сею меланхолическою мыслію,
онъ бросилъ на Елену змѣиный взглядъ, копо-
рый пробудилъ въ сердцѣ этого мощнаго, свѣ-
жаго созданія, цѣлый міръ еще спавшихъ помы-
словъ и ощущеній.

Какъ будно новый лучъ освѣпилъ для ней
доселѣ безизвѣстныя сны. Душа ея была по-

присена, ниспровергнуша: она не находила въ себѣ довольно силы, чѣмъ бы зацѣпиться опѣ магнетической власни сего взгляда, хотя и безъ намѣренія броненнаго.

Она выпшла, объятая стыдомъ и прелестью, и, зашворивъ дверь, возвратилась въ гостиную, за минушу до возвращенія опца, такъ чѣмъ не могла сказать ни слова мащери.

Полковникъ, глубоко занятый, безмолвно прохаживался, сложивъ на крестъ руки, ровными шагами, опѣ оконъ, обращенныхъ на улицу, до оконъ, смолвѣвшихъ въ садъ... Жена его держала на рукахъ заснувшаго Авеля. Моина, положенная въ кресла, спала беззаботно, какъ пшичка въ гнѣздынкѣ. Гуспавъ все еще чилалъ. Его старшая сестра держала въ одной рукѣ клубокъ шелку, а въ другой иглу, и смолвѣла на огонь. . . .

Глубокое молчаніе, царствовавшее въ гостинной, снаружи и внутри дома, было прерываемо только медленными шагами служилелей, расходившихся спать, одинъ за другимъ; иногда задушаемыми смѣхами, послѣдними опголосками веселой свадебной пирушки; попомъ скрипомъ дверей комнашь, которыя они опворили, разговаривая другъ съ другомъ, и опять зашворили. . . Нѣсколько глухихъ звуковъ раздалось уже съ постелей. . . Одинъ спулъ упалъ. . . Кашель спараго кучера слабо опозвался и

упнихъ... Вскорѣ мрачное величіе, господству-
ющее надъ усыпленною природою въ полночь,
разпросперлось воюду. Однѣ звѣзды блискали.
Холодъ охватилъ землю. Ни одно существо не
говорило, не двигалось. Только огонь прещалъ,
какъ будто для того, чтобы понышнѣ высказы-
вать глубину безмолвія... Монпельскіа спѣвныя
часы пробили полночь...

«Какъ, Гуспавъ?» сказалъ Полковникъ, увидя
сына, все еще сидѣвшаго за зеленымъ столомъ
и чипающаго: «какъ? пы еще здѣсь?»

Въ сію минуту шаги весьма тихіе раздались
въ верхнемъ этажѣ. Г. де Верденъ и дочь его,
пьердо увѣренныя, что заперли убійцу Г. де
Мони, приписали сіе движеніе какой-нибудь
изъ женщинъ и нисколько не удивились, слы-
ша, какъ отворилась дверь передней предъ го-
спинною комнатою.

Вдругъ убійца явился между ними!

Онѣмнѣе, въ которое повергся Г. де Вер-
денъ, живое любопытство мажери и удивленіе
дочери, позволили ему свободно дойти до са-
мой середины топчанной, гдѣ онъ сказалъ Полко-
внику голосомъ удивительно спокойнымъ и ме-
лодическимъ:

— Государь мой! два часа скоро пройдушь.

«Вы здѣсь?» вскричалъ Полковникъ: «какою си-
лою?»

И ужаснымъ взоромъ онъ спросилъ жену и дѣшей.

Елена встыхнула, какъ огонь.

«Вы!» продолжалъ воинъ пронупымъ голосомъ: «вы среди насъ!.. Убийца, покрытый кровью, между нами!.. Ахъ! вы оскверняете эту каршину... Выдьте!.. Выдьте!» прибавилъ онъ съ бѣшенствомъ.

При имени убійцы, Гжа де Верденъ пронзительно вскрикнула. Дочь ея поблѣднѣла. Гусавъ посматрѣлъ на незнакомца съ видомъ, въ половину любопытнымъ, въ половину удивленнымъ.

Незнакомецъ остался холоденъ и неподвиженъ. Улыбка пренебреженія выпечаталась въ чертахъ его и на красныхъ широкихъ губахъ. Наконецъ онъ сказалъ медленно:

«Вы очень худо цѣните благородство моихъ послупковъ съ вами. Я не хотѣлъ прикоснуться къ спакану, который вы мнѣ дали, чтобы утолить мою жажду... Я даже не подумалъ вымыть кровавыхъ рукъ моихъ подъ вашимъ кровомъ... И теперь—ухожу, оставляя здѣсь только память моего пресупленія — (при семъ словѣ губы его сжались) — спараюсь пройти, не печась въ слѣдовъ моихъ... Наконецъ я даже не позволилъ вашей дочери. . .

«Дочь моя!» вскричалъ Полковникъ, бросивъ на Елену взоръ, исполненный ужаса. «Несчастный,

выйди!.. Или я предаю тебя... убью здесь на мѣстѣ!«..

— Два часа еще не прошли и вы не можете ни предать меня, ни убить, не поперявъ своего и... моего къ вамъ... уваженія...

При семъ послѣднемъ словѣ спарый воинъ, оцѣнивъ, хотѣлъ приспальнѣе всмотрѣться въ преслупника. Но онъ былъ принужденъ пошупить глаза, чувствуя себя не въ состояніи переносить нестерпимый блескъ взгляда, копировый во второй разъ разспроилъ всю его душу.. Онъ боялся смягчиться еще разъ, сознавая, что воля его уже слабѣла.

»Убьешь спарика! Спало бышь, вы никогда не видали семейства!«.. И онъ показалъ ему опеческимъ движеніемъ жену свою и дѣшей.

— Да, спарика! повпорилъ незнакомецъ и лобъ его слегка сморщился.

»Изрубь въ куски!«

— Да! я изрубилъ его въ куски! подхватилъ убійца съ ужасающимъ спокойствіемъ.

»Бѣгите!« вскричалъ Полковникъ, не смѣя сморщиться на своего госпа: »напѣ договоръ унѣчпоженъ. Я не убью васъ! Нѣтъ! Я никогда не сдѣлаю изъ себя пославника эшафотовъ. Но выдѣте! Вы ужасаете меня!«

— Я это знаю, отвѣчалъ преслупникъ съ чувствомъ глубокой преданности своей судьбѣ. Во Франціи нѣтъ куска земли, гдѣ бы могъ пославникъ

и могу безопасно. Прощайте, государь мой! Не смотря на жадь, копорюю вы оправили госпитерпримспво ваше, я сохраню объ немъ воспоминаніе. Въ дунѣ моей будетъ хранипсья чувспво благодарности къ одному человѣку въ мірѣ... къ вамъ...

Онъ пошелъ къ двери.

Въ эту минуту молодая дѣвушка наклонилась къ матери и сказала ей одно слово на ухо:
— Ахъ!...

Этотъ вопль, вырвавшійся у Гжи де Вердень, заставилъ Полковника содрогнувшись, какъ будто увидѣлъ онъ Моину мертвою. Елена сполла: а убійца оборотился инспинкпуально, показывая на лицѣ своемъ родъ нѣкопорого безпокойспва о внезапномъ ужасѣ семейспва.

»Чпо съ побюю, милая?« спросилъ Г. де Вердень.

— Елена хочспъ за нимъ слѣдовать! опвѣчала она.

Убійца вспыхнулъ.

— »Когда машушка такъ дурно исполковываепъ почпи невольное восклицаніе, копорое у меня вырвалось!«—опвѣчала Елена—»по я исполню ея желанія!«...

И кинувъ взглядъ гордоспи, почпи дикой, вокругъ себя, молодая дѣвушка пошупила глаза и оспалась въ положеніи самой глубокой скромности.

»Елена!« сказала Полковникъ: »ты была на вер-
ху... въ твоей комнатѣ, гдѣ я...«

— Да, батюшка. ..

»Елена!« спросилъ онъ голосомъ, измѣнившимся
отъ судорожнаго пренебра: »въ первый ли
разъ видишь ты этого человѣка?«

— Да, батюшка.

»Если такъ, то тебѣ не естественнo же-
лать за нимъ...«

— Если не естественнo, батюшка, то по
крайней мѣрѣ справедливо...«

»О! дочь моя!« сказала Гжа де Вердень шихо,
но такъ что мужъ могъ слышать ее.
»Елена! ты измѣняешь всѣмъ правиламъ чести,
скромности, добродѣтели, копорыя я спаралась
развить въ твоёмъ сердцѣ... Если до сей пагубной
минуты ты обманывала меня, то ты не до-
стойна сожалѣнія... Православное ли могуще-
ство незнакомца тебя прельщаетъ? Или сила,
свойственная людямъ, совершающимъ преступле-
нія?... Я сполько уважаю себя, что не могу пред-
положить...«

— О! предполагайте все, что вамъ угодно....
возразила Елена холодно.

Не смотря на силу характера, опытъ коей
показывала она въ сію минушу, огонь глазъ ея
съ трудомъ могъ скрыть слезы, блиставшія
въ голубыхъ ея глазахъ.

Незнакомецъ, опгадавая слова майери по слезамъ, опуманившій глаза молодой дѣвушки, бросилъ на госпожу де Верденъ свой орлиный взоръ: и она принуждена была неодолимою властью пошморънуть на спращнаго соблазнилшеля. Когда глаза сей слабой женщины встрѣпились съ свѣтлыми и блестящими глазами незнакомца, она почувствовала въ душѣ своей холодъ, подобный шому физическому содроганію, которое объемлетъ насъ при видѣ пресмыкающагося, или когда мы прикасаемся къ Лейденской банкѣ.

— Другъ мой! закричала она мужу. Эпо демоны! Онъ все опгадаваетъ.

Полковникъ вспалъ, чпобы схватиться за снурокъ звонна...

«Онъ васъ погубилъ!» сказала Елена убійцѣ.

Неизвѣстный улыбнулся. Пошомъ сдѣлавъ шагъ, опстановилъ руку Г. де Верденъ и, заставя его вынести взглядъ, изливавшій пошокъ оппентія, липилъ его всеі энергіи.

— Я заплачу вамъ за госоппримство... и мы будемъ квинны... Я избавлю васъ опъ безчестія, предавъ самъ себя... Да и чпо мнѣ въ жизни?...

«Вы можете раскаяться!» опвѣчала ему Елена, проливая въ него надежду, которая можетъ сілшь полько во взорахъ дѣвы.

— Я никогда не раскаяюсь! сказалъ убійца, звонкимъ голосомъ, гордо подымая голову.

»Руки его обогрены кровію!« сказалъ отецъ дочери.

— Я обоню ихъ!« отвѣчала она.

»Но«—возразилъ Полковникъ, не опваживаясь указать ей на незнакомца—»ты не знаешь еще, жадеешь ли онъ имѣть тебя...«

Тогда убійца подошелъ къ Еленѣ, коей красота, какъ ни казалась она скромною и погруженною въ саму себя, блистала, озаряясь внушительнымъ сіяніемъ, коего отраженія отбѣчали и высвѣтляли самыя мѣлкія черты и самыя изысканныя черты ея физіономіи. Помощь бросивъ на это плѣнительное созданіе сладостный взоръ, коего сверкающаго пламени не могла она выдержать, сказалъ ей съ живѣйшимъ волненіемъ:

— Я люблю васъ для васъ самихъ и плачу за два часа существованія, проданные мнѣ опцемъ вашимъ, тѣмъ—что отпасаюсь отъ вашей преданности...

»И вы пакже!.. И вы меня отвергаете!«... вскричала Елена раздраженнымъ голосомъ.

—Что это значитъ? сказали ей вмѣстѣ мать и отецъ.

Она спросила Гжу де Вердень краснорѣчивымъ взоромъ и оспалась безмолвна, попустивъ глаза.

Съ самой той минуты, какъ Гжа де Верденъ начала оспаривать словами и дѣлами спранныя права, кои присвоивала себѣ незнакомецъ, оспариваясь между ними, и какъ сей послѣдній бросилъ на нихъ ослѣпляющій пламень, изливавшійся изъ его очей, оба супруга были покорены какому-то непонятному оцѣпенѣнію. Они боролись съ сверхъестественною силою своимъ опутывшимъ разсудкомъ: воздухъ сдѣлался для нихъ тяжель и душенъ. Съ трудомъ переводили они духъ и были въ невозможности обвинять-шого, кпо ихъ угнетала такимъ образомъ, хотя внутренній голосъ и говорилъ имъ, что сей магическій человекъ былъ причиною ихъ изнеможенія. Даже Густавъ находился въ неподвижномъ оцѣпененіи.

Во время сей нравственной агоніи, Полковникъ, угадывая, что усилія его необходимы для подкрѣпленія колеблющагося разсудка дочери, схватилъ Елену поперегъ и унесъ во впадину окна, далеко отъ убійцы.

» Милое дитя мое! « сказалъ онъ ей тихимъ голосомъ: »если эта спранныя любовь зародилась внезапно въ твоемъ сердцѣ, по вся жизнь твоя, исполненная невинности, твоя чистая и благочестивая душа... слишкомъ много показала мнѣ опытовъ превосходнаго разума и силы характера, которые ты получила, можешь

быть, еще меня... Я долженъ предположить въ тебѣ сколько мужества, что ты побѣдишь сіе безразсудное влеченіе... Но поведеніе твое скрываетъ тайну... А сердце мое, если сердце, исполненное снисходительности... Ты можешь все довѣрить ему; еслибъ даже ты разперзала его, я умѣлъ бы, душа мое, скрыть мои спораданія и хранить вѣчное молчаніе о твоей исповѣди... Ну, говори же! Завидуешь ли ты нашей любви къ своимъ братьямъ и сестрамъ? Или въ душѣ твоей плановъ твоей любви? Или ты здѣсь несчастна? Скажи мнѣ! Вѣрь причины, заставляющія тебя оставить семейство, бросить отца, лишить его величайшаго утѣшенія, погнупъ мать, братьевъ и маленькую сестру твою.

— Бабушка! отвѣчала она: не должна ли я рано или поздно жить подъ покровительствомъ мужчины?

« Это правда. »

— Знаемъ ли мы—подхватила она—съ какимъ существомъ соединимъ мы судьбу нашу? А я... Я вѣрю въ этого человека!

« Душа мое! » сказалъ Полковникъ, возвысивъ голосъ: « ты не думаешь о бѣдствіяхъ, которыя придутъ сокрушить тебя! »

— Я думаю о его оправданіяхъ!

» Какал жизнь! « вскричалъ опецъ.

— » Жизнь всякой женщины! « опивчала дочь съ ропотомъ.

— О! такъ ты очень свѣдуща! промолвила Гжа де Вердень, которая наконецъ возвратила употребленіе языка.

— » Вопросы внушаютъ мнѣ опвѣты. «

— Ахъ, дочь моя! ты оправдываешь мои подозрѣнія, которые были причиною моей спрото-спы... Слѣдовашъ за человекомъ, опъ котораго всѣ бѣгутъ съ ужасомъ...

» И такъ вы сами видише... чпо безъ меня... онъ оспался бы одинъ... «

» Довольно! « вскричалъ Полковникъ: » у насъ теперь одна только дочь! «

И онъ посмотрѣлъ на Монну, все еще спящую.

» Я запру тебя въ монастырь! « прибавилъ онъ, обращаясь къ Еленѣ.

» Пущь такъ, бабюшка! « опивчала она съ спокойствіемъ: » я умру тамъ. Одному Богу должны вы будете опидать опчетъ въ моей жизни и въ душѣ его... «

Воцарилось глубокое молчаніе! Свидѣтели сей необыкновенной сцены, гдѣ все ниспровергало обыкновенныя чувства общеспвенной жизни, не смѣли взглянуть другъ на друга.

Г. де Вердень вдругъ увидѣлъ свои нисполнѣны, схватилъ одинъ изъ нихъ и, зарядъ, бысп-

ро прицѣлился въ незнакомца. Но онъ, оборотившись на шумъ, произведенный зарядомъ, оспанивилъ спокойный и проницательный взоръ на Полковникъ, коего рука тяжко опустилась, увлеченная непреодолимою слабостию. Писпонецъ покапился по коврѣ.

» Дочь моя! « сказалъ Полковникъ, упомленный симъ ужаснымъ бореніемъ: » ты свободна... Поцѣлуй мать, если она на то согласится... Чпю жъ касается до меня, я не хочу болѣе ни видѣть, ни слышать тебя... «

— Елена! сказала мать молодой дѣвушкѣ: подумай, чпю ты будешь въ бѣдноти... «

Хриплые горшанные звуки излились изъ широкой груди убійцы и обратили на него взоры всѣхъ. Пренебреженіе изобразилось на лицѣ его. Нензчерпаемая богатства заключалась въ его энергіи: глаза засверкали блескомъ, подобнымъ солнечному.

» Госпепрїимство, вамъ оказанное, дорого мнѣ спонимъ! « вскричалъ Полковникъ, вспавая. » Не давно вы загубили спарика, теперь губише цѣлое семейство!.. Чпобъ ни случилось, несчастіе опятгопѣетъ надъ моимъ домомъ.«

— Но если дочь ваша будетъ счастлива? спросилъ убійца, приспально глядя на война.

» Если она будетъ счастлива съ вами... опн-

въчалъ опецъ, дѣлая чрезмѣрное усиліе... » Тогда... я не буду сожалѣть о ней.»

Елена робко спала на колѣна передъ опцемъ и сказала ему ласкающимъ голосомъ :

«О бапюшка! я люблю и уважаю васъ, будете ли вы изливашъ на меня щедропы вашей любви или суровоспъ гнѣва... Умоляю васъ: послѣднія ваши слова да не будутъ слова проклятія!»...

Полковникъ не смѣлъ смотрѣть на дочь свою.

Въ эту минушу незнакомецъ приблизился и обращая къ Еленѣ улыбку, въ копорой было кѣшпо ужасное и вмѣспѣ величественное.

— О пы, сказалъ онъ, копорую не ужасаетъ убійца... ангелъ благоспи... пойдемъ, если пы не опрекаешся довѣритъ мнѣ свою учаспъ.»

«Непоспижимо!» вскричалъ опецъ. «

Гжа де Вердень бросила на дочь свою непоняпный взглядъ и опверзла ей свои обѣщія. Елена бросилась въ нихъ съ рыданіемъ.

«Прощай!» вскричала она: «прощай мапюшка!»

Попомъ сдѣлала смѣлый знакъ рукою незнакомцу, копорый запрепалъ. Тогда молодая дѣвушка поцѣловала руку опца, обняла шакже Гуспава, Моину и маленькаго Авеля, но безъ удовольспвія, и скрылась съ неизвѣспнымъ.

«Куда пошла она?» вскричалъ Полковникъ, слушая шаги обоихъ бѣглецовъ.

« Я какъ во снѣ! » продолжалъ онъ, обратившись къ женѣ своей. « Вѣрно есть какая нибудь тайна въ этомъ приключеніи? Вы должны знать ее! »

Гжа де Вердень задрожала.

— Тайна та, отвѣчала она, что дочь твоя сдѣлалась необыкновенно мечтательной, романтически изспуганной, не смогла на спаранія мои проптивустать сей губельной наклонности...

« Это не ясно. » ...

Полковникъ перервалъ самъ себя, воображая, что слышитъ въ саду шаги дочери и ея ужаснаго спутника, и отворилъ быспро окно.

« Елена! » закричалъ онъ.

Голосъ его потерялся въ глуши, какъ шипещее пророчество.

Г. де Вердень, произнесъ сіе слово, копорому ничто уже не отвѣчало въ мірѣ, разрушилъ очарованіе, коему покорила его дьявольская сила: умъ какъ будто снова просіялъ на челѣ его; онъ ясно увидѣлъ сцену, предъ нимъ происходившую; проклиналъ слабость свою, копорой не поспиталъ; горящій ознобъ бросился онъ сердца въ голову и въ ноги... Онъ пришелъ въ себя, ужасный, алкающій мщенія. Вдругъ испустилъ онъ ужасный вопль:

« Сюда, на помощь! на помощь! »

И успремаясь къ шнурамъ колокольчиковъ, онъ рванулъ ихъ шакъ, чпо колокольчики чушь не раздробились, издавъ дикій, пронзительный звонъ. Люди вскочили въ испугъ. Но онъ все еще кричалъ, отворилъ окна на улицу, звалъ жандармовъ... Нашедши свои пишпалесы, онъ выстрѣлилъ изъ нихъ, дабы ускорить приходъ сосѣдей, пробужденіе людей и прѣздъ кавалерисповъ.

Собаки, узнавъ голосъ своего господина, залаяли; лошади заржали, зарыли землю копытами. Настала ужасная сумятица среди глубокой тишины ночи.

Сходя съ лѣспницы, чпобы бѣжать за дочерью, онъ увидѣлъ людей своихъ, испуганныхъ, кои сбѣгались со всѣхъ спорокъ.

«Дочь моя! Елена! Елена похищена! бѣгите въ садъ! сперегите улицу! отворите жандармамъ за убійцею!»

Онъ оборвалъ цѣпь большой спорожевой собаки въ неистовомъ бѣшенствѣ.

«Ищи Елену! гей! Елену!» кричалъ онъ ей.

И собака прыгнула, какъ разъяренный левъ, залаяла съ бѣшенствомъ и помчалась въ садъ шакъ быспро, чпо Полковникъ не могъ за нею слѣдовать.

Въ шуже минупу раздался на улицѣ шопотъ

скачущих лошадей и Г. де Вердень поспѣшилъ самъ опворить имъ.

»Бригадиръ!« вскричалъ онъ: »поспѣшите опрѣзать дорогу убійцѣ Г. де Монн; они ушли черезъ садъ мой... Скорѣе, захватите всѣ дороги со стороны Пикардской насыпи. Я осмопрю всѣ сады, всѣ дома, всѣ окрестности.«

»А вы!«—кричалъ онъ своимъ людямъ—»вы опорожите улицу, держите цѣпь опъ заставы до Версали. Впередъ... впередъ... Дочь моя!«...

Онъ схватилъ ружье, поданное ему камердинеромъ и бросился въ садъ, продолжая кричать собакамъ:

»Шершъ! Маренго! Маренго! найди Елену!«

Ужасный лай опвѣчалъ ему въ опдаленіи: онъ бросился въ спорону, изъ копорой слышался хриплый лай собаки.

Въ семь часовъ упра поиски жандармовъ, Полковника, людей его и сосѣдей, прекратились: они были напрасны... Маренго не возвратился Г. де Вердень, оппомненный успалоспнію и соспарѣвшійся вдругъ десятиью годами опъ гореспи, взошелъ въ геспинную для него опуспѣвную, хотя еще прое опспальныхъ дѣшей памъ находились...

»Вы были очень холодны къ дочери вашей...« сказалъ онъ, глядя на жену...

» Вошь чпо намъ опть ней оспалось! « прибавилъ онъ, взглянувъ на пальцы, гдѣ былъ начертъ цвѣшнокъ. »Недавно еще... она была здѣсь! А шеперь!... погибла!... погибла! « ..

Онъ заплакалъ. Попомъ спряпалъ голову въ рукахъ и оспался съ минушю безмолвенъ, не смѣя смопрѣшь на эшу комнашю, кошорая шакъ недавно предспавляла ему самую плѣнипельную картину семейшвеннаго счастья. Лучи зари сражались со свѣшпомъ издыхающихъ лампъ; свѣчи, дошарая, зажгли бумажныя городки вокругъ себя... Все согласовалось съ опчашнѣемъ спараго воина.

»Надобно испребишь эпо!« сказалъ онъ послѣ минушнаго молчанія, указывая на пальцы. » Я не могу .ничего видѣшь, чшобъ ее напоми-
нало... «

(до слѣдующей книжки).

IV.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДУХЪ

НА

СЦЕНѢ ЖИЗНИ.

Что такое духъ театральный или лучше сказать представительный? Не знаю, будетъ ли понятно это заглавіе: но только совѣмъ не о театрѣ намѣренъ и говорить здѣсь. Оставимъ кулисы, румяна, костюмы, подмостки, всѣ сіи ничтожныя средства, кои занимаютъ еще нѣкопрыхъ празднолюбцевъ и копорыми начинаеть скучать вообще публика. Предметъ мною избранный гораздо важнѣе и обширнѣе. Дѣло въ томъ, чѣобы на сценѣ жизни человѣческой обнаружилъ шарлапанство знаній и дѣйствій, средства двигающія людьми, картины оканчивающія перевороты, разнпелные эффекты занимающіе чернь, измѣняющіе мнѣнія, утверждающіе общеспвенное уваженіе, кои нравятся женщиныамъ и дающъ возможность честполубцамъ, спремящимся пріобрѣсть власпъ или кредитъ, обходиться безъ дарованій, здраваго смысла, доблести, даже безъ совѣсти.

Встарину можно еще было называть это искусство своимъ именемъ, можно было презирать его. Теперь оно сдѣлалось слишкомъ почтенно: многие

великіе умы пакъ его усовершенствовали, чю неуваженіе къ нему спало непроспипемьно. Скажу болѣе: оно сдѣлакося поспребноспью. Заспавишь челоѡка безспреспивно упомяишь себя спрогими рассуужденіями, мучишь, расчислиа свои и опредѣляа чужіе поспуи, значишь худо знаишь челоѡка! Философіа указыаеишь другою пуи. Она оиъ слабою природы наией пребуеиъ гораздо менѣе: нииъ грана два благоразуиіа, заиъра грана при глупоспи; крошечку знаніа и смѣиливоспи, приправленную добрымъ приемоиъ небрежноспи и слабоуміа: воиъ все чю можеиъ выноспи челоѡческая организаціа! И пакъ дѣиспвиуйи на *чувства* ась окружаюищихъ, дѣиспвиуйи средспвами виѣиными: вспомнии, какъ они сами на ась дѣиспвовали. Занимайи умъ ихъ шѣиъ, чю имъ нравиіиъ; поіъзуйиесь миіуиами, въ кои слабѣиъ умспвенная дѣапельноспи, безмолвспвуеиъ логика, рассудокъ опуспаеиъ крыіа. Для людей нужны игрушки, коспиомы, волшебные призраки, шеапральныа перемѣны, предспавленіа, обморочиванія, церемоніи, зрѣлища: эио избавляеиъ ихъ оиъ шруда мысдишь...

Толпа всегда жадничаеиъ, пребуеиъ удиивельнаго, непреодолимо спремиіиъ къ наружвоспи, къ поражаюищему взору, чувспва. Мешаиическая мысль о власпи недѣиспвиивельна: но покрыіаа драгоценною ііканію, блестящая золо-

помъ, покоряетъ и царспвуентъ. Докшоръ, проспо, безъ обиняковъ, объясняющій свои наблюденія о вашей болѣзни, не пріобрѣтаетъ вашей довѣренности. Чеспъ и слава ваннамъ Месмера, его мѣднымъ прущикамъ, гармоникѣ, сумраку, всѣмъ пособіямъ фармацевтической магіи! Въ Лондонѣ еспъ шеперь одинъ эмпирикъ, Джонъ Лонгъ, кошорый вызывается лѣчить всѣ болѣзни однимъ преніемъ по спинѣ, но споль сильнымъ и скорымъ, что большая часпъ больныхъ выходятъ изъ подъ его рукъ ободранными. Онъ живетъ въ улицѣ Гарлей; комнапы его богато убраны. Во время пренія играетъ музыка. Рядъ экипажей, украшенныхъ гербами, шянется всегда по улицѣ Гарлей. Докшоръ уморилъ двухъ дамъ, предавшихся его сисшемъ, и былъ присужденъ къ заключенію и штрафу. Чпоже! — Пріѣзды не прекращаются! Средспва избранныя имъ пакъ псеапральны: его ругаютъ, онъ смѣется; вельможи, знашныя дамы, ѣдутъ совѣтоваться съ заключеннымъ; и самъ знаменитый Бюрдеппъ явился засвидѣтельствовать ему свое расположеніе.

Такое приложеніе сценическаго искусствва къ медицинѣ не первое и не последнее. Медицина для богатыхъ шожетъ, что вѣра для бѣдныхъ. Богачъ робѣетъ о здоровьи тѣла, бѣднякъ о спасеніи души; для однихъ необходимы врачи, для другихъ священники. Но какъ

чернь пренебрегаетъ вѣру, чуждую обрядовъ, такъ и высшій классъ преимущественно уважаетъ медицину проникнушую шарлапанствомъ и окруженную шарлатанами. Славный Кольрейджъ представляетъ весьма любопытный примѣръ и даже, если угодно, пользу медицинскаго шарлапанства и спасительное порожество воображенія надъ неизлѣлимою болѣзнію.

Когда химія открыла свойства селипрокислыхъ окисей а), Докторъ Беддоэъ вообразилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ могутъ служить вѣрнымъ средствомъ противъ паралича. Девъ, Кольрейджъ и онъ, опредѣлили сдѣлать опытъ, не надъ простодушномъ (*in anima vili*), а на больномъ извѣстнаго семейства, разбитомъ параличемъ, онъ котораго врачи отказались. Больнаго не предупреждали о способѣ леченія. Девъ началъ нѣтъ, что положилъ подъ языкъ больнаго маленькой карманной термометръ, дабы опредѣлить степень теплоты крови, которую должно было увеличить посредствомъ селипрокислой окиси. Едва больной почувствовалъ промежъ зубъ тер-

а) Свойство ихъ — разлагаясь отдѣлять газъ кислородный, шонъ, который содержится въ воздухѣ поддерживающъ дыханіе и соединяясь съ кровію въ легкихъ сообщаетъ ей теплоту, яркость цвѣта, словомъ всѣ условія усиленной жизнеспособности. *Перев.*

момспрь, какъ, увѣренный, что дѣйствіе уже началось и что *термометръ* быть пошѣ могущесивенный *талисманъ*, о которомъ сполько говоритъ ему Докспоръ, вскричалъ: «Я чувспвую себя легче!» Девн проннцашельно взглянулъ на Кольрейджа и Беддозса. Вмѣсто того чтобъ упошребнть избранное средспво, онн ограничнлись пермометромъ; завспра паже испорн, послѣ завспра поже. Послѣ двухнедѣльныхъ опышвъ, въ продолженіе коихъ спаннспвенный талнспанъ съ подобающею важностню возлагаемъ быть на языкъ бѣднаго паціентпа, обращеніе кровн прнннло свое еспеспвенное печеніе, члены получили движеніе, здоровье воспановилось: леченіе совершено было удачно, хотя ннчего другаго упошреблено не было. Если бъ Девн не очаровалъ таинспвенностню своего опыша, если бы пренебрегъ сценнческою частню нскусства, еслнбы проспо сказалъ больному: «вошъ пермометръ, для того-шо!» паціентъ оспался бы въ паралнчѣ, а леченіе селнпрокнслою окнсю безъ сомнѣннн бы его уморнло.

Точно поже бываетъ въ наукахъ шочныхъ, въ спрудахъ суровой ученоспн, по внднмому, совершенно чуждыхъ шарпаннспва; человекъ ловкой и здѣсь найдетъ средспво разыграш сцену и увелнчнш свои заслугн. Вндали людеѣ, кошорые для одного удовольспвія, нзобрѣшали новыя нарѣчнн

языковъ, словарь коникъ былъ имъ только извѣ-
спень, и смѣло выдавали ихъ за нарѣчія древнія,
упраченныя. Другіе выдумываютъ небывалыя
имена, цѣлыя династіи царей, спроекти съспемы
на вымыслахъ, историческіе прапангы на
подложныхъ рукописяхъ. Самая блиспанель-
ная, самая пепральная, липературная миспи-
фикація, увѣнчавшая искусство художника сла-
вною извѣстностію, былъ Оссіанъ Макферсона.
Онъ сотворилъ цѣлое поколѣніе романическихъ
героевъ, болѣе рыцарскихъ, чѣмъ Дон-Кихотъ,
болѣе мечпанельныхъ, чѣмъ Вертеръ; и смѣ
храбрымъ, непорочнымъ, доблестнымъ поколѣ-
ніемъ заселилъ дикія скалы Каледоніи въ десятомъ
вѣкѣ. Нелѣпость такой выдумки была очевид-
на; но эпо древнее Галическое нарѣчіе, эти ру-
кописи собраныя въ Гайландѣ и преданныя вну-
ками Бардовъ, эпо безспыдство и увѣришельный
пунъ Макферсона, овладѣли всеобщимъ внимані-
емъ. И павовъ былъ успѣхъ его надъ легковѣ-
ремъ современниковъ, чпо подлинныя опрывки
Оссіана, вскорѣ изданныя, едва изпли нѣсколь-
ко чинапелей.

Въ полиникѣ искусство представивельное
или пепральное имѣетъ еще большую важ-
ность. Полиника еспъ зыбкое поприще, гдѣ
сливаются всѣ оппѣнки, гдѣ каждый вимо-
ваитъ, каждый правъ, гдѣ люди ошибаются безъ

спыда и преспуления, гдѣ вѣчное колебаніе между истиною и ложью, гдѣ ничто не сохраняетъ дѣйствительнаго значенія и подлинной цѣны своей. Какъ трудно для наблюдательности, для анализа, для ума, воцариться въ этой сферѣ двусмысленностей и призраковъ! Суровость мысли и суровость выраженія здѣсь часомъ бывають неумѣстны и пагубны! Говорить ли о полиптикѣ предсавительной? Здѣсь падаютъ лучшіе доводы, порожествуютъ самыя лживыя понятія, если искусный драматургъ возьметъ бразды событий и начнетъ править колесницею парпій. Человѣкъ геніальный, зная какіе младенцы люди, будетъ ли пренебрегать сими пособіями? Чапманъ не обращалъ ли въ пользу своего косятъли а)? Беркъ въ прагматическомъ заключеніи рѣчи бросаетъ на паркетъ залы собранія кинжалъ. Мирабо потрясаетъ своею львиною гривой и ужасаетъ громозвучнымъ голосомъ. Вотъ актеры великіе, знавіе родъ человѣческій! Убѣжденія, доводы, инприги, понкопси дипломатіи, украшенія рипорическія, имѣли всегда удачу. Сдѣлайте полиптику сценическою, подымите завѣсу, двиньте декорации, займите народъ, разсавьте лица — и,

а) Онъ былъ хромъ.

съ небольшимъ запасомъ ума, но съ хорошою игрою, непременно доспигнете цѣли!

Укажите хотя одного Брипанскаго полиппика, который бы не пользовался сими средствами? Виги и шорисы, радикалы и якобинцы, упошребляли одни и тѣже приемы. Гунштъ влечется въ колесницѣ запряженной бѣлыми конями; Шериданъ разгнѣвается среди Парламентскаго комедію; Лордъ Эльдонъ заливается слезами нѣжности; Маршенъ оплакиваетъ участь перерѣзанныхъ быковъ и ословъ — спрдаальцевъ. Комедіи, фарсы, прогашельная драма, всѣ роды зрѣлищъ! Великій Беркъ, слѣдя Французскую революцію, передѣлываетъ ее для забавы галерей въ Парламентскую трагедію и выигрываетъ такимъ образомъ девять сонгъ фуншовъ сперминговъ и незапимѣваемую славу. Варренъ Гаспингъ злодѣйствуетъ въ Индіи. При изобличеніи его, Вешминистеръ спановится сценою. Беркъ и Шериданъ берутъ на себя роли, рѣчи, и являютъ на театръ. Слоны, Земиндари, Сулпаны, Рани, биншвы, маневры, пожары—все было, кромѣ развязки! Конечно, пресупупленіе получило вѣнецъ, добродѣтель умираетъ съ голоду — довольно печальное заключеніе! Но краснорѣчіе гремѣло, политическая сцена произвела свое волшебное дѣйствіе... забылись, онѣмѣли, поражены, запуганы — и довольно!

Англичане имѣютъ особенное, природное расположение къ сценикѣ. Они любятъ видѣть пышныя одежды, важныя лица при шоржесствахъ, шумныя капаспрофы въ журналахъ. Торжественныя обряды необходимы для нихъ. Я боялся, что Лондонъ взволнуется, при послѣдней коронаціи, лишенной древнихъ гопическихъ принадлежностей... Волненіе важное и болѣе пагубное, чѣмъ при билѣ о реформѣ! Какъ! нѣтъ ни сокольничьяго, ни ключника, ни спольника! Рыцарь Англіи, Г. Димокъ, на бѣломъ испорическомъ конѣ, исчезъ со сцены. Сии ужасныя нововведенія заставляли препепать Перовъ и Епископовъ, на ихъ древнихъ сѣдалищахъ. Лишанъ провъ еспешивенныхъ, необходимыхъ украшеній, есть шоже, что опнимаъ лучи у солнца!..

Но, при всей наклонности Англичанъ къ шоржесствамъ, парадамъ, сценической пышности, Франція можетъ служить образцомъ и для ней. Ея предсавительная полишка гораздо разнообразѣе, занимапельтѣе Брипанской; Перы и Депунапы, монархисты и республиканцы, всѣ знаютъ свое дѣло. Цѣлая спольнія Франція занимается искусствомъ, о которомъ мы разсуждаемъ. Взгляните на Людовика XIV: какъ предсавительна его пышность! Все царствование его было великолѣпный спектакль. Онъ выдерживаетъ роль завоевателя, ги-

сашеля, ханжи и прависеля, съ удивительнымъ терпѣніемъ. Опправляеися за войскомъ въ Голландію — герой; дѣлитъ время съ Гжею Фонтанъ и Боссюзомъ — ханжа; подписываетъ указъ о выдачѣ пансіоновъ раздаваемыхъ Колбертомъ — покровитель наукъ. Человѣкъ великій! актеръ превосходный! Только одинъ Бонапартъ превзошелъ его! У Наполеона все было рассчитано для разительности, для эффекта. Какой мастер! какой гений! Его спранный нарядъ, маленькая трехгранная шляпа, плащъ двусмысленное, застегнутое сверху и разпахнутое внизу; неожиданныя, рѣзкія движенія, умъ въ время улыбки и бытъ угрюмымъ; руки сложенные съ разчитанною выразительностію; дневные приказы, характеристическіе бюллетени; постоянное вниманіе спать, одрапировавшись, принявъ должное положеніе, даже въ минуты бездѣйствія: все обнаруживаетъ глубину его видовъ и убѣжденіе, что онъ, какъ лицо историческое, могъ бы поперять часть своего могущества, пренебрегая сими наружными средствами, костюмомъ и приемами. Говорилъ ли о Дворѣ Наполеона, о блестящихъ мундирахъ, о воинской аристократіи, о пышности почвы Азіатской, окружавшей завоевателя?

Представленія сіи должно принаровлять къ господствующему вкусу. Это великое правило, котораго не должны забывать полиптики. Надобно

сообразоваться съ своею эпохою. Измѣнилась публика — перемѣнилась и вы. Ежели перебу-ютъ драмы правильной, поржеспвенной, великолѣпой — смоприпе Дворъ Людовика XIV. Если предпочипаютъ прагическую-комедию — для образца есть Фронда; если нравятся мѣлкїя сценны и безспыдныя фарсы—возьмипе Регенсптиво. Мелодрамы Бонапарта, конечно, болѣе сложны и шрудны для исполненїя. При Карлъ X не было ничего шруднѣе, какъ занятъ въпренность Французовъ. Предспавленїя Трокадеро казались мѣлкими, поржеспство Алжирское не удовольспворяло. Теашпръ былъ запертъ!..

Люди государственные, къ какому бы подраздѣленїю парпїй ни принадлежали, какъ бы ни вмѣщивались въ дѣла общеспвенныя, если только имѣютъ способноспи, должны чувспсвовать необходимую пошребноспъ усовершенспсвовать себя въ драматическомъ искусствѣ. Не думаепе ли вы, что Канцлеръ Англіи, главный виновникъ реформы, другъ радикаловъ, человекъ совершенно народный, что Бругамъ, живептъ съ Спаршпанскою проспошою и пренебрегаептъ блиспашельныя и поржеспсвенныя опличїя, коими обыкновенно тѣшались люди сильыые? По испинѣ, нѣтъ. Онъ сохранилъ огромный парикъ Канцлера Англіи. Онъ надѣваептъ шляпу предъ адвокатами и чаще всѣхъ другихъ Миниспровъ упошребляетъ швейцаровъ

съ золотыми цѣпями въ шипыхъ кафпанахъ. Народность Бругама дѣлаеиъ свое дѣло. Робеспьеръ былъ также славный актеръ.

Спупайиъ къ знаменитому Бругаму и про-
будыиъ у него въ субботу утро. Замѣчатель-
нѣйшій изъ мужей Великобританіи живеиъ въ
маленькомъ, закопѣломъ домикѣ, загроможден-
номъ со всѣхъ сторонъ неправильными спроеиі-
ями. Въ десяти часовъ ровно дверь опворяеиъ;
ближайшія улицы загромождаются экипажами.
Швейцаръ, споя внизу у лѣстницы, переаеиъ
ваше имя другому, кошорый васъ вводитъ. Въ
углубленіи продолговатой, великолѣпно убран-
ной залы, сидиъ Канцлеръ: позади его споиъ
капелланъ, по спаринному, незапамяиному обы-
чаю. Канцлеръ одѣиъ въ черное бархатное пла-
тье; важныя, выразишельныя, рѣзкія черты ли-
ца его суровѣ и поржесшвеннѣ обыкновенна-
го. Осмошрииъ вокругъ, замѣиъиъ эти почпи-
шельныя привѣшшвія, эио благоговѣиое без-
молвіе, вгладииъ въ толпу песпрѣющую ор-
денскими лентами, звѣздами; предспавипель
народа кажеиъ государемъ, дающимъ ау-
диенцію. Въ эиой толпѣ вы, найдеиъ генера-
ловъ, поэиовъ, ученыхъ, адвокатовъ, лордовъ,
духовныхъ, журналистовъ. Вошъ Веллингтонъ:
блѣдно, безчувшвенное лицо его прѣсияеиъ.
Онъ, споль холодный и жеспкій въ своихъ сло-

вахъ и поспупкахъ, принимаетъ видъ благосклонный и чувствительный, спарается улыбнуться Бругаму, всегдашнему политическому врагу своему. Подлинно любопытно, послѣ столь упорныхъ споровъ, бѣшеныхъ схватокъ, безпрепятственныхъ выходокъ другъ пропивъ друга, видѣвъ ихъ дружески, ласково встрѣчающихся: сцена разыгрывается прекрасно! Велингтонъ, видя въ Бругамъ чловѣка нужнаго, забываетъ, что адвокатъ народа часто забрасывалъ грязью его лавры. Канцлеръ, увлекаясь льстивыми свидѣтельствами уваженія и зная весь Лорда въ обществѣ, забываетъ ненависть Велингтона къ его краснорѣчію. Толпа удивляется, слышенъ ропотъ, замѣтны движенія... Эффектъ сценическій удался... Могущество Бругама не подвержено болѣе сомнѣнію!..

Далѣе вы видѣте Епископа Йоркскаго и другихъ духовныхъ сановниковъ, въ свитѣ адвоката - разночинца, копорый такъ часто и такъ сильно возспавалъ пропивъ выгоды и даже преимуществъ церкви; еще далѣе маленькаго Джефрея, прежняго издаателя *Эдинбургскаго Обозрѣнія*, а теперъ Генерал-Адвоката Шотландіи, искренняго друга Бругама; Лорда Карнарвона, бывшаго вигомъ, а теперъ пропивника реформы; Лорда д'Эрроля; Сира Роберта Вильсона, воина историческаго, орапора смѣлаго и несчастнаго;

съ дюжину Лорд-Лейпенаптовъ въ полной военной формѣ; множество Герцоговъ, и между ними Герцога д'Аргиль съ прекрасною, задумчивою фizioномією; Маркиза де Брисполь, копорого легкая, мѣрная поступь напоминаетъ прежній Дворъ Франціи; Лорда Нозля, родственника Леди Байронъ; цѣлую кучу безимянныхъ Генераловъ и Баронетовъ; Сира Джемса Скарлетта, прежняго пропивника Бругама, такъ странно перешедшаго на лѣствицу почестей и богатствъ; Сира Джона Деймана; Президента Нижней Палаты, Мамерса Сюдпона, человека превосходнаго, будто созданнаго для своей шрудной должности; Лорда Клорикорда, Лорда Фюричама, и множество другихъ, именъ коихъ не припомню. Бругамъ выдерживаетъ роль свою съ величайшимъ искусствомъ и важностію; какъ старой придворной, всѣхъ одѣваетъ ласками, улыбкою, привѣтствіемъ, пожатиемъ руки; вы подумаете, что этотъ человекъ, преданный занятіямъ столь важнымъ, многочисленнымъ, высоко цѣнимымъ внѣшнія приличія и исключительно посвящаетъ себя сценической части своего званія.

Зрѣлище, конечно, занимательное: аристократія породы и счастья преклоняетъ колѣна предъ аристократією дарованій и славы; но не менѣе замѣчательно вниманіе Бругама къ формамъ наружнымъ. Человекъ кабинетный, вынужденный

вспуниль на сцену жизни полишической, превращаешь въ актера и вмѣсто того чпобъ ошпрекаешь ошъ своей роли, извлекаешь изъ ней выгоды; вмѣсто того, чпобы презирашь наружныя почести, ищешь ихъ. Онъ знаетъ, чпо полишикъ не долженъ пренебрегать ничѣмъ для поддержанія своего владычества и чпо, безъ сихъ видимыхъ знаковъ, могущество и кредитъ его могутъ разрушиться.

Но ежели придворное платье, швейцары и вся парадная свита Бругама въ дни пріемныя, представляють торжественное зрѣлище: шо вообразишь, какое забавное впечатлѣніе производитъ человекъ бездарный, не пользующійся общественымъ уваженіемъ, когда онъ хочетъ ничпожество свое прикрыть великолѣпіемъ наряда или важностію сана! Склонность Англичанъ къ церемоніямъ, часто доставляетъ подобную забаву. Прибавимъ къ шому, чпо и уголовное судопроизводство Британіи обязано многими весьма печальными принадлежностями шой же склонности къ сценикѣ. Извѣстна мелодраматическая наружность процессовъ, ошзывающаяся варварскими хвастовствомъ пресупленія, въ коемъ справедливо упрекають чужеземцы Англію!

При шакоемъ сценическомъ расположеніи, разумѣется, должны быть свои крайности и недостатки: шакъ, благодаря ему, благодаря декорациямъ, кои окружають пресупниковъ,

въ Англіи, они безъ ужаса приближаются къ висѣлицѣ и плахѣ. Конечно во многихъ странахъ героизмъ разбойничій пользуется уваженіемъ просполудиновъ; но только въ Англіи инперестъ къ преспутленію ооединяется съ высшею образованносцію. Смоприпе на оправишеля, на убійцу: съ какимъ шоржесшвомъ идутъ они на смерть, швердо увѣренныя, что будущъ героими будущей недѣли и запмятъ на нѣсколько дней славу Веллингтона, Байрона, Бругама, Грея. Молодой, прекрасной, ловкой юноша, спокойно и весело ѣдетъ на мѣсто казни среди народа безчисленнаго. Не думайше, чтообы онѣ имѣлъ героизма больше, чѣмъ мы: нѣтъ! необходимосш разыгрывашъ роль внушена ему съ младенчесшва; онѣ Англичанинѣ; онѣ идешъ умирашъ предѣ публикою многочисленною, успроиваетш свою смерть, драшируетш свои похороны. Сокрашъ выпивающій цыкушу, древнія Римлянки на одрѣ смерти оправлявшіа складки своего плашья, не умирали шоржесшвеніе. Вѣрише ли, что сцены позорной казни ищупъ приблизиться даже къ величію! И эшо слѣдсшвіе особеннаго Англійскаго предрасположенія къ набожному лицемѣрію, называемому *sant a*). Начиная, съ Министра, копорый со шшагою въ рукѣ, воору-

а) Слово ишпереводимое.

женный Конгреговскими ракетами, двигал милліоны солдатъ, призывающъ благословеніе Милосердаго Бога, до послѣдняго негодья, копорый, заръзавъ проѣзжаго, съ самодовольною улыбною идесть на висѣлицу, мы всѣ великіе искусники дѣлаемъ зло сколько можно поржеспвеннѣе, принявъ для совершенія преспуленія положеніе самое назидательное. Довольно длинно выпянутого лица, смиренно сложенныхъ рукъ, умиленной фізіономіи: и мы удивляемся челоѣку, хотя бы шо былъ опщеубійца! Тюремный паспортъ увѣришь его, что онъ спасенъ; журналы наперерывъ повпоряютъ его послѣдніа слова; между шѣмъ челоѣкъ проспой, во всю жизнь не омрачившій себя никакимъ преспуленіемъ, умираетъ съ ужасомъ, что Всевышній не простишь его прегрѣшеній! Могуцесиво милосердіа обращается на людей, вовсе недоспойныхъ. Для преспутника въ Англіи дорогу усыпаютъ цѣпями и эшафотъ какъ будшо служишь преддверіемъ славы!...

Разсмотримъ сей предметъ внимательнѣе. Брипанскіе уголовные законы, по спрогоспи своей, испинно Драконовы: они распочающъ смерть, проливающъ ручьями кровь челоѣческую. И чтоже? Ихъ жестокосшь вредитъ ихъ могуцесиву, поелику всѣ принимаютъ живое участіе въ подпавшихъ спрогому ихъ осужде-

ню. Казнь спановишся мелодрамою. Народъ вмѣсто того, чѣмбы содрогнувшись отъ ужаса при видѣ справедливой жертвы порядку общественному, хладнокровно измѣряетъ мужество осужденнаго, котораго спокойно, не блѣднѣя, смотришь на орудіе смерти, надеясь искупить свое преступленіе въ глазахъ развратной толпы, заслужить славу, прославить героемъ.

И все устремлено къ сей цѣли! Явность донесеній полицейскихъ и судебныхъ споровъ, продолжительное приготовленіе къ казни, самая казнь, силаніе возбудить участіе народа и заподозрить спротивую нравственность закона. Какъ! Самая порожесивеннѣйшая, ужаснѣйшая общественная трагедія, наказаніе преступленія, спановишся ничтожнымъ фарсомъ? Журналисты и судьи, полиція и чернь, соперничаютъ другъ передъ другомъ въ ложномъ направленіи общественной чувствительности! Опчешъ адвокатовъ обыкновенно пишется слогомъ самыхъ напыщенныхъ и пошлыхъ романовъ. Генерал-адвокатъ спановишся Демосвеномъ; защитники цѣнятъ только шумъ своихъ рѣчей; подсудимый ведетъ себя плакь, чѣмбы послѣ написали въ газетахъ; духовникъ надеется, что раскаяніе преступника обратитъ на него общее вниманіе! Гдѣ же величіе смерти! Гдѣ ужасъ издвозда-

нiя, коимъ обществу поражаетъ своихъ членовъ а)!

Если необычайныя обшпояшельства, санъ обвиняемаго или подробности пресупленiя подспрекнутъ общее вниманiе: тогда всѣми средствами спараются раздуть пламя. Ежедневно газеты возобновляютъ афишу приготавлиаемаго зрѣлища. Портреты подсудимаго развѣшиваются на всѣхъ перекресткахъ. Задорого покупаютъ его шросы, шабакерку, галспукъ; помпипсы около дома, ходятъ смопрѣты комнапы, гдѣ онъ жилъ, какъ будто глубочайшее забвенiе не должно бытъ единспвеннымъ его вознагражденiемъ. Окна домовъ передъ плахою опкупаются весьма дорого; знапыя дѣмы спорятъ о нихъ, словно о ложахъ шеапра. Спешники новостей проникаютъ въ шорьму и передаютъ журналиспамъ каждое слово, каждое движенiе пресупника; всѣ дѣлаютъ спекуляци на эшафонъ; и многiе директоры шеапровъ дѣйспвительно выводятъ на сцену пресупленiя, осужденныя законами. Такъ дѣло Турпелля въ Англiи и Фульда во Франции сдѣлались мелодрамами.

Все это удивительно пагубно для нравспвенности. Однозвучныя проповѣди, чувспви-

а) Замѣчательное признанiе гордаго Великобританица, урокъ нацимъ Англомамамъ подражащеламъ. *Пер.*

пелыныя воззванія журналистовъ, были бы очень смѣшны, еслибъ не были весьма опасны. Чпо въ Англіи соспавляетъ любимое чпеніе? Споры судебныя! Чернь высшаго и низшаго класса ими занимается безпрестанно, съ особеннымъ уча-спіемъ. Расскажице ей подробности убійства, разговоры въ вершеніи разбойниковъ: и она чрезвычайно довольна. Такимъ-по образомъ сближающа, привыкающъ къ порокамъ и преспуленіямъ. Законоположеніе перяетъ пошъ священный, спасительный ужасъ, копорый долженъ быть неразлученъ съ исполненіемъ казни. Въ семъ ужасномъ зрѣлищѣ не видно дѣйсвіа карающаго закона, а только жалкая мелодрама. Привыкающъ къ симъ болѣненнымъ поспрясеніямъ, къ пагубному изспуленію: оно спавовишся необходимостью. Подражашели преспуленія — (ибо и оно можетъ имѣть ихъ)—слѣдующъ по сполбовой дорогѣ, обозначенной удивленіемъ общественнымъ. Нравспвенность народа развращается: онъ привыкаетъ къ ложному, одобряетъ лицемеріе; цѣлостъ общества поршншся, шакъ чпо законодатель изумляется, не находя средствъ къ исправленію. По несчастію родъ человѣческій не въ силахъ выносить испины, безъ примѣси лжи! Ложь для него необходима: онъ не можетъ обойтись безъ шарлатанства. Но если лигашура превышаетъ количество мепалла чиспаго и швердаго, если ослабшся въ оборонѣ только одна фальшивая мо-

непа, що и самый снисходительный моралистъ возманилъ пропить споль опаснаго искаженія. Обманъ позволительъ, но не сполько чпобы подавлялъ всякое чувство истины и правосудія!

Нѣтъ сомнѣнія, что шарлатанство и ложь бывали испочниками самыхъ благодѣтельныхъ слѣдствій. Посмотришь, какъ обманы, самые очевидные, обогатили человѣчество полезнѣйшими открытіями. Химія порождена алхиміею, аспрономія возникла изъ аспрологіи, вычисленія вѣроятностей порождены выкладками гадапелей. Всѣ благодѣтели рода человѣческаго были шарлатаны, болѣе или менѣе смѣлые: Пифагоръ съ своимъ золотымъ бедромъ, Нума съ нимфою Егеріею, Александръ съ опцемъ своимъ Аммономъ. Еслибы учитель Платона, божественный Сократъ, лучше располагалъ свои драматическія представленія и умѣлъ лучше пользоваться своимъ домашнимъ демономъ, то не вкусилъ бы цыкушы. Цезарь, оприцающійся опъ имени Царя; Сикстъ-Пяпый, опирающійся на клюку; Кромвель, опрекающійся опъ короны; Бонапарте, Первый Консулъ: вопъ актеры великіе, шарлатаны кусные! Занимашъ мѣспю въ свѣтѣ и не заболитъ о коспкомъ, маскѣ, выраженіи, пріемахъ, не умѣш во время вышпануться, сказать, поморщиться, солгать—значитъ забыть основ-

мыя правила искусства, осудить себя на падение и заслужить свистъ исторіи.

Медики, законники, поэты, духовные, возстають съ гнѣвомъ пропивъ сего важнаго искусства: они громящъ жаднаго аптекаря, дающаго совѣты безъ диплома, дѣльца, хвастающагося за работу, не выучась, журналиста, выкрикивающаго себѣ деньги. Но повѣрьте, эти спрогнанные возстають не пропивъ шарлатанства, а пропивъ соперничества, котораго боятся. Они впрочемъ знаютъ и увѣрены, что всѣ эти люди, пересолнивъ свои хитросплетенія, сами зарѣжутъ наѣдку, которая несетъ имъ золотыя яйца, сами опрокидываютъ публикѣ. Между тѣмъ медикъ имѣетъ свою черную кабриолетку, своего слугу въ ливреѣ; онъ издалъ вздорную книжонку о употребленіи минеральныхъ водъ, о холерѣ и нервныхъ болѣзняхъ. Объ немъ пишутъ въ журналахъ, онъ спановился извѣстность, крестивъ своимъ именемъ какой-нибудь невинный элексиръ, какія-нибудь лепешечки или капли. Аптекарь, другъ и кумъ его, разхваливаетъ пріятеля; а у него самаго въ аптекѣ спланировано безчисленное множество, надпись на надписи, названія Лашинскія, Греческія, знаки плагиатныя, лекарства во всѣхъ возможныхъ видахъ. Къ чему думаете все это? Большая половина банокъ пуста, большая часть лекарствъ никогда не употребляется. Шарлатанство! А вазы съ

жидкостями разноцвѣтными, голубыми, красными, зелеными, желтыми? Къ чему онѣ? Только для того, чтобы изумлять васъ—не болѣе! Духовный издаешь разсужденіе о духѣ вѣка и о Греческой пародіи; адвокатъ защищаетъ дѣло поспѣдное и оскорбляетъ спорону справедливую; членъ Парламента заспавляетъ Президента прижиды напоминая о порядкѣ; авторы — но чего не дѣлаютъ они, чѣмъ не торгуютъ?... .

Кипо бы вы не были, постройте себѣ сцену, выберите роль, лигте, какъ зубной лѣкаръ, и никогда не краснѣйте. Въ Англіи это средство чудесно. Англія гнѣздо шарлапанства, мирное прибѣжище глупостямъ всякаго рода. Тамъ слѣпо вѣрують всякому обману. Тамъ можно дѣлать все, что угодно. Гдѣ больше цѣнятся дарованія актеровъ и гдѣ онѣ блистательнѣе? У какого народа въ мірѣ есть столько безполезныхъ колоній; законодательство такъ чудесно запущено; армія столь знаменита генералами на полужалованьи; росписаніе расходовъ ужаснѣе, корпусъ дипломатическій убѣдочнѣе... наконецъ у кого долги огромнѣе долговъ Англіи???

(NEW MONTHLY REVIEW).

V.

ЗНАМЕНЫТЫЕ СОВРЕМЕННОИКИ.

БЕТХОВЕНЪ.

Что Гете сдѣлалъ для Германской литературы, то Людвигъ Бетховенъ для музыки. Измѣнить сферу искусства, расширить ея предѣлы и, ниспровергнувъ все, достигнувши новыми и доселѣ невѣдомыми путями могущественныхъ эффектовъ, не есть ли дѣло гения? Разумѣется, быть сомнѣнія! Включите же Людвига Бетховена въ число гениевъ, и припомъ самыхъ разрушительно-зигидипельныхъ, какіе когда-либо существовали!

Если имена, назначенныя служить типомъ, символомъ и какъ бы сокращеннымъ представленіемъ цѣлой эпохи. Съ Мирабо числятся Французская революція, съ Наполеона Французская Имперія, съ Давида преобразование графическихъ искусствъ во Франціи; ко времени Вальтера Скотта относится замѣчательное измѣненіе въ теоріи романа, ко времени Россини чрезвычайные успѣхи драматической музыки. Сіи особенные люди, усвоивъ себѣ, такъ сказать, цѣлую обласль, печатающую ее своимъ именемъ: такъ мореплаватель, открывъ островъ среди океана, даетъ ему свое названіе. Равнымъ образомъ съ Бетховена начинается историческій рядъ новыхъ музыкантовъ, между коими сіяетъ имя Вебера и конхъ школа распространяется далеко въ Европѣ. Онъ послѣдуетъ Моцарту и ниспровергаетъ его систему. Явленіе его совпадаетъ съ эпохою появленія Гете,

Шиллера, Вернера, Канта, Фихте; и, подобно имъ, Бетховенъ домогается успѣха, коего ищетъ, онъ началъ болѣе возвышенныхъ, онъ изслѣдованія болѣе метафизическаго элементовъ и средствъ своего искусства. Его упрекаютъ въ шумномъ миссицизмѣ, въ изысканной глубинѣ, въ спрванной новизнѣ эффектовъ: но Шиллеръ и Гете развѣ невинтѣ въ сихъ отношеніяхъ?

Можно было думать, что послѣ Моцарта и Гайдна въ Германіи, послѣ Чимарозы и Перголеза въ Италіи, музыкѣ не оставалось больше дѣлать никакихъ успѣховъ; казалось, были достигнуты ею послѣднія границы, положены послѣдніе ей предѣлы. Но музыка есть искусство; движеніе составляетъ ея жизнь; и шопъ, кто изучитъ ея быстрые перевороты, всегда сопровождаемые одинакими воспоргами, шопъ утѣрился, что сфера, въ коей она развивается, безконечна и что безразсудно было-бъ назначать крайнюю точку, гдѣ должно остановиться ея пареніе.

Германія, со времени Реформаціи, обладаетъ музыкальнымъ искусствомъ, отличающимъ ее отъ всѣхъ прочихъ Европейскихъ народовъ. До конца XVI столѣтія во Франціи, Испаніи, Фландріи, Англіи, Португаліи, Италіи, была одна музыка. Одинъ и шопъ же характеръ замѣчается въ твореніяхъ Португальскаго музыканта АГоеза (A'Goes), Италіянца Сприджіо, Англичанина Фарнеби, коему покровительствовала Королева Елисавета, Испанца Моралеса, Фламандца Николая Гомберта, Германца Финка. Въ послѣдствіи Италіанскія мелодіи наводнили Европу, такъ что едва кое-гдѣ опъзывались нѣкоторымъ

старинныя Ирландскія, Шотландскія и Французскія національныя пѣсни. Ничто еще не предвѣщало вкуса Нѣмцевъ къ соображеніямъ, устанавливающимъ гармонию, ни способности ихъ къ ученой музыкѣ, основывающейся на искусномъ сліяніи, а не на одной послѣдовательности тоновъ. Люперъ, все измѣнившій въ своемъ опечески, далъ новое направленіе и музыкальному искусству. Онъ хотѣлъ, чтобы весь народъ славословилъ Бога, съ пѣхъ поръ безъ исключенія чепырех-голосное пѣніе духовныхъ псалмъ сдѣлалось національною особенностію Германіи. Въ школахъ обучали дѣтей пѣнію сіи псалмы; партесное пѣніе сдѣлалось легкимъ, обыкновеннымъ дѣломъ; во всякомъ городѣ была своя хорная книга; величайшіе композиторы не гнушались посвящать свои таланты сей работѣ. Такимъ образомъ Нѣмецкая музыка ознаменовалась характеромъ важности, торжественности, учености. Сіи пѣсни безпрестанно разнообразились; и музыканты, обязанные аккомпанировать имъ, нашли множество новыхъ средствъ и сочетаній, коихъ не подозрѣвала сама Италія. Искусство Италіянское, которое было только пріятное отдохновеніе, плодъ роскоши и нѣги, произвело предельныя, блестящія созданія; искусство Германское было торжественное и суровое, меланхолическое и возвышенное. Германскія обѣды, концерты, вечера, Те Деум, нисколько не походило на прекрасныя произведенія Италіянскихъ музыкантовъ, соперничествовали съ ними. Адамъ Гуммельхеймеръ, Леонъ Гаслеръ и Христіанъ Эрбахъ, положили первыя основанія сему стилю, усовершенствованному въ послѣдствіи Шейдомъ, Гаспардомъ

фон-Керлемъ, Фробергеромъ и въ особенности Юганномъ Себастьяномъ Бахомъ, глубокимъ, оригинальнымъ и меланхолическимъ гениемъ.

Такимъ образомъ въ Германіи преимущественно изучаемы были различныя свойства голосовъ, эффекты различныхъ инструментовъ, ихъ средства, выраженіе, эффекты, происходящіе отъ ихъ смѣшенія. Между тѣмъ какъ вокальныя мелодіи размножались въ Италіи, инструментальная музыка совершенствовалась въ опеческѣ Баха и Фробергера; религіозное вдохновеніе породило торжественныя ораторіи; симфонія, чистое Германское изобрѣшеніе, образовывалась мало по малу. Подъ рукою Гайдна она приняла форму драматическую. Всѣ инструменты оживились, вступили въ соперничество между собою, вопрошали другъ друга, отвѣчали взаимно. Тему, предложенную однимъ изъ нихъ, всѣ прочіе повиновались, измѣняли, волновали, разнообразили съ удивительнымъ искусствомъ: она соснавала цѣлую поэму. Художники, спурдшіеся для сцены, между прочими Кейзеръ, ознаменовали произведенія свои тѣмъ же характеромъ; ихъ аккомпанименты были больше выдержаны, больше правильны, больше выразительны; они не довольствовались умѣніемъ дасть преобладаніе голосу, единственному вождю и повелителю послушнаго оркестра; инструменты разнымъ образомъ принимали участіе въ концертѣ и заняли въ немъ важное мѣсто. Гендель, наиболѣе торжественный изъ музыкантовъ, превзошелъ всѣхъ энергією, огнемъ и ученымъ составомъ своихъ хоровъ. Граунъ, Гассе и Науманъ шли по стопамъ его. Наконецъ Мендартъ, болѣе

спирасный и болѣе разборчивый, чѣмъ его предше-
ственники, соединивъ въ твореніяхъ своихъ важность и
роскошную гармонию Генделя съ искусствомъ и пло-
довитостью Гайдна, создалъ формы колоссальнаго
развитія и щедрой рукой усыпалъ свои партитуры
изобиліемъ новыхъ мелодій. Характеръ Гайдна есмя
разнообразіе, грація, изящество пропорцій; харак-
теръ Генделя величіе и ученость; характеръ Моцар-
та всеобщность. Никто не доводилъ до равной
степени искусствомъ смѣшенія различныхъ звуковъ и
искусство успановлять единство въ спомъ много-
сложномъ, почти безконечномъ разнообразіи.

Винтеръ, Вейгль, Цумштегъ, Дани, Рейхардтъ,
Гировицъ, Кроммеръ, Гофмейстеръ, Коцелюккъ,
Фоглеръ, наслѣдовали Моцарту и поддержали музы-
кальную славу Германіи; которую можно почести
опечесствомъ гармоніи собственно такъ называемой.
Трудно былобъ составить полный капиталъ Нѣмецкихъ
сочиненій, вышедшихъ съ XVII спольпіа, о контра-
пунктѣ, генерал-басѣ и другихъ условіяхъ гармоніи.
Число сихъ дидактическихъ твореній превышаетъ
всякое понятіе и испугало бы чинашеля.

Таковъ ходъ музыки въ Германіи, съ эпохи ея Ре-
формаци до Французской Революціи. Мы видимъ, что
искусство сіе развилось здѣсь не изъ физической по-
требности организма, какъ въ Италіи, не изъ спре-
мленія выражать свои мысли, какъ во Франціи, а
изъ меланхолическаго, священнаго, глубокаго одуше-
вленія. У Французовъ въ пѣніи всегда скрывался ка-
кая-нибудь мысль; они хопятъ, чтобъ пѣснь выражала

вселелось или иронію. Что касается до Испанцевъ, живость ихъ чувствованій выражается ярко въ ихъ спрасивныхъ мелодіяхъ. Германецъ напротивъ пвнїемъ хочеть славословишь Бога; музыка для него важное занятіе; и съ сей точки зрвнїа искуснво сіе представляется и бдвнїшему земледвльцу и знатннїшему вельможѣ. Въ Саксонїи и Баварїи правнпелдснво на свой счетъ обучаетъ бдннхъ днпей первымъ началамъ гармонїи; ихъ содержатъ и воспитываютъ съ пвннхъ условїемъ, чпобъ они въ извѣстные дни пвди по городамъ, на площадяхъ и передъ домами почетнннхъ гражданъ; священныя гимны и національныя пснн раздаютъ поочередно изъ ихъ усннхъ, въ различныхъ улицахъ и кварпалахъ. Такимъ образомъ распространился вкусъ къ музыкѣ; привычка слышать гармоническіе звуки переходитъ наконецъ въ потребность. Не только сн общеснва бдннхъ псесельняковъ составляютъ въ большихъ городахъ отдѣльные классы, исключительно посвященные музыкѣ; но въ ннкоторыхъ фамїліяхъ не знаютъ другаго занятїа, другой славы, другой должностн, другаго средснва къ пропнпанїю, кромѣ музыки; дѣвочки и мальчики, всѣ безъ исключенїа, родятся и оспаютъ музыкантами. Такова фамїлія Баховъ, родоначальникъ коей, изгнанный около половины XVI столѣтїа, за протестантснство, выучилъ музыкѣ днпей своихъ, копорые въ свою очередь передали наслѣденїа ошца внукамъ перваго Баха. Вскорѣ Турннгїа, Саксонїа, Франконїа, усвдлись органспслами, пвннми, псесельниками, носящими имя Баха: и, соединенныя кровнымъ родспвомъ, разсыяныя по дѣ-

цу всей Германіи, сіи Бахи ежегодно, въ назначенный день, собирались вмѣстѣ, въ какомъ нибудь заранее условленномъ городѣ: Эрфуртѣ, Эйзенахѣ или Арнштадтѣ. Здѣсь выдали ихъ, въ числѣ спа или спа двадцати, составляющихъ папіархальный концертъ, обыкновенно заключавшійся въ священномъ гимнѣ, воспѣваемомъ общимъ хоромъ, и разнообразныхъ импровизаціяхъ на различные народные мотивы. Всѣ сочиненія Баховъ въ послѣдствіи были соединены въ одно полное собраніе, доселѣ существующее.

Сей папіархальный, ученый и вмѣстѣ нѣжный духъ Германской музыки, былъ подкрѣпляетъ журналами, исключительно посвященными музыкальному искусству, многочисленными обществами любителей и поспоянными владычествомъ религіозныхъ понятій; болѣе чепырехъ тысячъ обѣдѣ, концертовъ, лекцій, Те Деумъ, антивоеновъ, болѣе двухъ тысячъ сочиненій для органовъ, появилось въ Германіи съ половины XVIII столѣтія по наше время. Таково было послѣдство, доставшееся Гайднамъ, Генделлямъ, Моцартамъ. Оно ими не было истощено. Тогда родился Бетховенъ.

Моцартъ употреблялъ всѣ способы искусства для драматическаго и сипраснаго выраженія. Бетховенъ, руководимый духомъ своего времени, проникъ въ новую сферу; изученіе идей и ощущеній, философія эстетическая овладѣла Нѣмецкою лирической; анализъ чувствованій и сипрасней господствовалъ у Лессинга, Гете, Фихте, Гуманна и Канта. Нѣмецкій причудливый капризъ диктовалъ произведенія Фри-

дриха Гофмана. И Бетховенъ избралъ себя Музами самую необузданную фантазію, самую испугленную мислику. Еслибъ требовалось опредѣлить характеръ его таланта самымъ крапкимъ образомъ, то это можно было сдѣлать чрезъ соединеніе словъ по видимому другъ друга уничтожающихъ: меланхолическое испугленіе служило ему вдохновеніемъ. Онъ избѣгаетъ искусно-конспированныхъ формъ, употребляемыхъ Гайдномъ, удаляется отъ великихъ драматическихъ эффектовъ Моцарта и отъ прелестныхъ гармоническихъ массъ Генделя. Онъ бросается, такъ сказать, спремъ-лавъ въ самыя спранныя мелодіи и подчиняетъ искусство капризу; расщепительный на новые эффекты, всегда готовый перейти отъ печали къ радости, отъ выраженія живѣйшихъ звуковъ веселія къ самой мрачной меланхоліи, онъ возбуждаетъ въ душѣ болѣе разнообразныхъ движеній, болѣе удивленія, болѣе ужаса, болѣе задумчивости; краски его кажутся сильнѣе, потому что конспиратъ ихъ гораздо быспре и гораздо рѣче. Впечатлѣнія, имъ пробуждаемыя и воспроизводимыя, имѣютъ въ себѣ что-то болѣе сложное и удивительно какъ соопвѣщающее времени и мѣсту его рожденія.

Отецъ Людвига Бетховена, потомокъ одной изъ старыхъ гармоническихъ фамилій, коихъ любопытное изображеніе мы выше представили, былъ музыкантъ Кельской капелли. Единственный сынъ его, Людвигъ, родился въ Боннѣ, 1772 года. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, оригинальная независимость его характера возвысилась, что изъ него будетъ со временемъ. Спранныя и полная энергіи физіономія, угловатая черта, глаза

исполненные огня, молчаливый и задумчивый нравъ, подвергали Людвигу насмѣшкамъ поварничей. Неефъ, придворный органистъ, спалъ вмѣстѣ съ опцемъ обучая его началамъ музыки; но онъ училъ правила только для того, чтобы презирать ихъ. На двѣнадцатомъ году онъ издавъ уже различныя сочиненія, въ концѣ заключались почти все ошибки, какія только можно сдѣлать противъ гармоніи и контрапункта.

Дикія модуляціи, дерзкіе диссонансы, опчаянные аккорды, несвязность идей, безпорядокъ и насильственность композиціи, все сѣи надосажки, казавшіяся ребяческимъ хвастовствомъ Неефу и опцу Бетховена, раздражали ихъ противъ ученика, который вмѣсто того, чтобы пользоваться ихъ уроками, низпровергалъ все начала искусства. Но между тѣмъ, не смотря на неправильность сихъ новыхъ опытовъ, въ нихъ уже видны были слѣды клочущаго, булбующаго пламени, который въ глазахъ знатоковъ долженъ былъ озарить будущность, ожидающую юнаго художника. Напротивъ у него опнимали бодрость упреками, кои долго охлаждали его огненное воображеніе, стремившееся къ созиданію. Ему запрещали сочинять: онъ спалъ импровизировать. Въ семъ последнемъ отношеніи ни одинъ музыкантъ никогда не равнялся съ нимъ. Но сіе превосходство, коего впрочемъ никто не думалъ у него оспаривать, имѣя всепрямъ своимъ только Боннъ и Кельнъ, не могло удовлетворять его жаждѣ къ славѣ. Худой успѣхъ первыхъ его произведеній, насмѣшки, коими осыпали его, и тѣсный кругъ, гдѣ въ безвѣстности помылся его гений, пре-

враппили въ дикую, нелюдимую брюзгливость его обыкновенную меланхолію; къ снмъ спраданіямъ присоединилась еще несчастная любовь; онъ сдвдался неслерпимымъ по своему крупному, жесткому характеру; тайный недугъ, его пожиравшій, принимали за грубость темперамента, за невжесство, коего ничтъ исправить не возможно. Кельнокій Курфирсцъ, болѣе дальновидный, чмъ родилели Бетховена, поспитъ геній, скрывавшійся подъ сномъ грубою корою. Людвигъ Бетховенъ отправился въ Вѣну съ рекомендацельнымъ нсьмомъ къ знаменитому Гайдну и съ пашенномъ на пенсію, конперую Курфирсцъ назначилъ ему для содержанія.

Гайднъ ласково принялъ молодого чельвѣка, но не призналъ его высокихъ музыкальных способностей. Въ глазахъ сего великаго художника музыкальное искусство составляли правильность, грація, богатство описънковъ, искусное разнообразіе мотива. Для Бетховена напротивъ неправильность не была важнымъ недостаткомъ. Одушевленіе, порывъ, капризъ—вопъ чпо было для него вдохновеніемъ! Учитель и ученикъ никогда не могли понять другъ друга.

Неожиданное, чудесное, фантастическое правилось предпочтительнѣе юному ученику; соединеніе частей, ихъ граціозное расположеніе, предельность формъ, описъневный переливъ правильныхъ модуляцій, лгивали наставника. Гайднъ ласково обходился съ Бетховеномъ; но всегда обманывался на его счетъ и былъ увѣренъ, что онъ не одаренъ ни малѣйшимъ призракомъ музыкальнаго генія. Когда спрашивали его, что онъ дума-

ить о молодомъ человѣкѣ, котораго препоручилъ ему Кельнскій Курфюрстъ, онъ обыкновенно отзывался, пожимая плечами:

»Да! хорошій исполнипель! «

— Но первыя произведенія его показывали необыкновенный жаръ и легкость?

»Да! онъ хорошо играетъ на «фортепиано!» отзывался упрямо Гайднъ.

Не смотря на сія невыгодныя предубѣжденія, Гайднъ, отправляясь въ началѣ 1795 года въ Лондонъ, препоручилъ Бетховена попеченіямъ Альбрехтсбергера, искусственнаго контрапунктиста Германіи. Сей послѣдній не снисходительнѣе Гайдна судилъ недоспѣлки, кои самою природою неразлучно были соединены съ гениемъ ихъ воспитанника. Контрапунктъ Бетховена былъ всегда неисправенъ; его многочисленныя ошибки раздражали суроваго капельмейстера. Но на зло симъ обонмъ наставникамъ спилъ Бетховена успановился пшвердо. Никогда пламеннѣе болѣе самобытннй и болѣе прихотливый не боролся съ авторитетамин болѣе высокими, съ противниками болѣе достойными. Бетховенъ упорно продолжалъ свой путь. Только Гендель по энергіи своего спила и Моцартъ по колоссальной формѣ своихъ мелодическихъ рисунковъ и гармоническихъ массъ, были въ глазахъ его достойными соперниками. Что касается до техническихъ правилъ искусства, Бетховенъ, подобно Гёте и друзьямъ его, изучалъ ихъ только для того, чтобы свергнуть ихъ оковы.

Не смотря ни на упреки въ дурномъ вкусѣ и при-

чуждливости, ни на грубую своеобразливости характера, котораго ничто не могло умягчить, таланты его началъ пробиваться мало по малу; сочиненія его раскупались; ихъ оригинальность казалась привлекательною; и если своеобразие ихъ, часто спрванное до уродливости, возбуждало ропотъ профессоровъ, то оно занимало артистовъ. Удобность конспирации, коей столько способствуютъ многочисленныя раздробленія Германіи, лишила Ветховена выгоды, которая могла бы онъ получить отъ своихъ сочиненій. Творенія, его беспрестанно перепечатывались въ Мюнхенъ, Франкфуртъ, Дрезденъ, Шпунгартъ, Лейпцигъ, такъ что по смерти своего покровителя онъ пришелъ въ крайнее положеніе. Женщина, которую онъ не переставалъ любить, ни мало не смягчалась его постоянствомъ; и его насмурный характеръ, еще болѣе расправляемый бѣдственнымъ положеніемъ и несчастною спраснію, вернулъ его въ дикую утробность, которая никогда уже не покидала его. Въ глубокомъ раздраженіи, онъ готовъ былъ уехать въ Англію, къ коей всегда стремился его гений и которая умѣла достойно цѣнить его созданія, какъ другія обсповѣдствва остановили и утвердили пребываніе его въ Вѣнѣ.

Иеронимъ Бонапарть, тогдашній Король Вестфальскій, подавъ прочимъ государямъ примѣръ великодушнаго покровительства, въ коемъ нуждался Ветховенъ по смерти Кельнскаго Курфюрста. Императорскій дворъ любилъ только Италіанскую музыку. Сальери, осыпанный его милостями и вышшъ пмѣанный порученіе представлялъ министрамъ артистовъ, на

конхъ должны были издѣваться ихъ щедроты, не любилъ ни Германской музыки, ни Бетховена лично. Долго не обращая на себя вниманія, наконецъ въ 1809 году сей послѣдній получилъ мѣсто Капельмейстера, предложенное ему Герономъ Наполеономъ.

Тогда Германскіе Государи успѣдились бѣдностью, въ коей, передъ глазами ихъ, помидся одинъ изъ величайшихъ художниковъ ихъ спраны и ихъ времени. Эрцгерцогъ Родольфъ и Князь Лобковичъ и Кинскій положили Бетховену пенсію въ 4,000 флориновъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ оставался въ Вѣнѣ или вообще въ Австріи и чтобы безъ согласія своихъ Меценатовъ не ѣздилъ ни въ какія иностранныя государства.

Наконецъ, казалось, легкая и спокойная дорога предспавилась гениальному мужу. Начали привыкаться къ спранной новизнѣ его созданій. Неслыханныя формы, коими сначала оскорблялись всѣ спармы привычки, мало помалу сдѣлались понятными, знакомыми для музыкантовъ. Если Бетховенъ встрѣчалъ иногда ожесточенныхъ враговъ, то съ другой стороны были у него и почтители-энтузіасты. Императоръ Александръ, выслушавъ его большую симфонію: *Битва при Витторіи*, послалъ художнику 200 червонцевъ въ знакъ своего удовольствія. Бетховенъ даже надвѣлся заключить супружескій союзъ, съ давнихъ временъ сильно нестерпиво, но ищепно, имъ желаемый. Ужасное несчастіе поразило его въ ту минушу, когда началъ проявляться горизонтъ его жизни: всѣ надежды его были разрушены однимъ ударомъ; музыкальное существованіе его ниспроверглось.

Бентховенъ оглохъ!

Воображеніе, какое тогда мученіе долженъ былъ испытать человекъ, для котораго музыкальныя наслажденія были первою потребностію или лучше сказанъ единственною опирадою жизни. Никакой звукъ не могъ доходить до его уха. Цѣлый оркестръ, гремѣвшій подле него *fortissimo*, не возбуждалъ въ немъ ни малѣйшаго ощущенія. Онъ заключился въ самое глубокое уединеніе, поселился въ маленькомъ домикѣ, неподалеку отъ Бадена, въ пяти миляхъ отъ Вены, и отрекся отъ всякаго человѣческаго общества. Но по странной игрѣ природы талантъ его укрѣпился еще болѣе отъ случая, который, по видимому, быть бы долженъ совершенно задупилъ его. Лучшія произведенія Бентховена описаны именно въ этой эпохѣ, когда самый ужасный для музыканта недугъ изъясилъ его изъ среды міра. Въсплѣ съ нимъ жила одна спарая служанка. Кучи паршинуръ громадились во всѣхъ комнатахъ жилища, которое оппечатывало на себя оригинальносн своего хозяина. Акусическое піано, образцовое произведеніе механика Мазльцеля, посредствомъ коего Бентховенъ могъ бы еще чувствоватъ звуки, оснавалось всегда закрытымъ. Въ мрачныхъ лѣсахъ бродилъ художникъ во время ночнаго безмолвія, на берегахъ овера, въ пещерахъ Бадена, и здѣсь созидалъ свои гармоническія цѣсны. Онъ никогда не писалъ ни одной ноты, сперва не обдумавъ совершенно сочиненія въ умѣ своемъ. Естественная смѣлосн его таланта, усиленная необыкновеннымъ физическимъ сосполненіемъ, и меланхолія, бывшая его послѣдствиемъ, ознаменовали послѣднія произведенія Бентховена какимъ-то'дикимъ, во

часто выпреинитъ испуленіемъ Его послѣдняя большая обѣда, симфонія съ хоромъ и чепыре сочиненія, изданныя послѣ смерти, особенно посвятъ на себя сей характеръ; и если нѣкоторыя шемнопы и расплау-тоспи обезображиваютъ ихъ, за то никогда художникъ не достигалъ столь высокой степени силы, просодушія, величія.

Послѣдніе годы Бетховена и Ж. Ж. Руссо удивительно сходны между собою. Также раздражимельность, также неукротимоспъ, также испуленіе лихорадочной чувствительности! Во время болѣзни, онъ съ грубоспю и ругательспвами прогналъ опъ себя докпора, кошорый какъ другъ предлагалъ ему свои услуги, опказываясь опъ всякой пашпы за посвященія. Нервическая раздражимельность, его мучившая, болѣе и болѣе усиливалась съ теченіемъ времени. Не смощра па то, что Бетховенъ ежегодно получалъ опъ выпшешоманушыхъ Нѣмецкихъ Князей пенсію въ 720 флориновъ, онъ спрашился бѣдноспю и копилъ деньги. Выспю того, чтообъ обрашавпсь къ своимъ согражданамъ, онъ писалъ въ Лондонское Гармоническое Общество, прося у него денежнаго пособія, которое при его скромной, уединенной, эконоической жизни и обезпеченной пенсіи, было, по крайней мѣрѣ, излишне. Извинише сіи спранности злополучному, обремененному спраданіями, великому мужу, въ коемъ безвѣспная молодость, долго непризнаваемое дарованіе и жеенюкая болѣзнь, превратили врожденную меланхолю въ нѣкоторый родъ сумасшеспвія. Дорого обошлись ему гений и слава, какъ обыкновенно случается. Одинъ

изъ его племянниковъ, коего онъ нѣжно любилъ и для котораго дѣлалъ большія пожертвованія, велъ безпорядочную и пресупную жизнь; существованіе для Бетховена сдѣлалось тяжкимъ бременемъ; всѣ его привязанности были обмануты.

Часто съ самыми благородными и самыми рѣдкими качествами бывають соединены причуды изсупленнаго воображенія и помѣшанной чувствительности. Въ поэмахъ и художникахъ особенно безразсудно было осуждать строгаго и нападать жестоко на слабости, происходящія отъ нѣжности организаціи, отъ сильнаго напряженія всѣхъ умственныхъ и физическихъ способностей. Справная скупость Бетховена, боязнь, которую внушали ему люди, ожесточеніе, съ коимъ онъ убѣгалъ ихъ, показались бы поверхностному наблюдателю признаками жестокой и безчеловѣчной души; но эти сумасбродства были нечто иное, какъ слѣдствія его болѣзни. Человѣкъ, коего общественное мнѣніе оглашало недоспуннымъ ни для какихъ нѣжныхъ чувствованій, погибъ жертвою привязанности, которую нишалъ къ существу недоспунному, не смотря на его безчисленные предъ нимъ проступки.

Неблагодарный и распунный племянникъ, о коемъ мы упоминали, пріѣхалъ 31 Декабря 1826 года къ дядѣ и просилъ у него пособія въ нѣкоторыхъ запруднительныхъ обсполительствахъ, до конхъ довело его дурное поведеніе. Бетховень нимадо не колебался; онъ поницаетъ онсправился въ Вѣну. Дорогою заспунгда его сильная гроза и прнвудила остановиться въ дурномъ пракширѣ, чпебы высунный измочен-

ное дождемъ плащье. После жестокой простуды у него сдѣлалось воспаление въ легкихъ, которое уступило мѣсто водяной болѣзни. Висѣло много, чинобъ пешичь о своемъ дядѣ и оспашься при немъ, племянникъ немедленно возвратился въ Вѣну, снова опустился въ самыя гнусныя дѣла и своимъ поведеніемъ окончателъно сокрушилъ сердце умирающаго. Добыча жестокой болѣзни, четыре раза принужденный подвергнуться мучительной операціи, опѣ природы неперпѣливый, мизанпропѣ и меланхоликъ, несчастный съ невыразимомъ гореспѣію узналъ наконецъ объ осужденіи своего племянника, коему Вѣнская полиція запретила въѣздъ въ столицу. Тогда онъ возбранилъ всякой доступъ къ себѣ многочисленнымъ посѣпниелямъ, конкъ привлекало къ нему извѣспіе о его болѣзни. Знаменищный Гуммель, за нѣскольکو лѣтъ до того поссорившійся съ Бетховеномъ, пріѣхалъ нарочно изъ Веймара въ Вѣну, чинобъ въ послѣдній разъ повидатъся съ нимъ и примириться; его впустили; и Бетховенъ, залившійся слезами, принялъ его въ свои объятія. Между тѣмъ онъ не оспавлялъ своихъ спранноспей: съ презрѣніемъ и негодованіемъ опослалъ назадъ ящикъ спараго вина, копорый предлагалъ ему одинъ изъ друзей его дѣшпѣва; спранною духовною, копорую однакожъ судъ объявлялъ недействительной, потому что она не по формѣ была написана, лишилъ наслѣдства своего племянника. Во время нѣсколькихъ часовъ успокоенія, копорое болѣзнь оспавляла ему, онъ читалъ опрывки изъ Омировой Одиссеи и Валшер - Скопиповы романы. Приближалась минуша, въ копорую душа

его долженствовала перейти въ вѣчность. Не будучи въ состояніи ни опиваться на дѣлаемые ему вопросы, ни предлагать ихъ другимъ, онъ лежалъ, какъ живой мумія, распростиравшій на большихъ креслахъ, которыми купилъ ему на свои деньги друзья его Шпиндлеръ и Мошелесъ. Велѣдъ за сей мучительной агоніей сдѣлалось у него сильныя конвульсіи, во время которыхъ испустилъ онъ послѣдній вздохъ.

Бетховенъ умеръ 26 Марта 1827 года, въ пять часовъ утра, пятидесяти шестимъ лѣтъ отъ роду. Смертельная гроза бушевала въ послѣднія минуты его надыханія; мистическое и суевѣрное воображеніе Германцевъ было сильно поражено сими обшiomъслѣственными. Послѣ смерти нашли у него 10,000 флоринтовъ и 1,000 фунтовъ стерлинговъ, тщательно спрятанные въ сундукъ, черными инструментами сундука.

Германія, всегда признававшая въ великомъ художникѣ, ее прославившемъ, заслужительствовала свое уваженіе Бетховену самыми великодушными похоронами. Въ обширной Вѣнской церкви Св. Целестины, была исполнена Requiem Моцарта. Зданіе огромнаго собора кипѣло народомъ и исполненскій голосъ Лабланда раздавался надъ его сводами. Во время выносу болѣе приличнаго тысячъ народа покрывали городской валъ, Прашеръ и улицы; первые сплоченные музыканты играли высокій маршъ на *Смерти Героя*, сочиненный самимъ Бетховеномъ; въ числѣ притѣшеніи песенъ «ахелюосцевъ» были благородныя вѣтмки, знаменитыя поэмы, одаличныя художники, между прочими Каспелли и драматическій поэтъ Гриммпарцеръ, Гуммель, Гировицъ, Вейгль и еще много

музыкантовъ несли гробовой покровъ; Гуммель возложилъ погребальный лавровый вѣнокъ на гробъ своего друга; и его глубокое умиленіе гораздо сильнѣе, гораздо краснорѣчивѣе опоздалось въ сердцахъ предсловавшихъ, чѣмъ самая блестящая рѣчь, самый искусный пансгирякъ. Сборъ послѣ большого концерта, даннаго въ Театрѣ у Каринійскихъ Воронъ, былъ назначенъ для сооруженія мраморнаго монумента, посвященнаго его памяти.

Спустя нѣсколько дней послѣ погребенія, смолришель Варингскаго владѣльца получилъ письмо, въ ко-емъ предлагали ему купить за 1,000 флориновъ черепъ Бетховена.

Вопль бѣглый и неполный очеркъ жизни злополучной, но богатой восхитительными созданіями. Гораздо шруднѣе данъ понятію о силѣ и манерѣ сего необыкновеннаго художника, чѣмъ, пользуясь многочисленными пособіями, изданными въ Германіи, изобразить главнѣйшія событія его жизни. Для того, чтобы совершенно оцѣнить Бетховена, необходимо глубокое познаніе въ музыкѣ, большой навыкъ въ композиціи. Исполненный воображенія и чувства, онъ въ себѣ одномъ совмѣщаетъ всѣ роды мелодій; переходя поочередно отъ самой простой гармоніи къ самымъ фантастическимъ скачкамъ, онъ въ одной и той же пѣснѣ очаровываетъ самое неопытное ухо и изумляетъ самаго совершеннаго артиста. Ни одинъ композиторъ не возбуждалъ о себѣ столько другъ другу противурѣчащихъ сужденій! Бетховенъ въ глазахъ незнакомыхъ музыкантовъ, неспособныхъ возвыситься до его генія, казался какимъ-то сумасшедшимъ, ко-му изъ снисхожденія дарилось нѣсколько свѣдѣній минуть.

Сие мнѣніе дѣлать за принадлежаніе господствовало въ Англіи, послѣ изданія многихъ изъ его віріо для фортепіано, скрипки и баса. Слѣлъ его былъ такъ новъ и снравенъ, что толпа, введенная въ заблужденіе различными толками на счетъ снравной жизни нхъ яшпора, весьма легко дошла до соспрадашельнаго заключенія, что разсудокъ его былъ въ помѣшательствѣ. Бетховенъ былъ точно сумасшедшій, подобно всѣмъ людямъ, обладающимъ могущеснвеннымъ геніемъ. Снравности его поступковъ доснапотно изъясняются бѣдснвіями его жизни; чтоооъ касается до оригинальносн его произведеній, то шѣ, кон укоряють его въ несправильносн и безразсудствѣ, никогда не изучали его.

Возьмите какія-нибудь изъ главнѣйшихъ созданій Бетховена: *Финалъ изъ Фиделіо*, *Пастушескую Симфонію*, *Военную Симфонію*, *Ораторію Спасителя въ Геосиманскомъ Саду*, дивную *Цвертюрю Прометей*: вслушайтесь въ сіи произведенія, чтобы разгадать смыслъ ихъ, чтобы сдружиться съ геніемъ художника. Видимый безпорядокъ поразитъ васъ сначала. Вы не найдете здѣсь ни ясно изложенныхъ массъ, ни чнспой и легкой фактуры Гайдна и Моцарша. Вы не иначе постигнете глубину и снройность его созданій, какъ исключнтельно предавшись впечатлѣнію, произведенному ими въ вашей душѣ, и попомъ снова возвратитесь къ первому ощущенію, дабы вздуматься въ него. Изъ всѣхъ порицаемыхъ оспущеній Бетховена, нѣтъ ни одного, которое бы не имѣло причины извнвающей, которое не способствовало бы къ чудесной и величественной симметріи. Нѣтъ ни одного каприза, конюрый былъ бы игрою случая, ни

одной черты, которая бы не была необходимымъ эпизодомъ какой-нибудь обширной и сильной мысли.

Въ его *Пастушеская Симфонія* какъ будто волшебною силою соединены всѣ впечатлѣнія, какія можетъ возбуждать сельская природа. Вотъ шумъ и движеніе сельскихъ работъ; паниспывенный ужасъ и высокое безжоліе лѣсовъ; пошомъ звань во-скреснаго колокола; селянннъ, окруженннй своимъ семействомъ, молился въ храмъ Господнемъ; воспоминаіе о тяжкихъ трудахъ присоединяется къ мн-молепшному успокоенію, коннъ онъ наслаждается; пер-вые мошнвы сей нѣсы пресъкаются, опптываются другъ друга, гармонируются; эхо повтормаетъ шорже-снвенное пѣснопѣіе: пошомъ scherzo, такптъ, изоб-рыпленный Бетховеномъ, своевранный и оппзываю-щійся сельскою грубостью, приводитъ васъ на деревенскій праздникъ; начинаются плясать; вы слы-тннне тяжелые и мѣрные шаги виноградаря; по-перемѣнное употребленіе мажора и минора изобра-жаетъ порывы его недовкой, отчаспн шумвой вс-селоспн; все колышется; первоначальное пѣніе из-мѣняется, мушнтся, искажается; оно какъ будто шапается и дробнтся въ переливахъ; крикъ пошуп-лянаго креспыяннна возмущаетъ праздникъ, заглуша-етъ, перерываетъ, странннмъ образомъ измѣняетъ пѣсню; голосъ молодой дѣвушкн снова оживляетъ тему, съ болѣе невинннмъ просподушіемъ; хмѣль овладѣваетъ присутствующими; едва передвигающійся ногн тяжело стучатъ по землѣ; приближается гроза; всѣ бѣгутъ; громъ гремнть, сначала, въ отда-леніи; обломкн всѣхъ прсжннхъ мошнвовъ появляю-ся смущенно; изумленннх, испуганннхъ креспыянннхъ вдали

ишупъ убіжища; наконецъ, всѣ голоса оркестра, соединясь вмѣстѣ, раздражаютъ надъ ихъ головами громъ, который прерываетъ игры до тѣхъ поръ, пока финаль, успокоивающій природу, просвѣтляющій небеса и души, воспроизводящій съ очаровательною прелестью тихія и веселыя впечатлѣнія первыхъ частей симфоніи, вмѣстѣ съ солнцемъ, снова приводитъ веселіе.

Эффекты сіи выражаются не матеріально. Ошибка нашихъ обыкновенныхъ музыкантовъ именно заключается въ томъ, что они воспроизводятъ подражательно звуки и думаютъ, что такимъ образомъ достигаютъ верха музыкальной выразительности. Самъ Гайднъ впадалъ въ сіе заблужденіе. Часомъ слышали мы топотъ коней, шумъ листьевъ, сипукъ кузничныхъ молотовъ, грубо выражаемые напряженнымъ, но безсильнымъ подражаніемъ оркестра. Часомъ видали мы, что пятнадцатилѣтняя ученица разыгрываетъ *батали* на своемъ непокорномъ піано, и, стараясь вѣрно выполнить сіи механически звукоподражательныя сонаты, въ коихъ находились *pas de charge*, атака, пораженіе, пріумъ, даже означены всѣ корпусы и все оружіе, бывшее въ дѣлѣ, производить только упоминательный, однообразный шумъ. Художники, увлеченные симъ ложнымъ вкусомъ, къ числу коихъ принадлежали Глюккъ и Гретри, забывали, что музыкальный языкъ, неопредѣленный и таинственный по своей сущности, воспринимаетъ фантазію, дѣлаетъ душу, очаровываетъ чувства, но ускользаетъ отъ анализа и не можетъ опредѣлить съ точностію никакой идеи. Въмѣсто того, чтобы матеріально живописать шумъ древесныхъ листьевъ, волнующихъ въ лесу вѣтромъ, музыкантъ долженъ произвести точно

такое впечатлѣніе въ слушателяхъ, какое вы испытали бы подъ сѣнью лѣса. Вызпсто того, чтобы изображать намъ нападеніе конницы, громъ пушекъ, спонъ раненыхъ, ужасные потрясши и воспламененіе душу геройскимъ восторгомъ, чтобы закливалъ въ ней воинскій пылъ, чтобы родилась въ ней жажда славы!..

Таковъ точно былъ Бетховенъ. Не смотря на изысканную, даже опивеченную, плинспвенную ученость, соспавляющую его характеръ, онъ всегда спремился возбудить сочувствіе въ душѣ, и всегда въ этомъ успѣваетъ. Потеря слуха, несчастіе, неслыханное для художника-творца, заставило нашего музыканта-мыслителя углубиться болѣе, чѣмъ его предшественники, въ тайну гармоническихъ сочетаній. Голосъ человѣскій не поражаъ его уха; міръ инструментовъ, о коемъ сохранилъ онъ только воспоминаніе, открылъ передъ нимъ всю свою безконечную сферу. Обшительность звуковъ не существовала болѣе для него; онъ самъ создавалъ для себя массу дружныхъ голосовъ; спраспное заливанье скрипки, дикіе и заунывные звуки гобоя, воинспвенный громъ барабана, поржеспвенная важность фагота, вдилическая пѣснь флейпы, пронзительная энергія виолончели, оживали въ его памяти. Матеріальная часть искусства не причиняла ему никакого развлеченія; для него не было фальшивыхъ тоновъ, непріятныхъ звуковъ; ничто не возмущало его работы; подобно слѣпцу Мильтону, онъ внутреннею зрительностью души вознаграждалъ недоспашокъ плѣснаго органа.

За то, ни одинъ арпсптъ, не оживлялъ, подобно

Бетховену, всякаго инструмента собственнаго своего жизни; не выказывалъ такъ ярко опланиченныхъ его качествъ. Надобно слышать, особенно въ произведеніяхъ послѣднихъ его лѣтъ, эти діалоги, эти повпоренія колѣнъ, эти инструментальныя схватки, производящія неожиданный эффектъ, эти спрашивныя соло каждаго инструмента, поочередно выражающаго собственнымъ звукомъ, собственнымъ языкомъ, главную музыкальную мысль. Надобно видѣть эту борьбу всѣхъ гармоническихъ силъ, по враждебными массами устремляющихся другъ на друга, по внезапнымъ разъединеніемъ другъ отъ друга отдѣляющихся, по наконецъ сближающихся и исчезающихъ въ ничто спрашнаго раздора, коему конецъ полагаешь великолѣпное единство; борьба прекращается, изъ хаоса возникаетъ благоустройство.

Въ девятой *симфоніи* (съ хоромъ) сначала слышишь вы необыкновенно простую пѣснь, состоящую изъ пяти нотъ, безъ всякихъ постороннихъ прибавокъ. Поспешенное участіе всѣхъ инструментовъ воспроизводитъ ее, размножаетъ, нисколько не измѣняя; поочередно проявляется по одновучно, по октавами; наполняетъ душу, потрясаетъ ухо; какъ вдругъ духовые инструменты отдѣляются отъ струнныхъ и, предоставляя симъ послѣднимъ гремѣть свои арпеджіо, пропнвуполагаютъ сей блестящей фугѣ фундаментальныя массы аккордовъ, служащія основаніемъ темъ. Эта борьба возрастаетъ и продолжается до тѣхъ поръ, пока дробн, бросившіяся въ октаву, арфы, скрипки, виолончели и пропнжный звукъ роговъ, барабановъ, кларнетовъ, гобоевъ, соединяясь посредствомъ сильныхъ модуляцій, снова выведутъ первую тему,

уже не въ первоначальной невинной простотѣ, но обработанную, предоплавленную всему оркестру, выраженную со всею силою fortissimo. Испытавъ однажды всю свою инструментальную армію, Бетховенъ, какбы играя поработченными невольниками, испоргаетъ ихъ изъ прекращающейся борьбы и повергаетъ въ своеобразный тактъ scherzo, гдѣ еще разъ снова производится воспоминаніе вступленія симфоніи. Скрылки, альпы, инструменты духовые и подчиненные смычку, оповѣщаютъ на зовъ; каждый является въ дѣйствіе по отдельности и играетъ предоплавленнымъ ему мотивомъ, разнообразна по своей волѣ; потомъ сѣи новые мотивы, выражаемые каждымъ изъ нихъ, все сливаются между собой и составляютъ новую гармонию. Можно подумать, что всѣ сѣи независимые голоса, постепенно усиливаются свергнуть возложенное на нихъ и что мощная десница, давъ имъ на мгновеніе свободу, снова хвастаетъ ихъ, группируетъ, разбрасываетъ, покоряетъ своей властью.

Слѣдуетъ adagio. Самые улаживательныя мелодіи лелеютъ душу; превосходство Бетховена въ медленныхъ тактахъ неоспоримо; сладкая меланхолическая овладѣваетъ слушателями; никакая извѣстная музыка не можетъ выразить, не можетъ дать понятія объ удивительныхъ andante и adagio Бетховена.

Послѣ adagio, речитативъ блеса, вокругъ коего порхаютъ и звиваются обломки scherzo, adagio и *интердукции*, приводитъ слушателя къ вокальному финалу, состоящему изъ большого торжественнаго хора, гдѣ человеческій голосъ преобладаетъ надъ всею инструментальною и по видимому, представляетъ сим-

волею человеческой мысли, самовластно повелевающей покорнымъ ей созданіемъ.

Какая-то особенная симпатія къ величію идей и чувствованій, дѣлала Бетховена спраснымъ обожаемымъ и почти подражаемымъ Генделемъ; въ немъ въ равной степени примѣчается желаніе возбуждать вниманіе слушателей какимъ-нибудь сильнымъ и неожиданнымъ эффектомъ, желаніе, составляющее по мнѣнію Гайднъ, одну изъ отличительныхъ чертъ Генделевыхъ ораторій.

Гендель, Моцартъ и Бетховенъ, мало наслаждались счастьемъ въ жизни. Можетъ быть, по спрасному закону рока, сей злосчастней судьбѣ одолжены они опчаси своихъ геніемъ. Еслибъ свѣтъ съ воспоргомъ принялъ и щедро вознаградилъ ихъ, то заохотились бы они подвергаться пляжкой рабству, надъ которой убивали свою жизнь? Не удовольствовались бы они проснымъ усовершенствованіемъ исполнительнаго дарованія, споль соблазнительнаго и споль мимолетнаго? Подобное дарованіе, доведенное до высшей степени, скрываетъ опъ взоромъ художника рукоплесканія грядущихъ поколѣній. Сдѣлавшись предметомъ общаго вниманія, возбуждая удивленіе вездѣ, гдѣ ни появляешься, художникъ изобрѣшаетъ и въ шуже минушу передаетъ свѣту свои произведенія, сполькожъ доставляя удовольствія, сколько самъ опущается, и въ спрасныхъ рукоплесканіяхъ своихъ слушателей, получая непосредственную награду трудовъ своихъ. Провѣщая сію жизнь, сошканную изъ непрерывныхъ удовольствій, на кабинетное уединеніе, съ швѣмъ чтообъ зашвѣвать длинныя планы

пребующіе долгаго времени для своего исполненія, и по-
мышляешь только о средствахъ жить въ будущности,
это жернова выше силъ человѣческихъ. Припомъ ис-
кусный импровизаторъ не превосходитъ ли заранѣ
въ исполненіи успѣхъ самую блестящую будущ-
ность? Голосъ молвы не повсюду ли уже всюду
его имени? Таковы-бъ были можете быть пріумы
Моцарта и Бетховена! Думаете ли вы, что безъ суро-
ваго закона нужды, оказались бы они опъ споль прі-
атной жизни, дабы посвящать себя работѣ и уче-
нію? Кому изъ пианистовъ неизвѣстно пианистическое;
непреодолимое очарованіе, заключающееся въ воле-
щевой косини клавишей? Кто не знаетъ, какъ силь-
но волнуется чувства, когда слушаютъ звуки, изъ
нихъ извлекаемые? Утонченныя ощущенія, знакомыя
всѣмъ истиннымъ любителямъ музыки, но еще болѣе
какому - нибудь Моцарту, какому - нибудь Бетховену!
Сей послѣдній особенно характеромъ своего талан-
та, пылкостью воображенія, превосходить все, что
можно было сказать о немъ. Игра его была такова,
что слушатели часто не вѣрили тому, что ви-
дѣли и слышали. Сѣвши за піано, Бетховенъ преодо-
лѣвалъ неслышанныя трудности; и сколько ни спра-
ны въкопировалъ изъ его писанныхъ композицій, онъ
не могущъ еще дать ни малѣйшаго понятія о его
высокихъ и вмѣстѣ до чрезвычайности странныхъ
импровизаціяхъ.

Нельзя не согласиться, что Бетховенъ уступалъ
Моцарту во всеобщности музыкальнаго гения,
Генделю въ постоянно выдержанномъ величіи, Гайд-
ну въ числотѣ формъ; за то, можете быть, онъ
превосходитъ всѣхъ ихъ силою и глубиною, своевра-

всѣмъ и пылкостью фантазии. Опытоу признаемъ ся, очеркъ, набросанный нами, не полонъ. Тщесны были бъ всѣ усилія холоднымъ, безжизненнымъ анализомъ передать чинашелямъ впечатлѣнія искусства самаго роскошнаго и вмѣстѣ самаго неуловимаго изъ всѣхъ искусствъ, которое говоритъ душѣ не иначе, какъ чрезъ посредничество чувствъ. Критикъ можетъ дать чинашелю только неопредѣленное, темное понятіе о нѣкихъ наслажденіяхъ, кои музыкальныя произведенія доставляютъ челоуку, способному ихъ чувствовать. Скажу болѣе: кто хочетъ цѣнить Генделей и Бетховеновъ, тому необходимо особенное музыкальное воспитаніе. Долго Жофруа и его современники слышали только шумъ въ самыхъ лучшихъ партитурахъ Моцарта; большая часть произведеній Россіи дебютировала басо.

Школа Бетховена произвела уже великаго художника Вебера. Россіи и Майерберъ не стыдился, если не слѣдовалъ ему, по крайней мѣрѣ принять нѣкоторыя изъ его формъ. Уже симфонія Гайдна, сдѣлавшаяся достояніемъ знапиковъ и художниковъ, казалась успарывшимъ. Прекрасныя произведенія Моцарта поддерживаются своею удивительною цѣлостію и гармоническою крѣпостію, не производя слишкомъ живаго отарованія. Но Бетховеновы, но Веберовы музыкальныя произведенія, составляютъ пищу нывышнихъ концерптовъ. Переворотъ совершился!...

пер. В. Межевичъ.

VI.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА а).

НАПОЛЕОНЪ II ВЪ ОРЛЕАНѢ.

(1814).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ГРАФИННИ ДЕ БРАДЕН.

Козаки громили Пипивье; они входили въ Шильеръ; они были уже въ чепырехъ — да еще ошъ насъ и шая очень быспро. Замокъ Ребрешьянь, хотя углубленный въ своихъ окрестностяхъ, выспаваяся далеко съ своими чепырьми башнями, двумя павильонами и главнымъ стариннымъ зданіемъ, покрытымъ черепицею. Деревенская колокольня также высоко поднималась и мы не могли надѣяться, чтобы Русскій авангардъ прошелъ, не примѣшивъ насъ. Должно было бѣжать. Какая спранныя минуша въ жизни, когда узнаете вдругъ, что надо собирать на скорую руку мебель, платье и другія жизненные потребности, которыя можетъ быть вскорѣ будутъ единственными оспалками покойнаго и красиваго жилища, будутъ соспавлять все наше житейское! Я имѣла послѣ случай испытать за себя безпокойства печальныхъ и невольныхъ ошѣздовъ; но

а) Подъ сею рубрикою мы намѣрены помѣщать отрывки изъ Записокъ, Путешествій, Историческихъ Сочиненій и даже Романовъ, относящіеся къ замѣчательнѣйшимъ современнымъ лицамъ и происшествіямъ. Изд.

въ 1814 году мнѣ надобно было еще вычислить все нужное для проихъ дѣпей, для обихода *семейнаго*— а это море безпредѣльное!..

Безупѣшно спояла я передъ чемодапами, мѣшками, связками разныхъ вещей, кои каждый служитель, смотря по своимъ занятіямъ, объявлялъ необходимыми. Дѣти мои усиливались скрывать тайную радость, копорую причинялъ имъ сей безпорядокъ; они опыскивали давно затерянные игрушки, припрогивались невозбранно къ самымъ дорогимъ вещамъ, предвидѣли длинный рядъ свободныхъ дней безъ ученья и частые перѣзды съ мѣста на мѣсто: было чему порадоваться. Но мои племянницы, коимъ междоусобныя войны ихъ родины дали уже доспащное поиміе о подобныхъ обспоятельствахъ, чувспвовали всю глубину бѣдствія, какъ настоящія Корсиканки. Когда онѣ увидѣли повозки, нагружаемыя всякою рухлядою, то испустили пронзительные крики, вырвали гребни изъ своихъ косъ и начали рвать себѣ волосы. Я съ шрудомъ могла внушить имъ, что во Франціи должно горевать во глубинѣ души и что наружныя изъявленія печали не одобряются вкусомъ. Дикіе Новаго Свѣта совершеннѣе насъ; ихъ учать не плакать. Мнѣ пришло въ голову средспво избавить себя отъ съпованій, предавъ замокъ огню передъ отпѣздомъ: но я никакъ не могла уговорить къ тому Г. де Бреди. Онъ опвергъ мое предложеніе съ ужасомъ. Мы опправились въ Орлеанъ.

Городъ Орлеанъ былъ наполненъ тогда солдапами Императорской Гвардіи, въ продолженіе споль многихъ дѣтъ увѣнчанной побѣдами и славою. Вскорѣ

пришло известіе о прибытіи Императрицы Маріи-Луизы, которая 20 Марта вышла изъ Парижа въ Блуа съ своимъ сыномъ, Императорскою фамиліею и дворомъ. Трудно понять, какимъ образомъ дочь, супруга и мать вѣнценосцевъ, внука Маріи Терезіи, могла бѣжать такимъ образомъ, увлекая за собой дѣтя свое.

Но Императрицѣ было также не мало хлопотъ. Между тѣмъ какъ все приготавливали для отъѣзда ея въ Тюльери, она сама наблюдала, чтобы ничего не было забыто и собственными руками сняла съ оконъ своихъ занавѣски изъ Англійскаго кружева. Это слышала я отъ очевиднаго свидѣтеля; и пусть всякой толкуешь, какъ угодно, сію замѣчательную черту! Но судя по ней, можно чувствовать, что Императрица, занимавшаяся такъ заботливо хозяйственными мѣлочами, не могла понять въ Блуа необходимости перѣхавъ Луару, укрѣпиться въ Шамбордѣ и, при пуждѣ, объѣхать всю Францію съ остатками арміи, которымъ Императоръ повелѣлъ безоплатно находиться при ея особѣ. Съ негодованіемъ приняла она совѣтъ Іосифа Бонапарте, бороться еще съ злосчастіемъ; сей послѣдній, хотя также мало способный къ энергической рѣшимости, настоятельно умолялъ ее перѣхавъ Луару и особенно не предаваться въ руки непріятелей; она отказалась. Іосифъ настаивалъ весьма упорно; такъ что Императрица возмѣла подозрѣнія, что онъ можетъ обойтись безъ ея согласія. Тогда она обнаружила большую твердость и, возвысивъ голосъ, позвала нѣкоторыхъ спаршихъ офицеровъ Их-

гѣль и двигались; глубокое молчаніе царствовало, когда явились передовые, возвѣстивъ очень тихо: *Императрица!*.. Выраженіе, смѣшанное съ радостію, опечаленіемъ и гордостію, засіяло вдругъ на лицахъ воиновъ и вождей. Одна или двѣ каресы проѣхали: ни казого восклицанія. Наконецъ одинъ военный верхоуъ, котораго ранга не лзя было распознать, проскакалъ, крича громко: *Императрица!*.. Тогда офицеръ, командовавшій стѣною гренадировъ въ поуъ мѣстѣ, гдѣ я стояла, посмотрѣлъ на народъ и, махая овоею саблею, вскричалъ спрашнымъ голосомъ, съ оверкающими глазами: «кричите же: *vive l'impératrice!* негодяи!» Сіе приказаніе, подкрѣпленное ужаснымъ ругательствомъ, и, по видимому, внушенное внупрениемъ, невольнымъ побужденіемъ, было немедленно исполнено; крики: *vive l'impératrice!* раздались всюду, перехватываемые нтерерывъ толпами. Безъ сомнѣнія и другіе офицеры поступили также, повинулись нтому же влеченію; ибо, по всей линіи, которою должна была проѣзжать Марія-Луиза, загремѣли восклицанія.

. Наконецъ большой зеленой берлингъ, украшенный Императорскимъ орломъ, проѣхалъ сквозь спарыя и низкія ворота Св. Іоанна и шагомъ пошнулся среди содалтъ. Я была съ правой стороны каресы, слѣдовательно съ шой, гдѣ сидѣла Императрица держа на коѣняхъ Римскаго Короля... Не лзя было воздержаться отъ слезъ, видя эпошъ великолѣпный кортежъ, эту пышность, которая въ это время только чпо показывала высоту, съ коей низвергалось сполько величій...

Сквозь густое облако пыли видѣлись гербы и ливреи. Весь дворъ имѣлъ видъ усталоспн и изпу-ренія; экипажи казались обвешпалыми. Я не могла видѣть мапери Императора, сидѣвшей въ углубленіи кареты; но всѣ замѣнили Королеву Веспальскую. Она была беременна въ первый еще разъ и безсомнѣнія очень спрадала отъ движенія кареты; по-сему, имѣя нужду въ воздухѣ, сидѣла почти выславившись наружу. Она была въ голубомъ платьѣ: большое бѣлое кисейное покрывало лежало на ея волосахъ. Блѣдность ея была чрезмѣрна: бѣлизна лица и кисен, разтѣвавшейся вокругъ ней, и особенное выраженіе безмолвныхъ мукъ, придавали ей величественный идеальный характеръ, пренятствовавшій думать о красотѣ ея чертъ: то была воплощенная *горестъ*, богиня предстѣдательствовавшая при сей торжественной процессіи! Видя ее, я думала, какъ долженъ радоваться Іеронимъ, что не дождался до сей роковой минутой обращеніемъ своимъ къ супружеской нѣжности. Извѣстно, какъ поступила Екатерина Виртембергская. Отецъ хотѣлъ разлучить ее съ мужемъ; и она не только отказалась повиноваться ему, но, бросившись къ его ногамъ, ухватившись за платье и плащась по всему проспранству обширной залы, вымолила, чтобы Іеронимъ считался сыномъ Короля Виртембергскаго.

Императрица и Король Римскій помѣстились въ Епископскихъ палапахъ, обыкновенномъ мѣстопребываніи всѣхъ высокихъ особъ, проезжающихъ чрезъ Орлеанъ. Признаюсь, я не спала во всю эту ночь. Сколько мыслей слѣдовали другъ за другомъ при ви-

дѣ подобнаго зрѣлища! Сколько воспоминаній пробудилось! Я чувствовала непреодолимое желаніе видѣть сына несчастнаго героя, столь долго повелѣвавшаго судьбами Франціи. Мнѣ не хотѣлось присушествовать при празднествѣхъ его коронаціи; мужъ мой ошрекся подписать актъ, коимъ онъ признавался Консуломъ на всю жизнь и попомъ Императоромъ. Не только мы остались совершенно чужды его счастью, но оно доставило ему силу вредить намъ. И однако я думала только о его несчастіяхъ и о той низости, съ кою столько людей, осыпанныхъ опъ него почестіями и богатствами, теперь покидали его и плашили ему ругательствами. Я имѣла право пріѣзда ко Двору и хотѣла воспользоваться имъ, не для Императрицы, которая всегда была такъ мало чувствительна къ выраженіямъ привязанности Французовъ, но чѣмъ въ воздасть первое и послѣднее свидѣтельство благоговѣнія къ державному младенцу, внуку Корсики, рожденному во Франціи, на колыбели коего, по выраженію Шамобриана, *опочивали судьбы міра...* Я написала: мнѣ отвѣчали, что могу быть принята въ пять часовъ. Когда я проходила чрезъ Епископскій дворъ, Аббатъ Рельонъ, назначенный на Орлеанскую Епископскую кафедру, сказалъ мнѣ: «Сударыня, вы не обращаетесь къ восходящему солнцу!» — «Боже сохрани меня!» отвѣчала я будущему Епископу. «Я предпочитаю честь выгодамъ!»

Король Римскій находился въ Епископской спальнѣ. Графиня де Монпескю держала его за ручку. На немъ было платье, которое звали *matelot*, изъ телеск. Ч. XIII.

голубаго сукна, и черная шерстяная шляпка, закинутая назадъ, изъ подъ коей выбивались прекрасные блондуры волосы. Всѣ черты его были опцовскія: но чрезмѣрная бѣлизна кожи, равно какъ волосы, напоминали маперинское происхождение. Онъ былъ довольно великъ и крѣпокъ; красота лица его была бы совершенна, безъ небольшой одупловатости щекъ; знопу недосыпнокъ, насѣдованный имъ опъ опца, могъ исчезнуть съ однородностію перваго возраста. а)

Я сморгла на него съ глубокою горестію. Онъ держалъ за руку Гжу де Монпескю, повпоряя: *«я хочу ѣхать; хочу въ карету; хочу ѣхать домой; хочу ѣхать къ папа...»* — «Какъ вы неперѣливы, мой миленькой Король!» отвѣчала Гжа де Монпескю: «видите, мы сей часъ ѣдемъ!» Это удостовѣреніе было бесполезно. *«Я хочу домой, хочу къ папа!»* повпорялъ безпрестанно Принцъ.

— «Могу ли я, сударыня» — спросила я Графиню де Монпескю — «облобызать ручку Его Величества, Короля Римскаго?» — «Ахъ, Боже мой! Очень можете!» отвѣчала она. «Бѣдное дитя!.. Да, да, вы можете!.. Подайте вашу ручку госпожѣ, мой миленькой Король...» Я сѣла на колѣно и подержала съ минутой въ рукахъ эту маленькую, пухленькую ручку. Съ видомъ задумчивымъ и вмѣстѣ гнѣвнымъ, нюпая сердито ножкою, онъ повпорялъ и мнѣ: *«я хочу ѣхать, хочу къ папа!..»* Сія слова заду-

а) Къ сей книжкѣ приложенъ портретъ Герцога Рейхштадтскаго для сравненія. Изд.

нили меня. Я облила слезами его ручку... Впечатлѣніе сей минуты было необычайное: въ комнатахъ царствовало такое уныніе, лица были такъ мрачны, говорили такъ тихо, двигались такъ медленно!.. Голосъ Корбля Римскаго, не смотря на свою дѣйственную нѣжность, былъ громокъ; онъ одинъ только не изменился. Я замѣтила необыкновенную простоту обращенія его гувернантки, занимавшейся раздачею необходимыхъ приказовъ для услугъ младенцу-Королю. »Прощу васъ«— говорила она одному изъ придворныхъ служившихъ—»положите на ночь бисбвиловъ возлѣ меня, чтобы я имѣла ихъ подъ рукой, какъ скоро онъ поспитъ; вы знаете, что онъ жадно не любитъ... Да и лишь чтобы было тепло; прошу васъ не засыпая дожидаться... Гжа де Монпескю предвидѣла все, входила въ самыя мѣлкія подробности, имѣла только одну мысль и думала единственно объ исполненіи своихъ обязанностей, забывавая на эту минуту, что опасности и бѣдствія сдѣлались ихъ неоправданными, единственными послѣдствіями. Въ столь внимательной попечительности, сопровождаемой тихими усердіемъ и важностію, выражалось хладнокровное мужество, достойное полководца, борющагося съ непреодолимыми опасностями. Гжа де Монпескю вела себя, какъ благородная дама, понимавшая святость присяги. Всѣ другія, сопровождавшія Императрицу въ Орлеанъ, еще такъ новыя и непривычныя къ обязанностямъ, соединяющимъ подданныхъ съ Монархомъ, считали себя почти Зопирами, потому что проѣхали около шестидесяти миль за своею повелительницею,

съ трудомъ постигала, что разделять ей участь было ихъ самою простою, самою обыкновенною обязанностію.

Бурбоны были счастливые Бонапартовы: ихъ служители показали болѣе усердія, преданности, самоотверженія. Лица, кои слѣдовали за Императоромъ и его фамиліею, ни разу не подвергали опасности жизнь свою, исключая возвращенія съ оспрова Эльбы; и всѣ оны были вознаграждены великолѣпно. Какъ сравнить ихъ съ заложниками Людовика XVI, съ Принцессою Ламбаль, возвратившеюся изъ Лондона разделять судьбу Маріи Антуанетты, съ Клері, добровольно заключившимся въ Тамплъ? Не лзя сомнѣваться, что самыя величайшія опасности не охладили бы ревности слугъ Наполеона: но сихъ опасностей не существовало. Привязанность къ вѣщамъ не должно смѣшивать съ привязанностію личною; и въ послѣднемъ отношеніи Бурбоны несравненно болѣе видѣли опытовъ усердія, чѣмъ Бонапарты.

Многія дамы двора Маріи Луизы изъявили въ Орлеанѣ желаніе оставить ея службу: и здѣсь оправдалась слабая привязанность, которую она оказывала всегда Французамъ. Впрочемъ ничего героическаго, ничего романически прогашельнаго не было въ этомъ оплешномъ движеніи. Императрица показала живѣйшую энергію, когда какой-то посланный изъ Парижа хотѣлъ овладѣть ея казною. «Это мои деньги!» говорила она: «я получила ихъ отъ Императора, моего супруга!» Русский офицеръ—(кажется, Графъ Ш***) посланный для сопровожденія Императрицы и поль-

но что прихавшій, былъ позванъ: онъ не смѣлъ одобрить покушеній, оскорблявшихъ Императрицу, которая, за его охраненіемъ, отправилась въ Компіень, гдѣ находилась ея опецъ...

Возвращаясь къ своимъ чувствованіямъ... Я не могла удержаться отъ слезъ, цѣлуя ручку Короля. Горесть моя была такъ глубока, что вышедши изъ комнаты, я должна была остановиться въ одной изъ залъ, которыми надобно было проходить. Это было въ нижнемъ этажѣ. Я оперлась на окно, обращенное въ садъ; тамъ находилась Императрица съ своими дамами. Она ходила съ живописію, иногда останавливаясь, и говорила очень громко, съ выразительными плѣдвиженіями. Изъ всѣхъ дамъ, бывшихъ въ саду, она показалась мнѣ величественнѣе и прекраснѣе всѣхъ. Будучи близорука, я не могла разглядѣть малеріи ея платья, котораго цвѣты показались мнѣ темно-красными; но я замѣтила большую шаль, накинутую косынкой на ея плечахъ, и бѣлый капотъ съ перьями также бѣлыми.

Посмотрѣвъ нѣсколько времени на ту, которая до селъ была повелительницею прекраснѣйшей Имперіи и теперь доведена была до крайности оспаривать нѣсколько золотыхъ монетъ, я удалилась изъ Епископскихъ палатъ. Солнце садилось; именно въ эту же пору, на канунъ, дворъ прибылъ въ Орлеанъ; но дѣла измѣнялись ежедневно. Внизу, у крыльца, я увидѣла поплѣе большой берлинъ съ Императорскими гербами. Поспильоны успанавливали восемь запряженныхъ лошадей; длинные поспиромы касались земли; половина двора запряга бы-

ла симъ огромнымъ экипажемъ; но уже не было ни слыны соддавъ, ни барабаннаго боя; не знаю, былъ ли даже опрядъ кавалеріи для прикрытія. Глаза мои, покраснѣвшіе отъ слезъ, кои не высыхали, видѣли только Русскаго офицера, съ бѣлымъ перомъ и бѣлымъ шарфомъ вокругъ руки. Все было чужое, непріятельское... И такъ это державное дѣло опправлялось подъ охраненіемъ инкопленника, одного изъ плѣхъ, кои побѣдили его опца и разбили Франгузовъ!.. Какую ночь должны были провспни особы, коихъ ожидала сія кареша! Какъ темнопа должна была увеличить суровую мрачность ихъ мыслей! Слишкомъ живымъ впечатлѣніямъ наспопнящаго, стѣпованія о прошедшемъ, спраху за будущее, превожно загромождаясь въ ихъ воображеніи; на минупу они могутъ счесъ себя въ пляжвомъ снѣ; но испина немедленно предспанешъ предъ ними во всей спрашной нагошѣ... Какіе глубокіе вздохи сполпятся въ ихъ груди! Они одни будутъ возмущашъ ихъ безмолвіе; ибо все вокругъ нихъ умоажло; слышенъ только шумъ собыпій; люди болѣе не говорятъ; самые слуги онѣмѣли и кажутся плѣнными... Голосъ младенца—(копорому не знаютъ, какое данъ имя, переспавъ называшъ его Кородемъ) — одинъ сей голосъ возвышается; его повелительный звукъ изобличаетъ привычку господспивовашъ надъ всѣми въ шомъ, копорый шеперь во всѣхъ имѣешъ нужду. О! сколько воспоминаній пробудитъ этотъ младенческій голосъ! Если упомянутая душа предаспся разсѣянію, если плѣло успупитъ дремошъ, какой пренепг возбуждешъ сіи дѣтскіе крики въ плѣхъ, коихъ

слухъ поразится ими!.. Вопль чію говорила я себѣ, увидѣвъ сына Наполеона и Маріи Луизы!.. Я тогда была еще молода... Дитя сіе, о которомъ я такъ горько плакала, вскорѣ также весело будетъ забавляться игрушками, приличными его возрасту, какъ вѣнцемъ и скипетромъ, кои отецъ бросилъ ему въ колыбель!.. Эта мысль меня утѣшила. Въ ту же ночь, записывая сіи впечатлѣнія, я вспомнила о другомъ младенцѣ, котораго видѣла также предметомъ благоговѣнія, попеченій, и—увы!—также добычею ужаснѣйшихъ бѣдспвій!.. Это другое дитя.. я одна, можетъ быть, помышляла объ немъ въ ту минуту: ибо для того потребно было мое живое воображеніе, моя неизмѣнная память и тѣ глубокія впечатлѣнія, кои получаютъ только при вспугненіи на прагъ жизни. Это дитя также нѣкогда простирало мнѣ свою державную руку... Я хочу воскресить въ памяти моей тѣ первые дни, когда я почувствовала первое біеніе умственной жизни: они напоминаютъ мнѣ державное младенчество, окруженное бѣдспвіями. И какими бѣдспвіями? Правосудный Боже! Кто будетъ болѣзновать о Наполеонѣ II, произносивъ святое имя Людовика XVII!..

(REVUE DE PARIS).

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАСПРАВА а).

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА.

Въ древнія времена, Греки и Римляне клеймили позорнымъ именемъ варваровъ всѣ народы, говорившіе не по Гречески и не по Римски. Вака средніе признавали Христіанство черною, за коюрой начиналось варварство. Въ наше время, публицисты, со словъ Шлецера, расширяють далѣе предѣлы образованнаго міра, оспавляя наименованіе варварскихъ только за нѣмъ спранами земнаго шара, гдѣ нѣтъ почтъ и журналовъ. Въ слѣдствіе сей новой размежки, Турція, Египетъ и Алжиръ, допускаются пеперь въ сиспему міра образованнаго. Дѣленіе спранное, но не совсѣмъ несправедливое!

Если примимъ сіе мнѣніе безусловно, то, Россія, въ отношеніи къ первому изъ двухъ признаковъ образованности, должна будетъ взять рѣшительный верхъ надъ всѣми народами. За нашею почтою не уступитъ самой просвѣщеннѣйшей державѣ земнаго шара. Но за то, относительно журналовъ, по крайней мѣрѣ, по ихъ количеству, мы не можемъ выдерживать соперничества съ другими государствами. Въ Англіи, Франціи, Германіи и особенно въ Соединенныхъ Штатахъ, они считаются сотнями: у насъ едва десятками.

Журналы безсомнѣніи соспавляютъ существен-

а) Такъ будутъ называться критическія обзорыя Русской Словесности, помѣщаемыя въ *Телескопѣ*. Изд.

ную спихну образованию: ибо служить средствами крутообращения мыслей, без копорого умственная жизнь заспанывается и высыхает. Просвѣщеніе есть общій капиталъ рода человеческого, для копорого должны работать всѣ руки, всѣ головы. Уничтожьте сіи каналы быспираго, взаимнаго сообщенія, посредствомъ конхъ мыслѣ, не болѣе какъ въ полгода, облетаетъ всю поверхность земнаго шара: тогда родъ человѣческій снова осудится на ту медленную, шруженническую, неспорную работу, копорая, въ печеніе сполтнѣй, едва вырабатывала одно замѣчательное открытіе, едва проявляла одну важную истину.

Такъ какъ въ рукахъ человѣческихъ нѣтъ вещи, копорая бѣ не могла быть употреблена во зло, то и журналы не рѣдко бываютъ орудіями вреда, нѣтъ болѣе опасными, чѣмъ ихъ дѣйствіе весьма быспро и заразительно. На своихъ легкихъ крылахъ, они также могутъ разсѣивать ложь и заблужденія. Но въпрѣкъ, освѣжающій атмосферу, должноль предавать проклацію за то, чѣмъ онъ заноситъ иногда изъ раскаленныхъ Ливійскихъ степей губительный зной или съ хладнаго лона полюсовъ разрушительную спужу? Все можетъ быть мечетъ обоюдоострымъ: разумъ долженъ прищипывать зло, пользуясь благомъ!

Происхожденіе журналовъ принадлежитъ новѣйшей Европѣ. До изобрѣтенія книгопечатанія, въ древнія и среднія времена, сообщеніе между людьми производилось уснною молвою или записками путешественниковъ. Первые періодическіе листки появились въ Италіи, по случаю войны Венеціанъ съ Салиманомъ II въ Далмачіи, въ 1563 году. Они назывались *Листа-*

летислами *Notizie Scritte*) и содержали въ себѣ военныя и коммерческія новости. Плата за нихъ принималась мѣлкою спаринною монетою, называвшагося *gazette*, которая нынѣ болѣе не ходитъ: отсюда имя *газеты*, которое утвердилось теперь во всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Шестидесятилетнее собраніе сихъ первенцевъ періодической литературы сохраняется въ библіотекѣ Мальбеки во Флоренціи. Въ Англіи появился первый газетный листокъ, подъ именемъ *Англійскаго Меркюра* (*English Mercury*), въ 1588 году, когда великая Испанская Армада угрожала Британіи. Тридцатипятилетняя война умножила число ихъ. Въ Германіи первые листки явились въ началѣ XVI вѣка, подъ именемъ *Реляцій* (*Relationen*), и именно въ Аусбургѣ и Ванѣ 1524, въ Регенсбургѣ 1528, въ Диллингенѣ 1569, въ Нирнбергѣ 1571, гдѣ издавались первоначально въ видѣ писемъ, безъ нумеровки. Первая регулярная газета начала выходить съ 1615 года въ Франкфуртѣ на Майнѣ, подъ именемъ: *Frankfurter Journal*, издаваемая книгопродавцемъ Эммелемъ. Всѣ сіи листки выходили съ дозволенія правительственна и подвергались ценсурѣ.

Литературно - ученые журналы начались гораздо позже. Ихъ изобрѣтеніе принадлежитъ Франціи, гдѣ съ 5 Января 1665 года началось изданіе *Журнала Ученыхъ* (*Journal des Savans*), вольнымъ обществомъ любителей, продолжавшееся непрерывно до 1790 года. Въ 1797 году журналъ сей былъ возобновленъ подъ тѣмъ же именемъ, а въ 1816 году, повелѣніемъ Людовика XVI, введенъ въ прежнюю форму, кошо-

рую сохраненъ и донынѣ. *Французскій Меркурій* (Mercure de France), начавшійся съ 1672 года и выходившій до 1717 года подъ именемъ Mercure Galant, находился подъ непосредственнымъ покровительствомъ двора, который даже назначалъ редактора. Фреронъ издавалъ (1754—76) *Ученый Годъ* (l'Année Littéraire) съ особеннымъ усердиемъ и славой. *Memoires de Trévoux*, издаваемые Иезуитами (1701—1780), отличались обширностью, глубокомыслиемъ и жаромъ полемики, хотя очень приспращной, особенно въ первые годы. Въ Англіи изъ старинныхъ литературныхъ журналовъ замѣчательны: *Monthly Review*, начавшійся съ 1749, и *Critical Review*, съ 1565 года. *Edinburgh Review* появился уже въ 1802; а *Quarterly Review*, въ соперничество съ нимъ, въ 1809 году. Въ Германіи первымъ литературно-ученымъ журналомъ должно назвать Латинскій переводъ Французскаго *Journal des Savans*, издававшийся Фридрихомъ Ничемъ, съ 1665 по 1670 годъ. Вероятно по примѣру его, съ 1668 года, Оппо Менке началъ издавать собственно Нѣмецкій журналъ въ Лейпцигѣ, но также на Латинскомъ языкѣ, подъ именемъ *Acta Eruditorum*, который продолжался до 1776 года. На Нѣмецкомъ языкѣ первый литературный журналъ началъ издаваться, въ діалогической формѣ, знаменитымъ Христианомъ Томазіусомъ, подъ именемъ *Ежемесячныхъ Бесѣдъ* (Monatssgespräche), продолжавшійся съ 1688 по 1690 годъ. Съ 1739 года издаются *Геттингенскія Ученыя Вѣдомости* (Göttinger Gelehrten Anzeigen), особенно возвысившіяся подъ редакціею Галлера и Гейне. *Лейпскаѧ Литературная Газета* (Leipziger Allgemeine Lit-

teratur-Zeitung) основана въ 1785 году Бершухомъ и издавалась Шинцемъ и Гуеландомъ. *Литературная Лейпцигская Газета* (Leipziger Literatur-Zeitung) восприимла начало съ 1800 года. *Гейдельбергскія Аннониси Литературы* (Heidelberger Jahrbücher der Literatur) издающіеся съ 1808. Мѣсто *Винской Литературной Газеты* (Wiener Literatur-Zeitung), издававшейся подъ управленіемъ Саршорія (1813—1816), заняли съ успѣхомъ, съ 1816 года, *Jahrbücher der Literatur*, по образцу Англійскаго Quarterly Review. Издающійся съ 1819 года въ Лейпцигѣ *Фегель* напоминаетъ собой Edinburgh Review. Тибингенскій *Morgenblatt* (*Утренній Листокъ*) начался съ 1807 года и теперь состоитъ на рукахъ книгопродавца Коппы, съ прибавленіями *Kunstblatt* и *Litteraturblatt*. Сей послѣдній издается Менцелемъ.

При всемъ разнообразіи содержанія и формы журналовъ, можно вездѣ и всегда возводить ихъ къ двумъ главнымъ родамъ, существенно отличающимся другъ отъ друга назначеніемъ, важностію и пользою: одни, посредствомъ коихъ сами правительственна сообщаютъ свои постановленія, виды и необходимыя извѣстія — журналы и газеты оффиціальныя; другія же, кои читаемыми людьми, сообщаютъ или опублично, издающіеся для распространенія новыхъ мнѣній, открытій, сужденій, по всемъ отраслямъ просвѣщенія — журналы и газеты учено-литературныя.

Въ нашемъ обществѣ оффиціальныя газеты и журналы достаточны для исполненія ихъ назначенія. Перечтемъ же изъ нихъ, кои издаются на Русскомъ языкѣ.

ВЪ С. П. БУРГЪ:

1. *Санкт-Петербургскія Вѣдомости*. Издаются Императорскою Академіею Наукъ и выходятъ ежедневно. Содержаніе ихъ: политическія извѣстія, официальные объявленія, разные любопытныя новости. Газета сія имѣетъ то преимущество, что первая на Русскомъ языкѣ сообщаетъ все заграничныя политическія извѣстія.

2. *Сенатскія Вѣдомости*. Выходятъ ежедневно, содержатъ все указы и повелѣнія.

3. *Сенатскія Объявленія*.

4. *Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости*. Выходятъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней подъ редакціею А. Ф. Воейкова. Въ нихъ, кромѣ военныхъ извѣстій, самыхъ свѣжихъ, помѣщаются иногда литературныя новости, описки, рецензіи.

5. *Коммерческая Газета*. Выходитъ три раза въ недѣлю большими листами при Министерствѣ Финансовъ. Здѣсь, кромѣ официальныхъ коммерческихъ извѣстій, помѣщаются частныя любопытныя разсужденія, вѣды и мнѣнія, касательно разныхъ предметовъ промышленности и торговли, даже дозволяется коммерческая полемика, со всемъ безприспирасіемъ и благородною любовью къ истинѣ.

6. *Горный Журналъ*. Выходитъ книжками, ежемесячно.

7. *Журналъ Мануфактуръ и Торговли*. Также книжками, ежемесячно.

8. *Военный Журналъ*. Книжками, черезъ два мѣсяца.

9. *Военно-Медицинскій Журналъ*. Книжками, черезъ два мѣсяца.

10. *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.* Съ прошлаго года выходятъ ежемѣсячно книжками, въ конхъ содержатся весьма любопытные матеріалы для современной внутренней исторіи нашего общества.

ВЪ МОСКВѢ:

11. *Сенатскія Объявленія.*

12. *Московскія Вѣдомости.* Издаются при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Выходятъ по два раза въ недѣлю. Содержанія ихъ кто не знаетъ? Онѣ разнообразны и всеобъемлющи, какъ Москва!

ВЪ ОДЕССѢ:

13. *Одесскій Вѣстникъ.* Выходитъ листками дважды въ недѣлю.

Эпохою въ исторіи нашей оффиціальной журналистики можно почесать Высочайше утвержденное поспановленіе о изданіи *Губернскихъ Вѣдомостей*, кои на первый разъ предложены для образца въ пяти Губерніяхъ.

Теперь перейдемъ къ другой области журналовъ.

(до слѣдующей книжки).

VIII.

С М Ъ С Ъ.

ЛЕКЦІЯ ШЕЛЛИНГА ИЗЪ ФИЛОСОФІИ ОТКРОВЕНІЯ.

Извѣстно, что Шеллингъ, находящійся теперь при Мюнхенскомъ Университетѣ, началъ недавно новый курсъ подъ именемъ *Философіи Откровенія* (*Philosophie der Offenbarung*). Вотъ одна изъ его лекцій, записанная однимъ изъ бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи, посланныхъ въ Германію для образованія въ юриспруденціи, К. А. Н***, 30 Мая и 1 Іюня 1832 года.

«Цѣль знанія, а следовательно и философіи есть незнаніе (*Nichtwissen*). Можеть быть это можно доказать уже изъ того, что цѣль всякаго движенія есть покой; а знаніе (*Wissen*) есть непрестанное движеніе. Сіе имѣлъ въ мысли Сократъ, мудрейшій изъ людей, которому вся глубина истины была открыта, когда говорилъ: «я знаю то, что ничего не знаю.» Такое незнаніе называютъ герою; и мы на то согласны, только надобно уяснить себѣ, что мы подъ симъ разумѣемъ. Это незнаніе, или вѣра называется незнаніемъ, не потому чтобы въ ономъ не было знанія, но потому что оно есть вышеестественное (*Uebersensenglischeit*) знаніе, поелюку предметъ его вышеестественъ. Такимъ образомъ вѣра есть героизмъ; и только героическія, великія души могутъ вѣрять. Сію вѣру нѣкоторые имѣють, какъ даръ (*von selbst*), какъ благодать Божію, безъ предшествовавшихъ крупныхъ

(harten) опытовъ. Такъ говоритъ Ап. Павелъ: *Благодатию вы спасены, чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ.* Ефес. II. 8. Другіе напрошивъ достигаютъ оной только послѣ опытовъ жизни и ученія. Въ семъ отношеніи были различныя философическія системы. Не всякая философія ведетъ къ вѣрѣ. Одно ученіе нѣсколько времени отвергало всякую дѣйствительность, всякую исторію; но исторія, какъ существующее въ своихъ послѣдствіяхъ, какъ вочеловѣченіе Бога, не можетъ быть отвергнута. Другая система хотѣла все выводили и развивали изъ разума и отвергаетъ все, не согласующееся съ разумомъ. Но такимъ образомъ Богъ поставленъ ниже чловѣка; мой частный разумъ (individuelle Vernunft) не можетъ быть мѣриломъ истины. Истинно говоритъ Ап. Павелъ: *буге Божіе премудрѣ мудрости чловѣческой.* Мы не могли бы философствовать объ опкровеніи, если бы оно не было дано. Но послѣ того какъ уже дано опкровеніе, мы можемъ прозрѣвать въ необходимости онаго и можемъ выводили ее философически. Вѣра есть абсолютное знаніе; но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы она была неизмѣющимъ никакаго основанія знаніемъ. Она есть абсолютное знаніе, поелику не служило основаніемъ никакаго, еще высшаго знанія, котораго надлежало бы основывать только на ней; абсолютное знаніе не исключаетъ того, чтобы имѣть для себя основаніе; но исключаетъ то, чтобы служило основаніемъ. Самое опкровеніе есть не иное что, какъ второе твореніе; оно есть таже разрывающаяся воля Божія, таже дѣйствіе Божіе, только гораздо болѣе выразительное, болѣе личное.

НЕОБЫКНОВЕННЫЯ НЕБЕСНЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

Ночь съ 12 на 13 Ноября прошлаго 1832 года, въ метеорологическомъ отношеніи, принадлежитъ къ достопримѣчательнѣйшимъ, кои запомнить живущее поколѣніе. Еще въ вечеру 12 Ноября показались на небѣ удивительныя явленія свѣта, кои 13 по утру, между тремя и шестью часами, засіяли во всей пышности и величіи. Весьма жалко, что это было въ такую глухую пору, когда наблюдатели рѣдко бывають на ногахъ. Немногіе образованные были очевидцами сихъ явленій; и поному должно довольствоваться свидѣтельствомъ послѣдующихъ, ночныхъ сторожей, часовыхъ, перевозчиковъ, паспуховъ. Во многихъ мѣстахъ испуганныя лошади съ прудомъ двигались впередъ: люди, объятые паническимъ страхомъ, толпами спекались въ дома съ полей. Нѣвшательскіе крестьяне видѣли длинное ружье съ пышномъ и саблею, колебавшіяся надъ Швейцаріей; въ Брисселѣ припоминали, что подобныя явленія показывались на небѣ не за долго до битвы при Ватерлоо. Сіи метеоры, кажется, видимы были во многихъ частяхъ Европы; и поному надлежало бы собрать извѣстія со всѣхъ пунктовъ, дабы наконецъ достигнуть болѣе или менѣе удовлетворительнаго результата. Такъ сдѣлалъ недавно Женевскій Профессоръ Гопье: онъ собралъ наблюденія, сдѣланныя вкругъ Женевского озера, въ другихъ кантонахъ Швейцаріи, въ сѣверной Франціи, въ окрестностяхъ Брисселя и въ разныхъ пунктахъ сѣверной и южной Англск. Ч. XIII.

гнѣн, изъ соображенія коихъ извлекаю слѣдующіе выводы.

Въ ночи, съ 12 на 13 Ноября, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были дѣланы наблюденія, съ девяти часовъ вечера до разсвѣта дня, периодически являлось безчисленное множество свѣтлыхъ метеоровъ, коихъ яркость и сила увеличилась во вторую половину ночи. Сии метеоры состояли преимущественно въ безчисленномъ множествѣ падающихъ звѣздъ (*Stercoriparres*), кои сѣлись по всемъ направленіямъ словно огненнымъ дождемъ, какъ замѣтили нѣкоторые наблюдатели, въ меньшемъ количествѣ самодвижущихся свѣтлыхъ шаровъ, наконецъ въ огненныхъ полосахъ и снопахъ, рассыпавшихся по временамъ пламенными снопами, спрулами и искрами. Ихъ блескъ былъ весьма яркъ и равнялся молніи; многіе изъ нихъ длились по нѣсколькимъ минутѣ и мѣнялись безпрестанно въ очертаніяхъ и цвѣтѣ, переливаясь, большею частію, изъ краснаго въ зеленую, голубую и фіолетовую. Кажется, они видимы были равно во всѣхъ частяхъ неба. Такъ какъ они слѣдовали другъ за другомъ съ необычайною быстротою и наблюдающіе не могли съ точностію замѣчать минуты ихъ появленія, направленіе и продолжительность, то не лзя сказать ничего дословнаго о ихъ истинной высотѣ въ воздухѣ: можно однако предполагать, что, по крайней мѣрѣ, замѣчательнѣйшіе изъ нихъ происходили довольно высоко; ибо замѣчено, что они, большею частію, какъ будто исчезали въ небесной глубинѣ, разсѣавшись прежде длинною свѣтлою полоскою, и многіе припомъ свер-

калн за облаками. Метеоры сіи въ весьма опдаленныхъ пунктахъ, какъ сѣверная Англія и Женева, видимы были почти въ одно и тоже время: но сіе доказывающъ только ихъ обширность и нисколько не можешъ служить къ опредѣленію ихъ высоты; ибо можно допустить, что явленія, наблюденныя въ столь опдаленныхъ мѣстахъ, не были однѣ и тѣже.

Кто читалъ Гумбольдтово Путешествіе по Южной Америкѣ, тотъ конечно замѣтитъ большое сходство сихъ явленій съ тѣми, кои Гумбольдтъ и Бонпланъ наблюдали въ Куманъ 12 Ноября 1799 года. «Ночь съ 11 на 12 Ноября» — (говорится въ кн. IV гл. 10 Путеш.) — «была ясная и свѣжая. Въ продолженіе чепырехъ часовъ безпреспапно сыпались огненные шары и падающія звѣзды; ихъ стремленіе было весьма правильно отъ сѣвера къ югу и напоминало собой сегментъ неба въ 30° на сѣверъ и на югъ отъ истиннаго востока. На протяженіи 60° видны были метеоры на ONO и на O, возвышающіеся надъ горизонтомъ, кои, описывая большіи или меньшія дуги по направленію меридіана, падали къ югу. Нѣкоторые изъ нихъ достигали 40° высоты, всѣ же вообще проспирались отъ 25 до 30° . Въ низшихъ слояхъ воздуха дулъ весьма слабый восточный вѣтръ и небо совершенно было безоблачно.» Бонпланъ рассказываетъ, что, съ начала явленія, не было на небѣ ни одного промежутка въ при поперечника луны, гдѣ бы ежеминутно не являлись огненные шары и падающія звѣзды. Всѣ сіи метеоры ославляли за собой свѣтлыя полосы отъ 8 до 10° дли-

ною, что весьма обыкновенно подъ проониками. Блескъ сихъ полосъ длился ошъ 7 до 8 секундъ. Многія падающія звѣзды образовали изъ себя ядра, величиною въ кругъ Юпитера. Огненные шары всѣ почти разлетались; но самыя большіе изъ нихъ, имѣвшіе болѣе градуса въ ширину, исчезали безъ искръ, оспавляя за собой только широкія свѣпящіяся полосы ошъ 20 до 15 минушъ. Свѣшъ сихъ метеоровъ былъ, не какъ у нынѣшнихъ, красный, а бѣлый, что вѣроятно происходило ошъ недоспапка паровъ и необыкновенной плотности воздуха. Около чепырекъ часовъ унра явленія начали поспешенно исчезать; впрочемъ и послѣ восхожденія солнца съ чепвершъ часа можно было различать еще свѣпалые шары и падающія звѣзды по ихъ бѣдному сіянію и быспрошъ движенію. Передъ появленіемъ сихъ метеоровъ, 4 Ноября, чувствованы были шри земныя потрясенія послѣ нѣсколькихъ ударовъ грома. На жипедей Куманы это сдѣлало сильное впечатлѣніе; ибо старики припоминали, что въ 1766 году подобныя совершенно явленія предсказывали ужасному землетрясенію; но ихъ опасенія на сей разъ были неосновательны.

Сей метеоръ 1799 года былъ виденъ ошъ Земли Эскимосцевъ, Лабрадора и Гренландіи, подъ 64 — 82° широты, до Экватора, предѣловъ Бразиліи и Французской Гвіаны. Эллионъ, Сѣверо-Американскій астрономъ, наблюлъ оный въ Багамскомъ Каналѣ, а одинъ паспоръ въ тоже время въ Веймарѣ, на Югъ и Юго-Западъ. Отсюда слѣдуетъ, что явленіе сіе наполняло собой пространство 460,000 геогр. миль. И такъ если допустить, что на краѣхъ ситомъ обшир-

наго проспиритива видны были одны и тѣже метеоры, шо высота ихъ должна проспиритивъ по крайней мѣрѣ до 200 геогр. миль. Но Гумбольдтъ полагаетъ, что Индійцы въ Куманѣ, Португальцы въ Бразиліи, миссіонеры въ Лабрадорѣ и Нѣмецкій паспортъ видѣли не одніи и тѣже явленія.

Удивительно, что доселѣ ничего не извѣстно о существѣ и причинахъ феноменовъ, сполнѣ разнптельныхъ и гораздо ближайшихъ къ землѣ въ сравненіи съ небесными тѣлами; даже опноспительно падающихъ звѣздъ, съ коими метеоры сіи находились въ весьма близкомъ сродствѣ, мы находимся еще въ совершенномъ мракѣ. Изъ наблюдений, сообщенныхъ опъ Бенценберга и Брандеса въ 1798, и опъ послѣдняго, въ гораздо большемъ размѣрѣ, въ 1823 году, открываемся только, что сіи послѣдніи возвышающіяся опъ 1 до 15 геогр. миль, пробѣгаютъ опъ $\frac{1}{4}$ до 8 миль въ секунду и описываютъ свѣтлыя полосы длиною опъ 1 до 14 миль. Одинъ Бриссельскій астрономъ, сообразивъ нѣсколько наблюдений, вычислилъ высоту одной падающей звѣзды въ 17 съ половиною Французскихъ лье. Большая часть ихъ лепится внизъ къ землѣ: но случается, что опъ спремяется горизонтально, или даже перпендикулярно вверхъ: откуда явствуетъ, что ихъ не лѣзя считатъ воздушными каменьями, кои, входя въ нашу атмосферу, разгорячаются и свѣтлѣютъ. Брандесъ замѣтилъ во многихъ подобныхъ метеорахъ, имъ наблюденныхъ, направленіе къ юго-востоку, рѣшительно противоположное движенію земли при ея обращеніи вокругъ солнца; изъ чего заключаетъ, что, по крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ ни принимаютъ

никакого участія въ семь движеній. Докпоръ Бюрней, по чепырежлѣпннмъ наблюденіи, открылъ, что сіи явленія чаще случаются лѣтомъ, чѣмъ зимою, и что ихъ множеству бываетъ обыкновенно предвѣстїемъ бури, что замѣчено еще и Виргиліемъ въ первой книгѣ Георгикъ.

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

Духъ Времени и потребность въка

въ философическомъ и нравственномъ ихъ
значеніи.

Есть выраженія, которые по временамъ входящъ во всеобщее употребленіе, какъ будто значеніе ихъ столь же опредѣленно и извѣстно, какъ напримѣръ понятія, заключающіяся въ словахъ: *свѣтъ солнечный, тьма ночная*, или другія сему подобныя, для всѣхъ равно ощутительныя и неподверженныя со-

- а) Сочинитель сей спашь, какъ видно изъ самого заглавія, разсматриваетъ свой предметъ единственно въ двухъ его значеніяхъ самыхъ общихъ, не касаясь никакихъ частныхъ приложений. Желательно бы было, чтобы о подобныхъ предметахъ писали всегда въ столь умѣренномъ и благоразумномъ духѣ, чему, къ сожалѣнію, мы видимъ мало примѣровъ. *Изд.*

мѣнію. Таковы сіи два выраженія: *духъ времени* и *потребность свѣка*, получившія съ нѣкотораго времени такую всеобщность, что онѣ сдѣлались почти признакомъ образованнаго человѣка — свѣскаго и ученаго, пишущаго и читающаго, мыслящаго и только что говорящаго! Такая всеобщность очень подозрительна! — Чѣмъ значахъ сіи слова? Имѣють ли онѣ какое опредѣленное значеніе? И одно ли онѣ имѣють значеніе въ устахъ философа и геолога, полишика и человѣка свѣскаго, журналиста и его читателя? Не пошому ли всякой такъ смѣло употребляетъ сіи выраженія, что не спрашивалъ еще у себя опчета въ ихъ значеніи, и что люди наиболѣе ихъ употребляющіе не снеслись между собою? Какъ удивился бы каждый, увидя, что не въ состояніи вдругъ дать себѣ опчета, и какъ удивились бы всѣ они, открывши можешь бышь, что каждый даетъ имъ свой смыслъ, особенный отъ прочихъ!

Какъ бы то ни было, но какъ скоро какія нибудь слова, или выраженія, дѣлаются всеобщими, то это ручается, если не за опредѣленность ихъ смысла, то по крайней мѣрѣ за то, что люди полагають въ нихъ какое нибудь важное значеніе! — А пошому онѣ стоятъ изслѣдованія.

Замѣшимъ при семъ случаѣ, что есть мно-

жество словъ, необходимыхъ въ языкѣ чело-
вѣческомъ и заключающихъ въ себѣ смыслъ
истинный, даже иногда не только смыслъ
истинный, но самую истину, и въ кошорыхъ—
никто не можешь дасть себѣ опчеша! Таково
сие слово: *духъ*. Кшо не упошребляешь его? И
кшо опредѣляшь истинную идею, подъ нимъ
разумѣющуюся? — Мы говоримъ: человекъ
имѣешь духъ и шѣло; величіе духа; духъ пи-
сашеля, и наконецъ духъ времени. Для филосо-
фа — эшо понятіе метафизическое; для лиш-
перашора — эшо фигуральное выраженіе; для
шесосфовъ — эшо нѣчто существенное!

Никшо не отрицаешь духовности человекъ;
духъ жизни разлишь во всей природѣ: чшо ни
разумѣли бы подъ нимъ, но должно признашь,
чшо есть всеобщій двигателъ, содержашель
жизни, дѣятелъ, сила, и чшо эшо — не есть
матерія. Если назвашь оное не духомъ, шо эшо
будешь споръ въ однихъ словахъ, но идея ос-
нается яже. И шакъ назовемъ эшо духомъ.
Энтошь духъ, или эша всеобщая сила — не мо-
жешь бышь одно метафизическое, или ошвле-
ченное понятіе; какъ скоро мы приписываемъ
ему поманушыя свойшва всеобщаго дѣятеля,
шо оно должно бышь нѣчто существенное, и
гораздо существеннѣйшее матеріи, хошя сію
последнюю мы ощущаемъ, а о шомъ имѣемъ
только идею. Какъ скоро эшо всеобщій дѣя-

шель, что все, происходящее и дѣющееся въ мірѣ нашемъ, должно быть производимо имъ! По симъ понятіямъ становился нѣсколько вразумительнымъ и выраженіе: *духъ времени!*

Но мы видимъ въ природѣ не одну силу, или, если принять и одну коренную силу, то по крайней мѣрѣ дѣятельность ея предполагаетъ въ ней дѣйствіе и противодействіе, безъ коихъ она была бы мертвою, слѣдовательно не была бы и силою. Если вы назовете эту силу духомъ, положимъ, духомъ жизни (и примемъ это выраженіе хотя за условное), то вы найдете, что въ этомъ всеобщемъ дѣятелѣ — должны быть двѣ силы, или два направленія, одно другому противоположны, какъ напримѣръ въ природѣ физической сила сжимательная и расширительная, центробѣжная и средостремительная и проч. Не ошъ сего ли противоположнаго направленія двухъ силъ, иногда находящихся въ противудѣйствіи гармоническомъ, иногда пересиливающихъ одна другую, происходитъ и различный духъ времени? — Это конечно гипотеза: я ее и выдаю за такую; но гипотеза столь же вѣроянная, какъ и упомянутыя мною гипотезы физики!

Какъ сіи силы природы физической не были бы въ своемъ производѣйствіи для насъ ощущительными безъ нашего *воздѣйствія*, такъ точно должно предположить, что и сія

сила всеобщаго дѣяшеля, въ мірѣ неподверженномъ чувствамъ, также не была бы чувствуема нами, не дѣйствовала бы на насъ, однимъ словомъ, была бы намъ чуждою — безъ нашего воздѣйствія; ибо высшіе законы шворенія для обоихъ міровъ должны бытъ одни и тѣ же, или, лучше скажешь, такъ какъ нельзя не только разпознашь, но даже и положишь разумомъ предѣловъ между сими двумя мірами, то слѣдуешь признашь, что сіи высшіе законы не только одни и тѣ же, но что въ основаніи своемъ они должны бытъ одно. Какъ въ мірѣ разумномъ, въ области мышленія, душа наша дѣйствуетъ двумя способами, имѣя способность *приемлемости* и *самодѣтельности* (*spontaneitas*); такъ точно замѣчаемъ мы и въ мірѣ болѣе свободномъ, въ мірѣ воли, что она не только, такъ скажешь, принимаетъ въ себя желанія, свойственныя ея природѣ по аналогіи съ нею дѣйствующихъ на нее силъ, но и дѣятельно обращается на нихъ посредствомъ своей *свободной воли*, кошорая въ области желательной — точно то же, что самодѣятельность разума въ области мышленія.

И такъ человѣкъ имѣетъ свободную волю, высокое преимущество, отличающее его отъ всей природы; одно благо, кошорое онъ можешь назвашъ своею собственностію; истинная его сила, кошорою онъ превышаетъ всѣ прочія!

Тѣло его подвержено измѣненіямъ нравѣй со всею природою; разумъ его признаетъ необходимо истину, имъ самимъ открытую; одна свободная воля его не покаяется ни симъ измѣненіямъ ни сей необходимостію! Обладающій сею собсвенною силою независимою отъ природы, онъ не долженъ покаяться безъ размышленія и духу времени, а испытывать его прежде, нежели будетъ увлеченъ имъ во всеобщемъ стремленіи. Не даромъ говоришь и Св. Писаніе: «не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи.» Сію силу свободной воли надъ духомъ времени мы и видимъ въ нѣкошорыхъ великихъ людяхъ, называемыхъ нами геніями, которые даже измѣняютъ и увлекаютъ за собою духъ времени! Слѣдовательно — человекъ *можетъ* обладать имъ!

Что мы называемъ духомъ времени, то дѣйствительно существуетъ; ибо мы видимъ иногда всеобщее стремленіе къ открытіямъ, иногда къ учености, иногда къ философіи. Бываетъ иногда одинакое стремленіе въ продолженіе не цѣлаго вѣка, а нѣкошораго времени и обращаешь вдругъ въ прошивную сторону. Мы не всегда усматриваемъ сему причины; однакожъ оно есть, мы его видимъ, хотя бы причины были намъ и невидимы! Но иногда сіи стремленія бываютъ самыя гибельныя, и пошому для насъ не довольно только *наблюдать* духъ времени, а

надобно разсмащривашъ, каково его направлѣніе, благодѣштельно ли оно для человѣчества, благошворно ли оно для человѣка въ особенності: слѣдовашъ ли ему или прошивоборшвовашъ, или совмѣшшишъ въ самого себя и по крайней мѣрѣ ему не покаряшъся!

Что такое духъ времени и всегда ли можно ему послѣдовать, разберемъ это еще такимъ, болѣе ощушительнымъ образомъ. Мы видимъ, что въ человѣкѣ бываетъ духъ крошости, духъ благошворенія, духъ гордости, духъ мщенія, духъ буйства. Мы называемъ въ семъ случаѣ духомъ шу дѣштельную силу, кошорая побуждаешъ человѣка дѣшшвовашъ, называемъ ее шакъ безъ опчеша самимъ себѣ и не подозрѣваемъ, что можешъ бышъ въ произносимомъ нами словѣ заключается большая шочность выраженія, скрывающаго подъ собою, или, правильнѣе скашъ, опкрывающаго въ себѣ не маловажную истину: ибо корень языка лежишъ глубоко въ нашурѣ человѣческой! Но дѣло въ шомъ, что, говоря о человѣкѣ: «въ немъ духъ шакій-то,» мы разбираемъ, какой въ немъ духъ, и иному покаряемъ, какъ напрімѣръ, духу крошости; иному прошивимъ, какъ-шо духу гордости; опъ инаго скрывается и убѣгаемъ, какъ напрімѣръ, опъ духа мщенія! Если соберешъ нѣсколько людей одного направленія,

положимъ людей буйныхъ, мы говоримъ, что въ этомъ обществѣ духъ буйства, и если мы сами не того же духа, то бѣжимъ далеко отъ сего общества! Народъ есть тоже людское общество, только въ ббльшемъ размѣрѣ! Какъ иногда разпростирается въ какомъ-либо неббльшемъ сборищѣ людей духъ одного свойства и часто безъ видимой намъ причины, такъ можешь овладѣть онъ и большимъ обществомъ человѣческимъ; ибо народъ сославленъ изъ общества, а общество изъ людей. Если какой особенный духъ можешь овладѣть малымъ обществомъ, то можешь овладѣть и большимъ, съ шюю только разницею, что причины распространения его въ семь послѣднемъ, а равно и производимы имъ дѣйствія, должны быть многосложнѣе, сильнѣе, и пошому или благошворнѣе, или опаснѣе! Если же мы испытываемъ какого духа небольшое общество людей и бѣжимъ отъ него, если находимъ его враждебнымъ и разрушительнымъ: то какъ же покаришься безъ разбора духу времени, овладѣвающему цѣлымъ народомъ, или значительною частью человечества, который, если это какой-либо духъ враждебный, долженъ быть несравненно опаснѣе! Мудрый никогда не покорится ему; а будешь его испытывать и тогда только сообразоваться ему, когда найдешь, что онъ благъ и полезенъ!

Каковъ напрямѣръ духъ нынѣшняго времени? Вамъ будущъ ошѣвчашъ: спремленіе къ свободѣ *мыслей и дѣйствій!* Да! по видимо-му, шакъ! Но углубившись въ разсмотрѣ-ніе его, видишь въ немъ одно шолько бorenіе, одинъ духъ взаимнаго прошивоборства! Всѣ силы, въ продолженіе нѣкошораго времени были споль подавлены духомъ одного чело-вѣка (я говорю о Наполеонѣ), были споль стѣснены и сжаты и пребывали споль долго въ бездѣйствіи, что вырвавшись изъ сей стѣс-ноши, разширившись и разлившись вдругъ, онѣ нашурально должны были придиши въ сильное волненіе и колебаніемъ своимъ произ-вести бури, подобно воздуху, сжатому меж-ду облаками, или пошерявшему равновѣсіе. Когда онѣ придущъ въ сіе равновѣсіе, шогда нашурально наспанешъ шишина; но шогда шолько и увидимъ: благошворна ли была эша буря и что произведа она? — Но шеперь мы видимъ одно шолько волненіе и не можемъ ничего заключиши рѣшившельно о спремленіи сего духа времени. Можно сказаши одно шоль-ко: *бдите и молитесь, да не внидете въ на-пасть!*

Франція, сіе средошочіе нынѣшняго духа времени, всегда занимала Европу, по своему политическому положенію, по своему просвѣ-щенію, а наконецъ и пошому, что она много

говоришь о себѣ и что по всеобщности языка своего имѣешь средство быть услышанной! — Вспомните о ребяческой философiи Вольтера и Энциклопедистовъ, которую теперь смѣшно назвать философiей; взгляните на нынѣшнюю философiю Французовъ, которой они придумали названіе эклекцизма, пошому что не знаютъ какъ назвать ее! Что это такое? Блестящія, но поверхностныя идеи, собранныя почти наудачу; безъ единства, пошому что безъ основанія; безъ цѣли, пошому что безъ единства; чужое, понятое слегка; свое, неприлаженное къ чужому; и все это, излагаемое въ фразахъ краснорѣчивыхъ, ясныхъ, понятныхъ для всякаго, и шѣмъ болѣе заспа-вляющихъ удивляться непонятности системы! Французы восхищаются краснорѣчивымъ изложеніемъ, и запрудняясь слѣдовать за ходомъ идей философа, приписываютъ это глубокомыслию, а въ нѣкоторыхъ примѣненіяхъ къ обстоятельству, наиболѣе ихъ занимающимъ, въ нѣкоторыхъ политическихъ выходкахъ и любимыхъ фразахъ видятъ духъ времени и восхищаются, что нашли философiю, ему соотвѣтствующую! Но если сей мнимый эклекцизмъ дѣйствительно выражаетъ духъ времени, то развѣ одну ли же колеблемость, которая видна и въ мірѣ политическомъ; но ничего прочнаго, никакой очевидной

цѣли, кошорая бы утѣшила человѣчество и обнадеживала человѣка! Едва ли не можно по всей справедливости сказать и полишкамъ ихъ и мыслятелямъ: «не вѣсте, коего духа есте вы!»

Взгляните и на ихъ лихтерашуру, кошорая съ новыми силами и съ небывалою еще силою возстаетъ изъ сна своего! — Что вы найдете въ этой силѣ и въ чемъ она себя оказываетъ? Это анапомической театрѣ, на коемъ разлагають живаго моральнаго человѣка, и безъ всякой жалости, безъ малѣйшаго содроганія, ошдѣляютъ и обнажаютъ прене-щущіе его члены предъ взорами всего человѣчества! Чинная сія произведенія, чувствуешь одну и ту же борьбу, какая и въ мірѣ дѣятельномъ, борьбу души самой съ собою, то уснремяющейя съ состраданіемъ къ страдающему человѣчеству, то съ содроганіемъ ошвращающейя отъ ужасовъ, въ кошорыхъ можешь являться человѣческая природа! — Это духъ времени насъ борющій и испытывающій силу души нашей; испытываемъ же и мы его, и попробуемъ сію силу души нашей — надъ нимъ самимъ!

Углубимся еще нѣсколько подалѣе въ предметъ сей. Что переспаетъ дѣйствовать, то ошсаетъ въ состояніи страдательномъ, то естъ, подверженномъ дѣйствію силъ, его

окужающихъ: эшо законъ природы, распро-
спраняющійся и на насъ; ибо все на насъ дѣй-
ствуешь и все будешь продолжашь своимъ
порядкомъ на насъ дѣйствовать. А такъ
какъ мы видимъ, что духъ времени можетъ
измѣняться и превращаться въ нашъ собст-
венный, шо очевидно, что и нашъ духъ шоме
можетъ подлежать подобному измѣненію. И
пошому, приведя его въ состояніе спрадатель-
ное, шо есть допусшивши дѣйствовать на
него свободно и безпреняшвенно всѣмъ си-
ламъ, его окужающимъ, или сочешавая и,
такъ сказать, сливая его съ какимъ-либо
духомъ враждебнымъ, не пресущешвляемъ ли
мы и его въ духъ шому подобный и даие не
измѣняемъ ли шѣмъ самую его нашуру? Эшо
вопросъ важный, конторый шѣмъ самымъ, что
шрудно рѣшивъ его, долженъ посшавивъ чело-
вѣка въ состояніе самой осшорожной и не-
успшной дѣяшельности; замѣшше, что я го-
ворю: дѣяшельности, а не бездѣйствія!

И такъ нужно ли и должно ли слѣдовать
всякому духу времени? — Если бы можно было
говорить спрашамъ и предразсудкамъ голо-
сомъ истины, непокаряющейсѣ никакимъ
условіямъ временнымъ, шо я сказалъ бы:
«Духъ времени приходитъ и проходитъ; а
мы осшаемся, ибо принадлежимъ вѣчности:
слѣдовательно духъ нашъ долженъ и здѣсь

жить и дѣйствовать въ вѣчности, а не колебаться во времени!» Подумаемъ объ этомъ: не ошкроемъ ли мы въ сей истинѣ такихъ тайнъ о человѣчествѣ, кошорыя научають насъ, что такое духъ времени и какъ намъ дѣйствовать.

Далѣе — въ семъ же духѣ времени ошкрывается и *потребность вѣка*, другое выраженіе нашего времени! Естественнo, каковъ духъ, такова его и потребность; но если не должно слѣдовать безъ испытанія духу времени, то не всегда полезно для человѣчества удовлешворяшь и потребности своего вѣка: ибо сія потребность не всегда бываетъ истинною потребностью человѣчества и даже человѣкашго самаго времени.

Ошибившись въ семъ случаѣ шѣмъ легче и шѣмъ опасѣе, что духъ времени очевидѣе, ибо онъ являешся *въ дѣланіяхъ*; а шакъ называемая потребность вѣка — оказываешся *въ идеяхъ*, кошорыя не столь опредѣленны и не столь ошущишельны для каждаго, какъ дѣйствія! Большая часть преній, споровъ и несогласій умствующаго и дѣйствующаго человека—бываетъ объ идеяхъ, а не о дѣйствіяхъ: чѣмъ доказываешся, что въ нихъ больше сомнѣній, недоразумѣній и заблужденій, нежели въ дѣйствіяхъ. Дѣяніе совершилось и невозвращимо, какъ всякое дѣло человѣческое:

осзающа только послѣдствія; идеи же, въ которыхъ проявляеши потребность вѣка, не умирающъ, какъ безсмертна душа наша: онѣ находящи въ непрерывной работѣ, въ непрерывномъ броженіи и состоящи въ такой спонтанней связи одна съ другою, что весьма трудно разпознашъ въ нихъ, что именно требуется *вѣкомъ* и что *предлагается людьми*, какъ одинъ только опытъ для открытія сей потребности. Какъ часто мы увлекаемся ихъ пышнымъ стремленіемъ, думая, что несемъ уже на крылахъ истины! — Въ первый разъ испытало это человѣчество при появленіи философовъ, политиковъ и экономистовъ прошедшаго столѣтія; въ первый разъ, говорю я пошому, что до того времени споры объ учености принадлежали только ученымъ; о политикахъ — только кабинетамъ; о религіи — только богословамъ и реформаторамъ. Но въ сіе время всѣ важнѣйшія истины человечества, всѣ важнѣйшія предметы жизни политической и гражданской — были превращены въ вопросы и предложены на судъ каждаго. Такимъ образомъ въ сіе время въ первый разъ явилась тайная мысль о потребности вѣка! Теперь, находясь уже довольно далеко отъ сего времени, мы можемъ хладнокровно и вполне его разсматривать и видѣши много ли изъ потребностей того вѣка оказалось исти-

ною потребностію человѣчества; а если что было и дѣйствительно потребностію того времени, то полезно ли было для человѣковъ удовлетворять ей? — Какъ легко ошибиться въ семь случаевъ! — И кто говоришь симъ голосомъ своего вѣка? — Человѣчество ли вѣчнымъ, немолкающимъ голосомъ своей напуганности? — Или, по крайней мѣрѣ, всѣ ли человѣки того времени, того народа? — Нѣтъ! Это голосъ нѣкоторыхъ, немногихъ, можетъ быть умнѣйшихъ и опынѣйшихъ членовъ народа, но по большой части такихъ людей, коихъ духъ времени, обнаруживавшійся въ своихъ дѣйствіяхъ, потрясалъ сильно и непосредственно! Сколько съ одной стороны они должны имѣть болѣе правъ на довѣренность общества по близкому участию въ происшествіяхъ и по происходящей отъ того опытности; сколько съ другой стороны, будучи болѣе другихъ боримы сею могущественною силою, называемою духомъ времени, они болѣе другихъ подвержены всѣмъ разнороднымъ впечатлѣніямъ и спрашамъ, волнующимъ и ослѣпляющимъ разумъ! Что же, если къ сему заблужденію присовокупишь еще приспособленіе къ собственнымъ выгодамъ, находящимся иногда въ противоположности съ пользою общей? Человѣкъ частный, неучаствующій въ дѣлахъ общественныхъ и неимѣю-

щій возможности видѣшь всѣ мончайшія нити, приводимыя въ движеніе въ семь случаевъ, долженъ по крайней мѣрѣ не довѣрять безъ разбору всѣмъ идеямъ, которыя предлагаются ему какъ пошребность вѣка; а совѣшовавшись съ просшимъ, неомраченнымъ своимъ разумомъ: гдѣ онъ не можешь повѣрять довѣренности свою къ его заключеніямъ своимъ или чужимъ опытомъ, тамъ онъ можешь повѣрять ее вѣчною пошребностію человѣческава, въ кошорой никогда не ошибешся, если будешь съ любовію вопрошать ее!

Но я удивляю конечно многихъ, особливо пѣхъ, для кошорыхъ всякое современное претребованіе разума есть уже истина, я конечно удивляю многихъ, говорю я, сказавши, что даже открывъ такимъ образомъ дѣйствительную пошребность своего времени, должно иногда удерживаться отъ удовольстворенія или послѣдованія оной! — Между шѣмъ нѣтъ ничего справедливѣе! — Если это, напримѣръ, болѣзненное время человѣческава?... Если это пошребность одной пылкой молодости какого нибудь народа?... Или пошребность возмужалости, испорченной спрашми, раздражительной, оскорбленной, какова была Франція при началѣ революціи; наконецъ пошребность помѣшанной, сумазбродной націи, какъ была та же Франція во время самой револю-

ція?... А помѣшательство бываетъ иногда и довольно тихое, даже разсуждаетъ иногда довольно логически!

Упошребимъ старое сравненіе человѣчества, или народа, съ человѣкомъ. Въ юности спрасши самыя неумѣренныя бываютъ дѣйствительною потребностію души и тѣла; но истинная потребность оныхъ — самосохраненіе, требуетъ совершенно противоположнаго! — Мщеніе бываетъ иногда такою дѣйствительною потребностію, что самое временное спокойствіе человѣка требуетъ удовлетворенія оному; но кто же согласишь, чтобы это была истинная потребность? — Наконецъ, дѣйствительная потребность больного, страдающаго жаромъ, належащаго ему внутренности, состоятъ, можешь быть, въ стаканѣ воды со льдомъ; а истинная потребность въ какомъ нибудь горячемъ питъѣ, для произведенія испарины въ томъ тѣлѣ, которому и безъ того жарко! — Пусть смѣются сямъ *пошлыми* сравненіямъ; но пусть ихъ опровергнушь!

Я пишу не для людей, участвующихъ въ дѣлахъ общественныхъ, копорыхъ кругъ зрѣнія долженъ быть обширнѣе нашего, копорые могутъ видѣть яснѣе человѣка частнаго въ чемъ состоятъ и духъ времени и потребность вѣка, и копорые, можешь быть, должны иногда дѣйствовать инымъ образомъ, не-

жели мы; но я пишу для всякаго мирнаго и просвѣщеннаго Гражданина, желающаго добра и спокойствія себѣ и человечеству! — Я смогру съ точки зрѣнія *общей*; но съ кошорой, кажешся, можеть и долженъ смотрѣть каждый! —

Древніе, сіи образцы чистаго разума, не по-мраченнаго еще нашими мѣлкими спраснями, несовершенные съ прямаго пути предразсудками и неспущающиеся подобно намъ непрерывнымъ разнѣномъ своихъ и чужихъ мыслей, не писали о потребности временной, а только объ истинной и всегдашней потребности человечества! Онь того въ ихъ писаніяхъ вѣчный голосъ разума остаешся и понынѣ голосомъ истины. Слѣдуя, не авторишешу ихъ, кошорый не долженъ существовать ни для совѣсти, ни для разума, но доброму ихъ примѣру и особенно собственному убѣжденію, кошораго основаніе, думаю, доспашочно видно изъ всего предыдущаго, я заключаю шѣмъ, о чемъ нѣсколько сказалъ уже выше, что потребность вѣка — есть потребность нѣкошораго шокмо времени, соотвѣшшвующаго возрасту человечества или народа, или обстоятельштвамъ; но что кромѣ оной должна бытъ для человѣка высшая потребность, неизмѣняющаяся во времени! Нельзя ли опнѣсти къ сему и словъ Св. Ап. Павла, кошорый

говоришь: «Не сообразуйтесь вѣку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная.» Впрочемъ, не надобно презирать или осмѣивать безъ вниманія и потребности своего вѣка; особенно же не надобно думать, что она и духъ времени суть одніи только пустыя слова, незаключающія въ себѣ никакого смысла! И вошъ причины, по которымъ не должно пренебрегать ими. Они являющіяся въ дѣйствіи: слѣдовательно — они сущесwвуютъ. Какъ направленіе нашихъ идей и дѣяній, они происходятъ отъ побужденія внушеннаго, хотя бы произведеннаго причинами и внѣшними; они дѣйствуютъ не внѣ насъ, а въ насъ самихъ: слѣдовательно, хотимъ или не хотимъ, боремся или покоряемся, признаемъ или не признаемъ ихъ, мы все въ соприкосновеніи съ ними и, такъ сказать, ими проникнушы, хотя бы сего я не замѣчали, ибо есть атмосфера мыслей и дѣйствій, какъ есть атмосфера для жизни физической! Дыхательный воздухъ, хотя состоящій изъ частицъ извѣстныхъ, находящихся въ опредѣленномъ содержаніи; но онъ принимаетъ иногда въ себя разные постороннія частицы и примѣшенія, дѣйствующія на нѣго нѣмъ или другимъ образомъ и распространяющія въ воздухѣ иногда особен-

*

ное здоровое расположеніе, иногда болѣзненное! — Тоже бываетъ и въ атмосферѣ мыслей и дѣйствій! — Бѣдствія, испытываемыя народами, смотря по ихъ характеру, по роду сихъ бѣдствій и по долговременности или краткости оныхъ, иногда производящъ бездѣйственную усшалость духа, иногда приводящъ его въ раздражительность, иногда заставляющъ его благоговѣнно обращаться внутрь себя и тамъ искать или утѣшенія, или разрѣшенія вопросовъ судьбы своей и неисповѣдимыхъ путей Провидѣнія. Долговременная пишина и спокойствіе и такіе самый родъ сего спокойствія тоже иногда причиняющъ нѣкоторую лѣность духа, а иногда возбуждающъ его ко внутренней плодотворной дѣятельности! — Элементы, входящіе въ составъ сихъ бѣдствій и сего спокойствія, и производящіе сію дѣятельность и сію усшалость, бываютъ опять столь многосложны и столь многоразличны, что человекъ не въ состояніи точно различить и опредѣлить ихъ; но тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ нихъ не потерянъ: каждый изъ нихъ находишь, такъ сказать, въ напряженіи, пока не разрѣшишь во чтонибудь опредѣленное, мысленное или дѣятельное, и каждый въ совокупности съ другими производящъ въ моральной природѣ человека свое опредѣленное дѣйствіе! — Вотъ

почему — вдругъ распространяется такой-то родъ липшерашуры; вдругъ подобно электрической искрѣ, пробѣгаютъ такіе-то идеи философіи; или въ одно и тоже время два Генія, живущіе въ разныхъ сферахъ и не сообщающіеся другъ съ другомъ, работаютъ надъ одной истинной, или дѣлаютъ открытія, объясняющія одно другое! Вотъ почему такъ иногда начинаютъ колебаться челоѣки въ своихъ истинахъ, которыя почитались уже утвержденными, и что всего хуже, иногда въ такихъ, которыя дѣйствительно утверждены и неоспоримы! — Довольно примѣра осьмнадцатаго столѣтія! — И такъ, если проявляется духъ времени и обнаруживается потребность въка, то не только не должно пренебрегать ими, а надлежитъ напроливъ слѣдить съ осторожностію ихъ временное направленіе, опредѣлять для себя, на какой почкѣ въ отношеніи къ нимъ должно себя поставить, и особенно стараться усматривать сообразенъ ли сей духъ вѣчному духу нашему и соотношсвуешь ли сія потребность истинной потребности челоѣчества. Въ чемъ же состоятъ сіи послѣднія, это уже вопросъ высшей философіи, составляющій почву соприкосновенія ея съ религіею!

М. Дмитріевъ.

Двѣ Встрѣчи

§ II

КАПИТАНЪ ПАРИЖАНИНЪ.

Страшная рождешвенская ночь, въ кошорую Г. и Гжа де Вердень имѣли несчастіе поперять шаршую свою дочь, не могли воспротивившись непоспимой власпи ея невольнаго похищенія, была какъ будшо предвѣстіемъ кошорое подала имъ судьба. Съ сей минуны счасливая доселѣ жизнь ихъ исполнилась скорбей и печалей. Банкрушство одного банкира раззорило Г. Верденя. Все имѣніе жены своей употребилъ онъ на спекулацію, коей выигрышъ долженъ былъ возвратить его семейству прежнее довольство; но сіе предпріятіе довершило его раззореніе. Тогда, принужденный опчаяніемъ пусшиться на все, онъ оставилъ свое ошечество. Семь лѣтъ прошекло со времени его ошѣзда. Семейство его, удалившееся въ Бернеракъ, рѣдко получало ошъ него извѣстія.

Въ одно прекрасное Іюльское ушро, нѣсколь-
ко Французскихъ негоціаншовъ, нешерпѣливо
жаждущихъ возвратиться въ свое ошечество

съ богашествами, пріобрѣщенными цѣной продолжительныхъ трудовъ и опасныхъ путешествій въ Мексику или Колумбію, находились въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бордо, на Испанскомъ бриггѣ.

Считая себя уже въ всѣхъ опасностей мореплаванія и призываемые къ наслажденію красотою дня, они вышли на палубу, какъ бы для привѣтствія своей отчизны. Многимъ изъ нихъ въ отдаленности уже видѣлись манки, зданія Гасконіи и даже башня, Кордуана въ смѣшеніи съ фантастическими созданіями облаковъ, проступавшихъ на горизонтѣ.

Человѣкъ, состарѣвшійся отъ трудовъ и отъ заботъ, болѣе чѣмъ отъ лѣтъ, стоялъ прислонясь къ рѣшеткамъ борта и казался печувствительнымъ къ зрѣлищу, которое предсказывалось взорамъ пассажировъ, собравшихся на верхней палубѣ корабля. Безъ серебряной ленты, которая играла передъ брѣгомъ, и безъ длинной борозды, прорѣзывавшейся и исчезающей въ слѣдъ его, путешественники могли подумать, что они стоятъ неподвижно среди Атлантическаго Океана: такъ море было тихо. На небѣ господствовала плѣнительная чистота. Темный цвѣтъ его свода печувствительно приближаясь къ цвѣту зеленыхъ водъ, обозначая точку соединенія ихъ линіей, брезжащей подобно мерцанію

звѣздъ. Солнце сверкало милліонами искръ на безмѣрномъ пространствѣ моря, шакъ что обширныя равнины водъ были, можешь быть, свѣтлѣе, чѣмъ безпредѣльная глубина шверди. Паруса бригга надувались чрезвычайно широкимъ вѣшеркомъ: полошна бѣлая подобно снѣгу, желтые вѣющіе флаги, лабиринтъ канатовъ, рисовались съ строжайшею вѣрностію на блистательномъ фонѣ воздуха, неба и океана, не принимая другихъ красокъ, кромѣ прозрачныхъ тѣней, отбрасываемыхъ полувоздушною парусиною.

Прекрасный день, свѣтлый вѣшерокъ, видъ опечесшва, широкое море, меланхолическій ропотъ волнъ, разбиваемыхъ прекраснымъ одиночнымъ бриггомъ, кошорый скользилъ по океану, подобно женщицѣ, летящей на свиданіе... То была картина, полная гармоніи, сцена, съ коей душа человѣческая могла обнимать неподвижныя бездны, начавъ съ шочки, гдѣ все было движеніе. Здѣсь представлялась удивительная противоположность одиночесшва и жизни, безмолвія и шума; и между шѣмъ нельзя было указать, гдѣне шумъ и жизнь, гдѣ ничтожесшво и безмолвіе: ни одинъ человѣческій голосъ не прерывалъ небеснаго очарованія.

Испанскій капишанъ, его машросы, Французы, всѣ сидѣли или стояли въ безмолвіи,

погруженные въ благоговѣйный восторгъ, исполненный воспоминаній.... Въ воздухѣ дышала какая-то нѣга: мысль словно расплывалась по горизонту... Всѣ лица, прояснившись, выражали совершенное забвеніе прошедшихъ бѣдъ: и сія шруженники колышались на своемъ зыблющемся кораблѣ, точно какъ въ золотомъ сновидѣніи.

Между тѣмъ старый пассажиръ, облокотясь на рѣшетку, поглядывалъ на горизонтъ съ видомъ безпокойства. Недовѣрчивость къ судьбѣ выражалась во всѣхъ его чертахъ, и, казалось, онъ боялся, что не скоро спустишь на Французскую землю. Это былъ Г. де Верденъ. Счастіе не было глухо къ воплямъ и усиліямъ его ощущанія; черезъ пѣшь лѣтъ покушеній и тяжкихъ трудовъ, онъ увидѣлъ себя владѣльцемъ значительнаго имуществва. Въ нестерпимъ увидѣвъ свою отчизну и принесть счастье своей семьѣ, онъ послѣдовалъ примѣру нѣкоторыхъ Французскихъ негоціантовъ Гаванны и сѣлъ съ ними на Испанскій корабль, шедшій съ грузомъ въ Бордо.

Однакожъ воображеніе, утомившись печальной будущностью, рисовало и ему прелестные образы его прошедшаго счастья. Видя вдали темную чершу, описываемую землей, онъ мечталъ уже видѣть свою жену и дѣшей... Онъ былъ на своемъ мѣстѣ, у себя дома; чувствовалъ себя сжимаемымъ въ объятіяхъ, осыпав-

нымъ поцѣлуями... Онъ воображалъ Мокву прекрасною, выросшею, величественною, подобно молодой дѣвѣ, желающей прона... Когда сія фантасмическая картина приняла видъ существенности, когда слеза навернулась на его гордыхъ очахъ... тогда, какъ бы желая скрыть свое смущеніе, онъ посмотрѣлъ на вланный горизонтъ, противуположный шуманной чертѣ земли.

— «Это все онъ!» сказалъ Г. де Вердень.
«Онъ слѣдуетъ за нами!»

— Кто онъ? спросилъ Испанскій Капитанъ.

— «Корабль!» произнесъ вполголоса Генераль.

— «Я видѣлъ его еще вчера!» ошвѣчалъ Капитанъ Годецъ...

И посмотрѣлъ на Француза съ пылливимъ видомъ.

— Онъ все гнался за нами... примолвилъ онъ на ухо Гю де Вердень.

— «Но я не понимаю, почему онъ не могъ догнать насъ»... возразилъ старый воинъ.
«Этотъ корабль почище вашего *Святаго Фердинанда!*»...

— Можешь быть задержанъ гавареею... или нѣтъ ли пещи...

— «Онъ насъ догоняетъ».... вскричалъ Французъ.

— Это корсеръ... шепнулъ ему на ухо Капишанъ. Мы еще въ шесши миляхъ отъ земли, а... въперъ слабѣеть....

— «Да онъ нейдетъ, а лешитъ, какъ будто знаешь, что черезъ два часа добыча у него выпоржнеть.... Какъ дерзокъ!»

— Онъ!.. сказалъ Капишанъ. Да! онъ недаромъ называется *Отелло*. Недавно зашопилъ онъ Испанскій фрегатъ, а между шѣмъ имѣетъ не болѣе шрицати пушекъ! Я его шолько и боялся; я зналъ, что онъ крейсируетъ въ Аншильскихъ водахъ....

— А! а!... произнесъ онъ послѣ нѣкошораго молчанія, въ продолженіе коего смотрѣлъ на паруса корабля... поднимается въперъ... мы доберемся... Непремѣнно нужно.... *Парижанинъ* безналошень....

— «И онъ шакне доберетъ до насъ!»... ошвѣчалъ Г. де Вердень.

Бригъ *Отелло* былъ уже не болѣе какъ въ шрехъ миляхъ...

Хошя экипажъ не слыхалъ разговора Г. де Вердень съ Капишаномъ Гомецомъ, но появленіе судна привело большую часть машросовъ и пассажировъ къ шому мѣсту, гдѣ были двое разговаривающіе. Почши всѣ, принимая бригъ за купеческое судно, съ удовольствіемъ видѣли его приближеніе, какъ вдругъ одинъ машросъ закричалъ изо всѣхъ силъ: «Клянусь

Святымъ Іаковомъ! мы погибли . . . Эшо Капишанъ *Парижанинъ!*

При семъ спрашаюмъ имени, по всему бриггу распространился ужась: шакое смятеніе, что изобразишь невозможно!

Испанскій Капишанъ словомъ своимъ внушилъ машросамъ минушнюю бодрость и въ споль близкой опасности, желая достигнуть земли во что бы шо ни сшало, велѣлъ проворябе поднятъ всѣ лисели верхніе и нижніе, бакборды и шриборды, чшобы дашь вѣшпру всю поверхность парусовъ, коими обѣ райды бригга были снабжены. Но маневры сіи не могли обойтись безъ большихъ трудностей, что было весьма ешественно: они не имѣли шой удивительной цѣльностии дѣйствія, которая шакъ поразительна въ военномъ кораблѣ.

Хотя *Отелло*, по опличной брасопкѣ парусовъ, лешѣлъ какъ ласшочка, однако, по видимому, шакъ мало подвигался впередъ, что несчастные Французы предались было сладкому обольщенію надежды.

Вдругъ, въ шо время какъ *Святый Фердинандъ*, послѣ неслыханныхъ усилій, при пособіи искусныхъ маневровъ, коимъ Гомецъ помогалъ и жесшами и голосомъ, началъ быстрѣе подаваться впередъ, кормчій движеніемъ руля, безъ сомнѣнія, умышленнымъ, поставилъ бриггъ паискось. Тогда паруса,

принявъ въсперъ въ бокъ, начали полоскашь такъ сильно, что бриггъ вышелъ весь изъ въспра; боковыя мачты лопнули; онъ совершенно разснасшился...

Опъ неизъяснимой ярости Капитанъ побѣлѣлъ, какъ парусъ. Въ одинъ прыжокъ подскочилъ онъ въ кормчему и съ шакимъ бѣшенствомъ размахнулся на него кинжаломъ, что ударъ не попалъ въ него, но кормчій слѣпѣлъ въ море; пошомъ, взявшись за руль, онъ сшарался поправить ужасный беспорядокъ, разспроившій его ловкій и смѣлый бриггъ... Слезы опчаянія навернулись на его глазахъ: ибо для насъ гораздо прискорбѣе измѣна, ниспровергающая усилія нашего шанша, чѣмъ неизбѣжная, ии чѣмъ неопшврашная смерть...

Но чѣмъ болѣе Капитанъ хлопошалъ, тѣмъ хуже шло дѣло. Тогда онъ самъ высшрѣлилъ изъ пушки въ знакъ шревоги, надѣясь бышь услышаннымъ у береговъ... Въ сію минушу корсеръ, кошорый приближался съ опчаянной быспрошой, опшвѣчалъ высшрѣломъ изъ пушки, коей ядро упало въ десяти шуазахъ опъ *Святаго Фердинанда*.

— «Чоршъ возьми!» закричалъ Генераль: «какъ мѣшко... У нихъ убійшвенныя каронады!» ..

— О! эшо онъ. Видите, когда онъ заговорилъ,

надо молчать... ошвѣчалъ одинъ машрось. Онъ не побоялся бы и Англійскаго корабля...

— Все кончено!.. воскликнулъ въ порывѣ ошчаянїя Капитанъ, кошорый, щцешно вода свою зришельную шрубку, не могъ ничего различить въ шпоронѣ швердой земли... Мы гораздо далѣе ошъ Франціи, чѣмъ я воображалъ!...

— «Зачѣмъ ошчаявашься?» возразилъ Генераль. «Всѣ ваши пассажиры Французы; они наняли ваше судно. Эшошъ корсеръ Парижанинъ, вы говорите?... Ну чшошъ? Поднимите бѣлый флагъ я» ...

— И онъ насъ пушншъ на дно... ошвѣчалъ Капитанъ. Смошри по обшояшельствамъ, когда хочешъ завладѣшь богашою добычей, онъ бываетъ все, что вамъ угодно: Алжирецъ, Грекъ, Мексиканецъ, Колумбианинъ...

— «Ахъ!... если эшо пиратъ!» ...

— Пиратъ?... сказалъ машрось съ сердитымъ видомъ... Онъ всегда исполняетъ свой долгъ, или умѣетъ его исполнить...

— «И такъ, шерѣшіе!» произнесъ Генераль, поднимая глаза къ небу. Онъ имѣлъ еще довольно силъ, чшобъ удержашъ свои слезы...

Въ то время, какъ онъ оканчивалъ сіи слова, другой высрѣлъ изъ пушки, лучше направленный, послалъ въ корпусъ *Святаго Фердинанда* ядро, кошорое въ немъ и ошчалось.

— Ложись въ дрейфъ! закричалъ Капишанъ печальнымъ голосомъ

И машросъ, кошорый защищалъ честность *Парижанина*, весьма искусно помогъ этому ошчаянному маневру.

Экипажъ находился, въ продолженіе смершельнаго получаса, добычею глубочайшаго унынія. *Святый Фердинандъ* везъ чешыре милліона піасшровъ, кои сосшавляли имущество пяти пассашировъ. Часшъ Г. де Верденъ состояла изъ осьмисотъ шысячъ франковъ. Наконецъ *Отелло*, находившійся въ десяти ружейныхъ дистанціяхъ, выказалъ явшвенно грозныя жерла двѣнадцати пушекъ, готовыя изрыгнушь смерть. Казалось, самъ чоршъ надувалъ его паруса и мчалъ своимъ дыханіемъ. Но глазъ искуснаго моряка легко угадалъ шайну сей бышпрошы: стоило шолько посмошрѣшь на ходъ бригга, его продолговашую форму, снашосшь, вышосу мачшъ, ошрѣзъ парусовъ, удивительную легкосшь оснашки и ловкосшь, съ коей машросы, нашколенные какъ одинъ человекъ, распоряжались бѣлѣющей поверхностью парусовъ. Все показывало невѣрояшную самоувѣренность въ этомъ лешучемъ деревянномъ созданіи, шоль же бышпромъ и шоль же умномъ, какъ рьяный скаунъ или легкокрылая шица. Экипажъ корсера несса без-

жолвнѣй, но, въ случаѣ сопротивленія, гошовъ былъ проглотить бѣдное купеческое судно, которое стояло смирно, подобно школьнику, пойманному учишемъ въ шалости.

— «Мы явѣмъ несѣ пушекъ!» сказалъ Генераль, пожимая руку Испанскаго Капитана.

Сей послѣдній бросилъ на стараго воина взглядъ, исполненный мужества и опчаянія, и сказалъ:

— А людей!..

Г. де Вердень взглянулъ на экипажъ *Святаго Фердинанда* и содрогнулся. Чешыре негоціанта, блѣдые, присялись опъ страха; между шѣмъ машросы, обступивши одного изъ нихъ, по видимому, соглашались перейти на *Отелло*. Они смотрѣли на корсера съ жаднымъ любопытствомъ. Подшкиперъ, Капитанъ и Г. де Вердень, посматривая другъ на друга, одни только размѣнялись благородными мыслями...

— «Ахъ! Капитанъ Гомецъ! я простился нѣкогда съ моею опчаянкой, съ сердцемъ, замирающимъ опъ горести... Не ужели должно оставишь ее опяшь въ ту минушу, какъ я везу радость и счастье моимъ дѣшьямъ!»...

Генераль повернулся, чшобъ уронишь въ море слезу изскупленной ярости, и увидѣлъ, что кормчій, сброшенный въ море, плылъ прямо къ корсеру.

— На сей разъ, ошвѣчалъ Капишанъ, безъ сомнѣнія, вы проспитесь съ нимъ навсегда!..

Французъ изумилъ Испанца безсмысленнымъ взоромъ, на него брошеннымъ.

Въ сію минушу оба корабля сошлись почти бордъ о бордъ; при видѣ непріятельскаго экипажа Г. де Вердень повѣрилъ пророчеству Гомера. По шри человѣка стояло при каждомъ орудіи: и судя по ихъ ашлешическому сложенію, угловатымъ чершамъ, обнаженнымъ и жилистымъ рукамъ, можно было почесать ихъ за бронзовыя сшашуи. Самая смерть моглабы только убишь ихъ, но не повергнушь на землю. Машросы, хорошо вооруженные, проворные, ловкіе и крѣпкіе, стояли неподвижно. Всѣ сіи энергическія лица были сильно закончены солнцемъ, закалены шрудами, и глаза ихъ, сверкающіе какъ угли, возвѣщали душу желѣзную, спрашя адскія. Глубокое молчаніе, царствовавшее на палубѣ, черняющей людymi и шляпками, изобличало спрашную, неумолнимую дисциплину, подѣ гнетомъ коей могучая сила воли держала сижъ воплощенныхъ демоновъ. Начальникъ стоялъ подѣ гросс-мачтой, сложна руки крешомъ, безъ орумiя; но сѣкира лежала у ногъ его. Для защиты отъ солнца на немъ была пояркован шляпа съ широкими полями, коп заслоняли его лице. Подобно псамъ, лежащимъ у ногъ господина,

канонеры, солдаты и маиросы, поглядывали по на капишана, по на купеческое судно. Когда оба бригга столкнулись, пошприсеніе вывело корсера изъ задумчивости: онъ сказалъ слова два на ухо молодому офицеру, споявшему онъ него въ двухъ шагахъ.

— Крючѣ на абордажъ!... закричалъ лейшенантъ.

И *Святый Фердинандъ* съ чудеснымъ проворствомъ былъ прицѣпленъ къ *Отелло*.

По данному въ полголоса приказу корсера, повшоренному лейшенаншомъ, люди, каждый по своему назначенію, подобно семинаристамъ идущимъ къ обѣднѣ, пошли на палубу взяшаго корабля визашъ руки маиросамъ, пассанирамъ, и обирашъ сокровища. Бочки съ пшасирами, съѣстные припасы и экипажъ *Святого Фердинанда* въ одну минушу были перенесены на палубу *Отелло*. Генераль, какъ будто сквозь сонъ, увидѣлъ себя, съ связанными руками, брошеннымъ на килу, подобно прочимъ шоварамъ. Корсеръ, лейшенантъ и маиросъ, по видимому, исправляющій должность подшкипера, начали перетоваривашъся между собою. Разговоръ недолго продолжался. Когда онъ кончился, маиросъ созвалъ людей свисткомъ. По данному знаку они вскочили на корабль *Св. Фердинанда*, полѣзли по верев-

♦ камъ, начали обирашь реи, паруса, снасти, съ шакимъ проворствомъ, съ какимъ солдашъ на полѣ сраженія снимаетъ съ убишаго товарища башмаки и плащъ, на которыхъ всегда зарился.

— Мы погибли!... хладнокровно сказалъ Гю де Верденъ Испанскій Капишанъ, кошорый слѣдилъ глазами движенія прехъ начальниковъ во время ихъ переговоровъ, и суетны машросовъ, кои занимались регулярнымъ грабежемъ бригга.

— «Какъ?...» спросилъ хладнокровно Генераль.

— Чегожь вы хошите ошъ нихъ? ошвѣчалъ Испанецъ. Они, безъ сомвѣнія, догадались, что имъ не легко продашь *Св. Фердинанда*, ни во Французскихъ ни въ Испанскихъ портахъ, и поному зашопяшъ его, чтобы сбышъ съ рукъ. А насъ?... Не уехали вы думаете, что они спашушъ кормишъ насъ, когда сами не знающъ, въ какомъ портѣ останавишся?...

Капишанъ едва кончилъ сія слова, какъ Генераль услышалъ ужасный вопль, и за нимъ глухой шумъ, происшедшій ошъ паденія въ море многихъ швъ. Онъ обернулся и не нашелъ болѣе чешырахъ негоціаншовъ. Восемь канонеровъ съ свирѣпыми лицами еще не убрали рукъ, распростертыхъ въ воздухъ, когда воинъ взглянулъ на нихъ съ ужасомъ.

— Я вамъ говорилъ!... сказалъ хладнокровно Испанскій Капишанъ.

Г. де Вердень быstro вскочилъ. Море приняло прежнюю свою гладкость, шакъ что нельзя было видѣть, гдѣ исчезли несчастные его товарищи. Въ сію минушу, связанные по ногамъ и по рукамъ, они плавали уже подъ волнами, добычею площадныхъ рыбъ.... Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него вѣроломный кормчій и машросъ *Св. Фердинанда*, выхвалявшій могущество Капишана Париманина, брашски поговаривали съ корсерами и пальцами показывали на шѣхъ моряковъ бригга, коихъ считали достойными соприсчислиться къ экипажу *Отелло*; что касается до другихъ, то два юнга вязали имъ ноги, не взирая на ихъ страшныя заклинанія.... Выборъ кончился: и восемь канонеровъ, схвативъ остальныхъ безъ церемоніи, бросили въ море. Корсеры съ злобнымъ любопытствомъ смотрѣли на разныя шѣлодвиженія падавшихъ, на ихъ гримасы и послѣднія смерщныя шомленія: но въ ихъ лицахъ не выражалось ни насмѣшки, ни изумленія, ни жалости. Для нихъ казалось эшо дѣломъ весьма простымъ, къ коему они привыкли; а кошорые были пошарше, шѣ, съ мрачной и неподвижной улыбкой, смотрѣли предпочтительно на боченки съ пшасрами, лежавшіе подъ грощ-мачшой.

Генераль де Вердень и Капишанъ Голецъ,

сидя на кипѣ шоваровъ, переглядывались въ молчаніи почти пошухшими взорами. Они одни остались отъ экипажа *Св. Фердинанда*; ибо семь мажорсовъ, отобранныхъ шпионами между Испанскими моряками, съ радостію преобразились въ Перувианцевъ.

— «Какіе гнусные бездѣльники!...» закричалъ Генераль, въ коемъ благородное негодование заслѣпало замолчаніе и горестію и благоразуміе.

— Они повинуются необходимости! отвѣчалъ съ холодностію Гомецъ. Но еслибъ вы послѣ встрѣшили эшихъ негодяевъ, то вѣрно перекрошилибъ ихъ вашей шпагой!...

— Капитанъ! сказалъ лейтенантъ, оборотившись къ Испанцу. Парижанинъ объ васъ слышалъ. Вы, говоряшъ, единственный человѣкъ, знающій отлично всѣ выходы въ Англійскихъ водахъ и всѣ берега Бразиліи.... Хошипели вы?...

Капитанъ прервалъ молодого лейтенанта презрительнымъ восклицаніемъ и отвѣчалъ:

— Я умру, какъ морякъ!... какъ вѣрный Испанецъ!... какъ Христіанинъ!... слышишь?

— Въ море!... закричалъ молодой человѣкъ.

Немедленно два канонера схватили Гоцеца.

— Подлецы!... закричалъ Генераль, останавливая обривъ корсеровъ.

— Сшарикъ! сказала ему лейтенантъ: не горячись, по напрасну! Если швоя красненькая деншочка сдѣлала впечатлѣніе на нашего капитана, то я не слишкомъ ей здравствую!... Скоро будешь швоя очередь.

Въ сію минушу глухой шумъ, безъ всякаго надобнаго крика, извѣспилъ Генерала, что храбрый Гомецъ умеръ, какъ морякъ.

— Мое имущество или смерть! вскричалъ онъ въ ужасномъ изступленіи.

— О! вы правы... ошвѣчалъ ему оскалившійся корсеръ. Теперь вы, вѣрно, что нибудь да получите!...

И по знаку лейтенанта два машроса бросились вязать ноги Французу; но сей послѣдній, ошшолкнувъ ихъ съ неслыханною силою, незамѣтно выхватилъ у лейтенанта саблю и началъ ею работашъ, какъ кавалерійскій Генераль, знающій свое ремесло,

— «Ахъ бездѣльники!... Вамъ не доспашеся бросишь сшараго Наполеоновскаго солдата въ воду какъ усшрицу!...

Писшолешные выспрѣлы, пролешѣвшіе почти подъ носомъ упрямаго воина, привлекли вниманіе Паринавина, кошпорый въ то время смонстрѣлъ за перемоской снашпей съ *Св. Фер-*

динанда. Весьма хладнокровно зашелъ онъ сзади, схватилъ храбраго Генерала и поднимая съ необычайною легкостью, уже готовъ былъ сбросить въ воду, какъ негодную вещь.

Въ сію минуту Г. де Вердень взглянулъ на своего прошивника и встрѣпилъ злобѣщій взоръ похищителя своей дочери....

Они узнали другъ друга.

Капитанъ, повернувъ размахъ своей руки, какъ будто Г. де Вердень совсѣмъ не имѣлъ шансовъ, вмѣсто того, чтобы бросить въ море, послѣдовалъ его у гротъ-мачты. Послышался ропотъ на верхней палубѣ; но корсеръ бросилъ одинъ взглядъ — и мгновенно наступила глубочайшая тишина!...

— Это отецъ Елены!... яснымъ и твердымъ голосомъ сказалъ капитанъ. Горе тому, кто нарушитъ къ нему уваженіе!...

Громогласное ура раздалось на палубѣ, словно какъ торжественная пѣснь побѣды. Юнги запрыгали на канатахъ, мажорсы бросали шляпы на воздухъ, канонеры топали ногами, каждый шевелился, шумѣлъ, свисталъ, кричалъ. Сіе фанатическое изъясненіе радости сдѣлало Генерала безпокойнымъ и мрачнымъ. Приписывая сіе чувство какой

нибудь страшной пайнѣ, онъ вскричалъ, какъ скоро пришелъ въ себя:

— «Дочь моя... Гдѣ она?...»

Корсеръ бросилъ на Генерала одинъ изъ шѣхъ глубокихъ взглядовъ, кои, неизвѣстно почему, попрыскають самыя безспрашныя сердца, и заспавилъ его шѣмъ умолкнушь, къ великому удовольствію машросовъ, кои не могли нарадоваться, что начальникъ ихъ имѣеть шакую силу надъ всѣми, попомъ повелъ его къ лѣсшницѣ, велѣлъ сойдши внизъ; и, приведши къ двери одной каюшны, шолкнулъ, сказавъ попомъ, исполненнымъ счасшя:

— Вошъ...

Онъ исчезъ, оставивъ спараго война въ оцѣнененіи, при видѣ каршины, представившейся глазамъ его.

Услышавъ, что дверь комнашны вдругъ ошворилась, Елена всшала съ дивана, на кошоромъ сидѣла; но, увидя Г. де Вердень, вскрикнула ошъ изумленія.

Она шакъ перемѣнилась, что шолько глазъ ошца могъ ее узнать... Тропическое солнце оцѣшпило бѣлизну лица ея легкой смугловашосшью, чудеснымъ колорисшомъ, кошорый придавалъ ей поэшическое выраженіе: въ ней изображалось шоржесшвенное величіе, благородная швердосшъ, глубокое чувствво, кошорое воспламенило бы самую черсшвую душу.

Длинные и густые волосы, падая большими локонами на величественную шею, придавали особую шаянственную силу гордому выраженію ея лица. Въ осанкѣ, во всѣхъ движеніяхъ, Елена обнаруживала энергическое сознаніе своего могущества. Торжествующая самоудовольность производила легкое расширеніе въ ея розовыхъ ноздряхъ: спокойствіе нерушимого счастья обозначалось во всѣхъ опливахъ ея красоты. Въ одно и то же время разливалась въ ней какая-то дѣвственная сладость и какая-то величественная гордость, свойственная любимицамъ.

Она одѣта была великолѣпно, но со вкусомъ и прелестію. Индійская кисея составляла весь ея шуалешъ; но диванъ и подушки были кашемировыя. На полу широкой каюпы былъ разостланъ Персидскій коверъ; четверо дѣшей играли у ногъ ея, снроя зашѣйливые домики изъ жемчужныхъ ожерельевъ, самоцвѣтныхъ камней и другихъ драгоценностей. Нѣсколько вазъ Севрскаго фарфора, съ живописью Гжи Жакопо, содержали въ себѣ рѣдкіе роскошно благоухающіе цвѣты: Мексиканскіе жасмины, камелии. . . . Маленькія Американскія пшички, сдѣлавшіяся ручными, порхали, издавая блескъ рубиновъ, сапфировъ, золоша. . . . Фортепіано стояло въ комнашѣ; спѣны ея обшны были

желтой шелковой матеріей; въ разныхъ мѣстахъ висѣли картины небольшого размѣра, но работы лучшихъ художниковъ: *Заходѣніе Солнца* Гуденя, возлѣ произведенія Тербурга; Рафаэлева *Мадонна съ рисункомъ Жироде*; Жераръ — Довъ близъ Дроллинга. На столѣ, покрытомъ Кышайскимъ лакомъ, стояла рѣзная золотая шарелка со вкусными плодами. Дѣвки усталили глаза на дѣда съ прояснительной живосцію; привыкли жиць среди сраженій, бурь и смишеній, они уподоблялись шѣмъ маленькимъ Римлянамъ, жандущимъ видѣть кровь и войну, конхъ Давидъ изобразилъ въ своей картинѣ.

— Какъ это возможно? . . . закричала Елена, схвативъ своего ошца, какъ бы для того, чшобъ удословѣриться въ дѣйствительности его присущства.

— «Елена! » . . .

— Ошецъ мой!

Они упали въ объятія другъ другу; и старикъ принималъ ее къ своей груди не крѣиче, не сладосшѣе, чѣмъ она.

— Эшо вы были на шомъ кораблѣ?

— «Да! » . . . ошвѣчалъ онъ печальнѣе, опираясь на диванъ и смотря на дѣшей, кон

окруживъ его, разсмащивали съ невиннымъ любопытствомъ. «Я бы погибъ, безъ»

— Безъ моего мужа сказала она, прерывая ... я угадываю.

— «Ахъ!» воскликнулъ Генераль: «для чего надлежало мнѣ найдши себя въ такомъ положеніи, любезная моя Елена? ... Тебя, кофору я сколько оплакивалъ! ... И шакъ я еще должезъ сѣшовашь и о швоей судьбѣ!» ...

— Для чегоже? ... спросила она съ улыбкой. Напрощивъ, вы порадуешесь, узнавши, что я счастливейшая женщина на землѣ. ...

— «Счастливейшая!» воскликнулъ онъ, окскачивъ ошъ удивленія.

— Такъ, любезный башюшка! сказала она, взявъ его за руки, цѣлуя и прижимая ихъ къ шренещущей груди, между шѣмъ какъ глаза ея блисшали неязъяснимо восхищительною радостью.

— «Какимъ шно образомъ?» ... спросилъ онъ, горя нешпертѣиємъ узнатьъ судьбу своей дочери и забывая все предъ ея блисцающей физиономіой.

— Выслушайте, башюшка! ошѣчала она, Я имѣю любовникомъ, мужемъ, слугою, господиномъ — имѣю шакого человека, у кофораго душа шоль же обширна, какъ шно безпредѣль-

ное море, столь же обильна прелестію, какъ небо.... Это существо неземное! Въ семь лѣтъ у него не вырвалось ни одного слова, ни одного чувства, ни одного движенія, которое бы разногласило съ гармоніей его рѣчей, его ласкъ, его любви. Онъ всегда сморрѣлъ на меня съ дружеской улыбкой на устахъ, съ лучемъ радости во взорахъ. Тамъ, вверху, голосъ его подобенъ грому; онъ не рѣдко повелѣваетъ ревомъ бури и шумомъ бивня.... Здѣсь онъ тихъ и сладосшевъ, подобно музыкѣ Россини, коего сочиненія я получаю... Все, что можешь изобрѣсти капризъ женщины.... все къ моимъ услугамъ!... Исполненіе превышаетъ иногда самыя желанія.... Я царствую надъ моремъ.... Мыъ повинуются, какъ владычицѣ....

— О! я счастлива, счастлива!... продолжала она оцдохнувши!... Ахъ! нѣтъ словъ къ выраженію моего блаженства! Я владѣю всѣмъ возможнымъ счастіемъ женщины. Чувствующъ безпредѣльную любовь, безпредѣльную преданность къ тому, кого любишь, и вспрѣчаешь въ его сердцѣ равно безпредѣльное чувство, въ коемъ душа женщины совершенно исчезаетъ... И всегда.... Скажише, это ли не счастье?... Я изжила уже тысячи жизней.... Здѣсь у меня нѣтъ даже соперницы.... Здѣсь, я одна... здѣсь, я

повелѣваю... Ни одно существо моего пола не ступало ногой на сей благородный корабль... и Викторъ всегда въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня!...

— Онъ никогда не удаляется дальше кормы и корабельного носа, продолжала она съ шонкимъ ироническимъ выраженіемъ. Семь лѣтъ!... Любовь, кошорая, въ продолженіе семи лѣтъ устояла противъ всегдашней неразлучности!... Эшо ли не любовь?... О! нѣтъ, нѣтъ!... Я въ жизни ничего лучше не видала... Нѣтъ языка для выраженія небеснаго счастья!...

Потокъ слезъ покапался изъ ея воспламененныхъ очей. Четверо дѣшей, поднявъ жалобный крикъ, подбѣжали къ ней, какъ цыплята къ своей мамкѣ, а спаршій ударилъ Генерала, бросивъ на него грозный взглядъ.

— Авель, сказала она, другъ мой... я плачу отъ радости....

И взяла его къ себѣ на колѣни... Ребенку нѣжно ее ласкала, обвивъ свои ручонки вокругъ величественной шеи Елены, подобно молодому львенку, играющему съ своей мамашею...

— «И тебѣ не скучно?» ... спросилъ Генералъ, оглушенный изступленнымъ ошвѣшомъ своей дочери.

— Да! ошвѣчала она. Когда мы бываемъ на

земля! ... Но я шажу ... я никогда не оставлю своего муна!..

— «Но ты любила праздники, балы, музыку!» ..

— Моя музыка — его голос! Мои праздники — наряды, въ кошорые одѣваюсь я для него... Когда шуалешъ мой ему правинся, мнѣ кашешся, весь свѣшь любуешся мною.... И вошъ шолько почему не бросаю я въ море эши алмазы, эши ожерелья, эши бриліаншовыя діаземы, эши богатства, эши цвѣтны, эши образцовыя произведенія художествъ, кошорыя онъ мнѣ даритъ, всегда приговаривая: «Елена, если ты сама не бываешъ въ свѣтѣ, то я хочу, чшобы свѣтъ былъ у тебя...»

— «Но на кораблѣ эшомъ естѣ люди... люди дерзкіе, ужасные.... коихъ шспраши»...

Она улыбулась.

— Я васъ понимаю, бапюшка. Успокойшесь. Ни одна женщнна не была окружена такимъ уваженіемъ, какое мнѣ здѣсь расшочають. Эшомъ народъ суевѣренъ: онъ вѣрингъ, чшо я духъ хранишель ихъ корабля, ихъ предпріятій, ихъ успѣховъ... Однажды шолько, одняъ машпросъ сдѣлалъ мнѣ невѣжливоснѣ... на словахъ... прибавила она улыбаясь. Премде, чѣмъ Викторъ узналъ о шомъ, люди экипаша сами бросаши его въ море, не взирая на то, чшо я

его простила. Они любятъ меня какъ друга; я хожу за ними, когда они бываютъ больны, и имѣла счастье нѣкошорыхъ изъ нихъ спасти отъ смерти; заботясь объ нихъ съ женскими перипетіями... Эми бѣдные люди!.. гигантны и дѣши!..

— «А когда бываютъ сраженія?»...

— Я привыкла къ нимъ... ошвѣчала она. Только въ первый разъ я нѣсколько боялась... Но теперь... Моя душа рождена для опасностей... Пришомъ я дочь ваша... сказала она улыбаясь... я ихъ люблю...

— «А если онъ погибнешь?»...

— И я погибну.

— «А дѣши?»

— Они дѣши океана и опасностей: они разделяютъ жизнь своихъ родителей; всѣ мы живемъ одною жизнью... Наши имена вписаны на одной страницѣ... насъ носятъ единый чолвъ! — Мы это знаемъ...

— «И такъ ты любишь его столько, что предпочитаешь всему?»

— Всему!... повжорила она. Но не будемъ испышывать даѣе сей шайны... Песмонприте!.. Эшомъ милый ребенокъ... Какъ вы думаете! — Это все онъ же!...

И прижимая Авели съ необыкновенною го-

речисшію, она задушала его пожирающими подблудами, въ щеки, въ шею, въ волосы. . .

— «Но я не забуду, вскричалъ Генераль, какъ онъ бросилъ въ море двадцать чело-вѣкъ!» . .

— Безъ сомнѣнія, такъ должно было, отвѣчала она: ибо онъ челоѣколюбивъ и благороденъ. Онъ проливаетъ крови; сколько менѣе, для безопасности немногихъ храбрыхъ, имъ провишельствуемыхъ. Скажите ему, что вы находите худаго . . . и вы увидите, какъ онъ заспавишь васъ перемѣннъ ваше мнѣніе! . .

— «А его пресшупленіе?» . . . сказала Генераль, какъ будшо про себя.

— Но если люди не могли опмиснись за него? . . . возразила она.

— «Такъ онъ дерзнулъ мспинь самъ за себя!» . . . произнесъ Генераль. — «Ахъ! ны погибла! . . . Онъ шебя околдовалъ . . . развращилъ . . . Ты съ ума сошла!» . . .

— Останьшесь здѣсь на одинъ день, батюшка, и если захошите его послушать, посмотрише, вы его полюбите! . . .

— «Елена!» сказалъ съ важностію Генераль: «мы шолько въ нѣсколькихъ миляхъ онъ Франціи. . .»

Она запренешала и посмoтрѣла въ окно каюшны, oшкуда не видно было ничего, кромѣ моря, раскатывающего свои безмѣрныя снени зеленыхъ водъ.

— Вошъ моя oпчизна! . . . oпчѣчала она, показывая на движущіяся волны и ударивъ въ коверъ, покрывающій полъ, ногою.

— «Такъ ты не хочешь видѣшь своей матери, своей сестры, своихъ братьевъ?» . . .

— О! конечно! сказала она со слезами на глазахъ: если онъ захочетъ и поѣдетъ со мной. . . .

— «И шакъ ты не имѣешь ничего, Елена?» сурово продолжалъ воинъ: «ни oпчизны, ни семьи?» . . .

— Я его жена! возразила она съ гордымъ видомъ и пономъ, исполненнымъ благородства.

— Вошъ, въ продолженіе семи лѣтъ, первое счастье, кошорымъ я не ему обязана, прибавила она, взявъ руку своего oпца и цѣлуя ее: и вошъ первый упрекъ мною слышимый! . . .

— «А швоя совѣсть?»

— Моя совѣсть? . . . Моя совѣсть — онъ! . . .

— Да вошъ и онъ . . . примолвила она. Даже въ сраженіи, между всѣми, я oпличаю его шаги на палубѣ.

И шошчасъ румянецъ заигралъ на ея щечкахъ, чершы освѣтились, глаза заблншали, цѣвшъ сдѣлался машовой бѣлизны. . . Во

всѣхъ ея мускулахъ, въ голубыхъ жилкахъ, въ невольномъ содроганіи всего тѣла, выражалось счастье и любовь; сіе движеніе чувствительности пронуло Генерала.

Дѣйствительно, черезъ минушу корсеръ вошелъ. Онъ сѣлъ въ кресла и взявши старшаго своего сына, началъ съ нимъ играть.

Съ минушу царствовало молчаніе; ибо Генералъ, погруженный въ задумчивость, похожую на мрачное сновидѣніе, осматривалъ прелестную каюшу, подобную гнѣзду альціонъ, гдѣ сія счастливая семья плавала по океану, въ продолженіе семи лѣтъ, между небомъ и водой, ввѣрясь одному человѣку, скользя между опасностей войны и бурь, подобно семейству, хранимому вождемъ своимъ среди общественныхъ бѣдствій... Онъ разсматривалъ съ удивленіемъ дочь свою, фантастическій образъ морской богини, полной красоты и счастья, помрачающей всѣ сокровища, ее окружавшія, сокровищами своей души, сіяніемъ очей, неописанно-поэтическимъ выраженіемъ всего своего вида и шого, что окружало ее.

Въ ея положеніи было нѣчто странное, приводившее Генерала въ изумленіе — высокость страсти и воображенія, которая его уничтожала. Холодные и шѣсные расчеты общества умирали предъ сей картиной. Старый

воинъ, чувствовалъ все сіе и понималъ, что дочери его дѣйствительно невозможно согласиться оснавивъ такую привольную, такую обильную контрастами жизнь, исполненную любви столь истинной, и что, она, одинъ разъ вкусивъ опасность безъ страха, не захочетъ ворошиться къ жѣлочнымъ сценамъ скуднаго, ограниченнаго свѣта.

— Не мѣшаю ли я вамъ?... спросилъ корсеръ, прерывая молчаніе и взглянувъ на жену.

— «Нѣтъ!» отвѣчалъ Генераль. «Елена мнѣ все сказала. Я вижу, что она погибла для насъ.» ...

— О! пѣтъ! возразилъ съ живостію корсеръ.... Еще десять лѣтъ, и давность позволишь намъ возвратиться во Францію.... Если, разрушая ваши общественные законы, человѣкъ повиновался...

Онъ замолчалъ, презирая всякое оправданіе.

— «Но какъ вы можете не чувствовать угрызений за новыя убійства, учиненныя въ вашихъ глазахъ?» ... прервавъ, сказалъ Генераль.

— Мы не имѣемъ сѣбѣ припасовъ! ... спокойно возразилъ корсеръ.

— «Но, высадивъ сихъ людей на берегъ.» ...

— Они сдѣлали бы, что какой нибудь корабль опрѣзалъ бы намъ обратный путь и мы не ворошились бы въ Хили безъ. ...

— «Прежде чѣмъ изъ Франціи они предувѣдомили бы Испанское Адмиральшество» . . . перервалъ Генераль. . . .

— Франція могла бы дурно принять, что человекъ, еще подлежащій ея Уголовному Суду, завладѣлъ бриггомъ, нанятымъ Бордосцами. . . . Впрочемъ, неужели вамъ не случилось въ сраженіи иногда сирѣчь на-прасно? . . .

Генераль, приведенный въ сѣрахъ взглядомъ корсера, замолчалъ; тогда дочь его пошмрѣла на него съ такимъ видомъ, кошорый выражалъ сколько же шоржесства, сколько меланхоліи. . . .

— Генераль! . . . сказалъ корсеръ значительнымъ тономъ. Я посшавилъ себѣ закономъ никогда не убавлять ничего изъ общей добычи. Но, безъ сомнѣнія, моя часшь больше всего вашего имущества. . . И шакъ позволите возвращать вамъ другою монетой. . .

Онъ вынулъ изъ фортепіаннаго ящика кипу банковыхъ билетовъ и, сосчитавъ пакеты, вручилъ милліонъ Г. де Вердень.

— Вы понимаете, продолжалъ онъ, что для меня нисколько не забавно шмрѣть на вдущихъ на Бордосской дорогѣ. . . Если вы непрельщаетесь опасностями нашей цыганской жизни, сценами Южной Америки, шрокатесскими ночами, нашими баштвами и удовольствіемъ до-

схавляшь шоржество флагу юной націи или имени Симона Боливара... по должно насъ оставишь... Васъ ждешъ шлюпка и вѣрные люди... Пожелаемъ шрешей счастливейшей встрѣчи...

— Викторъ... я желала бы еще минушу видѣшь моего ошца... сказала Елена ласково-сердичнымъ тономъ.

— Десять минушь болѣе или менѣе... Мы можемъ напквуться на какой нибудь фрегашъ... Но шакъ и бышь!... Повеселимся немножко! — Наши люди скучають...

— О! поѣзжайше лучше, бапюшка!... вскричала жена моряка... Поѣзжайше и свезише эшо ошъ меня на память моей сесшрѣ, моимъ брашьямъ... и... оей машущкѣ... примолвила она.

Она взяла горсть драгоценныхъ камней, ожерельевъ, брилліаншовъ, и завернувши въ богашый кашемиръ, робко вручила ихъ своему ошцу...

— «Чтожь я скажу имъ ошъ шебя?» спросилъ онъ, удивившись замѣшательству, съ какимъ дочь его произнесла имя машери.

— Можете ли вы сомнѣвашься въ моемъ сердцѣ... Я кандый день молюсь о ихъ счащии

— «Елена!» продолжала шарикъ, глядя прищадно на свою дочь. «Увижу ли я шебя когда нибудь?... И неужели никогда не буду я знать причины швоего бѣгства?»...

— Сія шайка не мнѣ принадлежитъ!... сказала она вѣжливымъ тономъ. Только знайте, что, еслибъ я оспалась въ родительскомъ домѣ еще на нѣсколько дней, вы не видали бы болѣе вашей Елены...

— Пришомъ — примолвила она, показывая пріятнымъ жестомъ на море и на дѣшей — эша жизнь не предпочтительнѣе ли смерти?

Она подала отцу своему подарки, назначенные для своихъ родныхъ.

Генераль, военною жизнію не приученный къ строгой разборчивости относительно добычи, принялъ подарки отъ своей дочери, ласкаясь надеждою, что подъ вліяніемъ столь чистой и столь возвышенной души, какова душа Елены, Капишанъ Парижанинъ оставался честнымъ человекомъ, ведя законную войну противъ Испанцевъ.

Тутъ спросилъ его къ храбрости превозмогла. Полагая, что смѣшно бы было прихворапьясь противъ воли, онъ крѣпко сжалъ руку корсера; потомъ, обнявши свою дочь съ свойственнымъ солдашу горячностью, выронилъ слезу на сіе гордое, мужественное лицо, которое ему не разъ улыбалось.

Морякъ, сильно расстроганный, далъ ему благословіе своихъ дѣшей. Наконецъ, проспившись со всѣми и долго смогря на нихъ глазами, исполненными нѣжностію:

— «Будьте навсегда счастливы!» . . . произнесъ шарикъ, бросившись на верхнюю палубу.

Бриггъ былъ уже весьма далеко отъ береговъ Франціи: и на морѣ ожидало Генерала необычайное зрѣлище.

Святый Фердинандъ, объявшій огнемъ, пылалъ, подобно безмѣрному пламени, испребляющему косперъ соломы.

Машросы, занимаясь попопленіемъ бригга, нашли на немъ большой грузъ рому, котораго на *Отелло* было вдоволь, и изъ проказъ зажгли огромный пуншъ въ открытомъ морѣ. . . . Забава, просишительная людямъ, кои, накучивъ однообразіемъ моря, рады были всякому случаю повеселишься!

Сходя съ бригга въ шлюпку *Святаго Фердинанда*, снабженную шестью машросами, Генералъ невольно поглядывалъ шо на пожаръ *Св. Фердинанда*, шо на дочь свою, облокотившуюся на корсера, которъй споялъ на кормѣ своего корабля.

Въ присущствіи столькихъ воспоминаній, смотря на бѣлое плашье Елены, съ легкоствію развѣвавшееся, подобно ошдѣльному парусу, ошличая на океанѣ сію прекрасную и величественную фигуру, достойную повелѣвать моремъ, онъ забылъ, съ своею военной безпечностію, что плыветъ по гробу храбраго Гомера. . . .

Надъ нимъ, подобно мрачному облаку, носился безмѣрный столбъ дыма; и солнечные лучи, пронзая его въ разныхъ мѣстахъ, отбрасывали живописный блескъ. Это было словно второе небо, мрачный куполь, подъ коимъ блискали огромныя люстры: а въ вышнихъ проспиралась неизмѣнная лазурь неба, которая казалась въ тысячу разъ прекраснѣе отъ сей мгновенной противуположности. Спранные цвѣты дыма, шо желшаго, шо бѣлаго, шо краснаго, шо чернаго, превращаясь въ пары, покрывали корабль, кошорый лопался, шрещаль, скрыпѣлъ. Пламя бѣгало съ визгомъ по канашамъ. Ромъ производилъ шрескущее голубое пламя, какъ будшо геній морей превонилъ сію неисшовую влагу, подобно рукъ гуляки, пошпрасающаго веселый пуншь на шумной оргіи... Но солнце болѣе могущественное, какбы ревнуя шоль дерзкому сіянію, едва дозволяло видѣшь въ лучахъ своихъ ошцвѣты пошара... Подобно паушинной свѣтъ, мошались они въ пошокъ его огней...

Отелло, при удаленіи, хвашаю небольшой въшорокъ, кошораго могъ дермашься въ новомъ направленіи, лавировалъ съ одной шпороны на другую, какъ змѣй, ширяющійся въ воздухѣ. Сей прекрасный бриггъ бѣжалъ къ югу... и шо скрывался отъ глазъ Генерала, исчезая за прямымъ столбомъ, коего шѣнь фаншастиче-

ски ложилась на воды, по показывался, при-
яшно поднимаясь и убѣгая.

Елена всякой разъ, какъ могла видѣть сво-
его ошца, махала плашкомъ, чшобъ еще разъ
съ нимъ просшишься.

Скоро *Св. Фердинандъ* пошелъ на дво, про-
изведши клокошаніе, мгвовенно сглаженное
океаномъ. Тогда изъ всей сцены ничего боль-
ше не осшалось, кромѣ облака, колыхавшагося
въшперкомъ.... *Отелло* былъ уже далеко;
шлюпка приближалась къ Бордо; облако за-
слоняло бриггъ ошъ ушлаго судна.... Въ
послѣдній разъ Генераль увидѣлъ свою дочь
сквозь разсѣлянцу волнующагося дыма.... Поэ-
шическое видѣніе!... Только бѣлый плашокъ
и плашье ошдѣлялись ошъ мрачнаго фонда.
Между зеленой водой и голубымъ небомъ
бриггъ уже не былъ видѣнъ.

Елена была не больше, какъ незамѣшная
шочка...шонкая, прелешшная черта...при-
зракъ въ небѣ....идея....воспоминаніе....

(Оконганіе слѣдуетъ.)

Греческія Женщины

АСПАЗИЯ — САФО.

Уже прошла тысяча лѣтъ, какъ женщины, сдѣлавшись соперницами своихъ повелителей, раздѣляютъ съ ними дары вдохновенія, поэзіи, краснорѣчія. Недавно, одинъ изъ Англійскихъ ученыхъ насчиталъ до ста сорока одного критическихъ писателей, коихъ вѣдливая ученость занималась открытіемъ и исчисленіемъ правъ слабѣйшаго пола на наше удивленіе. Боккачіо первый стоишь въ ихъ ряду; а Германецъ Вольфъ, издатель ошпыльковъ Сафо и другихъ осьми женщинъ — стихотворицъ, заключаетъ сей длинный каталогъ, въ коемъ едва встрѣчается одно Англійское имя. Не ужели въ самомъ дѣлѣ молва о грубости Бришанцевъ къ прекрасному полу справедлива; и Европа, считая ихъ народомъ мало-вѣжливымъ, не обманывается?

Какъ бы то ни было, разсмащивать произведенія женскаго ума, въ различныя времена, у различныхъ народовъ, весьма любопытно и поучительно. По нашему мнѣнію, очень

занимательво находишь въ стихотвореніяхъ Сафо шу же спрасниую энергію, шо же произобиліе чувствительности, коими отличаются произведенія Гми Сталь: различать во всѣхъ ошрывкахъ, оставленныхъ намъ женщинами-писательницами, особую печать ихъ пола. Весьма счастливо сказалъ одинъ Французскій писатель, что снмль и мысль также имѣють полы: различіе родовъ, освященное грамматикой, простирается далеко за ея предѣлы.

Что оригинальность, логическая строгость, краткость, разнообразіе, сила и смѣлость, несвойственны женскому генію, это мы допускаемъ безпрекословно. Кромѣ немногихъ исключеній, поприще Димосееновъ, Тацишовъ, Шекспировъ, есть для нихъ заповѣдное поприще. Продолжительный рядъ умозаключеній упоминаешь женское воображеніе, коего полетъ поддерживается въ среднихъ слояхъ, но при болѣе отважномъ порывѣ опадаетъ. Вообще женщина избираетъ себѣ предметъ по вкусу и носится надъ нимъ предпочтительно, шо иѣжно пригрѣвая его своимъ ласковымъ крылышкомъ, шо рѣзво вѣясь вокругъ съ очаровательною прелестью; голубка порхаетъ не крошече, не шнше; она возвращается безпресшанно къ одной любимой идѣ; заключаешь свои игры или сѣшовація въ шѣсномъ кругѣ.

Будучи краснорѣчива, и краснорѣчива по природѣ, она обязана симъ талантомъ не столько спраси, сколько чувствительности; обладая воображеніемъ, расцвѣчаетъ свои картины свѣтомъ болѣе ровнымъ, болѣе плѣнительнымъ, чѣмъ глубокимъ и пламеннымъ; любя украшенія и всѣ прелести языка, обнаруживаетъ въ уборѣ своего сшила то же кокетство, какъ и въ шуалетѣ. Исключая нѣхъ немногихъ женщинъ, кои уже не имѣють пола, коихъ можно назвать существами средняго рода, каковы Дасье и Дюшамле, ни одна изъ нихъ не уклонялась отъ условій, предписываемыхъ имъ природою: никогда не лъзя обмануться на счетъ шворенія, произведеннаго женщиною. Когда онѣ занимающія поэзіей, въ нихъ бываетъ мало разнообразія и обширности: подобно мелодическимъ, заунывнымъ флейшамъ, онѣ могутъ показаться однообразными въ выраженіи своихъ мукъ и наслажденій. Но это однообразіе исполнено очарованія: это близна лилія, ея плѣнительная чистота и сладостное благоуханіе! Мелеагръ, древній Греческій поэтъ, коего эпиграмма служилъ введеніемъ въ Анѳологию, кажется угадалъ сей выразительный символъ. Онъ просилъ у каждаго поэта цвѣтка: розы у Пѣвца Θεосскаго, лавра у Пиндара; но у прекрасной Анишмы лилій, у юной Мирмы также лилій, у

Носсисы, другой древней спихотворицы, опять лилій... какъ будшо эмблема поэтическаго генія всѣхъ женщинъ представлялась ему подъ сею единственною формою!

Полное развитіе умственнаго бытія женщинъ не иначе могло совершиться, какъ подъ благодѣшнымъ вліяніемъ Христіанства, у народовъ сѣверныхъ. Ихъ нравственное достоинство, а съ нѣмъ вмѣстѣ и высокое вліяніе на литературу и поэзію, начинается съ того времени, когда божественный идеаль дѣственной чистоты и мадеринской любви олицетворился въ благословенной *въ женахъ*! У народовъ древнихъ, мы находимъ только слабыя слѣды и рѣдкіе примѣры того особеннаго духа, коимъ отличаются женщины въ поэзіи новыхъ временъ, и особенно рыцарскихъ. Воспитаніе женщинъ, достигшее нынѣ высокой степени совершенства, но еще не послѣднихъ своихъ предѣловъ, было продолжительно и тяжко. Въ продолженіе многихъ вѣковъ, ихъ слабость была подъ ягомъ униженія рабства: и теперь освобожденіе ихъ простирается еще далеко не до половины земнаго шара.

Въ Греціи, состояніе женскаго пола испытало многіе перевороты, обыкновенно бываемые учеными и историками, даже самимъ

знаменишымъ Гереномъ. До эпохи Аѳинской демократіи, женщины были подругами, а не невольницами своихъ мужей. Жена времени героическихъ была совѣшницею и спутницей, а не рабой суроваго воина. Посмотрите, какъ у Гомера, вѣрнаго живописца сихъ позабытыхъ нравовъ, Ира соперничествуетъ и равняется съ своимъ супругомъ; Афродита, Паллада, Гесида, идущъ на ряду съ прочими богами; Агамемнонъ, женщина обладающая искусствомъ врачеванія, помѣщается наравнѣ съ героями; даже Елена, какъ ни виновата кругомъ, покоряетъ силою своей красотою воиновъ, жрецовъ, царей!

Все героическое образованіе общества, кажется, внушало почтеніе и уваженіе къ женщинамъ. Вы найдете тамъ самыя черныя у Германцевъ, въ рыцарствѣ среднихъ вѣковъ, между древними Халдисами или воинами Индіи. Дамаянти такая же героиня, какъ Пенелопея Брабантская. Пенелопея есть женщина благородная и достопоштенная. Воинъ, коему въ битвахъ угрожала насильственная, непредвидимая смерть, вѣряетъ женѣ свое семейство: она занимаетъ важное мѣсто въ домѣ. Это не презрѣнная, покорная рабыня, отъ которой звѣроловъ, номадъ, земледѣлецъ, рыбакъ, требуетъ пищи, а не совѣща, непрерывныхъ физическихъ работъ, а не

душевной дѣятельности и силы. Долго Дорійцы, сохранявшіе упорно свѣды и ошашки героическаго бытша, предославляли женщинѣ свободу дѣйствій, возвышенность сана и мысли, въ коихъ новыя общественыя формы, заняшыя изъ Азіи, стали пошомъ грубо имѣ ошказывающъ. Пиндаръ говоря о женщинахъ съ иѣкошорымъ родомъ благоговѣнія: поашъ Дорическій, послѣднее выраженіе идей и правовъ сего древняго племени, онъ вѣруешъ въ величіе красоны, въ благородство прекраснаго пола. Фессалія, Эолія, весь сѣверъ Греціи, гораздо менѣ подлежащіе непосредственному вліянію Іонійцевъ, чѣмъ Ашшика, ошавляли женщинамъ права, конечно ограниченыя, но досшашочныя для обезпеченія ихъ независимости. Въ Спаршѣ онѣ были госпони, *δεσποιναι*, въ самомъ полномъ смыслѣ слова: шамъ даже пынались изгладить совершенно ешественнос неравенство, ошдѣляющее слабѣйшій полъ ошъ сильнѣйшаго, и усиливались преврашяшъ Лакедемонянокъ въ ашлешовъ и героев. Польша, сохранявшая героическіе и рыцарскіе нравы среди нашего новаго образованія, помѣщала женщинъ на высокой степеніи общественной лѣсшвицы. Даже въ дѣлалъ политическихъ онѣ имѣли шамъ значительное вліяніе. «Особенно имѣише вниманіе къ женщинамъ, Ваше Преосвящен-

ство!» говорилъ Наполеонъ Прадпу, когда назначалъ его посланникомъ въ Варшаву.

Когда спарринные Пеластическіе обычаи покорились преобладанію новыхъ Ионическихъ правовъ, когда Азіяшское невольничество слилось съ Аѳинскою демократіей и произвело шопъ спранный общесшвенный бытъ, въ коемъ всѣ мужчины были царями, соперниками, врагами, а всѣ женщины рабынями: судьба и духъ прекраснаго пола измѣнились совершенно. Съ тѣхъ поръ онѣ погрузились въ домашнюю жизнь, изъ кошорой уже никогда болѣе не выходили.

У Спаршанцевъ женщины потеряли свой женскій характеръ. Въспѣ съ ихъ дѣятельностію и прелестію, съ необходимостію въ опорѣ и покровительствѣ, естесшвенно должно было исчезнуть и ихъ могущество. У Аѳинянъ онѣ считались первыми изъ невольницъ, на коихъ возлагалось попеченіе о домашнихъ заботахъ съ спрогою отвѣсшвенностію предъ мужьями-повелителями. Аристофанъ ругался ими всеародно: Еврипиду пороки ихъ служили обыкновеннымъ текстомъ шеспральныхъ декламаций. Чѣмъ болѣе возлагали на нихъ обязанности, тѣмъ болѣе осуждали ихъ на безвѣсшность, шѣмъ болѣе уменьшались ихъ умсшвенныя способности и нравсшвенное вліяніе.

Тогда образовалось въ недрахъ Аеинской общественной жизни странное, уродливое явленіе. Гешеры или опущенныя на волю рабыни, блудницы высшаго шона, овладѣли скипетромъ изящества, который потеряли честныя, добродѣтельныя женщины, махеры семействъ. Имъ однимъ принадлежало царство искусствъ; онѣ однѣ имѣли право сочинять стихи, услаждать досуги государственныхъ людей, расцвѣчать суровыя пренія философовъ живыми искрами воображенія, очарованія поэзіи, музыки и живописи. Сословіе странное, которое весьма близко подходитъ къ жрицамъ сладоспращія, извѣстнымъ въ Индіи подъ именемъ баядерокъ! Онѣ представляли цѣломудреннымъ махронамъ строгость нравовъ, невѣнесство и скуку домашней жизни: для нихъ доспашочно было царствовать умомъ и прелестію. Будучи символами сколько же умственной, сколько и физической красоты, гешеры, коихъ древніе писатели представляютъ подъ чертами самыми занимательными и для которыхъ знаменитая Аспазія можешь слушать моделью, не оставили намъ ни одного подлиннаго отрывка, который бы ученые могли приписать имъ безпрекословно. Аеией собралъ нѣсколько стиховъ а), кои носятъ имя Аспазіи: но

а) L. V. p. 219.

ничто не доказываетъ, чтобы она была поѣно ихъ сочинительницею. Цицеронъ сохранилъ небольшой разговоръ въ прозѣ b), который такіе ей приписываютъ. Плутархъ утверждаетъ, что въ рѣчахъ Перикла находишься не мало фразъ, ея диктованныхъ. Менексень Плашоновъ назначаетъ ей весьма блестящую роль; и Плутархъ, хотя говоритъ, что Плашонъ самъ украсилъ сіе разсужденіе волшебною прелестію своего стиля, признается однако, что основаніе мыслей и философическая система Менексена принадлежатъ имѣнно къ тѣмъ нравственнымъ и эстетическимъ догматамъ, въ распространеніи коихъ сія знаменитая женщина находила удовольствіе.

Но по симъ легкимъ слѣдамъ, почти изглаженнымъ, какъ судить о талантѣ сей женщины, составлявшей особенное самостоятельное могущество среди Аѣинской демократіи? Чегобы не пожелали мы, чтобы открытъ въ какомъ-нибудь старинномъ манускриптѣ проявленіе столь рѣдкаго, чудеснаго ума, блиставшаго между Сократомъ и Перикломъ и одушевлявшаго ихъ обоихъ? Любимица повелителя Аѣники, самодержавно царствовавшая надъ человекомъ, покорившимъ самодержавную Аѣинскую агору — какова должна быть

b) De Inventionе. L. I. c. 31.

сія Милешская гешера? Женщина, для которой Перикль съ радостію развелся съ своей законной женой, происходившей отъ одной съ нимъ крови, подвергаясь опасности разорить себя совершенно; которая давала ему уроки политики, а Сократу уроки краснорѣчія; при опасностяхъ коей супругъ - философъ не щадилъ слезъ, никогда непроливаемыхъ имъ въ собствѣнныхъ бѣдсвѣяхъ; коей улыбка смиралась благодѣніемъ; которая заключала миръ и опредѣляла войну; коей черты и красота служили образцемъ для всѣхъ художниковъ, въ самомъ ошечествѣ красоты; женщина, къ которой повѣсть приходилъ искать тайны успѣха, а добродѣтельная супруга тайны нравиться; которая, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, овладѣла Лизикломъ, человѣкомъ безъ воспянанія и безъ шалаша, прикоснулась къ нему своимъ волшебнымъ жезломъ и превратила хунца, торговавшаго волами, въ орантора, презрѣнное и грубое созданіе въ полииническую силу; Аспазія, распространявшая кругъ изящнаго сладострастія и утонченныхъ удовольствій у народа самаго изыскавшаго, самаго разборчиваго въ наслажденіяхъ: чегобъ не могла она совершить? Родившись въ Спартѣ, она поработила бы царей, покорила сенаторовъ, павила эфоровъ и испровергла все ея Драконовское устройство!

Изъ всѣхъ Аѳинскихъ женщинъ, одна Аспазія приобрѣла литературную знаменитость, о которой потомство сохранило память. Время изгладило имена гетеръ, блиставшихъ прежде и послѣ. Ни одна Аѳинская гражданка не имѣла призываній на литературную славу. Одинъ древній схоластъ, не извѣстно почему, приписываетъ осьмую книгу Лышопясей Эуклида его дочери: сказка смѣшная, не способная опроверженія!

Кашалогъ женщинъ-поэтовъ Греціи былъ бы очень длиненъ, еслибъ мы согласились принять безъ изслѣдованія всѣ утвержденія комментаторовъ. Но когда вы подвергнете сіи сомнительныя имена правиламъ строгой критики, то удивитесь, какъ онѣ начнутъ исчезать и уменьшаться. Жиральди Феррарскій, Тиракелли, и другіе которые съ нихъ списывали, хвалятъ одну *Аеаклею*, славившуюся будто стихотворствомъ въ свое время. Эта *Аеаклея* не что иное, какъ винительный падежъ прилагательнаго имени (*ἀρακλέα*), которое безъ сомнѣнія было приномъ къ какому-нибудь лицу, менѣе химерическому. Одно собственное имя: *Носсисъ*, отъ измѣненія удареній и правописанія, породило множество именныхъ лицъ: *Ниссисъ*, *Носисъ*, *Нуссисъ* и ш. п. Но только *Носсисъ* имѣетъ дѣйствительныя права на наше уваженіе. Такъ точно

въ католическихъ священникахъ, спорого очищенныхъ Бальешомъ, встрѣчается множество неудобныхъ смѣшеній: есть имена, которыя никогда не существовали, а должны бытиемъ своимъ географическимъ ошибкамъ, или превращены изъ именъ городовъ, провинцій, рѣкъ, лѣсовъ, и даже древнихъ языческихъ кумировъ. Сколько подобныхъ ошибокъ заключается въ нашихъ классическихъ воспоминанійхъ! Сколько, можешь быть, ложныхъ великихъ мужей между нашими великими мужчинами!

Одинъ изъ Грековъ временъ Августа, кои любили перелагать въ пеншаметры и гекзаметры все, что ихъ занимало, воспоминанія, морщрены, ациграммы и каламбуры, Антиметръ Эссалийскій, умѣвши въ довольно красивыхъ стихахъ неполный каталогъ всѣхъ Греческихъ женщинъ, дѣвшихъ право на пальму снхотворства, коихъ считается до семидесяти шести, и крашкую перечень, въ коей содержался девять именъ самыхъ знаменитѣйшихъ. Это энергическая и пѣнная *Сафо*, прекрасная *Эрина*, пѣвншеднан *Миро*, *Талезилла* воспѣвавшая опчизку, сладкозвучная *Миртисъ*, шомная *Носсисъ*, *Анита* соперница Гомера, живая *Праксилла* и воинственная *Коринна*. Поэты именуютъ ихъ богородыными женами (*θεογυναικες γυναικες*),

создательницами безсмертныхъ страницъ
(ἀθανάτων ἐρωτικῶν σελιδῶν).

Онь Сафо до Миро, шо есть съ 610 по 280 годъ до Христіанской эры, протекло шреста шридцать лѣтъ. Много было женщинъ-писательницъ въ сіе время: но едва нѣсколько страницъ осталось намъ онь всей ихъ славы. Первая изъ нихъ наиболѣе всѣхъ достойна удивленія: это Сафо! Оставшимся предъ симъ лицомъ, кошорое вѣки загладили, не помрачивъ блеска, его озарившаго. Какъ женщина, какъ спихошворица, какъ жершва любви, она заслуживаетъ все наше вниманіе.

Начнемъ усшраненіемъ онь ея славнаго имени всѣхъ вымысловъ, коими оно окружено. Любовь Анакреона къ Сафо есть одна изъ шѣхъ легендъ, кои скопляющіяся шучами во-кругъ всѣхъ знаменитыхъ лицъ; басней, кошорыя доказывають славу и вмѣстѣ заимѣ-вають ее; бредней, кои не имѣють недосшатка въ прелести и очарованія для воображенія, но за шо сообщаютъ знаменитымъ лицамъ какой-шо мнѣологическій цвѣтъ, пагубный для истиннаго учасшія, ими заслуживаемаго. Таково преданіе о сосшязаніи Гезіода съ Гомеромъ: шаква сказка о любви Анакреона и Сафо! Гезіодъ родился спустя долгое время послѣ Гомера, а шексть діалога, имъ припи-

оываемого, сошканный изъ загадокъ, лого-
грифовъ и другихъ подобныхъ вздоровъ, при-
надлежншъ какому-нибудь Александрійскому
ришору, родившемуся спустя тысячу лѣтъ
послѣ Гезіода: жалкое ребячесшво, не заслу-
живающее кришки, кошорой удосщено! Ро-
маническая фаншазія, прахотъ игриваго во-
ображенія вымыслила сіи ошношенія, кои ни-
когда не могли сущестшвовашъ жежду Анакре-
ономъ и Сафо. Гермесіанаксу поэшу, ошъ ко-
шораго ошпалось намъ цѣсколько замѣчатель-
ныхъ ошрывковъ, вздумалось предспавшъ
Θеосскаго спарца, окруженнаго Лесбосскими
дѣвами, увѣщаннаго цѣвшами изъ рукъ лю-
бовницы Фаона и мѣшающаго съ спрасшными
звуками Эолійской пророчицы свои легкія без-
печныя пѣснн. Сей вымысль, заключающійся
въ немногихъ сшихахъ, переданныхъ Аес-
неемъ а), послуниль основаніемъ цѣлому ро-
ману. Тяжко было ошнести въ обласш жи-
меръ даршину шакъ сшасшливо изобрѣшенную:
созданіе Гермесіанакса увѣковѣчилось! Вездѣ
ошали представляшъ Анакреона, прогуливаю-
щагося съ Сафо подѣ пурпурными виноград-
никами на берегахъ Лесбоса. Другой поэшъ,
Хамелеонъ Ираклійскій, продолжилъ романъ:
онъ сочинялъ довольно изрядныя сшихи, изъ

а) L. I. с. 10.

конхъ сѣсѣавилъ небольшой діалогъ, приписанный мнимой любящейся чести. Въ большей части изданій Анакреона находишся первая часть сего діалога, очевидно подложная, и ошвѣтъ Лесбосской пѣвицы, коего подлинность споль не мало дословѣрна. Правду сказать, оба сѣи ошрыпка въ Греческомъ подлинникѣ дышущъ Анакреоническою сладостію. Сафо, въ своемъ ошвѣтъ, благодаритъ лирическую Музу, вдохновительницу и царицу Θεосскаго пѣснопѣвца, внушившую знаменитому шарцу пѣснь, кошорая должна обезсмертитъ ея имя. Но, по несчастію, въ ту эпоху, когда предполагался сей взаимный размѣтъ поэтическихъ комплиментовъ, Анакреонъ имѣлъ ошъ роду шолько три года, а Сафо было уже лѣтъ подѣ пятьдесятъ, какъ мы сейчасъ докажемъ.

Обращаемся къ хронологическимъ показаніямъ: ешо лучшіе вожди. По Страбону, Аеліею, Свидѣ и Паросской Мраморной Хроникѣ, Сафо наслаждалась всею своею славой за 610 лѣтъ до Р. Х.; въ 592 году, она ошправлялась въ Сицилію, не за долго до своей смерти. Послѣ сего путешествія въ Сицилію Анакреонъ сдѣлался извѣстнымъ по крайней мѣрѣ спустя шринадцать лѣтъ (за 550 лѣтъ до Р. Х.). Въ 525 году, онъ переѣхалъ жить въ Аелію, гдѣ имѣлъ покровителемъ себя Пип-

парка, который умеръ въ 514 году до Р. Х. И такъ въ 592 году до Р. Х. Анакреонъ имѣлъ около шрехъ лѣтъ; а Сафо спукнуло уже сорокъ восемь. Соображайте сіи показанія, какъ вамъ угодно! Гермесіанахъ и Хамелеонъ, оба родившіеся спустя шри вѣка послѣ своей героини, позабавились только нашимъ легко-вѣріемъ. Иначе я не поступала Греческіе по-эты: имъ было дозволено все, только бы стихи ихъ были пріятны. Комическій поэтъ Дифилъ, современникъ Менадра, осмѣлился вывести даже на сцену Сафо окруженную, въ качествѣ любовниковъ, Архилохомъ, который процвѣталъ осмидесятью годами раньше, и Гиппонаксомъ, который родился пол-вѣкомъ позже. Видите, каковобъ было ком-меншашору, который бы вадумалъ принимать буквально вымыслы комического писателя!

Не лзя сомнѣваться, чтобы поэтъ Алкей, сей измѣнникъ и перебѣнчикъ, воспѣва-вшій такъ одушевленно героизмъ и любовь къ ошечеству, не былъ современникомъ Сафо. Аристошель приводитъ маленькое чешверо-сшашіе, за подлинность коего ручаюсь я ко-шорое можентъ сслужить доказательствомъ, что исканія лирическаго поэта были ош-вергнушы его соперницею въ поэзіи. Алкей говоритъ къ Сафо, что онъ шрепещетъ, вздыхаетъ и не смѣетъ говорить предъ ней;

Сафо ошвѣчаетъ ему съ надменностію, что это страхъ ребяческой, если онъ не намѣренъ сказаць ничего дурнаго. Явно, что мысль сей поэтической бесѣды не очень богата и что оба поэта не попрашили на нее воображеніемъ. Все достоинство оей бездѣлки состоятъ въ выраженіи, въ воспоминаніи, которое въ ней сохранено, въ именахъ, кои съ ней соединяются.

Сафо, которая вздумала любить въ пятьдесятъ лѣтъ и, отвергнувши знаменитаго Алкея, была въ свою очередь отвергнута Фаономъ, была ли красавица? Это пунктъ весьма спорный. По свидѣтельству Алкея, Платона, Юліана, Плутарха, Аэнея, Фемистія, Анны Коминной, эпиграмматиста Димохариса, врача Галіена, она была прекрасна (*καλή*). Гораций напрошивъ изображаетъ ее ошрацилицемъ своего пола (*virago*). Овидій ошказываетъ ей въ ростѣ и красотѣ цѣвша. Максимъ Тирскій предшавляетъ старою, безобразною и, что хуже всего, сладосшрасною. По основанію на сихъ послѣднихъ указаніяхъ и для новѣйшихъ чиншателей ошвятилъ идею и образъ Сафо, исполненной поэтическаго генія, кипящей любовію, но страшною, ошрацилительною для взоровъ. И шакъ свидѣтель самый неблагопріятный, самый пагубный для красоты Сафо, есть Англичанинъ, ошдѣленный двумя тысячами шреми снами лѣтъ ошъ

женщины, которую описываетъ! Овидій родился спустя шесть вѣковъ послѣ Сафо; Максимъ Тирскій еще вѣкомъ позже. Какъ же дашь вѣру подобнымъ свидѣтельствамъ? Два стиха Сафо, приводимые Галіеномъ, содержащъ въ себѣ непрямо доказательство, которымъ можно было вооружиться противъ ней съ иѣкошорымъ правдоподобіемъ; но никакъ изъ комментаторовъ ими не воспользовался. Въ сихъ двухъ стихахъ Сафо унижаетъ наружную красоту и жертвуетъ ею красотѣ нравственной, добродѣтели. Это общее мѣсто, которое можно перевести сими обыкновенными словами всѣхъ мащерей: «диши мое, ты будешь прекрасно, если будешь уминымъ!» Но подобное двусмыслие можешь ли служить достаточнымъ свидѣтельствомъ противъ красоты Сафо? Гжа Спаль, къ коей природа была не очень благосклонна, была энтузіастка красоты: Шарлотта Корде, прелестная какъ ангелъ, рассуждала, подобно Сафо!

И такъ шрудно рѣшить, была ли Сафо дѣйствительно толста, низка и очень смугла, какъ увѣряетъ Овидій, или напрошивъ улыбка ея была божественна и волосы лоснились гебеновымъ блескомъ, какъ утверждалъ любовникъ ея Алкей. Несомнѣннымъ кажется только то, что она была брюнетка и мала ростомъ. Вошъ какъ Дамохарисъ обращаемся къ

портрету Сафо. Уважая буквальный смыслъ, мы перелагаемъ здѣсь слово въ слово Греческіе стихи: «Какъ она прекрасна! Какой огонь воображенія сверкаетъ въ ея взорѣ! Какія вѣрныя пропорціи! Какая красота характера! Сколько пыла и живности, сліянныхъ природою, образцемъ художника, представляешь въ Лесбосской Нимфѣ Афродиту и Музу вмѣстѣ!» Такъ конечно не говоришь о дурной женщинѣ. Между безчисленными камнями, рѣзными камнями, бюстами и медалями, кои представляютъ Сафо, и всѣ различно другъ отъ друга, одна только медаль согласна съ идеей, которую мы имѣемъ объ ней. Это та, которую Вольфъ заимствовалъ изъ Гроновія. Сія мужественные и твердые контуры; смѣло выдавшійся лобъ, выражающій сколько спрашки и жары мысли; губы нѣсколько поласповашныя, но рѣзко обрисованныя, гошковые разразилъ краснорѣчивою выходкой; глаза пламенные и открытые, на выкатѣ, одушевленные невыразимою энергіею: вошь Сафо! Это именно она, женщина одаренная душою мужескою и чувствами пылкими, обреченная гению и злосчастью, бѣдствіямъ и шоржеству, славѣ пагубной, которая перенала ея творенія. Разсматривая сей портретъ, почти увлекаешься невольно повторишь восклицаніе Плутарха, хотя впрочемъ нѣсколько эмфа-

жическое: «узнаю вулканъ извергающій огненныя мысли и пламенные пѣсокѣвнѣ!»

Если Сафо имѣла дѣйствительно тѣ гнусныя пороки, коими ее снабжаютъ; еслибы должно было повѣришь на слово Максиму Тирскому, приписывающему ей прошивуестественныя спрранности, подобныя тѣмъ, кои безсмысленная древность приписывала Сократу и охотно прощала: то мы нисколькобъ тому не подивились. Въ фizioноміи, которую мы разсматриваемъ, выражаешь больше пылкости и огня, больше чувственной энергіи, больше мужской дерзости и сладострастія, чѣмъ нравственности, скромности, цѣломудрія. Подобно Берису, Байрову, Руссо, Лукану, Тассу, геній ея заключался въ силѣ и волненіи чувствъ; а извѣстно, какіе пагубныя вонди чувства. И такъ отвергнемъ всѣ другіе поршпреты Сафо, какъ апокрифы, исключая тошъ, который мы указали. Онъ приличествуетъ столько же любой изъ пресшупныхъ героинь Байрона или Эсхила, какъ любовницѣ Фаона. На немъ лежишь неизгладимая печать той роковой организаціи, которая пожираешь жизнь и предаешь женщину въ добычу всей ярости спрасшей и всѣмъ угрызениямъ, всѣмъ мукамъ, отъ нихъ проистекающимъ.

Задумчивая и пламенная дочь Лесбоса, чѣмъ

ограничивается швою слава? Изъ девяти книгъ одъ и великаго множества другихъ стиховъ, швореній, гимновъ, влегій, эпицаламъ, кои удавляли древняхъ, намъ оспались только изуродованные обломки: всего на всего едва сто шестьдесятъ стиховъ. Но въ сихъ отрывкахъ нѣтъ ни одного, кошорый бы не носилъ печати своего происхожденія. Сіи развалины написаны еще сладостію Сафической поэзіи: въ одинокомъ стихѣ, въ крашкомъ двухстишіи, вы находите пылъ энтузіазма, жанду сладоспрасшія, коимъ упивалась Сафо.

То видите ее, засѣдающую на пиршесствѣ мудрецовъ, когда вечерняя звѣзда загорается и зовешъ къ веселію, раздѣляющую ихъ упоеніе, виѣшивающуюся въ ихъ вакханаліи и, чрезъ нѣсколько минушъ, превращающуюся въ расшрепанную *Θιάδου*. Но упоенія, производимаго Вакхомъ, для ней недостаточны; она призываетъ *Афродиту*; представляешъ ей золошую чашу, наполненную нектаромъ; молишъ усѣять кипящую влагу розами, кои вѣнчаютъ ея главу; любуется сими пурпурными листьками, плавающими въ болѣе румяныхъ волнахъ искромешнаго сока; и — воснѣваетъ свою радость, свое блаженство, свое сумасшество. Найдите другую засшольную пѣсню, кошорая моглабъ равняться съ сею!

Въ другой разъ, впервые взоры на солнце,

склоняющееся за горизонтъ, она мечтаетъ о наслажденіяхъ ночи, о любовныхъ бдѣніяхъ, о продолжительныхъ оргіяхъ, кои не ссыдишься украшать своимъ присутствіемъ; и восторгъ ея изливается въ лирическихъ звукахъ: «Привѣстствую тебя, прекрасная звѣзда! привѣстствую тебя, блистательнѣйше изъ свѣта! Ты все даешь смертнымъ! Ты ведешь человека на покой, овечку въ свой хлѣвъ, паслушку на свое ложе! Ты приводишь часы наслажденія! Привѣстствую тебя! Привѣстствую!»

Такова истинная лирическая поэзія! Вся увлеченіе—истинникъ—страсть! Ея прелесть составляетъ пламенная простота, порывы живые и искренніе. Берясь и Беранже соединили въ себѣ сія свойства. Немногое, оставшееся намъ отъ Сафо, ошлывается высшей степенью лирическаго восторга. Свидѣтельствомъ можешь служить извѣстная ея ода, такъ дурно переведенная на Французскій Буало и на Англійскій Филиппомъ, въ коей содержится краснорѣчивое и вѣрное изображеніе, совершеннѣйшій анализъ наружныхъ симптомовъ любви. Не удивляемся, что одинъ врачъ, какъ повѣствуетъ Плущаръ, списалъ сію оду, чтобъ поставилъ между медицинскими прогностиками. Никогда поэзія не была такъ положительна: никогда одна стра-

ничка стиховъ не дышала такимъ напряженіемъ сосредоточенной силы. Древній риторъ; написавшій Разсужденіе о Высокомъ и извѣстный вообще подъ псевдонимомъ Лонгана, оказалъ превосходную услугу лирической исторіи, сохранивъ сей единственный опрыжокъ; кошорый можно назвать сокращеніемъ всѣхъ романовъ и всѣхъ сочиненій, коимъ спрасили любви служилъ основаніемъ. Сколько напыщенныхъ страниць, сколько холодныхъ картинъ, сколько скучныхъ жалобъ, сколько безхарактерныхъ описаній, нагромождено сочинителями, кои занимались симъ богатымъ предметомъ! Если вы наскучили эшой безсмысленною напыщенностію, эшою безцвѣтною неопредѣленностію, перечтите Сафо! Ея поэзія не есть шолько красивая поэзія, какъ увѣрялъ нелѣпо Блеръ: эшо поэзія въ высшей степени энергическая. Самый ризъ ея кажется живошрепещущимъ: онъ дрожитъ; колышется, бьется. Стихъ поинишно ломается; нѣтъ ни одного эпизода, ни одной мешафоры, ни одного украшенія; эшо спрасиль, подавляемая собственнымъ своимъ неистовствомъ. Вы не найдете здѣсь ни *сладкихъ восторговъ*, ни *сладкихъ томленій*, введенныхъ Дебрео Буало въ оригиналь, кошораго онъ понималъ былъ не въ состояніи. Не найдете также и меланхолической извѣженности

Англійскаго переводчика Джона Филиппса. Оба они надѣлали множество прошивусмысленностей, или лучше *безсмысленностей*, что совершенно одно и то же. Сафо совсѣмъ не говоришь, какъ Буало и Филиппсъ: «счастливъ любовникъ, который *подлѣ тебя вздыхаетъ!*» *Ευαντός* тои значить *предѣ лицомъ твоимъ, лицомъ къ лицу съ тобой*. Что касается до *вздоховъ*, то это совершенно новѣйшее изобрѣшеніе. Одинъ Кашулла умѣлъ вѣрно и одушевленно передать картину, начертанную вдохновенною Гречанкою. Правда, и языкъ, которымъ онъ дѣйствовалъ, языкъ Лашинскій, сынъ идіома, упошребляемаго Сафо, удивительно былъ къ тому способенъ и съ безпримѣрною точностію могъ передать силу и выразительную прелесть Эолическаго діалекта.

«Это соперникъ боговъ, сей юноша, возстающій предъ шобой, созерцающій швое лице и внемлющій сладкому швоему гласу, поражающему его слухъ!»

«Ты улыбаешься: и грудь моя воздымается, сердце замираешь, силы изнемогають! Гляжу на шею: и уста мои, дрожа, пребываютъ безмолвны!»

«Языкъ прилипаетъ къ горшани. Внезапное пламя пробѣгаетъ по всѣмъ суснавамъ шрепещущаго шѣла. Неподвижные глаза по-

Телеск. Ч. XIII.

кываюхся облакомъ. Смушныя звуки шепчущъ и звенящъ вокругъ меня!»

«Холодный пошъ спруишся съ monkъ членовъ, увлажая блѣднѣющее чело. Они шрепещущъ, объашыя внезапнымъ пошрясеніемъ: и блѣдная, безжизненная, безъ цвѣта, безъ дыханія, безъ жизни, я падаю, я умираю!»

Весьма легко повѣришь, что женщина, написавшая сей обращикъ ерошической оды, возшла на Левкадскій утесъ и кончила жизнь свою, дабы найши въ смерти убѣжище отъ собственнаго сердца. Аееней, полезный сохранишель многихъ древнихъ сокровищъ, помѣстилъ, въ своихъ Динносифискахъ, другую оду, гораздо менѣе извѣстную, чѣмъ предыдущая, но шакже досшойную внимательнаго изученія. Сафо написала ее къ Афродишъ, когда Фаонъ, меньше чувствительный къ очарованіямъ поэзія, чѣмъ къ прелестямъ юной красоты, презрѣлъ любовь ея. Прочитавши сію оду, равно исполненную кипящаго огня, невольнo согласишся съ Гораціемъ, что пламень, пожиравшій Лесбосскую пѣвицу, еще дышешъ, испоргаясь изъ спрунъ ея лиры:

Vivunt commissi calores

Eoliae fidibus puellae!

Конецъ сей жизни, принесенной въ жертву на алшарѣ богини, кошорую воспѣвала вдохновенная жена, былъ естественною развяз-

кою столь бурной драмы. Кто не знаетъ исторіи вѣроломнаго бѣглеца Фаона и ушеса Левкадскаго? Это сѣдая, пощая, скала, одна изъ ужаснѣйшихъ скалъ Акарнаніи. Она называется нынѣ Капъ-Дукашо и составляетъ южную оконечность острова Санша-Маура, древней Левкадіи: мореходцы, плавающіе по Іоническому морю, усматриваютъ ее весьма далеко на горизонтѣ. Сей мысъ любовниковъ (*ἄλμα τῶν ἐρωμένων*) былъ позорищемъ многихъ приключеній, сколько романическихъ, столько и забавныхъ, кои собраны Фошіемъ. Волны Левкадскія, если вѣришь историкамъ, поглощали гораздо болѣе мущинъ, чѣмъ женщинъ: Сафо была первая употребившая сіе насильственное врачевство противъ любви.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Окрестности Московскія.

ЛИЗИНЪ ПРУДЪ И РОЩА ТЮФЕЛЕВА.

посвящено Н. И. П.

Ты помнишь ли? — Но не забуду я!...

1792 году, въ Москвѣ, вечеромъ, подъ шумомъ мѣлкой сыни дожда, на Тверской, во флигель большаго каменнаго дома (а), въ за-
коншѣломъ низу, дымился пошухающій горяъ,
около кошораго дужіе, оборванные кузнецы
кончали пляскія рабошы; вверху свѣшилось въ
одномъ окнѣ шолько, въ небольшой, выбѣлен-
ной комнашѣ сидѣлъ одинокій юноша, бесѣдуя
съ бумагою — писалъ *это-то*. На столѣ его
лежало нѣсколько книгъ, манифесшъ Импера-
трицы Екатерины о вступленіи союзныхъ
войскъ въ земли *Республики*; договоры ея съ
Королями Венгерскимъ и Прусскимъ, забы-
шья, по великія собышій погдашней полиши-
ки; но онѣ будшо не обращая вниманія на

(а) Нынѣ домъ Т. Гудовича. Флигель сей выходишъ въ
бывшій Кисельной, теперь Барановъ переулочъ, къ
церкви Воскресенія на Овражкахъ; кузница уничшо-
жена недавно.

пышныя ошкляки совершавшагося въ мірѣ, писалъ крошко, шихо, задумчиво, весь былъ погруженъ въ свое безмяшечное, будшо дѣшское заяншіе... Это былъ *Карамзинъ*; это онъ писалъ *Бѣдную Лизу*. . . .

Прошло не много времени и шихій трудъ юноши опозвался въ госшинныхъ Москвы общимъ вниманіемъ, спалъ предметомъ разговоровъ головъ напудренныхъ, спалъ событіемъ и повлекъ толпу Москвичей за обычные предѣлы ихъ сущесшвованія, за чершу города, указалъ шамъ за Симоновымъ монастыремъ, среди поля маленькій прудъ, шѣнь деревьевъ около, и на сихъ-то ничтожныхъ предметахъ сосредотошилъ вниманіе, догадки, учасшіе свѣша, шакъ рѣдко, рѣдко шаланшомъ приобрѣшаемые! Кшо на вѣку своемъ не читалъ *Бѣдной Лизы*, кшо не бывалъ на прудѣ ея, не вырѣзывалъ имени на берегахъ окружныхъ? — Туда съѣзжались на гулянья и свиданія, шуда скакали амазонки Московскія на измученныхъ коняхъ своихъ, шамъ жгли фейерверки, сжигали соешоянія, даже шамъ бывали дуели!! Можно ли пребовашъ ошъ общества вниманія болѣе явнаго? Не вѣрише? — Конечно, это было давно, шакъ давно, что красавицы, кожешсшвовавшія тогда на берегу пруда *Лизина* шеперь, по неволѣ, а сосшарѣлись.

Но за меня не одно сомнительное свидѣтельство женщинъ: за меня подражали Карамзина, населявшіе Перово, Воробьевы горы, рошу Марьину, своими героинями, но не очаровавшіе недоверчивыхъ Москвичей, посѣщавшихъ мѣста сія не для ихъ скучныхъ повѣстей, а для развалинъ палащъ, прогулки загородной. Чшо Лизинъ прудъ былъ нѣкогда фокусомъ Московской чувствительности, ссылаюсь на васъ, блѣдые завистники славы Карамзина... вы, измученные совѣстію, встрѣчались мнѣ подъ шѣнію ушлыхъ березъ его....

Такъ сильно и такъ мгновенно шоржесиво дарованіи: но не шаково спокойное дѣйствіе истины! — Грусть о Лизѣ, презрѣніе къ Эрасту, прошли, давно прошли; и изъ настоящаго, недоверчиваго поколѣнія многіе не бывали на прудѣ Лизинномъ, другіе сомнительно спрашиваютъ: *что такое Лизинъ прудъ дѣйствительно?* Удовлестворимъ, какъ сможемъ, вопросу пышливой современности, справедливо утратившей довѣріе къ поэтамъ и чувствительности вѣка минувшаго.

Безомѣшныя преданія, памяти народа завыщанныя предками, единогласно свидѣтельствуя, чшо Свяшой Прудъ — нынѣ Лизинъ прудъ — ископанъ руками основателя Симоновской обители. Пящесомъ лѣтъ тому давно минуло. Въ смущенныя времена великокняжескія,

во время Донскаго, подъ шянкимъ ярмомъ Ташаръ, свиски лѣпописашелей полнились шолько грозою, бѣдсвѣями земли Русской, а шихое шрудолюбіе, вольное смиреніе инока были дѣломъ обычнымъ. Память народа благодариве хронографовъ. Она-шо повѣдала вѣукамъ, что Феодоръ, учишель Сергія, смиряясь изрылъ прудъ съ помощію первыхъ иноковъ Симонова и людей къ Богу прибѣжныхъ; и въ зыбкомъ зеркалѣ водъ его ошсвѣчивались строи Русскіе, налешы Ташаръ, вашаги Самозванцевъ, набѣгавшихъ на бѣлокаменную швердыню Москвы по дорогѣ Каширской. Неподрѣльное благоговѣніе народа къ мѣсту должно было прѣвѣсть значеніе религіозное; и крестный ходъ въ день Преполовенія на Свяшой Прудъ, донынѣ ежегодно совершаемый изъ Симонова, свидѣтельствуетъ шѣрность преданія. Въ эпоху ошобранія ошъ монастырей ихъ владѣній, когда у Симонова были ошписаны въ казну: *воды на волзѣ; Еллинскія да Люлеховскія съ озера и съ пѣски, да дворѣще дровяно, да дворъ для приѣзда старцемъ и слугамъ, да рыба костоголова, да ржи 20 кадей, да по 10 сыровъ, да по пуду масла, то даны Великаго Кнѣзя дѣшъ на поминокъ, всѣ отгыны отписанныя кпретистой на возмище, Свяшой Прудъ ошался въ вѣденіи монастыря, его принадлежностію. Трудъ*

инокъ завѣщанъ обишеля. То былъ Свяшой Прудъ въ годы шарые — нынѣже спалъ онъ прудомъ Лизинумъ — а какъ шо сбылось, всѣмъ людемъ вѣдомо.

И такъ Лизия прудъ принадлежишь къ живымъ свидѣтелямъ былаго шрудолюбія инокъ: и вошь послѣдній разказъ о немъ, умершій съ шолѣшинею шарухою, кошора бывало въ чистой липовой своей горенкѣ передавала пылкому любопытству моему дряхлѣющее воспоминаніе. На ея еще памяти шарикъ разказывали, что у Свяшаго Пруда была гостиница монастырская для спранниковъ, съ честнымъ крешомъ надъ дверью благословенною; шамъ безошлинно оспанавливались госпи богомольные, ходили помолишь въ обишеля, послушашъ звона Симоновскаго. У шѣны монастырской, гдѣ шеперь роща, былъ густой садъ вишневыи, по полямъ огородъ, у пруда дубы высокіе — шеперь изъ нихъ ошался одинъ шолько, едва зеленѣющійся въ шрѣхсош-лѣшней старости!...

Шарина была зашѣйлива и зашаслива: въ чистыя воды пруда, набиваемыя ключами подземными, пускалась рыба саменай, мѣченая, берега пруда были огорожены риями, черезъ прудъ на сваяхъ былъ переходъ, и весь покрышь рамами шекольчатыми.... Роскошь ушонченная и невѣрояшная! — Въ преда-

нѣи семь уцѣлѣло особенное почтеніе къ водамъ пруда — прислушайшесь оплѣкѣ сохранился въ народѣ. Доселѣ за пѣтьдесятъ верстѣ и болѣе, окружныя поселенія указывающъ на цѣлишельную силу водѣ сижъ ошъ лихорадки; и не разъ въ лѣто встрѣише на берегу пруда больного, чаще больную, пришедшихъ окунувшись въ прудѣ, помолишсья подѣ Симоновымъ.

Не забышъ мнѣ суевѣрнаго разказа спарухи о чистощѣ водѣ его и о горестномъ ужасѣ ея, что свящынню осквернили злодѣи *камедіанщики* баснею о душегубицѣ. Такъ вымыслы поэза опражающъ въ народѣ драматически!

За чѣмъ не могу окончить разказа моего одними воспоминаніями? За чѣмъ уступая современной шребовашельности долженъ я говорить о Свяшомъ Прудѣ, о прудѣ Лизинномъ въ насшоящемъ? За выбѣленными сполбами зашавы Симоновской, пролегаешъ почти проселочной пушъ, незамѣшная аршерія соединяющая волосъ Коломенскую съ сердцемъ-Москвою. Немного выѣзжайше по оному въ чистое, ровное поле . . . передъ вами небо-край, обспавленный словно мѣхвою съ городами опушкою, шо сѣнью лѣсовъ, шо скашами деревенскихъ кровель. Вправо сполпилось нѣсколько бугровъ, изъ за нихъ вѣющъ жидкія вѣшви дряхлѣющей березы, высишся полу-

мершвыи спавъ дуба. Эшо насыпи земли изъ пруда выкопанной, эшо шѣнь родимыхъ вѣшвей его... Заглянише — и почти круглое, чистое стекло воды лежишь въ насыпныхъ, зеленыхъ берегахъ своихъ, будшо въ рамахъ, среди поля желшѣющаго нивами. Березы растушь у самаго края, корни ихъ омывающся водою, кошорая и шеперь полна по прежнему, но болѣе спа лѣшь человекъ не забоишся о шѣни. Только пень дуба остаешся ошъ зеленой семьи своей, березы иныя посохли, иныя упали, иныя порублены, иныя изуродованы усердіемъ писателей и стиховъ и прозы, и во все не ишпересныхъ именъ своихъ, думавшихъ на бѣлой корѣ ихъ выдолбишь себѣ воспоминаніе..... Гнѣздо зелени, вздѣланное шихимъ шрудомъ инокѡвъ, брошено на разхищеніе и людямъ и времени... Вошь настоящее.

За шрудомъ, гдѣ шеперь копають глину, была когда-шо гостиница, оставленная людьми непогодамъ; она ишлѣла въ прахъ, и шущь-шо чусшвишельноснѣ стариковъ нашихъ искала слѣдовъ Лизинѡй хижины. Когда-шо и я засшаль шущъ признаки былаго шпроенія, и задумавшись вглядывался въ слѣды людей, усердно заглаживаемые временемъ. Вѣруи судьбѣ Лизы, мечшаль сыскашь въ прахѣ одинъ изъ шѣхъ десятии имперіалѡвъ, кошорыми думаль *обольстителѣ* заплашишь *невин-*

ности — и нашелъ деньгу Петра! Гдѣ повстрѣишь Пешра! Оглянулся около, передо мной въ полуверстѣ роща Тюфелева — шамъ слѣды его. Идемъ шуда.

Въ старые годы, когда сказки походили на правду, а правда на сказки, *заповѣдныя луга и рощи* были не диковинка. Москва рѣка, вырвавшись изъ города и добѣжавъ до Серпуховской дороги, словно хотѣла еще разъ оглянуться на кормилицу, и, крушо повороча отъ Кошловъ къ монастырю Перервинскому, образовала мысъ верстѣ въ шесть, раздолье совершенное. Съ выск обсыпнаго песчанаго берега, видъ на Москву заглядѣнье; но постепенно покинаясь берегъ сходящся съ долиною, на кошорой зеленѣетъ сосновая роща Тюфелева. Она шо всшарь принадлежала къ *нѣмъ заповѣднымъ* ошчинамъ царскимъ, на кошорыхъ бывали охошы соколиныя. Еще въ 1668 году охоша сія хранила весь ошблескъ древней шоржешественноши забавы царской. Царь Алексѣй Михайловичъ, по *уряднику гина сокольнигъя пути*, на поляхъ Тюфелевскихъ збѣло *потѣшася полевою цѣтѣхою*, забавлялся *веселиемъ радостнымъ*, зря на высокаго сокола *лѣтѣ, къ водамъ рыщенье, ко птицамъ доступаніе*: и мѣсто забавы ошца перешло къ сыну, кошорый, шворя вездѣ, и шупъ создалъ уюшнй охошничій домикъ съ правой стороны

рощи, на берегу кошловины, заливаемой внешнею водою рѣки. Когда же Пешръ перенесъ величіе споллицы съ холмовъ Москвы на шундры Пешербургскія, онъ покинулъ домикъ свой, и *всѣ* покинули. Время шло: и лѣтъ за пятьдесятъ едва были примѣны оспашки — пошомъ и они исчезли — и шеперь безъ указанія не угадаешь, гдѣ ондыхалъ Великій! —

Тихо прошли восемьдесятъ лѣтъ: роща Тюфелева пущая, безмолвная, дремала въ виду Москвы; никшо не жилъ шамъ, и сосновый боръ, зеленѣя ежегодно, заглохъ, проросъ красными цвѣтами *дремы*; въ него налѣзли шицы, забѣжали, вкрались звѣри — стихло.... Вдругъ будшо по манію жезла волшебнаго роща оживилась, между природныхъ цвѣшовъ замелькали поддѣльные; фижмы, роброны, шишые кафшаны — дамы Московскія прискакали, наѣхали въ рощу Тюфелеву, разсыпались между безмолвныхъ, мишисныхъ холмовъ ея; и въ припадкѣ чувствительности хрушальныя слезки ихъ блисшали на личикахъ пестрѣющихъ мушками. Эшо были первыя чашашельницы *Бѣдой Лизы*, пріѣхавшія рвать ландыши шамъ, гдѣ рвала ихъ она, и упрекать провонавшихъ ихъ въ распудренныхъ парикахъ кавалеровъ въ вѣроломствѣ. И ешу-шо старину поюшъ шеперь намъ ихъ правнучки не замѣчая, что мы крахмалимъ уже галсхухи, а не головы!

Съ шѣхъ-то поръ Лизинъ прудъ дѣлилъ съ рощею Тюфелевою прихотливое вниманіе Москвичей: и кто знаетъ, можетъ быть шущъ вымысль бывалъ основою дѣйствительности?.. Но шарина, скромна какъ невѣста... уважимъ ея смущеніе. Этимъ однако не кончились явленія въ рощѣ Тюфелевой.

Мѣсто оспавалось поже, но чрезъ десять лѣтъ измѣнились посѣщители. Въѣсно слезъ и вздоховъ о Лизѣ, роща Тюфелева огласилась шукомъ молошова, скрипомъ шелегъ, понуканьемъ коней и рабочниковъ... Рыли землю, клали шѣны, шворили извѣсть, городили изгороду. Эшо были зашѣи Львова, чело-вѣка пылаго, умнаго, не всегда удачно, но всегда горячо предпріимчиваго. Эшо онъ спроилъ изъ земли замки воздушныя. Львовъ, объѣздивъ Европу, долго жилъ въ Италіи и усердно изучалъ архитектуру. Его горячее воображеніе создавало формы шранныя, черпило планы неисполнимо зашѣйливыя. Онъ издалъ Архитектуру Палладіа и шрасшій къ необыкновенному дѣлалъ проэкты соблазнительныя. Практическое исполненіе мечшаній его не всегда было удачно, чему служилъ доказательствомъ доселѣ сохранившійся въ Петербургѣ на Миліонной домъ его пошройки, замѣшный шранною колоннадою.

Лѣтъ сорокъ назадъ такіе люди были вид-

нѣе; и Императрица Екатерина, зная лично Львова и сознавая увлекательность его плановъ, краснорѣчивое убѣжденіе объясненій, держала отъ себя на безопасномъ разстояніи. Только при Павлѣ I проѣкты Львова сдѣлались существенными; важнѣйшіе изъ нихъ: строеніе въ мѣстахъ безлѣсныхъ домовъ почти безъ дерева изъ земли, прочныхъ какъ каменные, дешевыхъ какъ мазанки, и учрежденіе воздушныхъ печей. Для столь-то полезныхъ опытовъ вѣрена была Львову роща Тюфелева и предписано изъ каждаго безлѣснаго уѣзда выслать по два смысленныхъ работника съ содержаніемъ на годъ. Такимъ образомъ въ рощѣ Тюфелевой образовалась колонія чело-вѣкъ въ присѣдѣ и работы закипѣла. Чѣмъ строилъ Львовъ? Не пышныя палаты вельможескія громоздилъ онъ, не золочеными карнизами ихъ обшягивалъ, нѣтъ, онъ строилъ изъ земли и, вѣрный своему намѣренію, употреблялъ дерево какъ драгоценность, дѣлая все изъ глины, песку, украшая соломой. Рабоша Египетская! Медленно слой за слоемъ накладывали стѣны, заливая извѣстью; и только тогда, чѣмъ дерзкое любопытство пышало разрушать зданія Львова, монетъ засвидѣтельствовать завидную прочность ихъ. Не ушамъ отъ современниковъ и того, что ра-бошники, бывшіе у Львова, не всѣ ворошились

на родину; многіе жизнию заплашили за ученіе, кошорымъ не воспользовались уцѣлѣвшіе. Не обязанный давать отчетъ о цѣли и исполненіи сего предпріятія, скажу только, что въ двухъ или трехъ первыхъ комнахахъ главнаго дома были употреблены полы деревянные, но стѣны, перегородки, все земляное, крыша соломенная, пошолки клѣшками, наполненными чѣмъ-то, шакъ что, исключая дверей и оконъ, все было не дерево. Внутреннее убранство комнахъ также заслуживаетъ вниманіе своею зашѣйливостію. Въ залѣ обои соломенные, но красивѣе шпофныхъ; стѣны индѣ муравленныя, индѣ расписаны или оставлены вчернѣ сърыми съ широкими бѣлыми обводами. Вообще дерево въ строеніяхъ и домѣ Львова столь же рѣдко, какъ изящество въ домахъ нашихъ. Кромѣ главнаго корпуса построены тѣмъ же способомъ: скошенный дворъ при въѣздѣ въ рощу, шеперь разрушенный; баня, почти на мѣстѣ домика Пешра Великаго; въ прошивной сторонѣ кухня и еще вдали какое-то строеніе. Погребъ сдѣланъ среди лѣса въ видѣ стога, соломы, другой въ видѣ огромной убранной берестою хижины, опирающейся на живые, расшущіе столбы зеленыхъ сосенъ.

Когда работы кончились, убрали подмошники, зелень муравы подернула слѣды шруда;

спранные сѣрыя зданія, разбросанныя среди темной зелени составляли картину. Львовъ имѣлъ вкусъ утонченный: пышные дворцы вельможъ на дачахъ уже обстали тогда Москву; спринженные сады ихъ съ цвѣшниками по мѣркѣ, съ узорчатыми дорожками, пробитыми руками рабочихъ, уже манили неспешною красотою своею Москвичей избалованныхъ; но Львовъ не искажалъ природы въ роцѣ Тюфелевой въ угодность вкусу своего времени — былъ и остался простъ. У него роца была роцею; умѣнье незамѣтно пропорило пропикки, будшо проложенныя необходимостью среди мшистыхъ бугровъ, среди дичи; цвѣшны не покупные, не наемные, но дѣвственныя ландыши; вороша, слепенныя изъ сучьевъ, не пугали замками и запорами. Тамъ, среди куштовъ рябины и волчьихъ ягодъ, кусты малины и смородины заброшены будшо случаемо; а за роцею на песчаномъ косогорѣ зашѣйливо-просхой домъ выходилъ изъ темнаго лѣса нѣсколькими кровлями, не ровно, не правильно будшо въ разное время наспроенными, и смотрѣлъ окнами на широкій свѣшлый видъ, на зеленый лугъ предъ рѣкою, на обсыпные уступы берега, на золотую главу Донскаго монастыря, на ошрыя башни Коломенскія, на картину ошрѣзанную струями ручья. И что это за домъ? Если вы любите рассказы Валь-

щера-Скопша о шѣхъ уединенныхъ, странныхъ домахъ, кошорые вдали городовъ, въ глуши лѣса, бывали сценами происшествій романическихъ, сшупайше, любуйшесь домомъ Львова, мечпайше въ сшѣнахъ опальныхъ.... Будто два ошдѣльных сшроепія сосшавляютъ его, соединяясь длиннымъ зданіемъ съ переходами на сосновыхъ снолбахъ, покрытыхъ корою и сучьями. Соломенные крыши, одна на другую брошенныя, закрываютъ эшани, поднимающіеся, выглядывающіе другъ изъ за друга разнообразными, круглыми, оспрыми окнами. Какъ гнѣзда ласшочекъ, лѣнящся одинъ подъ другимъ, маленькіе балконы на сучьяхъ, вылѣзшихъ изъ сшѣны; сквозныя, воздушныя лѣсенки соединяющъ ихъ; можно не ошворян дверей комнашы выйдши изъ дома, поднявшись въ другой эшантъ. Неправильныя уступы и неровныя эшани сшѣнъ заключаютъ лабиринтъ неожиданнхъ комнашъ, горницъ, залъ, горенокъ, свѣшелокъ; библіотеку, въ кошопорую ведетъ уродливая лѣсенка: но идяше сшѣло и покойно поднимаешесь въ комнашу, въ кошорой сшѣны, обшпанушыя расписаннымъ холстомъ, всѣ шкапы, всѣ двери; между ими ошворивъ иной, вмѣсто ряда княгъ, найдеше палашку, въ иномъ всшрѣщаше лѣстницу съ двойными сшупенями въ верхъ, пошайной ходъ въ оранжерею, выходъ въ лѣсъ.

Словомъ самой холодной современникъ, живя въ домѣ Львова, ходя по его комнашамъ, по неволѣ бы набрелъ на приключеніе.

Не умѣючи, рассказавъ поэпическія зашѣи, обращаюсь къ прозѣ событій. Вниманіе Монарха почшило Львова; и рошца Тюфелева спала его собствѣнностію. Надежды на признашельность равнодушныхъ пошомковъ давали Львову право не знашь формъ; я въ бумагѣ, ушверждавшей право его на жалованье царское, пропускъ двухъ словъ: *въ вѣчное и потомственное владѣніе*, чущь было не лишилъ наслѣдниковъ Львова ушѣшенія владѣшь шрудами ошца, умершаго въ рошѣ Тюфелевской. Но крошкій Александръ приказалъ *по формѣ* ушвердишь за ними дачу.

Въ послѣдствіи рошцу продали, перепродали, снова продали.. Корысть владѣльцевъ, чуждая уваженіи къ былому, наспроила лѣшнихъ домиковъ, безъ нужды подспавили колонны, зданія Львова шо разрушили, шо изъ приличія покрыли шесомъ, вымазали красками, ошдѣлали, передѣлали по своему, и въ шихую сѣнь уныло шумѣвшей рошци пустили шракширную палашку съ осиплымъ хоромъ безобразныхъ цыганокъ! — А, шеперь? ... Теперь шпроашъ фабрику, лѣсь срубашъ на дрова и пожалуй расшянушь сушишь ве-

пошъ Московскихъ издѣлій, шамъ, гдѣ пошъ-
шася Царь Алексѣй Михайловичъ веселіемъ
радостнымъ, гулялъ Пешръ, мечшалъ Ка-
рамзинъ, вздыхали красавицы, созидаль
Львовъ! —

Эта современность — непріятна! Холод-
ность — жалка!

Нашъ вѣкъ торгашъ.....

Н О В О С Т И

И Н О С Т Р А Н Н О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы .

Лукреція Борджіа

Д Р А М А

В И К Т О Р А Г Ю Г О .

Злосчастная судьба послѣдняго произведенія знаменитаго корифея современной Французской драматургіи, *le Roi s'amuse*, освѣдѣннаго публичной, запрещеннаго правительствомъ и проиграннаго предъ Коммерческимъ Судомъ, наконецъ вознаградилась новымъ торжествомъ, единогласно признаннымъ даже журналистами, кои особенно въ похвалахъ рѣдко сходясь между собою. Новая драма Викторъ Гюго, *Лукреція Борджіа*, предстѣленная въ концѣ прошлаго Января à la Porte St. Martin, имѣла успѣхъ блистательный, непрерываемый. Мы читали подробный отчетъ объ ней двухъ главныхъ современныхъ Французскихъ критиковъ, *Амедеа Пишо* и *Густава Плэнша*, коихъ важнѣйшія замѣчанія слѣдшимъ сообщимъ нашимъ читателямъ. Но предварительно считаемъ необходимымъ изложить въ связи ея содержаніе, извлеченное изъ тѣхъ же источниковъ.

По названію драмы уже видно, что содержаніе ея заимствовано изъ Италіанской исторіи XVI

столибіа, исторіа, коей наждаа спраница запечата-
на ошравоу или убійствомъ, дѣломъ рукъ
ужасной фамиліи Борджіа. Лукреція, героиня дра-
мы, была дочь Папы Александра VI, осяверивша-
го міару безпримѣрнымъ развратомъ и неслы-
ханннми злодѣйствами. Сей Папа, кромѣ ея, былъ
преслунымъ ошцемъ многихъ сыновей и сопер-
никомъ ихъ въ преслуныхъ связяхъ съ сесипроу.
Никогда исторія не нашлаася ошврашншельдѣй-
ствымъ зрѣлищемъ, даже въ миическихъ предані-
яхъ о провляшомъ семействѣ Апридовъ. Ужасная
кашаспрофа оконачила сей безпримѣрный хаосъ
преслулений.... Но задернемъ покровъ исторіи
и предсавимъ шольно шо, что взяшо изъ ней и
предсавлено повшомъ.

Сцена оширывается въ Венеціа. Уже прошло
двадцать лѣтъ послѣ насильственной смерти Джі-
ваниз Борджіа, Герцога Гандійскаго, одного изъ
сыновей Александра VI, какъ нѣскольо молодыхъ
Венеціанъ, собранныхъ удовольствіями нарна-
вала на шеррасѣ палацъ Барбариго, вспомнили о
сей пагубной кашаспрофѣ. Подъ шеррасоу про-
шекаешъ каналъ де-ла-Зуена, на кошоромъ среди
видимаго мрака Венеціанской ночи, мельнаюшъ
изадъ и впередъ гондолы, наполненные масками
и музыкантами. Молодые люди слушаюшъ вни-
мательно одного изъ нихъ, кошорый, по словамъ
его, весьма живо поминишъ, какъ неизвѣстный вса-
дникъ бросилъ шрунъ убишаго Герцога въ Тибръ
и былъ примѣченъ однимъ судовщикомъ, неволь-
нымъ свидѣтелемъ преслулений. Одинъ Ис-
панскій дворянинъ вышнвается иногда въ ра-
зговоръ, сообщая расказину нѣкошорыа болѣе

шочныя подробности. Другой напрошивъ отличаеяся совершенною безпечностію о шомъ, что говорашъ вкругъ него: онъ даже засыпаетъ въ своихъ креслахъ, между шѣмъ какъ одинъ изъ друзей его увѣдомляетъ прочихъ, что вѣдомъ хладнокровный слушатель есть выслужившійся офицеръ, безъ роду и племени, что онъ не имѣетъ никакихъ привязанностей и посему не можешь принимашъ никакого участія въ пагубныхъ наслѣдственныхъ злодѣяніяхъ, неразлучныхъ съ историческими именами Италіи. И такъ онъ изъ одной шолью вѣжливости оназываетъ вниманіе къ шому, что шоварищи его начали говоришь о дышяши, плодѣ преступной связи Герцога Гандійскаго съ Лукреціею Борджіа, своей сестрою, дышяши, которое пропало безъ вѣсти, такъ что неизвѣстно, манъ ли сама сдрыла своего сына или дядя его Цезарь Борджіа, другой сынъ Александра VI, похитилъ его у матери, дабы одному осмашъ въ своемъ родѣ и овладѣть всѣми богатствами Папы. Наговорившись вдоволь и изъяснивъ пошохоньку удивленіе, что Испанскій дворянинъ лучше вхъ знаетъ происшествіи, случившіяся за двадцать лѣтъ въ Италіи, молодые люди удаляются и оставляютъ Испанца вмѣстѣ съ Напшаномъ Дженнаро, который спокойно продолжаетъ спать. «Да!» говорашъ мнимый Испанецъ: «я знаю больше, чѣмъ они; но Дона Лукреція знаетъ больше, чѣмъ я; Цезарь Борджіа больше, чѣмъ Дона Лукреція; чортъ больше, чѣмъ Цезарь Борджіа; а Александръ VI больше чорта!» Является замаскированная дама, которая подходитъ къ Испанцу съ видомъ знакомой власши и называетъ

его Губешшой. «Говорише жинне, государыня!» ошвѣчаешъ Губешша: «я называюсь здѣсь не Губешшой, а Графомъ де Бельверани, Насшильскимъ дворяниномъ: вы сами Неаполитанская Маркиза. Намъ не должно показывать, что мы знаемъ другъ друга!» — «Правда, Губешша! Но здѣсь, на этой террасѣ нѣтъ никого, кромѣ этого молодого человека, который спитъ; мы можемъ поговорить минушку!» Легко угадашь въ сей женщинѣ Лукрецію Борджіа, не смотря на ея спрямую неоспоримую говоринь шанимъ образомъ позадъ спящаго человека, какъ будто, въ сіе время безпрестанныхъ жембъ и предашельствъ, можно было дозвѣрять сну, особенно съ характеромъ дочери Александра VI. Губешша совѣщуетъ ей не снимать маски, безъ которой легко можно узнать ее. «Э! да что нужды!» ошвѣчаешъ она. «Если не будущъ знашь, што я, то мнѣ нечего бояться; а если узнаюшъ, то мнѣ надобно спрашиться!» Однакожъ размысливъ лучше и боясь подвергнуться оснорбленію, Лукреція надѣваетъ снова маску на лице. Въ это время она супруга Альфонса д'Эсшъ, Герцога Феррарскаго, своего четвертаго мужа. Проклиная свою минувшую жизнь, Герцогиня даетъ своему повѣренному милосщивымъ приказанію и говоришь съ нимъ о нравственности и добродѣтели, шакъ что Губешша, настоящий слуга Ишаліянской канвы, смѣсь Сганареля и Фигаро, не можешь удержаться, чтобъ не вскрикнуть: «Ради Бога, государыня! на какого отшельника вы напали сегодня?» Но Лукреція не оснорбляется его наглостию и, указывая на спящаго Нанишана, признается, что шеперь занимаешъ ее

одна мысль, заслужишь хотя маленькой уголокъ въ сердцѣ и уваженіи этого прекраснаго юноши. Вотъ все, что она любилъ еще подъ небомъ! Губешта уходилъ, не опомнясь еще сей *пластической любви*, которая овладѣла шанъ внезапно его спрaшною повелишельницею. Сія послѣдняя, оставшись одна, сполнилъ навѣ будно въ изскупленіи надъ Дженнаро и не замѣчалъ двухъ человекъ, которые вошли и наблюдаютъ за ней. Она снимаетъ маску, чтобы опереть слезу, омочившую ея глаза и падаетъ подлѣ на чело Дженнаро. Два человека, подстерегавшіе ея, видѣли довольно: они удаляются, ошарывъ въ себѣ зрителей, одинъ мужа Лукреціи, другой племянна Губештъ, служащаго сѣдомъ ревнивому Герцегу. Въ ту минуту Дженнаро пробуждается и, изумленный побѣдою, которую одержалъ во сѣбѣ надъ незнакомкою, вступаешь съ нею въ разговоръ, который часъ отъ часу становящся нѣжнѣе. Въ продолженіе сей уединенной бесѣды, Лукреція еще разъ снимаетъ съ себя маску; и тогда Тенпо, одинъ изъ бывшихъ молодыхъ Вевеціанъ, пришедши со стороны, узнаетъ ее и спѣшилъ ошискать своихъ друзей, чтобы извлечь Дженнаро изъ этой паутиной сѣти.»

Но дѣло идетъ совсѣмъ не о любви. Лукреція показывается материнскую привязанность къ молодому человеку; и сей послѣдній съ своей стороны чувствуетъ къ ней непреодолимое влеченіе и довѣренность. Онъ объявляетъ ей, что его единственная спрaсль ошискать свою мать, которой онъ никогда не видалъ, но которая должна быть очень несчастна, мать, которая писала къ нему,

но не хотѣла показываться, любимую имъ съпавую ибжностію, что онъ «опдалъ бы свою настоящую жизнь, чтобы видѣть ея слезы, и свою будущую жизнь, чтобы видѣть ея улыбку»: выраженіе превосходное, за которое всѣ мастера конечно возблагодаряли поэта! Дженнаро продолжаетъ раскрывать въ себѣ характеръ ибжнаго сына. «Все, что я ни дѣлаю», говоритъ онъ, «дѣлаю только для того, чтобы быть достойнымъ моей матери. Есть много удалцовъ, которые не слишкомъ совѣсны, которые рады драгаться за Сашану: я попрошусь служить только правому дѣлу. Я хочу положить нѣкогда нѣ ногамъ моей матери мечъ столько чистый и благородный, какъ мечъ императора. Да, сударыня! Мы общали большую лажу, если я соглашусь вступиться въ службу къ этой презрѣнной Лукреціи Борджіа: я отказался!» — «Дженнаро! Дженнаро!» восклицаетъ Лукреція. «Имѣйте состраданіе къ злодѣямъ! Вы не знаете, что происходитъ въ ихъ сердцахъ!» Между тѣмъ Дженнаро напрасно допрашивается у незнакомки ея имени, какъ вдругъ прибѣгающъ съ фанелами Маффіо Орсини, Леппо Лаверешшо, Асканіо Пешруччи, Олоферно Вителлозо, Ансшоло Газелла, пять друзей Дженнаро. Лукреція едва усиливаетъ надѣть свою масну.

— «Дженнаро!» кричитъ Маффіо Орсини: «хочешь ли ты знать, съ какой женщиной говоришь теперь о любви?»

Дженнаро (*останавливаетъ его*). Маска женщины священна, какъ лице мужчины!

Маффіо. Прежде надобно, чтобы женщина была

шочно женщина, Джениаро! Мы не хотимъ оскорблять этой дамы, а намѣрены только сказать ей наши имена. (*Подступая на одинъ шагъ къ Лукреціи*). Сударыня! я Маффіо Орсини, братъ Герцога де Гравина, котораго ваши сборы задушили ночью, когда онъ спалъ,

Иппо. Сударыня! я Иппо Леверешшо, племянникъ Леверешшо Вишелли, котораго вы велѣли заколотъ въ подземельяхъ Вашиана.

Асканіо. Сударыня! я Асканіо Пешруччи, двоюродный братъ Пандольфо Пешруччи, владѣльца Сивискаго, котораго вы умерщвили, чѣмъ заграбишь его городъ.

Олоферно. Сударыня! я называюсь Олоферно Вишеллозо, племянникъ Яго д'Аппіани, котораго вы отправили на праздникъ, выманивъ у него прежде измѣнически замокъ Піомбино.

Апостоло. Сударыня! вы предали смерти Дона Франциска Газеллу, дядю съ матерней стороны Дона Альфонса Аррагонскаго, вашего прешьяго мужа, котораго въ свою очередь приназали изрубить алебардами на хѣстницѣ С. Пешра. Я Донъ Апостоло Гизелла, двоюродный братъ одного и сынъ другаго.

Лукреція. Боже!

Джениаро. Кто эта женщина?

Маффіо. И теперь, когда мы сказали вамъ наши имена, сударыня, хотите ли вы, чѣмъ мы сказали ваше?

Лукреція. Нѣтъ! нѣтъ! Скальшесь, господа! Нѣтъ! не произносите передъ нимъ!

Маффіо (*срывая съ ней маску*). Снимите вашу

маску, сударыня, чшобы видно было, можемо ли вы еще краснѣть.

Агостоло. Дженнаро! аща женщина, съ пошорей мы говоришь о любви, осправжельница и развращенница.

Джинно. Гнусная оскорбительница провинныхъ связей родства во всѣхъ степеняхъ... Два родные брата ея за нее убили другъ друга....

Луиреція. Умилосердишесь!

Асканіо. Папа ей ошець и...

Луиреція. Пощадише!

Олоферно. Ея дѣшй, еслибъ она ихъ имѣла... Но небо ошказываетъ въ нихъ чудовищамъ...

Луиреція. Довольно! довольно!

Маффео. Хочешь ли ты знашь ея имя, Дженнаро?

Луиреція. Милосердіе! милосердіе! господа!

Маффео. Дженнаро! хочешь ли ты знашь ея имя?

Луиреція (ползла на колѣняхъ къ Дженнаро). Не слушайше ихъ, мой Дженнаро!

Маффео (простирая руки). Эшо Луиреція Борджіа! Дженнаро (отталкивая ее). О!

Луиреція падаетъ въ обморокъ въ ногамъ Дженнаро. Должно замѣшшь, что злодѣянія, исчисленныя въ сей ужасной сценѣ, суть всѣ безъ исключенія испорченныя.

Послѣ подобнаго оскорбленія, нанесеннаго Луиреціи Борджіа, естественнo ожидать, что виденіе ея не умедлитъ разразиться. По несчастію пашеро неосторожныхъ сами бросились въ «волчью пашь», какъ выражается Губешша. Назначенные бытъ въ свитѣ Венеціянскаго посланника, ошпра-

маленького въ Герцогу Альфонсу, они не могли оказаться отъ сей опасной чести. Дженнаро идущъ съ ними; ибо никогда не оставляешь Маффію Орсини, своего названнаго брата. Восемь дней они проводятъ очень весело въ Феррарѣ и въ одбдующій вечеръ всѣ, исключая Дженнаро, приглашены на ужинъ въ Принцессѣ Негрони. Сіе приглашеніе нѣсколько беззастѣливо ихъ. Палаты Негрони смежны съ палатами Борджіа; а Борджіи чаще жстребляютъ враговъ своихъ за столомъ, чѣмъ въ обширномъ полѣ. Но какъ проникнувшись обаятельными взорами Принцессы? Они собираются идти и предлагають Дженнаро проводить ихъ. Сей послѣдній отказывается; они шушашъ надъ его разсѣяніемъ, говоря, что онъ конечно мечтаетъ о Лукреціи Борджіа и любитъ ея. При семъ имени Дженнаро приходитъ въ гнѣвъ, разгорячается, отвергаетъ сіе нелѣпое предположеніе съ яростію и разрываетъ свой шарфъ, когда сказали ему, что онъ любимаго цѣлца Лукреціи, а Лукреція сама тому свидѣтельница, на балконѣ, принимая прямо въ сердце сіе новое извѣщеніе ненависти и презрѣнія любимаго юноши. Будучи не въ силахъ болѣе выноситьъ, она удаляется; и тогда Дженнаро, желая шоржесшвеніемъ доказать свое отвращеніе къ шой, которая оскорбляетъ его своею любовью, искажаетъ имя Волгеа, выдѣленіемъ на фасадѣ Герцогскаго дворца, ссадивъ своимъ нинжаломъ буйну В и превративши шанинъ образомъ Волгеа въ Огеа. Эпосъ на-ламбуръ есть историческое событіе, шолько случившееся въ Римѣ съ самимъ Александромъ VI, а не въ Феррарѣ отъ его дочери. Послѣ сего

сей часъ получише удовольствованіе!» Полиція Герцога дѣйствовала успѣшно, чѣмъ ипѣны Лукреція; ибо Лукреція извѣщена только о преступленіи; Альфонсъ знаетъ самаго преступника. Онъ даже имѣетъ его въ своихъ рукахъ и давши Герцогское себе слово, что виновный погибнетъ немедленно. Пошомъ приказываетъ его привести въ свою квартиру... Это Джениаро. «Злобный рои!» восклицаетъ Лукреція, увидѣвъ его. Какъ спасти несчастнаго, которому сама она испросила осужденіе? Это положеніе Энида предъ Полифонтомъ! Но Лукреція не имѣетъ себя, какъ Мерона; она хранитъ свою тайну и заставляетъ удалитъ обвиненнаго, который и не думаетъ защищаться въ преступленіи, надѣясь, что тамъ же легко выпроситъ ему помилованіе. Но Герцогъ неумолимъ, не прогнется ея ласками; и когда она осмѣливается прибѣгнуть къ угрозамъ, самъ угрожаетъ ей въ свою очередь. Это домашняя ссора супруговъ, но искусно возвышенная въ тонъ истинной трагедіи. «Смотришь впередъ бдишельнѣе за нашими любовниками, Лукреція!» говоритъ Альфонсъ. «У дверей, которыми входилъ въ вашу комнату, спавъше наного-угодно швейцара; но у шѣхъ, которыми изъ ней выходилъ, огненный будетъ стоять придверникъ мною выбранный—палачъ!» Лукреція умоляетъ снова, пошомъ снова прибѣгаетъ къ угрозамъ. «Берегись же, Альфонсъ Феррарскій, мой четвертой мужъ!» Это ужасное слово, приведшее въ шепетъ зрителей, не имѣетъ никакого дѣйствія на Альфонса. Джениаро осужденъ умереть, а Лукреція сама должна пойти ему на встрѣчу.

Джениаро снова призванъ. Доидъ Альфонсъ, сдѣ-

лавшись можешъ быть уже слишкомъ внезапно для прищипы, лицомъромъ споль же вброломнымъ, спольже холодно-прищворнымъ, нанъ всѣ Борджинъ вмѣстѣ, объявляешъ Капашану прощенье. Его нисколько не шрогающъ благородные окъвѣшы Джеңнaro: равнодушно узнаешъ онъ, что Капашанъ однажды спасъ жизнь оицу его, Геркулесу д'Эстѣ, и приглашаешъ выпить Сиракузскаго вина, которое сама Герцогиня удостоишъ налить ему. Когда онъ выпилъ налившей ему спаканъ, Герцогъ, съ злобною иронією, говоритъ шихо своей женѣ, что оидаешъ ей Джеңнaro на послѣднюю четверть часа и оспавляешъ одного съ ней. «Вы ошравлены, Джеңнaro!» были первыя слова Луирецїи, за которыми слѣдовало объясненіе ревности Герцога. «Но»—присовокупляешъ она — «у меня есть прошивудіе, извѣстное шолько Папѣ, Герцогу Валеншинуа и миѣ. Возьми эту спилляку, Джеңнaro: одна капля въ уста — и ты спасенъ!» Она подносишъ спилляку въ губамъ Джеңнaro; но сей ошсканизаешъ, восклицая: «Сударыня! нко сказалъ миѣ, что это-шо именно и не есть ядъ?» Это положеніе прешуницы, принужденной сознашъ, что ея злодѣянїя вполиѣ заслужили подобную недовѣрчивость, удивительно эффектно! Какъ увѣришъ Джеңнaro, что эта спилляка дѣйствительно содержишъ жизнь, спасеніе! За чѣмъ не ошвѣдаешъ она сама? говорили нѣкоторыя зрители въ шеамрѣ. Но сіи господа конечно не проходили курса шонскологїи, подобно Луирецїи, которая читала по крайней мѣрѣ шпаншъ Пешра д'Альбани *de Venenis et eorum Remediis*, изданный за нѣсколько лѣтъ въ Венеціи. Сіе прошивудіе могло быть само ядомъ

смертоноснымъ, если сила его не была уничтожаема другимъ зельемъ, но какому нибудь закону химической реакціи. Какъ бы то ни было, но счастію Джениаро рѣшаешься. «Если здѣсь скрытаешся преступленіе», говоришь онъ, «то пусть падетъ оно на вашу голову! Правду ли говоришь ты или нѣтъ, жизнь моя не стоитъ труда, чтобы столько объ ней спорить. Дайше!» Онъ беретъ сигарину, пьетъ изъ ней и удерживаетъ при себѣ остальное, по замѣчанію Лукреціи, что «въ эти времена и на одномъ пирѣ не обходишься безъ яду.» Пошомъ Лукреція даетъ ему средство спастись чрезъ пошасенную лѣшницу; но прежде желаешь получить отъ него въ награду хотя одно ласковое слово. Несчастливая! Джениаро обращаешься въ ней съ вопросомъ:

«Сударыня! я могу вамъ простить все, исключая одной вещи.»

— «Какой?»

«Поклянешься мнѣ всѣмъ, что вамъ дорого, поклянешься моею собственною головою, потому что вы меня любите, поклянешься вѣчными спасеніемъ моей души, что ваши злодѣянія не имѣли никакого вліянія на несчастія моей матери!»

— «Всѣ слова можешь вамъ должны быть справедливы, Джениаро! Я не хочу клясться!»

«О мать моя! мать моя! И такъ вошь ужасная женщина, которая сослала швое несчастье! Вы признались въ томъ сударыни! Прощайте! Проклятіе мое пребудетъ надъ вами!»

— «А надъ тобою, Джениаро, мое благословеніе!»

Дженнаро уходишъ и Лукреція въ безпамятствѣ падаешъ въ кресла. Эффеишъ удивительный, неуслушающій финалу первого акта!

Само собою разумѣется, что послѣ подобнаго приключенія, Дженнаро слѣдующій шагъ можно спорить отправиться въ Венецію; но, когда онъ доверилъ причину сей послѣдственности другу своему Маффіо, сей послѣдній начинаешъ хохотать, считая все происшедшее съ нимъ комедіей, мистификаціей, предполагая, что Лукреція хотѣла только соблазнить Дженнаро къ любви признательностию. Онъ не веритъ вовсе существованію яда и, собираясь безбоязненно на ужинъ къ Принцессѣ Негрони, хочешъ непременно представить ей своего названаго брата. Дженнаро, которому весьма неприятно показаться шрусомъ, соглашаешся идти съ нимъ. Ихъ разговоръ подслушиваешся двумя людьми, кои не иные кто, какъ самъ Герцогъ Феррарскій и Гускигелло. Герцогъ, уведомленный симъ послѣднимъ о побѣгѣ Дженнаро, преслѣдуешъ его со всею яростію ревниваго ширана, поклявшись умертвить собственною рукою; но видя, что онъ отправляется на ужинъ къ Негрони, находишъ болѣе забавнымъ не мѣшать пригосовляемому празднику.

Но куда дѣвался Губешта, который дошолъ былъ вездѣ? Оскорбленный скрытностью Лукреція на счетъ Дженнаро, онъ служилъ своей господѣ только въ половину. И потому-то, какъ мы уже выше замѣтили, полиція Герцога дѣйствуетъ лучше, чѣмъ ея шпіоны. Но Губешта долженъ присутствовать на ужинѣ у Негрони,

опять подѣ прежнимъ именемъ Наскильца, игравъ роль шуша и предашеля, соединяя въ себѣ мелодраматическаго измѣнника съ *gracioso* Испанскихъ театральныхъ пѣсѣ, находя равную забаву въ пресшувленіи, какъ и въ острой шушкѣ: лице, кошоров моглобъ бытъ болѣе оригинальнымъ, еслибъ не терялось въ аксессуарѣхъ сей ужасной драмы! Наконецъ вошъ онъ на своемъ пѣстѣ, за столомъ, у Принцесы Негроні! Наной великолѣпный праздникъ! Какая роскошная оргія! Гости убѣданы розами. Семь кавалеровъ и семь дамъ веселяшся, хохочушъ, поюшъ, осушаюшъ полныя чаши искромешнаго нешара, позабывъ, что щеношъ бѣлаго порошка можешъ измѣнить превосходное Ромораншинское въ роковое Сиракузское. Только Дженнаро кажешся печальнымъ въ своемъ углу, какъ замѣчаешъ одна изъ дамъ. Въ свою очередь, Маффіо кажешся, что Испанецъ выливаетъ свое вино черезъ себя или подѣ столъ. Сей послѣдній, какъ будто для того чшобъ лучше доказать свою веселость и дашъ предлогъ дамамъ удалиться, заводяшъ ссору съ Олоферно. Олоферно считаешъ себя пошомъ и хочешъ прочешъ одинъ сонешъ. Съ грубою опшровенностію Мольерова Мизантропа, Губешта увольняетъ его ошъ чшенія, «какъ увольняетъ собакъ ошъ кусанья, Папу ошъ благословенія, прохожихъ ошъ бросанья въ него каменьями.» Олоферно не можешъ вынести подобной грубости. Начинаешся большой шумъ и дѣло дошло бы до дуэля, еслибъ оба прошивнина, сядяся за ужишъ, не сложили оружіе нѣ передней. Сраженіе ошложено до ушра; между шѣмъ дамы

исчезли. Въ ожиданіи ихъ возвращенія, госши принимаются снова пѣть и пѣшь общимъ хоромъ. Вдругъ за ними радостными голосами раздаются извѣтъ голоса болѣе важные; заспольные припѣвы заглушаются величественными звуками псалмопѣнія. Пирующие умолакоуть и въ изумленіи смощрѣють другъ на друга. Этоють внезапный перерывъ, это могильно-унылое пѣніе, оковавшее глубокимъ безмолвіемъ шумъ веселія, имѣло эффемъ самый шоржесшвенный, самый поразищельный! Кто въ жизни не испытывалъ впечатлѣній подобнаго кошпрасша? И Виншоръ Гюго умѣлъ удачно ими воспользоваться. Госши щещно спараются успокоить себя; они борются съ своимъ ужасомъ, усиливаясь смѣяться, продолжая пѣть; но голоса извѣтъ приближаются. Сія процессія, необыкновенная въ подобный часъ ночи, кажется, проходитъ подъ оннами. . . Широкая дверь во глубинѣ залы ошворлется молчаливо и представляешь взорамъ родъ нашафалка, обшлага чернымъ сукномъ, оируженнаго сѣбчами. Длинный рядъ нающихъ брашій, черныхъ и бѣлыхъ, у коихъ видны шольно глаза сивозъ прорѣзанныя дыры напшонозовъ, входяють возглашая: *de profundis clamavi ad te, Domine!* и ушпапавливаются по обѣимъ сторонамъ залы, неподвижныя, подобно спашуямъ.

Іенпо. Это начинаетъ спановишься спраннымъ.

Машю. Я не знаю, отъ чего кровь цѣпенѣеть въ моихъ жилахъ.

Кляющіеся. *Conquassabit capita in terra multorum.*

Іенпо. Какой ужасный довъ! Наши шпаги! наши шпаги! Господа, мы въ гостяхъ у чорша!

*

Дона Лукреція. (ляляясь вдругъ, одѣтая въ черномъ платьѣ, на порогѣ дверей). Вы у меня!

Всь (выключая Джениаро, который наблюдаетъ изъ угла театра, гдѣ Лукреція не видитъ его). Лукреція Борджіа!

Дона Лукреція. Назадъ шому нѣскольо дней, вы, кошорые шеперь здѣсь, произносили съ шоржешшвомъ сіе имя: шеперь вы произносише его съ ужасомъ! Да! Вы можете разсмошрѣшь меня вашими глазами, неподвижными ошъ страха. Эшо именно я, господа! Я прихожу сообщить вамъ новосшъ, чшо вы всѣ, государи мои, ошравлены и чшо ниному изъ васъ не ошпаешся и часу жизни. Не шевелишесь. Сосѣдняя зала на-полнена пиками. Теперь моя очередь говоришь съ вами громко и шперешъ ваши головы моею пшшюю! Кепло Леверешшо, иди соединишься съ швоимъ дядею Вишелли, кошорого я велѣла заколошь въ подземельяхъ Вашикана! Асканіо Пешруччи, спупай оштыскивашъ своего двоюроднаго брата Пандольфо, кошорого я умершвила, чшобъ заграбишь его городъ! Олоферно Вишеллозо, дядя швой ждешъ себя, ты эшо знаешъ? Яго д'Аппіани, кошорого я ошравила на праздникъ! Маффіо Орсини, поклонись ошъ меня на шомъ свѣшъ бразу швоему Гравинѣ, кошорого я велѣла задупишь во сибъ! Апостоло Газелла, я ошрубилла голову швоему ошцу, Франческо Газелла, я зарѣзала швоего двоюроднаго брата Альфонса Арагонскаго, говорилъ ты: поди же, соединишься съ ними! Клянусь моею душею! Вы мнѣ дали бабъ въ Венеціи, я вамъ плачу ужиномъ въ Феррарѣ. Праздникъ за праздникъ, государи мои!

Ієппо. Какое жестокое пробужденіе, Маффіо!

Маффіо. Помыслимъ о Богѣ!

Дона Луиѳія. А! мои молодые друзья послѣд-
няго карнавала! Вы не ожидали эшаго? Клянусь
Богомъ! Мыѣ кажется, что я умѣю мстить за
себя. Чшо вы снажеше на эшо, господа? Ишо изъ
васъ разумѣешъ шолкъ въ шценіи? Эшо не дурно,
я думаю! — Гм! какъ вы думаете? для женщины! —
(къ монахамъ) — Ошцы мои, ошведите эшихъ не-
счастливыхъ въ сосѣдную залу, кошорая пригото-
влена; исповѣдуйте ихъ и воспользуйтесь не-
многими минушами, кошорыя имъ остаюшся,
чшобы спасти шо, чшо можно еще спасти
въ нихъ! — Господа! шѣ изъ васъ, у кого есть
души, позабощесь объ нихъ! Будьте спо-
койны! Онѣ въ добрыхъ рукахъ. Эши досшой-
ные ошцы — инокъ С. Сикеша, коимъ нашъ
Свяшій Ошець Папа далъ разрѣшеніе помо-
гать миѣ въ подобныхъ случаяхъ! — Но забо-
шась о вашихъ душахъ, я забошлась шакже и
о шблахъ вашихъ. Смошрише! — (Монахамъ, ко-
торые стоятъ передъ дверьми въ углубленіи) —
Посторонитесь немного, ошцы мои, чшобы эши
господа могли видѣшь! — (Монахи сторонятся.
Видны пять гробовъ передъ дверьми, обитые чер-
нымъ сукномъ). — Число вѣрно. Ровно пять! —
А! молодые люди! Вы раздрааете внутренность
несчастной женщины и думаете, чшо она не бу-
детъ умѣть отмстить. Видишь ли шы свой,
Ієппо! Маффіо, эшо швой! Олоферно, Апостоло,
Асканіо, вошъ ваши!

Джениаго (котораго она дотолѣ не видала, вы-
ступая). Надобенъ еще шесшой, сударыни!

Дона Лукреція. Небо! Дженнаро!

Дженнаро. Онъ самъ.

Дона Лукреція. Пущь всѣ выдуть ошюда! — Пущь оставяшъ насъ однихъ! — Губеша, чшб бы ни случилось, чшб бы ни услышалъ шы здѣсь, не впускай никого!

Губетта. Слушаю!

И шакъ Лукреція Борджіа находишся въ другой разъ съ Дженнаро отправленнымъ. У него есть еще прошивудіе; но шакъ какъ его недостаточно для спасенія всѣхъ его друзей, шо Дженнаро ошрекаешся воспользоваться имъ и ошвѣчаешъ на всѣ мольты Лукреціи объявленіемъ, чшобъ она сама гошовилась къ смерти. Уже онъ заноситъ надъ нею ножъ. «Сшой!» восклицаетъ она, видя неминуемую гибель. «Еслибъ шы зналъ, Дженнаро!.. Знаешъ ли, кто шы, знаешъ ли, кто я?.. Ты не знаешъ, какъ я близка тебѣ?.. Должно ли все ему оказашъ?.. Одна кровь течетъ въ нашихъ жилахъ... Ты имѣлъ ошцомъ Джіованни Борджіа, Герцога Гандійснаго!» — «Вашего брата!» ошвѣчаешъ Дженнаро. «И шакъ вы мнѣ шешна! О! сударыня!» — «Его шешна!» повторяетъ Лукреція въ полголоса: и это положеніе женщины, которая, при семъ одномъ словѣ, видишъ какбы представшими предъ ней — съ одной стороны позоръ прешупленія, съ другой ужасъ смерти — и колеблется между сими равно ошврашительными, равно грозными призраками, имѣетъ опять удивительный сценическій эффектъ. Но Дженнаро шѣмъ болѣе ожешочаешся противъ прешупницы, которую считаетъ виновницей всѣхъ золъ, прешерпбныхъ его матерью, Герцогинею Гандійскою. Онъ упор-

сшвуеть вѣ желаніи убити ее. «Преступленіе!» говоришь онѣ. «Такъ чшожь! Если л и одѣлаю преступленіе, шо развѣ я не Борджіа!» Вѣ эту минушу онѣ слышитъ умирающій голосъ своего друга, своего названнаго брата, Маффіо Орсини, кошорый просить его обѣ опмищеніи... Пагубная звѣзда Борджіевѣ увлекаетъ его... Кинжалъ погружается вѣ сердце Луяреціи... «Ахъ!» восклицаетъ издыхающая: «Ты умершвилъ меня, Дженнаро! Я мать швоя!»...

(до слѣдующей книжки)

Современная Хроника.

ПОЕЗДКА ВЪ БЕРЕЗОВЪ^{а)}.

Въ Березовѣ надлежало разспаться съ покойною кибиткою и продолжашъ путь въ нартѣ. Представьте себѣ сколоченный изъ досокъ длинный и узкой ящикъ, укрѣпленный на полозяхъ и вмѣщающій только одного человѣка. Ящикъ сей имѣетъ не болѣе полушора аршина вышины и для входа въ оный сдѣланы дверцы съ лѣвой стороны ближе къ ящику. Такимъ образомъ осужденный ѣхашъ въ сей гробовой повозкѣ не иначе можетъ въ нее вобратиться, какъ съѣвъ въ дверцы задомъ и, вписнувшись въ оную, опрокинувшись сначала бокомъ, пошбѣмъ расплянувшись на спину, и въ семь-то смертномъ положеніи совершашъ путь взаперти отъ станціи до другой, не имѣя никакого сообщенія ни съ небомъ, ни съ землею. Но дѣлалъ было нечего: я вгнѣзился въ ящикъ подъ защитною медвѣжьей своей шубы. Оспякъ мой заперъ наглухо дверцы; и два решивые коня, запряженные гусемъ, понесли меня во весь опоръ безъ раздыху на разстояніи двадцати трехъ верстъ до

а) Ошпывокъ изъ *Повѣдки на Ледовитое Море* Г. Докшора Евляскаго, который на дняхъ выходитъ изъ печати. Изд.

первой станціи. Я вспомнилъ не могу равнодушно о сихъ первыхъ минушахъ моей пышки: парша, раскашываясь съ боку на бокъ по узкимъ и извилистымъ улицамъ Березова, ударялась объ углы домовъ и каждый ударъ отражался мнѣ въ голову безъ пощады. Какъ ни кричалъ я во всю горшань: *сарамана, сарамана!* (поспой, оспановись!), просьбы мои, запершыя вмѣстѣ со мною въ долгій ящикъ, тѣмъ менѣе могли дойти до ушей моего Оспяка, что голова его была окутана оленьимъ капоромъ, ограждающимъ сихъ сѣверныхъ степняковъ отъ несповсства вихрей и морозовъ. Вытхавъ изъ города, я думалъ найдши себѣ опраду на чистомъ полѣ: но первый толчокъ объ пень вывелъ меня изъ сего мечтанія, и послѣдовавшіи за тѣмъ другія спычки съ пнями и кустарниками совершенно было лишили меня разсудка, шакъ что меня бросило въ пошъ, вопреки 34° по Реом. На половинѣ дороги, я наконецъ опоминлся, собрался съ духомъ, посмѣлся анти-спойческимъ моимъ ощущеніямъ, позавидовалъ Діогену, сидѣвшему спокойно въ бочкѣ, и послѣ шмы размышленій, благопріятствуемыхъ шемнопою ночью, прибылъ на разсвѣтъ съ моимъ шоварищемъ въ *Усолъ*, на первую станцію, гдѣ на сѣтну лошадей ожидали насъ быспроногіе олени. Оспяки немедленно пошли за ними въ ближній лѣсъ, гдѣ они паслись, заготовляемые для проѣзжающихъ. Мы пошли вслѣдъ за Оспяками. Здѣсь удивила и вмѣстѣ пронудила меня необыкновенная покорность къ человѣку сихъ сподъ красивыхъ и величе-

свѣнныхъ животныхъ. На крикъ Оспяка сбѣгаются въ одно мгновеніе цѣлыя стада оленей и какъ бы тошковые нанерерывъ одинъ передъ другимъ служивъ грубому дикарю, шомнившись передъ нимъ, преклоняющъ головы и ожидаютъ его велѣній. Оспякъ набрасываетъ петлю на рога шѣмъ, кошорые ему нужны, послушныхъ ведетъ за собою и съ дикою безчувственностію опгоняетъ шестомъ оспальныхъ оленей, кошорые, по справедливости, доставляютъ ему все, необходимое къ его существованію, жилище, пищу, услугу, приномъ почти безъ всякаго съ его споронъ о шомъ попеченія. Ёзда на оленяхъ сколько спокойна, столько же и безопасна: дорога ровная, нарты легкія, раскашывающіяся, но никогда неопрокидывающіяся. Самую большую наршу везущъ чепыре оленя, кошорыхъ запрягаютъ врядъ наискось одного опъ другаго; а чтобы они не прогались съ мѣста, Оспякъ бросающъ передъ ними шестъ или косвенно выкашечъ его въ сѣтъ; и тогда, хотя бы онъ и опомелъ, сіе дикое быстрое животное, какъ бы по инстинкту служивъ человеку, не смѣетъ шевельнуться и ожидаетъ сигнала къ бѣгу. Оспякъ правитъ только первымъ съ лѣвой споронъ оленемъ, прочіе же при поворачивающъ, оспанавливаются и ускоряющъ свой бѣгъ по движеніямъ перваго. Однако жъ на этой станціи я не рѣшился ѣхать лѣзъ въ свою глухую наршу; а посадивъ въ нее своего слугу, самъ сѣлъ въ опкрытую наршу, и всю дорогу до слѣдующей станціи (26 верстъ) любовалъ

ся сполнѣ новымъ и пріятнымъ для меня зрѣищемъ — легкостію и неутомимою быстрой оленей. Не менѣе того занимали меня и управленіе ихъ шестомъ и странные крики Ослика, моего возницы. Олени бѣгутъ не слишкомъ скоро, медленнѣе всякой почтовой лошади; рѣшительно можно сказать, что они бѣгутъ отъ осьми до десяти верстъ; но если разстояніе станціи на 10 часовъ, (что нерѣдко бываетъ), то олень сохраняетъ свой бѣгъ отъ начала до конца одинакимъ образомъ, чего лошадь сдѣлать не можетъ. Проскакавъ нѣсколько верстъ, припадаетъ на колѣни, схватываетъ снѣгу и минуны черезъ шри олясъ пускается бѣжать, дыша вѣсѣмъ ртомъ, а не одними ноздрями, какъ лошади. Въ теплое время они бѣгутъ шибче; въ большіе морозы медленнѣе; а сильный вѣтръ совершенно останавливаетъ ихъ. Черные живые глаза, выразительный взглядъ, розовыя губы, гордый очеркъ головы, быстрыя уши, разложистые выпуклые бархатные рога, полная грудь, поджарой круглой спанъ, тонкія красивыя ноги и неутомимость оленей, особенно ихъ покорность человѣку, дѣлаютъ ихъ плѣнительными живописными. Иностранцы, чуждые образованности, при сполнѣ жестокомъ климатѣ были бы самыя несчастныя въ мірѣ существа безъ сихъ живописныхъ, копоры, сверхъ пищи, жилья и одежды, способностію бѣгать по снѣгу цѣликомъ часто избавляющъ ихъ отъ замерзанія и нерѣдко сохраняющъ отъ смерти людей, копоры во время бурановъ ложатся между оленями.

Приѣхавъ въ *Картымб*, вторую станцію, мы нашли Оспяковъ гораздо оригинальнѣе, которые молча осматривали насъ съ любопытствомъ. На вопросъ: пѣтъ ли у нихъ потѣсъ? хозяинъ принесъ дурной провѣсной рыбы. Чай пили мы съ замерзлыми сливками, изрубленными кусками въ родѣ сахара; попомпчивали и хозяина, но онъ, опшѣдавъ, сдѣлалъ непріятную гримасу, безпрестанно морщился и съ пріятною улыбкою пожималъ плечами. Мы догадались, что онъ проситъ вина, и исполнили его желаніе; но онъ вдругъ привелъ свою жену, почти нагую, которая, грѣясь у *чувала*, безпрестанно ворочалась и улыбалась. Когда мы ее поподчивали виномъ, то она, осушивъ бутылку, долго сосала и, смотря съ удивленіемъ на прозрачность и форму хрустала, номинупно вкладывала въ горлышко бутылки палецъ, облизывала его и снова сосала. Между тѣмъ хозяинъ принесъ намъ двѣ большія шерляди и давалъ знать, чтобы мы взяли ихъ съ собою, а въ обратной путь общалъ еще пригошовить.

На прѣшней *Тегинской* станціи, разстояніемъ отъ второй около десяти верстъ, мы приѣхали ночью, гдѣ едва могли опогрѣться отъ 37° Реом. морозу, и переѣхавъ оленей, были на развѣтъ на четвертой станціи *Качегатъ*, до которой считаютъ 62 версты отъ *Тегинской*. Неудобство въ пристанищѣ, пѣснома и холодъ заставляли насъ спѣшить къ мѣсту назначенія. Здѣсь долго ожидая оленей, я началъ разговаривать съ Оспяками о снѣдающей ихъ болѣзни и нашедши много поспрадавшихъ

опѣ оной, старался всачески узнать опѣ нихъ о времени, началѣ и слѣдствіяхъ болѣзни; но опѣтны ихъ показали мнѣ крайнюю ограниченность ихъ понятій, по которымъ они малымъ оплачивающа опѣ безусловныхъ живошныхъ.

На пятой станціи *Tioyut*, въ десяти верстахъ опѣ предыдущей, окончивъ мое разысканіе о болѣзни и записавши все встрѣтившееся мнѣ въ мой пушечной журналѣ, я присадно разсмапривалъ внушрениость юршы, въ которой сидѣлъ, и принявши въ углу закопшлой образъ. Всмошрѣвшись въ него прилежнѣе, я увидѣлъ, что то было Распяшіе Спасишеля. На вопросъ мой: какой это образъ? хозяинъ и бывшіе шущъ другіе Ошяки, поговоривши между собою, опѣтвали: Кола, ш. е. Св. Никола, Русской Богъ. «А ваши гдѣ?» спросилъ я. Они показали на него же. Болѣе я ничего не могъ узнать опѣ сихъ дикарей.

Не встрѣтивши ничего особеннаго на шестой станціи *Кеватъ* и седьмой *Лепекулъ* и понуждаемые сильными морозомъ 38° по Реом., мы старались какъ можно скорѣе проѣхать оба сіи придцати-вершинныя разстоянія.

На осьмой двадцати-пятишвершиной перемѣнѣ *Войкартъ*, мы нашли до двадцати душъ, живущихъ вмѣстѣ. Посѣдивъ въ юршѣ и не нашедши алчего особеннаго, мы были уже готовы олашъ пушпиться въ нуль, какъ вдругъ прибѣжалъ переводчикъ а) съ извѣстіемъ,

а) Переводчиками служатъ здѣсь козани, поселенные между инородцами съ шюю единшвенною цѣлію, чтошбы

что бѣдной слуга мой Яковъ, оставаясь долго въ полѣ, по причинѣ часто поршившейся сбруи, ознобилъ себѣ ногу. Почему по неволѣ остановился на одну часть и помощію холодной воды исцѣля ознобъ, мы опсправились на девятую станцію *Шуришнарѣ* въ сорока верснахъ отъ первой. Уже была ночь; поднялся ужасный буранъ, порывистый сѣверный вѣтръ безпрестанно опрокидывалъ наши глухія наршы; олени, изнемогая въ усиліяхъ противъ возмущившейся природы, падали безъ чувствъ и по получасу лежали на землѣ; неслыханной ревъ вѣтра, шемная ночь, глухая безконечная степь, чрезвычайно жестокой морозъ, одиночество, глухость Оспиакъ, незнаніе ихъ языка, все сіе заспавляло насъ спрашивать, чтобы не замерзнуть среди сихъ необозримыхъ пустынь. На часахъ моихъ пробѣгло уже два часа по полуночи, а вьюга еще продолжалась. Во время паденія опрокинутой вихремъ наршы, шщепно я кричалъ поднимающему ее Оспиакъ: «варваръ ошвори! выпусти!» Ревъ вѣтра заглушалъ мои крики. Оспиакъ, поднявши наршу, снова погонялъ своихъ оленей, казалось мнѣ, слишкомъ медленно. Наконецъ въ шестомъ часу передъ разсвѣтомъ буранъ началъ утихать и вдругъ Оспиакъ наши закричали своимъ оленямъ: *лаа, лаа!* (стой, стой!). Этошъ сладоспный крикъ оживилъ

можно было посредствомъ ихъ объясняшся съ теми народами. По настоянію хозяина юршы, Кирила Сюршова, какъ называютъ Русскіе въ спискахъ, Яковъ мой намазалъ ногу свѣжимъ рыбьимъ жиромъ и завернулъ въ зальчу кожу. Сос.

меня: мы приѣхали на десятую станцію *Вандіасъ* въ половинѣ седьмого. Угрюмый и полузамерзшій Остякъ отворилъ мнѣ дверцы и пожимая плечами повпорялъ: *неки, неки! вадасъ! вадасъ!* (холодной буря!). Вылѣзши изъ своей шюркы, я подошелъ къ наршѣ ѣхавшаго впереди моего сопутника и не видя его, спрашиваю о немъ у проводника. Остякъ отворивъ дверцы и не смѣя его беспокоить, указалъ въ наршу, а самъ началъ выпрыгивать оленей. Думая, что онъ уснулъ, я спалъ его будить, но не получая отвѣта, начинаю сильнѣе шевелить его. Наконецъ не замѣчая ни малѣйшаго въ немъ движенія, силою вынимаю его изъ нарши; и я, къ величайшему моему несчастію, нахожу его безъ дыханія. Вносивъ въ юрту, раздѣлаю и, послѣ долгой разнаго рода помощи и опширанія, приводимъ его въ чувство. По словамъ его, еще съ полуночи начинался съ нимъ сей глубокой обжорокъ отъ утомленія, холода и невыгоднаго положенія; но какъ никакимъ образомъ нельзя было Остяка остановить, то думать должно, что отъ медленнаго усыпленія послѣдовалъ наконецъ обжорокъ.

Сей несчастный случай заставилъ насъ пробыть на сей станціи пять часовъ. Ошдохнувши, я развѣдалъ о больныхъ, которыхъ нашелъ шестнадцать человѣкъ обоюбого пола сильно зараженными и двадцать четыре человѣка менѣе спирадавшими, которые были довольно веселы, но очень робки и слабосилы. На вопросъ мой у старшины: почему многіе изъ нихъ одѣшны бѣднѣе жишелей Шуринкарскихъ юртъ?

опытчалъ онъ: они городскіе! «Почему же такъ?» спросилъ я. Переводчикъ, выслушавъ длинную его рѣчь, рассказалъ мнѣ, что мѣста, гдѣ жили прежніе ихъ князцы и владѣльцы, назывались городами и отличались какъ изобиліемъ рыболовства, такъ равно и тѣмъ, что къ названію шаковыхъ мѣстъ прибавляется слово *каръ*, что значить городъ, какъ-то: *Шуришкаръ*, *Войкаръ*, *Карышкаръ*, и многія другія юрты выше и ниже Березова, копорыя всѣ были прежде городками, нынѣ же счисляющіяся на ряду съ юртами и ни чѣмъ, по видимому, отъ нихъ не отличаются.

Въ двѣнадцать часовъ объявили намъ, что олени готовы, и мы, опасаясь встрѣишь опять такую ночь, какая была наканунѣ, поспѣшили изъ *Вандіаса* въ *Собскія Юрты* и проѣхали двадцать пять верстъ, не болѣе какъ въ два съ половиною часа. Въ *Собскихъ Юртахъ* не нашли мы ничего примѣчательнаго. При выѣздѣ изъ оныхъ въ три часа подымалась вьюга; и мы опѣхавъ верстъ десять, остановились въ первыхъ, встрѣтившихся намъ на пути юртахъ, чтобы переночевать. Лишь только успѣли мы выйти изъ нарѣ, какъ вдругъ окружила насъ толпа Осииковъ. Эща небывалая еще съ нами встрѣча изумила насъ; спрашиваемъ, чего они хотѣли, и узнаемъ, что это свѣща Осиикскаго Князя Тайшина, копорый, желая почитать протѣжающихъ гостей, всегда самъ выѣзжаетъ къ нимъ на встрѣчу въ сіи юрты, со множествомъ для перемѣны оленей. Князь энопъ планшемъ и ужижками ни мало не отличался отъ своихъ подданныхъ. Онъ подошелъ къ намъ и по-

жимая плечами и хлопая въ ладоши, кричалъ грубымъ голосомъ: «дорова — дорова — дорова, братъ — дорова!» Сія слова повторялъ онъ до тѣхъ поръ (не смотря на всѣ наши привѣтствія), пока не сказали ему, что олени готовы. Тогда зашапавъ ногами и вскричавъ: *иски! иски!* (морозъ, холодно), побѣжалъ къ оленямъ и вскочивши на опкрытую наршу, сѣлъ поджавши ноги, ухватилъ въ руки шестъ, визгнувъ и въ одно мгновеніе умчался изъ виду. Дыхалъ, но пріятная ловкость его восхитила насъ. Мы пустились за нимъ въ слѣдъ и менте нежели чрезъ полчаса пріѣхали въ Обдорскъ, гдѣ опять встрѣтилъ насъ Князь Таншинъ и указывалъ, помахивая на насъ съ веселымъ видомъ, на своихъ бѣгуновъ. Прошедши съ нами на ошведенную намъ кварширу, онъ объявилъ, что радъ насъ видѣть, и сядя съ окружающею его свитой на полу, пристально смотрѣлъ на насъ и безпрестанно качалъ головою; пилъ съ нами чай, только едва тепло-вавший, почти безъ сахару; и не уня державъ въ рукахъ чашки, за каждымъ глоткомъ пригибался къ скамьѣ, на кошорой она стояла, прилебывая каждый разъ въ при приѣма. Онъ объявилъ, что на другой день пріѣдетъ къ намъ въ жалованномъ платьѣ и пригласилъ насъ придти къ нему по-смотреть на его жену и дѣтей; пономъ сказалъ, что онъ предпочитаетъ чаю вино, кошорымъ грѣются Русскіе, и при сихъ словахъ, качая головою, спучалъ рука объ руку говоря: *иски! иски!* (холодно, большой морозъ). Мы хотѣли попомощивать его ромомъ, но хозяинъ нашей кварширы,

Обдорской мѣщанинъ Александровъ, отсовѣтовалъ намъ это, потому что Князь не перенесъ бы крѣпкого рому безъ привычки; почему мы и подчивали его разсыропленнымъ спиртомъ, подчивавши оное канцелярскимъ сѣменемъ, которое ему очень понравилось, и онъ безпрестанно похваливалъ понасть, по вино. Мы подчивали и свиту его, трехъ пожилыхъ Остяковъ, только просто виномъ не подкрашеннымъ, и это оплчїе ему чрезвычайно полюбилось. Послѣ сего онъ ходилъ къ намъ раза по чепыре въ день, не отказываясь отъ подчиванья, и всегда съ прїятностію удовлетворялъ всѣ наши вопросы.

На другой день нашего прїѣзда въ Обдорскую крѣпость съ десяти часовъ утра поднялась ужасная вьюга; но въ двенадцать опять все утихло, небо очистилося и время сдѣлалось прекрасное. Помомъ шесть дней сряду продолжалось возвращеніе бури постольно въ десятомъ часу и всегда не болѣе какъ на два часа: въ это время въ двухъ шагахъ не возможно было видѣть человека и холодь возвышался до такой степени, что ртуть въ термометрѣ переснавала дѣйствовать; вливая же въ глиняной сосудъ, количествомъ съ фунтъ, замерзала въ теченіи девятинадцати минутъ, такъ что можно было брать ее въ руки, какъ твердый металлъ. Я самъ, дѣлая четыре дни сряду сіи опыты, увѣрился въ этой истинѣ, которую считалъ прежде только за любопытный разсказъ.

Въ продолженіи сихъ шести бурныхъ дней, ежедневно въ первомъ часу, по утишеніи бури, ходилъ я на ярмарку, устроенную на сѣверной горѣ, на пло-

щади, длиною версты съ полторы: красивыя нарпы съ разными мѣхами, увязанныя и покрытыя оленьими кожами, спояны въ длинныхъ рядахъ; олени и упряжь отличались особенною красавостию.

На однихъ изъ нарпъ сидѣтъ жены богатыхъ шарпины, съ большою пріятностію одѣтыя въ описанномъ нарядѣ, съ пестро, но правильно вышитыми коймами, которыя убраны кусками разноцвѣтныхъ суконъ, пюсоговаго, голубаго и оранжеваго цвѣта, съ густо нашитыми колокольчиками и бубенчиками на рукавахъ и локтяхъ, которыми часто пошрасая, дабы согрѣться отъ холоду, безпрестанно звенѣтъ; на головахъ ихъ надѣты были шапки изъ росомахъ, на подобіе нашихъ капоровъ, только съ разложистыми полями и съ разноцвѣтными изъ сукна шудейками. На плечешкахъ косъ привѣшенныя разнаго вида кружки, мѣдныя деньги и колокольчики; поясъ изъ краснаго ремня, густо усеянній пуговками разной величины, и цвѣта бѣлаго съ желтыми; а спереди пряжка на подобіе круга, величиною въ четверть аршина, вжимаетъ животъ и дѣлаетъ чрезвычайно спростую шажію а).

Дѣши грудные шудеи на нарпахъ лежатъ открыто. Матери, подходя къ нимъ очень часто, дыханіемъ согрѣваютъ ихъ личико и наклоняясь надъ дышащей на нарпу, кормятъ грудью и сами, кушая вымѣненной ихъ мужьями прѣсной хлѣбъ, пожевавъ, кормятъ своихъ малюшохъ.

а) Къ сочиненію приложенъ рисунокъ Ошпачки въ полномъ нарядѣ. Илл.

Мушны сбываютъ свои товары скрытно: сначала идутъ толпами отъ жары, и подошедши къ маленькимъ амбарушкамъ, входятъ въ оныя тогда только, когда никого въспъ, и шо къ знакомымъ купцамъ, заслоняютъ спиною дверь и вынимая изъ-подъ плащя товаръ, торгуются съ купцомъ наединѣ, такъ что никто не 'знаешъ, что кто изъ нихъ продалъ и за какую цѣну. Въ это время спаршны и спарики, собираясь толпою, сходились къ моему товарищу, и разсѣвшись по Азіатски на полу, скамьяхъ и сундукахъ, отворивши дверь, съ нимъ бесѣдовали о данномъ Г. Шармбергу порученіи, уговорили Самоѣдовъ даваши оленей мѣшину Г. Иванову, для измѣренія береговъ Ледовитаго Океана, приступныхъ только зимою. У нихъ, какъ и у просвѣщенныхъ народовъ, еспъ люди, пользующіеся особенною довѣренностію въ обществѣ, мѣніе кошорыхъ уважается болѣе мѣнія самихъ Князей; однакожъ надо замѣшны, что они очень упрямы въ своихъ сужденіяхъ, часто безсмысленныхъ, и что упряштво ихъ болѣшею частію побѣждается только виномъ, чѣмъ и въ этошъ разъ Г. Шармбергъ успѣлъ получить отъ нихъ обѣщаніе даваши оленей и всякую помощь. Въ удостовѣреніе чего каждой изъ спаршны поставилъ на законной бумагѣ своего рода знакъ, кошорыхъ каждое семейство замѣчаешъ въ вещи ему принадлежащія.

Въ бытность нашу въ Обдорскъ, по предсшавленію Гг. Гражданскихъ Губернаторовъ, присланы изъ Кабинета Его Императорскаго Величе-

ства премъ спарщинамъ Самоѣдовъ за хорошее управление и срочное доставленіе ясака, по коррижку въ серебрянной оправѣ съ орлиною головою на афесѣ.

Когда начнеть смеркаться, Оспяки и Самоѣды разѣзжаются по своимъ подвижнымъ юртамъ, располагаемымъ верстахъ въ двадцати отъ Обдорска. Ярмарка начинается обыкновенно въ первыхъ числахъ Января и продолжается до внесенія спарщинами всего ясака.

Литературная Расправа

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА.

Вторую не менѣ важную и едва ли не болѣе обширную сферу журналистики составляютъ лишературно-ученыя періодическія изданія. Онѣ служатъ органами царству мысли, разрабошываемой съ большимъ или меньшимъ усердіемъ во всѣхъ концахъ земнаго шара, куда только проникли лучи умственной жизни: посему, на нѣ самая мысль, разнообразны и неисшочимы. Находясь въ меньшей зависимости отъ обстоятельствъ, на нѣ выраженія вольнаго, самобытнаго досуга умовъ, онѣ пользуются болѣею свободою, коей самыя злоупотребленія приносятъ менѣ вреда, чѣмъ пользы. Лишературно-ученая вражда паршій, коей журналы часто служатъ орудіями, на нѣ ни бываетъ слѣпа и ожесточенна, спосѣшесшвуешъ развишю царства мысли: изъ сраженія мнѣнній произникаешъ истина! Отсюда кришина и полемика, почти неразлучныя съ лишературно-учеными повремениыми изданіями, не только не унижаютъ ихъ цѣны, но составляютъ необходимое, существенное достоинство. Во многихъ просвѣщенныхъ государствахъ есть изданія исключительно посвященныя лишературно-ученой критикѣ. У насъ въ Россіи былъ одинъ

только подобный опытъ въ *Московскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ*, издаваемыхъ Профессоромъ Буле, который однако не былъ поддержанъ участіемъ публики.

Литературно-ученыя изданія, по объему и содержанию ихъ, можно раздѣлить на двѣ главныя отрасли. Иныя ограничиваются однимъ определеннымъ кругомъ неистощимаго царства мысли, разрабатывая одну известную область идей и предметов: такия повременныя изданія можно назвать *монографическими*. Другія напротивъ въ составъ свой допускающъ все, что можетъ интересовать просвѣщенное любопытство: назовемъ ихъ *полиграфическими*.

Повременныя *монографическія* изданія, сѣбѣ снѣныя единствомъ предмета, обязываются къ подробнѣйшему, глубочайшему изслѣдованію. Отсюда ихъ однообразная, сухая важность, занимательная только для известнаго круга читателей. А какъ вниманіе публики есть не только плодъ, но и условіе существованія журналовъ, то *монографическія* изданія, если не поддерживаются безкорыстнымъ участіемъ цѣлыхъ обществъ или благошворительностію Меценатовъ, рѣдко бывающъ продолжительны. Это доказывается безпрестанными опытами. Знаменитый *Bulletin des Sciences* Барона Ферюсана, возбуждвшій своею программой любопытство всей Европы, получивъ въ прошломъ году отъ Палаты Депутатовъ ознакъ въ требуемомъ вспоможеніи, долженъ былъ умереть вольною смертію. У насъ въ Россіи, гдѣ ученая любознательность ограничивается на переченіи

двумя-тремя адептами, монографическія изданія еще меньше могут держаться. Свѣдѣніе доназашельсшвомъ пому служашъ прошлогодні *Воспоминанія*, издаваемыя Г. Руссовымъ въ Пешербургѣ, нои, не смошря на всѣ успаія оразнобразить ихъ исторически-кришическое направленіе разною лишерашурною всячиною, едва могли дошянушь годѣ своего сущесшвованія и уже самш перешли въ архивъ журнальныхъ воспоминаній.

Не смошря на шо, въ нынѣшней програмѣ Русскихъ газетъ и журналовъ, остаюшся еще нѣкошорыя изъ прежнихъ *монографическихъ* изданій, а нѣкошорыя вновь обьявляюшся. Исчислимъ прежде старыя.

1. *Христіанское Чтеніе*. Издаешся при Санкш-Пешербургской Духовной Академіи ежемѣсячно книжками. Это единственный журналъ Русской Духовной Лишерашуры. Направленіе его преимущественно пракшическое, соошвѣсшсшзующее названію, кошорое онъ носитъ. Въ немъ предлагаешся назидательное для христіанъ чшеніе: поучительныя слова и бесѣды, духовныя размышленія, жизнеописанія свяшыхъ мужей, рѣдио систематическіе богословскіе спрашашы; изслѣдованія кришическія, терменевшическія, археологическія, исключены почти совершенно. Хорошо сшазашъ, цѣль его сосшавляешъ не богословная умозришельная ученость, а дѣяшельное назиданіе христіанской нравсшвенности.

2. *Земледѣльческій Журналъ*. Выходитъ при Императорскомъ Московскомъ Общесшвѣ Сельскаго Хозяйсшва, въ шести книжкахъ. Сіе изданіе служитъ органомъ взаимнаго размѣна мыслей между

хозяевами, разбѣянными по безмѣрному пространству Русскаго царства. Досадѣ содержаніе его сосставляешь преимущественно корреспонденціи, не рѣдко превращающаяся въ полемику. Нѣтъ сомнѣнія, что подобный размѣвъ мыслей весьма полезенъ, особенно въ тѣхъ отрасляхъ знанія, гдѣ совершенство не иначе можешь быть достигнуто, какъ совокупнымъ, сборнымъ, шабъ сказашъ, дѣйствіемъ. Но, разумѣешь, польза сія значительно уменьшается, если предметы корреспонденціи имѣють только частную, мѣстную, личную занимательность, а не относящаяся въ общимъ современнымъ потребностямъ науки. Не смотря на благородныя усилія Общества Сельскаго Хозяйства, агрономическая образованность еще слишкомъ рѣдка у насъ. Не всѣ хозяева наши, даже мыслящіе и пишущіе, знаютъ Сельское Хозяйство въ современномъ его состояніи, обладаютъ всеми нужными теоретическими свѣдѣніями, безъ которыхъ одно практическое усердіе, при всей горячности и неутомимости, слѣпо и шабно: по сему не всѣ толки и сужденія ихъ могутъ имѣть обще-полезное приложеніе, хотя въ частности имѣють свою занимательность. Пришомже на Руси, особенно въ провинціяхъ, ведется еще обычай считашъ каждый печатный листъ святымъ, тѣмъ болѣе печатную журнальную книжку. И пошому періодическое изданіе, имѣющее предметомъ распространеніе хозяйственныхъ свѣдѣній, гдѣ за недоразумѣнія и промахи расплачиваются нарманнымъ недочетомъ, должно имѣть крайнюю осторожность съ своими читателями. Конечно, повѣщическія извѣстія о пчелахъ

могутъ еще проходить безвредно; но при помѣщеніи и. п. споровъ одлинъ косъ для кошенія хлѣба, не смотря на остроумную діалектику, дѣлающую честь обѣимъ сторонамъ, слѣдовало бы прежде предувѣдомишь чишашелей, что у насъ кошеніе хлѣба по большей части съѣмъ не удобно. Иначе на чью сторону ни преклонится добродушный чишашель, особенно изъ степныхъ хозяевъ, всякой носой онъ непременно подноситъ себѣ ноги. Вообще желательнѣе было, чтобы Русскій Земледѣльческій Журналъ имѣлъ болѣе всеобщности, положительности и рѣшительности въ своихъ извѣстіяхъ; чтобы хозяева наши имѣли въ немъ родъ кодекса, коимъ могли бы руководствоваться въ своихъ правическихъ занятіяхъ, а не складочное мѣсто, куда каждый имѣетъ право вносить свою лепшу, для него конечно драгоценную, пошому что она добыта его кровью и потомъ, но весьма незначительную въ общемъ капиталѣ науки. Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ нашъ Земледѣльческій Журналъ могъ бы существовать съ пользою въ просвѣщеннѣйшихъ государствахъ, гдѣ наука Сельскаго Хозяйства, основанная твердо въ своихъ началахъ, имѣетъ нужду только въ дальнѣйшемъ и подробнѣйшемъ развитіи результатовъ, гдѣ хозяйствуютъ и ищутъ Домбали, Синклеры, Таеры. Усердіе почтеннаго издаваемаго Земледѣльческаго Журнала можетъ служить ручательствомъ, что сіе желаніе будетъ исполнено, особенно если просвѣщенные агрономы столичные помогутъ ему своимъ дѣятельнымъ участіемъ, на которое доселѣ скупилась.

3. *Сѣверный Муравей*. Издаётся въ С. Пешер-

бургъ ежемѣдно, листами. Журналъ сей, занимающійся земледѣліемъ, механикою, фабриками, и вообще всѣми отраслями производящей и обрабатывающей промышленности, начавъ былъ покойнымъ Профессоромъ Щегловымъ и, прекратившись смертію его на нѣскольکو времени, возобновленъ по настоятельному требованію публики. Не лзя не ошдаться должной справедливости усердію настоящей его редакціи. Но таже справедливость требуетъ замѣнить, что при выборѣ содержанія его не всегда наблюдается соображеніе съ современными потребностями и мѣстными условіями Русской промышленности. Извѣстія о многихъ новизобрѣтенныхъ машинахъ и другихъ технологическихъ способахъ въ различныхъ Европейскихъ государствахъ, особливо въ Англіи, конечно всѣ любопытны: но не всѣ имѣють прикладную пользу для нашихъ отечественныхъ производителей. Скажемъ откровенно: нѣкоторыя изъ нихъ могутъ имѣть даже вредное вліяніе на горячія, мечтательныя головы, кои, увлекаясь спрашнію ко всему новому и необычайному, могутъ изъ подражанія предаться зашѣмъ раззорительнымъ и бесполезнымъ. На что раздражать подобныхъ энтузіастовъ иснолинскими расказами о чугуновыхъ дорогахъ и паровыхъ карежахъ Англіи, когда у насъ съ трудомъ можно укрѣпить шоссе, гдѣбы не вызли наши прясвія кибитки? Что если на Руси, гдѣ шавъ настоятельно чувствуется потребность ограничить хлѣбопашескую производительность, подавляемую собственнымъ излишествомъ, и сыскать работу для рукъ,

ном должны оставаться праздными, что ежели введется въ общее употребленіе паръ, оголодав- шій Британію? Алхимія много погубила жершвъ во времена среднія: нынѣ технология и агрономія могутъ имѣть и имѣютъ своихъ розен-крей- церовъ. Долгъ журнала предотвращать соблазнъ, а не содѣйствовать ему излишне доброхошною опроверженностію.

4. *Купецъ, le Marchand, der Kaufmann.* Сіе явле- ніе показывается уже другой годъ на журналь- номъ небосклонѣ сѣверной нашей столицы, въ листахъ необычайнаго формата, безвременно и безсрочно, на трехъ языкахъ. Изъ *Петер- бургскаго Тыгодника* видно, что сей призракъ журнала, кошорый, по названію, вѣроивно дол- женъ быть коммерческимъ, издается Г. Киш- кою *Эггерскимъ*, кошорый обезсмертилъ уже себя трагедіями: *Британникъ* и *Ходявичъ*, драмою: *Золотая Воляность (Złota Wolność)*, и на нынѣ- шній 1833 годъ объявилъ еще новый журналъ *Бегду*, также на трехъ языкахъ, Польскомъ, Италіянскомъ и Французскомъ. *Tygodn. 1833. N 6.*

Вновь объявлены на нынѣшній 1833 годъ слѣ- дующія монографическія изданія:

5. *Математическій Журналъ.* Будетъ издаваться въ Ревелѣ Г. Купферомъ.

6. *Журналъ для Овцеводовъ.* Объявленъ въ Мо- сквѣ отъ Главнаго Общества Овцеводства, въ шести книжкахъ.

Наконецъ есть вѣрный слухъ, что въ Петер- бургѣ будетъ издаваться

7. *Лѣсный Журналъ* недавно учредившимся Обществомъ Лѣсоводства.

Изъ сей ирашкой перечни оширывается, чино, за исключеніемъ *Христіанскаго Чтенія* и *Математическаго Журнала*, всѣ наши повременныя *монографическія* изданія имѣють или по крайней мѣрѣ предполагають одинъ общій предметъ — народную промышленность. Явный признакъ, что правшическое направленіе усиливается на Руси и настоятельно требуетъ себѣ пищи и свѣта. Долго Русское терпѣніе осуждалось работашъ только скобелью и шопоромъ, по глазомѣру; шеперь и заморскія хипроси начинаютъ бытъ не въ диковишину нашей смѣшливости. На высказанхъ мы были свидѣтелями благороднаго рвенія Русскихъ производителей, вознагражденнаго счастливыми успѣхами. Безпрестанное умноженіе *Экономическихъ Обществъ* и *Хозяйственныхъ Журналовъ* показывають, что сіе благородное рвеніе жаждетъ просвѣщенія. Только желашельно, чшобы сія жажда удовлетворялась сколько возможно сообразнѣе съ мѣстными условіями и современными потребностями нашей народной жизни. Избави Боже, если и хозяйство наше, подобно лишерашурѣ, будетъ только слѣпымъ обезьянствомъ! Худо, когда лишерашоры лобираются по чужимъ огородамъ и кормяшъ насъ иноземными огурцами: но несравненно хуже — философъ безъ *огурцовъ!*

(продолженіе будетъ.)

Некрологическій Списокъ

УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ

за 1832 году

1832 годъ опмѣнился въ лѣтописяхъ просвѣщенія необыкновеннымъ множествомъ знаменитыхъ потерь. Ученый и литературный міръ носитъ трауръ почти во всѣхъ Европейскихъ государствахъ. Замѣчательно, что нѣкоторые дни были ознаменованы смертію нѣсколькихъ славныхъ жерть, въ разныхъ странахъ. Въ Парижѣ большая часть ихъ была поглощена холерою. Представимъ здѣсь хронологическую переченьъ шѣхъ, кои ознаменовали жизнь свою важными учеными и литературными произведеніями. Числа удержимъ по новому стилю.

ЯНУАРЬ.

11. Графъ *А. Литта*, Австрійскій Дѣйствительный Государственный Совѣтникъ и Императорско-Королевскій Камергеръ, авторъ сочиненія: *le Illuste Famiglie Italiane.* (въ Миланѣ).
13. Кардиналъ *Теста*, исправлявшій при няши Палахъ важнѣйшія государственныя должности, бывшій во время Французской Революціи Папскимъ Нунціемъ въ Парижѣ и оставившій многія сочиненія. (въ Римѣ).

28. Докшоръ *Белль*, извѣстный филантропъ, изобрѣшатель метода взаимнаго обученія, введеннаго въ Англійскихъ національныхъ и элементарныхъ школахъ, и доставившій въ теченіе своей жизни до 120,000 фун. стер. разнымъ учебнымъ заведеніямъ. (въ Чельшенгамъ).

ФЕВРАЛЬ.

6. *Карлъ Викторъ фон-Вонштеттенъ*, родившійся въ Бернѣ 1745 года, другъ Боннеша и І. Миллера, коего сочиненія сославляюшъ огромную коллекцію. (въ Женевѣ).
- *Георгъ Краббъ*, Англійскій поэтъ, прославившійся своими изображеніями сельской и городской семейной жизни, старѣйшій изъ стихотворцевъ Бришанін, 78 лѣтъ. (въ Тробріджѣ, что въ Вильшширѣ).
6. Аббатъ *Георгъ Монтеスキо*, Членъ Французской Академіи. (въ замкѣ Сире). См. *Телеск.* 1832. N. 3.
11. *Юлій Вильгельмъ фон-Оппель*, Саксен-Кобург-Готскій Герцогскій Тайный Совѣтникъ и Камер-Президентъ, доказавшій свою любовь къ лишературѣ и наукамъ усроеніемъ въ принадлежащемъ ему помѣстьѣ (Кребсѣ близъ Цирны) огромной библіотеки болѣе чѣмъ въ 30,000 томовъ и пожертвованіемъ 20,000 рейхсгалеровъ для заведенія тамъ училища. (въ Готѣ).

19. Докшоръ *Балларини*, оставившій по себѣ многія медицинскія сочиненія, особенно по части хирургіи. (въ Туринѣ).
23. *Вольфъ С. Гейденгеймъ*, ученый Израильянинъ, извѣстный издавіемъ молишвенныхъ книгъ для своихъ единовѣрцевъ на Нѣмецкомъ языкѣ и различными драгоценными изысканіями относительно Еврейской лишерашуры, 76 лѣтъ. (въ Редельгеймѣ близъ Франкфурца на Майнѣ).
28. Докшоръ *И. Г. Ленцъ*, Горный Совѣтникъ и Профессоръ Іенскаго Университета, извѣстный множествомъ минералогическихъ сочиненій, 86 лѣтъ. (въ Іенѣ).
- *Нанонинъ Л. А. Кіарини*, Профессоръ Богословія, Восточныхъ Языковъ и Еврейскихъ Древностей въ бывшемъ Александровскомъ Варшавскомъ Университетѣ, славный по предпринимаемому имъ переводу *Талмуда*, коего одна только часть напечатана. (въ Варшавѣ).

(до слѣдующей книжки.)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 24 дня 1835 года.

Ценсоръ *Н. Лазаревъ*.

ТЕЛЕСКОПЪ

I:

п о э з и я

ИНДУСТАНСКАЯ И САНСКРИТСКАЯ.

Литература неизвѣстная цѣлой Европѣ съ самаго начала Европейскаго образованія, обширная, плодотворная, объемлющая всѣ предметны ума человеческого, открылась намъ не болѣе какъ за сорокъ лѣтъ. Въ лѣтописяхъ просвѣщенія нѣтъ событій болѣе достопамятнаго. Всѣ доселѣ существовавшія теоріи, кои имѣли основаніемъ варварство древняго міра, рушились. Персы и Египтяне занимаютъ уже второе мѣсто въ исторіи человѣчества. Системы Пифагора, Платона и Аристотеля, изобрѣденныя на берегахъ Гангеса и развитыя ихъ писателями Капилою, Віазою и Гопамою, уже не кажутся ученіями, собственно принадлежащими Греціи: мы видимъ въ нихъ необходимыя слѣдствія общей мысли человеческой и ея повсюдныхъ усилій. Конечно далеко

не обозрѣлимы безпредѣльнаго поприща, представляющагося намъ въ швореніяхъ Санскрипскихъ; но труды ученыхъ вознаграждены уже многими важными открытіями: и сей споль обширный лупъ уравнивается даже въ глазахъ профановъ, кои не просиживали ночей за работою споль многотрудною.

Въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, относительно исторіи и литературы Санскрипской появилось въ Европѣ до семи сотъ сочиненій: но въ самыхъ образованныхъ странахъ Европы мы напрасно спали бы искашь пятьдесять челоувѣкъ, кои могли бъ понимать тексты содержащійся въ сихъ швореніяхъ, и хоща спотакихъ, кои привяли бъ въ нихъ самое минущее учаспіе и сколько-нибудь занялись бы ими. Между тѣмъ неупомимое постоянство, ошличительная черта ученыхъ, не уступаетъ сямъ препяшпвіамъ. Каѳедры Санскрипскаго языка учреждены въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Оксфордѣ, Парижѣ. Въ числѣ сочиненій, изданныхъ въ послѣднія времена относительно сего труднаго предмета, мы находимъ одну книгу Греческую, одну Польскую, чепыре на Голландскомъ языкѣ, при на Русскомъ (?), восемь на Датскомъ, сорокъ на Французскомъ, шеспьдесять при на Англійскомъ, семьдесять восемь на Нѣмецкомъ, шестъ на Персидскомъ, спю семьдесять на Индустанскомъ. Сношенія Индійской Компаніи съ выро-

дившимися попомками древнихъ брахмановъ благопріиспівующъ пляжкимъ, но полезнымъ и гигантскимъ трудамъ малаго числа людей, посвятившихъ себя служенію науки. Мы имѣемъ уже часлѣ Индійскихъ эпоней, Индійскаго театра, много богослужебныхъ книгъ и гражданскихъ узаконеній древней Индіи.

Долго занимали Англичанъ однѣ торговыя заботы: они забывали о императорныхъ сокровищахъ или презирали ихъ. Дженгельменамъ мало было нужды до сего умспвеннаго богатства, лишь бы меньшая братія ихъ находила себѣ въ Индіи прибѣжище и мѣсто, по естѣ, почти всегда неизбѣжную смерть; лишь бы только каппалы компаній повышались въ цѣнности и набабы привозили на родину довольное количество золотыхъ лагодъ? Романическій импересъ полуострова Гангесскаго исчезалъ поспешенно; уже наглядѣлись на слоновъ, на кресла изъ слоновой кости, на всю сію варварскую пышность воспочныхъ царей, какъ говоривалъ нѣкогда Мильмонъ; волшебства пысячи одной ночи, споль чудесныя и удивительныя, сдѣлались обыкновенными, проспонародными. Королевства обратились въ мирныя, президенства, гдѣ сладко покоились спарые разбогатѣвшіе шоргаша. Епископъ Геберъ первый пробудилъ вниманіе Европы и перенесъ въ сію обширную, магическую страну. Онъ показалъ Англичанамъ и Европѣ сію па-

мяшники исчезнувшихъ вѣрованій, сін развалины имперій нынѣ безимянныхъ, сін рукописи, въ коихъ заключающіяся ученія, дѣйствовавшія нѣкогда на цѣлыя испребившіяся поколѣнія, сін слѣды образованности, предварившей всѣ воспоминанія испоріи. Любопытство возродилось. Эпа древняя земля, у копорой Пиногоръ выпрашивалъ свои философическіе догматы и коей не могъ покорить Александръ, спала на одну степенъ съ Египтомъ и Греціею, спранами классическими, коихъ памятники мы вопрошаемъ, дабы опкрытъ пайны первобытнаго общества.

Удивленіе возраспало безпреспанно. Чѣмъ болѣе рылся въ древностяхъ Индіи, тѣмъ болѣе чудесъ опкрывалось. Вошъ языкъ, очевидно первобытный, родоначальникъ не только всѣхъ нарѣчій Индустанскихъ, но и языка Персидскаго, Греческаго, Латинскаго, Тевтоническаго, Славянскаго. Сей священный языкъ въ своей безмѣрной многосложности заключаешъ всѣ грамашическія формы, всѣ главные корни, на коихъ опираются ідиомы народовъ образованныхъ. Вошъ эпическая поэзія, соединяющая чудовищность съ прелестію, прогательную простоту со множествомъ спранныхъ вымысловъ, подобно мрачной дубровѣ, браздимой яркими огнями. Сін эполеи сосредоточивающъ, видоизмѣняющъ, украшающъ великую систему оеогоніи, мѣстическаго пантеизма, философій, въ коей сливающіяся тыся-

чи теорій всѣхъ западныхъ школъ, скептической, эклектической, спонической, идеальной, материальной, апейсической. Представивъ другъ възрѣвъ ученыхъ и возникши какбы изъ нѣдръ бездны, сѣ неизгладимыя доказательства совершеннѣйшей образованности и древнѣйшаго общечеловѣческаго быта, сѣ свидѣтельства искусства, поэзіи и религіи, предпеспѣвавшихъ всѣмъ искусствамъ, всѣмъ поэзіямъ, всѣмъ религіямъ, и безъ сомнѣнія имѣвшихъ на оныя существенное вліяніе, возвыщаяющъ важную переменъ въ нашихъ системахъ исторіи и критики. Возникаетъ цѣлый новый міръ. Такъ пуспешественники дивящагося древнему граду Магабалипуръ, давно скрытому въ нѣдрахъ океана, но, при опливахъ морскихъ, выказывающему цѣлыя пагоды и дворцы, необитаемые въ продолженіе многихъ вѣковъ.

Мы займемся здѣсь только пѣмъ опривками поэзіи Санскритской, конхъ Лалпинскіе, и болѣе Нѣмецкіе, переводы, удержали не только идеи, но даже ризмъ и форму. Нѣмецкій языкъ гибокъ для всякаго упошребленія; чѣмъ многосложнѣе и запутаннѣе въ изгибахъ ученаго синтаксиса нарѣчіе, пѣмъ удачнѣе Нѣмецкій языкъ перенимаетъ сѣ изгибы и разнообразіе словосочиненія. Другіе пуспъ изслѣдуютъ философію Индустанскую и приведутъ въ порядокъ ея системы, спольже многочисленныя, какъ и теоріи

возникшія и упадавшія попеременно въ новой Германіи.

Вообще поэзія Санскритская любитъ увеличивать идеи, разширять карпины, громоздить произшествія: но за то она упрощаетъ слогъ, очищаетъ колоритъ и весьма бережлива на метафоры и эпитеты. Въ ея твореніяхъ не ищете того блистательнаго смѣшенія, того множества фантастическихъ сравненій, на которыхъ шакъ распочинтельны поэты Арабскіе и Персидскіе. Всѣ колоссальныя изобрѣшенія брахмановъ, создавшихъ сіи эпопеи, оплачиваются напроливъ прозрачною и свѣтлою; сила находится въ воображеніи, а не въ образахъ, въ понятіяхъ, а не въ словахъ. Баснь развивается многообразно, бесконечно, дивно, чудовищно; выраженіе напроливъ сплунуло мирно, какъ прозрачный ручеекъ. Эпи мифологическія вакханаліи, конми преисполнены эпопеи Индійскія, излагаются съ проспосердечіемъ дѣтскимъ, иногда величественнымъ, и въ сихъ отношеніяхъ близкимъ къ проспотъ Гомерической. Мы говоримъ здѣсь только объ истинно-Индійскихъ поемахъ, говоримъ о ихъ лѣсахъ, кои носятъ на себѣ печать древности. Всѣ лилеапы порпаны поддѣльными украшеніями, когда преклоняются къ паденію. Сейченписты, Гонгоры, Марини, Дорашы, починпашіе изысканность искусствомъ, затемняющіе или выворачивающіе намѣренно свои выраженія, дабы блеснуть

новизною, были также и у Индуспанцев. Бенарри недавно выдалъ Налодайо, новую Санскрипскую поэму, коей слогъ спокоѣ же лживъ и запутанъ, какъ числѣ и лсенъ напротивъ слогъ эпоей древнихъ.

Начнемъ напередъ извиненіемъ въ нашемъ невѣжествѣ: мы не много смыслимъ въ языкѣ Санскрипскомъ. Но для насъ довольно, если мы сообщимъ читателямъ слѣдствіи опкрытій, сдѣланныхъ людьми отличными, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ областяхъ мрачныхъ и обширныхъ. Эпо Шлегели, коихъ началамъ не лзя безусловно покоряться, но копорымъ не лзя опказанъ въ должной дани удивленія, философы и поэты, мужи, обнимавшіе крипику взромъ мощнымъ и неупомимымъ, какъ науку и какъ искусство; сошрудникъ ихъ Болпъ; Козегартень и Розень; Шеэи; В. Джонесь; Карей и Маршманъ; и наконецъ Вильсонъ. Сии доспопримъчательные мужи разработали для насъ рудникъ бездонный, споившій имъ великихъ трудовъ; памяшники, испоргнушые ими изъ глубинъ земныхъ, возвышаюшися предъ глазами нашими. Не дивимесь, что приближается къ нимъ профанъ; можетъ быть оцѣнка наша будетъ пѣмъ справедливе и наше удивленіе пѣмъ разсудительне.

Время и прилежаніе, коихъ пребуешъ изученіе языка неизвѣстнаго, поглощающъ такъ исключительно все вниманіе, что нельзя пре-

бывать отъ филолога проникательной и безпри-
спасной криптики. Его занимають Санскрит-
скіе корни; онъ удивляется спранный залупанно-
сти неизвѣснаго словосочиненія; его поража-
ють и восхищаютъ новыя отношенія, кои онъ
усматриваетъ между словами. Если вы захопи-
те искахъ у него полнѣйшихъ изслѣдованій
относительно поэзіи и искусства, то подвер-
гнетесь опасности увлечься обольщеніемъ его
эпизюазма: онъ всегда готовъ видѣть высокое въ
сокровищѣ, такъ прудно приобретенномъ. Одно
напряженное изскупленіе могло подкрѣплять его
въ работѣ споль пажкой: и оно еспешвенно дол-
жно въ глазахъ его цвѣтитъ и золотишь ослаблѣ-
тельными лучами самыя просныя результаты,
имъ завоеванныя. Когда древній мореплаватель
открывалъ оспровъ, утешъ, пустыню, эпо
былъ для него рай, Эльдorado, земля усыпан-
ная перлами и золотомъ: не только воображеніе
обманывало его, но и сознаніе успѣха, долгіе
пруды наконецъ вознагражденные, чувство не-
ключительнаго обладанія и открьтія лично
ему одному принадлежащаго, все приводило его
въ упоеніе: обманъ еспешвенный и невинный,
онъ котораго не можеть избѣгнуть самый хо-
лодный разумъ!

Время проходить, и очаровательное сіяніе
тускнеть; романическая наружность исче-
заетъ; области волшебныя представляются ча-

ино плодоносными, живописными, оживленными, но изъ нихъ уже изгнаны всѣ чудеса, сѣльфиды, карлы и великаны. Сія чистота идей, сіе низведеніе волшебства въ дѣйствительность, сія нагота истины безъ украшенія, несвойственны первымъ, болѣе опьяненнымъ и болѣе знаменитымъ изслѣдователямъ. Это дѣло болѣе скромное, чѣмъ блистательное; и между тѣмъ прудъ необходимый, который мы теперь попытаемся совершить!

Новый міръ, недавно открытый, распространить неимоვნю область либеральной исторіи: мы не присвоиваемъ себѣ славу открытія; она принадлежитъ оппелъникамъ учености, анахоретамъ просвѣщенія, кои, удалясь отъ свѣтскаго шума, даже разлучась со всѣми писателями и поэтами современными, не сообщаютъ массѣ народа плодовъ своихъ розысканій. Представимъ здѣсь буквально сіи Лапшевскіе и Нѣмецкіе переводы, кои, слово въ слово и часто со всѣми оборотами многосложной грамматики и ученаго словосочиненія, передаютъ намъ оригиналы, доселѣ неизвѣстные. Такимъ образомъ, если не вполне, то до крайней мѣры въ любопытныхъ опрыскахъ, мы надѣемся представить опыты писателей, о существованіи коихъ западъ и не подозревалъ доселѣ: брахмановъ, бардовъ и законодателей образованнѣйшихъ странъ исчезнутаго міра.

Первыя узаконенія Индустанскія раскрываютъ

ся въ кодексъ Мену, извѣстномъ по переводу Джонеса, изданному Гайпономъ. Религіозныя мѣнія древнихъ брахмановъ изложены въ Ведахъ, гимнахъ мнѣстическихъ. За Ведами непосредственно слѣдуютъ двѣ великія эпопеи, кои предшесвуиють Пуранамъ, Чепи-Минеймъ Брахманскимъ, содержащимъ въ себѣ полкованія Ведъ и агиографію сей необычайной религіи.

Представимъ напередъ чипапелямъ нѣсколько извлеченій изъ Мага-Барашы. Изъ всѣхъ эпопей эпо самая колоссальная; она возвышается надъ Илиадою, Одиссеею, Освобожденнымъ Іерусалимомъ и Лузіадами, какъ пирамиды Египетскія надъ храмами Греческими. Забудыте и Гомера и двуглавый Парнасъ и поэтическія рѣки Греціи съ ихъ шѣлѣисыми пологамъ изъ шопелей и живописныхъ кипарисовъ. Вы въ Индіи. Вотъ Гималайскій хребетъ! Эпо символъ поэзіи, своими огромными размѣрами далеко превосходящей всѣ извѣстныя поэзіи; вершины, на коихъ спѣсняется дыханіе человѣческое; вѣковыя, безпредѣльныя дубравы; лѣшныя, шумныя и обширныя, какъ море; смѣшеніе испанское, подъ небомъ яснымъ, въ атмосферѣ коего рѣзко обрисовываются всѣ контуры!

Сей исполинъ эпопеи еще не переведенъ вполнѣ: умирающая рука Фридриха Шлегеля занималась сею работою не за долго передъ смертнымъ часомъ. Въ срединѣ сей поэмы есть

эпизодъ, которой избирали предметомъ своихъ изысканій и размышленій Вилькинсъ, Августъ Шлегель и Баронъ Гумбольдтъ. Сей эпизодъ (Багаватъ-Гита) самъ собою составляетъ полную поэму, изложеніе всей богословской системы брахмановъ. Воспокъ не оспавилъ намъ творенія величественнаго и любопытнаго для изученія. Пантеизмъ Индустанскій разкрывается здѣсь во всемъ величіи и глубинѣ, не рѣдко съ ужасающимъ краснорѣчіемъ. Вы скажете, что это гѣсь. Эмпедокла или Лукреція, вспавленная въ рамы повѣствованія Гомерическаго. Богъ Кришна, среди сраженія, открываетъ герою Аржунѣ миспическую и философическую систему вселенной; брань прерывается; слоны отдыхають на гудахъ шѣлъ; ужасы междоусобной войны безмолвствуютъ при бесѣдѣ героя съ богомъ. Сіе поржественное разсужденіе о человекѣ и его судьбѣ, о Богѣ и его сущности, прерываетъ кровопролитную сѣчу. Нѣтъ ничего спротивнаго и величественнаго, какъ сей эпизодъ и мѣсто, которое онъ занимаетъ.

Междоусобная война возгорѣлась между потомками Панду, законными наследниками престола, и потомками Куру, несправедливо похитившими вѣнецъ. Пандусы, съ многочисленнымъ войскомъ, подъ предводительствомъ героя Аржуны, нападаютъ на похитителей ихъ правъ, дабы возвращить себѣ скипетръ предковъ.

Бипша, ратникъ исполнскаго роспа, предводителемъ свуетъ Курусами; бипша долго продолжалась и побѣда еще неизвѣстна. Ободрили соучастниковъ своихъ, Бипша прубишъ къ сраженію въ ужасную раковину, имѣющую особенное свое названіе, подобно Дурандалю въ поэмахъ рыцарскихъ. На сей звукъ оспиваютъ прубы со стороны непріятельской. Бѣлые кони носятъ колесницу Аржуны, при коей присушествуетъ самъ Кришна. Сраженіе возобновляется.

Колесница предводителя Пандусовъ оспанавливается среди двухъ воинствъ. Онъ окидываетъ ихъ взоромъ: братья противъ братьевъ; родственники противъ родственниковъ; гошвые раздраютъ другъ друга на шрупахъ своихъ собратій! Имъ овладѣваетъ глубокая задумчивость, внезапная печаль. Онъ сообщаетъ богу, своему покровителю и вождю, сіи чувстваскорби и раскаянія. Въ нашемъ переводѣ вы не найдете величественной гармоніи Индійской *иллки*, кошорая капишя, подобно Гангесу, съ великолѣпной пышностью. *Шлока* состоятъ изъ двухъ стиховъ въ шеснанадцать слоговъ, претъкаемыхъ цезурою послѣ восьмага слога. Первые чепыре слога не подвержены никакому правилу; пятый, шеспой, седьмой, восьмой бываютъ всегда крашкій, долгій, долгій, крапкій; однакожъ

поэты имѣють право перемѣнять послѣдній слогъ въ длинный, если пребудеть того спикосложе-
ніе. По Лапинской просодіи можно изобразить
шлоку слѣдующимъ образомъ:

$\frac{u}{u} \frac{u}{u} \frac{u}{u} \frac{u}{u} \mid \frac{u}{u} \text{---} \text{---} \frac{u}{u} \mid \frac{u}{u} \frac{u}{u} \frac{u}{u} \frac{u}{u} \mid \frac{u}{u} \text{---} \frac{u}{u} \frac{u}{u}$

» Кришна! вопль мой родные, вооруженные,
гопные перзашъ другъ друга! Кришна! мои
члены прелещуть, лице блѣднѣеть, кровь сны-
неть, смертный холодъ шечеть по жиламъ,
волосы поднимающіе дыбомъ опъ ужаса. *Ган-
дига*, мой вѣрный лукъ, падаетъ изъ руки, неспо-
собной держащей его; душа, упоенная печалію,
кажется, хочетъ оставить меня.»

» Богъ свѣтловасый, скажи мнѣ! Когда изгуб-
лю я всѣхъ моихъ враговъ, будетъ ли это
счастье? Побѣда, преспошь, жизнь, что будуще
тогда значить для меня? Что значить царство,
побѣда, жизнь, когда пѣ, для конхъ мы желаемъ
получить и сохранить ихъ, падуть въ сраже-
ніи! Сыны и опцы, дядя и племянники, друзья
и родные—нѣтъ, небесный побѣдитель!—не хо-
чу, чтобы всѣ они пали на бранномъ полѣ, еслибъ
даже при міра были мнѣ наградою за смерть ихъ!
Изгубить ихъ, чтобы завоевать сей ничтожный
шаръ! Нѣтъ! не хочу, хотя они сами гопные
безжалостно умертвить меня! «

« Ой рѣчь, исполненная силой глубокой чувствительности, занимаетъ большое пространство: въ ней представляется полная картина ужасовъ междоусобной войны: прерванныя жертвоприношенія, распоргнутыя узы семейства, истребленіе благородныхъ фамилій, распушество женщинъ, пошество нечестія. Арджуна падаетъ на колесницу, кладетъ свой лукъ и стрѣлы, ждетъ опыта отъ бога. Кришна укоряетъ его въ слабости: Арджуна возражаетъ снова съ глубочайшею меланхоліею: онъ лучше хочетъ быть нищимъ, изгнанникомъ, лучше хочетъ поперять корону и жизнь, чѣмъ проливать кровь родныхъ своихъ.

Тогда Кришна развиваетъ предъ нимъ высокую и ужасную теорію брахмановъ; сей пантенистическій фашизмъ, все сливающий, все позволяющій, все объемлющій.

« Тѣ, коихъ смерть пы омакиваетъ, не заслуживаютъ, чюбъ пы омакивалъ ихъ. Живетъ ли кто или умираетъ, у мудраго нѣтъ слезъ ни для жизни, ни для смерти. Никогда не было времени, когда я не существовалъ, когда пы не существовалъ, когда не существовали сіи войны; никогда не настанетъ для нихъ и часа смерти. Душа, вѣдренная въ плѣло, изживаетъ юность, мужество, старость; и, переходя въ новое плѣло, начинаетъ въ немъ жизнь новую.

Неразрушимый и вѣчный Богъ изъ своихъ дланей развиваетъ вселенную, въ коей мы живемъ. И кто уничтожитъ душу, которую онъ создалъ? Кто разрушитъ твореніе неразрушимого?»

«Тѣло, брeнная оболочка, измѣняется, портится, гибнетъ; но душа, душа вѣчная, которой не возможно постигнуть, не погибаетъ. И шакъ на брань, Аржуна! Успреми коней своихъ въ самый пылъ битвы! Душа не убивается, душа не убивается; она никогда не родится, никогда не умираетъ; она не знаетъ наслощаго, прошедшаго, будущаго. Оно исконна, вѣчна, всегда двспвенна, всегда юна, неподвижна, неизмѣнима. Пасъ въ битвѣ, убивая своихъ враговъ, что иное значить, какъ слагая одежду или снимая ее съ носящаго?»

«И шакъ иди и не бойся! Безъ смущенія свергни изношенное платье; безъ страха взираи на враговъ и браній, оспавляющихъ брeнное тѣло, между тѣмъ какъ душа ихъ облакается въ новую форму! Душа есть сущее, котораго мечъ не проникаетъ, огонь не испребляетъ, вода не повреждаетъ, полуденный вѣспръ не иссушиваетъ! И шакъ переспанъ сповашъ.»

Такъ продолжаетъ неумолимый богъ. Аржуна внимаетъ ему съ покорностью, уваженіемъ и глубокимъ удивленіемъ. Тогда Кришна объясня-

есть ему поспешенно, въ отвѣтъхъ на безчисленныя вопросы, природу боговъ, свойства вселенной, души, верховное благо и вѣчную мудрость.

Жизнь дѣятельная лучше ли жизни созерцательной! Вотъ первый вопросъ, копорый здѣсь представляется: вопросъ часто предлагаемый въ школахъ Греціи, копорый Багаватъ-Гита рѣшаетъ ушвердительно. » Дѣйствовать безспрасно есть высочайшая степень челоѣческой добродѣтели; душа, независимая отъ вѣннхъ предметовъ, свободная отъ ихъ вліянія, должна сохранять невозмущаемую ясновѣ. Пусть она сосредоточивается и заключается въ самой себѣ, какъ черепаха замыкается въ своемъ подвижномъ домикѣ и укрывается отъ всѣхъ взоровъ! Пусть дѣйствуетъ, но безъ поспрашеній! Да не возмущается ничѣмъ внупренняя шина ея! Пусть глубокое безспрашеніе прошивуборствуетъ всѣмъ вѣннимъ случаямъ, не смотря на ихъ важность, силу, или ужасъ, коимъ они окружены! Сей шайнственный спонцизмъ, проливный теоріамъ созерцательной воспорженности, донынѣ исповѣдуемымъ Іогисами, древній поэтъ развиваетъ и подкрѣпляетъ съ удивительнымъ краснорѣчіемъ. Многія сравненія сполитъ того; чпобъ здѣсь ихъ представить. Душа въ спокойствіи своемъ должна сохранять неизмѣняемую чистоту: такъ небесный лотосъ съ

лазоревыми листками покоится и спитъ на струяхъ прозрачнаго озера. « Далѣе поэтъ сравниваетъ величіе души философа съ величіемъ океана и съ широтой пространства его пирины: » *Удовольствія чувственыя, ихъ волны и бури поражаютъ твердую душу мудраго, но не колеблютъ ее: никто не можетъ ее смутить. Таково море: напрасно тысячи бурныхъ потоковъ изливаются въ нѣдра его: безпредѣльный океанъ всегда остается тихъ и величественъ.* » У Гомера нѣтъ подобной метафоры; это не есть сравненіе, заимствованное изъ физической природы: вождь храбрый и сильный, какъ левъ; мечъ пожирающій людей, подобно пламени пожирающему дальнія жавшы. Поэтъ Санскритскій сравниваетъ состояніе души съ особеннымъ явленіемъ природы. Онъ прелестно рисуетъ сіе спокойствіе: употребляетъ самыя нѣжныя краски, чтобы изобразить это одиночество души, эту мирную пиину совѣсти, » *отшельника заключеннаго въ напечъ сердца, лампы, повѣшенной подъ сводами мирнаго чершюга, коей пламя не колеблется ни малѣйшимъ дуновеніемъ.* »

» Пусть благочестивый говоритъ: всѣ мои вѣнныя поступки ничего не значатъ. Это дѣло моихъ чувствъ, а не души моей. Она заключается въ самой себѣ; она повлорятъ священныи слогъ: *ОМЪ!* и помощію сего пали-

сманъ опкрываетъ единство Бога во всѣхъ вещахъ, опкрываетъ Бога во всемъ. Человѣкъ, жившій такимъ образомъ, по смерти сливается съ первоначальнымъ духомъ, Брамию; онъ перелетѣ въ источникъ бышя, соединяется съ Богомъ. Если мужество оставляетъ его или смерть застигаетъ прежде нежели онъ заслужитъ свою награду, то онъ можетъ возродиться въ новой формѣ; сыномъ какого нибудь благочестиваго аناхорета, онъ снова начнетъ подвигъ своей святости и божественнаго спокойствія, пока заслужитъ небесный вѣнецъ!»

Замѣтите, что Кришна не одобряетъ ни одной изъ стѣхъ добровольныхъ пытокъ, коимъ подвергаютъ себя факиры. Его ученіе есть родъ споническаго квиетизма.

Изложивши сисему вселенной, богъ изъясняетъ самаго себя Аржунѣ. *Аватаръ* или воплощеніе верховнаго Бога, онъ есть Брама въ видѣ человѣческомъ; все изъ него произтекаетъ; все опять въ него возвращается. Попомъ постепенно возвышаясь, онъ называетъ себя шождественнымъ всему, что есть великаго во вселенной; душа вездѣ присутствующая; блистая въ самыхъ яркихъ звѣздахъ, онъ имѣетъ престола все, что носитъ печать владычества. Между рѣками онъ Гангесъ; между словами—односложное ОМЪ, то есть Богъ; между горами—гора Меру; между животными — слонъ; между птицами —

орель; наконецъ — (оги два символа удивлять чти: папеля) — между буквами — гласная А, а между коварствами теловъгескими — страсть къ игръ. И пакъ онъ все, даже преспуление: объемлепъ все, даже ничшожесиво.

»Ты видишь во мнѣ« — говоритъ онъ — и безсмертіе и смерть. Я шо, что еспъ, и шо, что не еспъ. Атмосфера наполняющая, объемлющая, окружающая, содержащая вселенную, еспъ мой образъ. Подобно какъ она, я объемлю и содержу всѣ сотворенныя вещи. Я повѣсилъ на жемчужной цѣпи вѣчную вселенную и держу ее въ равновѣсіи. « Гомеръ упопребилъ шопъ же образъ а), вѣроятно Индуспанскаго произхожденія.

Какъ величественно сіе олицетвореніе панпенсиптического ученія! Никогда смѣлоспъ поэзи не облекала въ образы мыслей споль величественныхъ и обширныхъ. Никогда опвлеченноспъ не олицетворялась съ болѣе энергическою дерзоспю; никогда вымыслъ, споль глубоко метафизическій, не получалъ равно опцулипельной формы и рѣзкаго цвѣща.

Аржуна молипъ бога опкрыпъся его взорамъ уже не въ образъ челоуъческомъ, но въ образъ божесипвенномъ. Кришна соглашается на шо:

»Ты меня увидишь; пепбъ льяпся миллионы превращеній, опптънковъ, формъ быпнія; пепбъ опикроуопя чудеса, сокровенныя оптъ очей

а) Налада VIII. 23.

человѣческихъ; но твои вооры не вынесутъ таинственнаго зрѣлица; я даю тебѣ взоръ бога; смоди!»

«Еслибъ заблнпали на небѣ вдругъ тысячи солнцъ, то и сіе великолѣпіе не сравнялось бы съ тѣмъ, что увидѣлъ Арджуна: единство въ многообразіи, блескъ и жизнь всѣхъ міровъ, воплощенныхъ въ богъ боговъ. Въ изступленіи ужаса Арджуна, поднявъ главу къ небесамъ и сложивъ крестообразно руки на грудь, воскликнулъ: «

«Всѣ существа, всѣ колына міра, я созерцаю въ тебѣ единомъ: вижу и Брахму на лопосовомъ престолѣ. Руки твои безчисленны; тѣло не имѣетъ ни предѣловъ, ни начала, ни середины, ни конца. Вѣнецъ сіяетъ на главѣ твоей; щипъ, мечъ, булава въ твоихъ рукахъ; ты блистаешь яркимъ, нестерпимымъ свѣтомъ, лучезарное солнце вселенной!»

Поэтъ нѣсколько просиранно описываетъ сіе великолѣпіе пантеистическаго божества: но скоро оно преобразается; его блескъ измѣняется въ ужасъ; изъ зидишельнаго оно спановипись разрушительнымъ. Существо, излекшее всѣ вещи изъ ничтожества, возвращаетъ свое твореніе въ свои нѣдра. Ужасная бездна, пропасть неизмѣримая, чудовище съ злющей пастью! Все теряется и исчезаетъ въ пучинѣ божественной.

» Кто ты подъ симъ ужасающимъ образомъ! воскликнулъ Арджуна. Рушитель и погребитель

всѣхъ вещей, страшный богъ, слава тебѣ! Герои
человѣческаго рода, міры, поколѣнія, въ тебѣ
поглощаются; пламенные уста твои пожира-
ютъ ихъ, какъ море поглощаетъ попоки и рѣ-
ки. Но я желаю бы видѣть тебя опять въ пер-
вомъ твоёмъ образѣ, въ образѣ эндипельномъ!»

— «Я время всеразрушающее! отвѣчаетъ богъ.
Эпо воинство все исчезнетъ. Кромѣ тебя, ни
одинъ челоуѣкъ, въ сихъ боевыхъ рядахъ, въ эпомъ
блистательномъ всеоружіи, не переживетъ гря-
дущаго дня. И такъ иди, рази, возстань, по-
жесивуй, попри враговъ твоихъ и царствуй!
Сіе воинство уже мертво; оно моя жертва; а
ты только рабское орудіе судьбы! Ниско-
жи Бишму, Карма, Яганпраша, Дрона. Губи всѣхъ
ихъ рапниковъ! Поражай! Они уже побѣждены!»

Довольно сихъ опривковъ, чибобы познако-
милъ читателю съ однимъ изъ самыхъ рѣд-
кихъ и необычайныхъ памятниковъ древности,
съ изложеніемъ пантеизма подъ формою ужасна-
го символа, въ поэзіи простой и величественной.
Другой эпизодъ изъ тойже поэмы, противополо-
жностью своею, даетъ идею о разнообразіи
опшѣнковъ, опшчающихъ эпою Индустанскій.
Нала, переведенный на Латинскій и Нѣмецкій
языки Боппомъ и Козегартеномъ, напоминаетъ
намъ элегическую чувствительность и очаро-
вательную плодотворность Спенсера. Это романъ

какого характера неуклюже обрисованы, обстоятельство правдоподобно и имѣющъ занимательность психическую; образцовое творение, достойное стоять наряду съ прелестнейшими произведеніями искусства. Европа посматривала бы его недалеко отъ второй пѣсни Энеиды и отъ эпизода Герминіи, еслибъ различіе между восточными и западными нравами не было вѣчнымъ препятствіемъ тому, чтобы понятія Азіатскихъ поэтовъ могли сдѣлаться у насъ совершенно народными.

Поэзія, произведая отъ чувства и воображенія, къ нимъ однимъ обращается. Умъ конечно понимаетъ ее; но поэтическое чувство не доступно для его оцѣнки. Многие читаютъ Гомера; но такъ ли говорятъ Гомеръ ихъ воображенію, какъ говорилъ онъ воображенію Платона и Перикла? Конечно, нѣтъ. Не многое число избранныхъ владѣетъ ключемъ къ святыни. Чтобы читать Одиссею, надобно сдѣлаться Эллинами, переродиться. Все народы имѣютъ свой особенный характеристическій тонъ спрасей, непонятный для чужеземцевъ. Гармонія нашихъ концертовъ дерзнула Музульманину: что восхищаетъ насъ, то для него служитъ мукою. Не только поэзія Индустанская не возбуждаетъ въ насъ никакихъ впечатлѣній и идей, кои нравы наши запечатлѣваютъ поэзіей, каковы: звонъ колоколовъ, очерки

нашихъ ландшафтовъ, лисья нашихъ лѣсовъ, героическія имена нашей исторіи, цвѣты и плоды нашей земли: но ея прелеснь и волшебство произскаешъ изъ нравовъ, для насъ вовсе неизвѣстныхъ, изъ земли, коей произведенія кажутся намъ гигантскими и варварскими, изъ привычекъ, по нашему мнѣнію, дикихъ, внушающихъ ужасъ и отвращеніе. Какимъ же образомъ большинство чипапелей ознакомится, облизится, сроднится съ впечатлѣніями, столь несогласными съ ихъ обыкновеніями? Даже Мильпонтъ, Шекспиръ, Спенсеръ и Дантъ, еще не сдѣлались совершенно народными въ Европѣ: имъ больше дивятся на слово, чѣмъ понимаютъ. Чѣмъ бы имѣть доступъ къ ихъ гению, необходимо нѣкоторымъ образомъ предварительное воспитаніе: прелюдія роковая, вспугиваніе гибельное для поэзіи! Пока чипапелъ приобретаетъ нужныя познанія, онъ поперяетъ свѣжесью чувствительности, безъ кошорой нельзя вполнѣ наслаждаться поэмою.

Если нравственные идеи, выражаемыя чужеземною поэзіею, едва доступны для насъ, то гораздо неудобопонятнѣйшей загадкою должны быть ея сельскія описанія. Почва Италіи и Греціи, по крайней мѣрѣ, украшалась тѣми же цвѣтами, кои распускаются въ Англійскихъ паркахъ. Пророческій дубъ Додоны, плющъ Виргиліевъ, лавръ Делійскій, роза Анакреонова, принадлежатъ цѣлой

Европѣ; ихъ цвѣты, ихъ запахъ, ихъ листья, знакомыя для нашихъ глазъ, сообщаютъ намъ часныя ихъ впечатлѣній, коими окружала ихъ древняя Муза. Но прочитайте слѣдующій гимнъ Ядевы, блистательное и поэтическое описаніе весны. Онъ представитъ вамъ длинную гіероглифику; а если вы исключите первую фразу, то ни одинъ стихъ не оставитъ въ головѣ вашей чистой цвѣтной идеи, не произведетъ въ душѣ вашей ни одного воспоминанія, ни одного впечатлѣнія.

» Воцѣ время вздоховъ для нѣжныхъ дѣвъ, разлученныхъ съ нѣмой, коихъ онѣ любятъ! Цвѣты Бакула уже покрыты золотыми пчелками. Черныя листки Тамалы дышатъ запахомъ мускуса. Красныя кисти Палаи багровѣютъ кровью, словно копья Камы, когда онѣ раздраетъ сердца юношей. Распускивающаяся Цезара походитъ на блистательный скипетръ любви, царицы вселенной. Колочіе шипки Цепазы суть копья, омывающіяся въ груди любовниковъ. Посмотрите на вѣтки Папала; ся чашечки наполнены пчелками, какъ колчанъ стрѣлами. Благовоніе Маллики упоетъ и чаруетъ сердце опшельника; а кудри Амры купаются и развертываются въ голубыхъ волнахъ Ямуны.»

Всѣ сіи образы прелестны; нѣкоторые изъ нихъ достойны поэзовъ Греческихъ: но слова

варварскія и неупомянутыя разочаровывающіе насъ. Греческая мифологія, знакомая намъ отъ колыбели, кажется для насъ уже спранныю; Панъ и Сатиры для новѣйшихъ имѣютъ только въпороспеленную занимательность. Но поэтику сношенія Лаціума и Эллады съ новѣйшей Европой сохранились въ среднихъ вѣкахъ, но онѣ не поперяли совершенно своего вліянія на насъ. Было время, когда мы въ своемъ проспоусердечіи, воображали, что происходитъ отъ Гектора и Франкуса. Классическое изученіе выпроило мостъ непрерывнаго сообщенія между образованностію древнею и нашею. Троя, Аѳины, Фивы, даже Персеполь, имѣютъ узаконенное мѣсто въ сферѣ нашей мысли и возбуждаютъ въ насъ величественныя воспоминанія. Мемфисъ намъ извѣстенъ; но Аѳодія и Видабра? Геликонъ и Парнасъ еще льспяютъ нашему воображенію; но гора Меру, Шива и Вишну, представляющіяся для насъ въ формахъ спранныхъ, подъ мрачною пеленою. Вилліамъ Джонсъ напрасно сочинялъ поэпические диграммы, развивающіе мифологию брахмановъ; только безпредѣльная ученость можетъ дать намъ ключъ къ ней: но крылья поэзіи опускаются подъ тяжестію сей варварской работы. Прекрасная драма Калидасы, *Облако-Посланикъ*, переведенная Вильсономъ, созданіе эгегическое, запечатлѣнное гениемъ, для насъ не понятно; высокое изящество поэ-

эи пѣзко борелся съ необычайнымъ множествомъ собственныхъ неудобопроизносимыхъ именъ и чуждыхъ непонятныхъ воспоминаній Индейскихъ.

(до слѣдующей книжки).

II.

ДВА ВСТРѢЧИ

§ III.

НАСТАВЛЕНІЕ.

—«Боже мой!» сказала Моина. «Мы дурно сдѣлали, что не оспались на нѣсколько дней въ горахъ! Тамъ лучше было, чѣмъ здѣсь. Слышали ли вы безпрерывные стоны этого проклятаго ребенка и болтовню этой несчастной женщины, которая говоритъ какимъ-то непонятнымъ языкомъ, такъ что я ни слова не выразила? Что за народъ дали намъ въ сосѣди!... Эша ночь была для меня самая ужасная въ жизни!»

» Я ничего не слыхала! «... отвѣчала Гжа де Вердень. »Но, мое милое дитя, я повидаюсь съ хозяйкой, попрошу у ней сосѣднюю комнату; и тогда мы будемъ одни и никакого шума больше не будемъ... Какъ ты въ своемъ здоровѣ нынѣшнее упрямъ?.. Не уснула ли? «...

И сказавъ послѣднія слова, Гжа де Вердень встала и подошла къ постели Моины.

»Посмотримъ!« сказала она нѣмъ руки своей дочери.

— »Оспавъ меня, маменька! пы холодна!«

Сказавши сіи слова, причудливая дѣвочка, съ сердцемъ укапилась въ подушки; но это движеніе было шакъ пріятно, что мащери шрудно было оскорбшсь.

Въ это время пропняжнѣй и шикой спонъ раздался въ сосѣдней комнатѣ; онъ долженъ былъ происходить изъ расперзаннаго сердца женщины.

»Если пы слышала это во всю нощъ, то для чего не разбудила меня! Мы бы...«

Спенаніе, болѣе глубокое, перешло Гжу де Верденъ, кощорая воскликнула:

»Тамъ кшо-то умираетъ!«...

И потчасъ вышла.

— »Попли ко мнѣ Полину!« закричала Моина: »я хочу одѣваться.«

Гжа де Верденъ быспро сошла внизъ и нашла шрактирщицу на дворѣ, окруженную нѣсколькими людьми, кои, казалось, со вниманіемъ ее слушали.

»Вы ошвели комнату подлѣ насъ кому - то, кощорѣй спрадаетъ очень по видимому.«...

— Ахъ! не говорите мнѣ! вскричала козяйка гошвинницы: я сей часъ послала за Г. Меромъ. Представьте себѣ: это бѣдная женщина!

Несчастная пришла вчера вечеромъ; она изъ Испаніи и не имѣетъ ни паспорта, ни денегъ... у ней на рукахъ умирающій ребенокъ... Я не могла не принять ее... Нынѣ ушромъ и ходила посмолтрѣшь ее; ибо вчера, когда она здѣсь оспановилась, шо очень меня распротала. Бѣдняжка! она лежала съ ребенкомъ—и оба сражались со смертію... »Сударыня!« сказала она мнѣ снимая кольцо съ руки: »я не имѣю больше ничего, возмите эшо для заплашы, оно будетъ досташочно, ибо я не долго пробуду здѣсь... Бѣдное дитя, мы умремъ вмѣстѣ!« сказала она глядя на своего ребенка. Я взяла кольцо и спросила, кто она такая; но она ни за что не хотѣла сказать мнѣ своего имени... Сей-часъ я послала за докторомъ и Г. Меромъ.

»Но дайше ей всю возможную помощь!« сказала господа де Вердень... »Боже мой! Можетъ быть еще есть время спасти ее... Я заплачу вамъ все, что она испрашиваетъ.«...

—Ахъ, сударыня, она очень горда: и я не знаю еще, захочетъ ли она...

»Я сама пойду къ ней.«...

Гжа де Вердень вошла въ комнату незнакомой, не помышляя о вредѣ, которій могла нанести своимъ присутствіемъ эшой женщинѣ, которую называли умирающею. Гжа де Вердень, овдовѣвшая уже съ годъ, носила еще трауръ. Немного разсироенное здоровье и желаніе

Моины, любезной дочери ея сердца, видѣвъ Тиринен, привело ихъ обѣихъ къ Баньерскимъ водамъ.

Гжа де Вердень поблѣднѣла при взглядѣ на умирающую; ибо не смотря на спраданія, исказившія фizioномію Елены, она узнала спаршную дочь свою. При видѣ женщины, одѣтой въ черное, Елена поднялась съ поспехи и испустила вопль ужаса; попомъ медленно упала опять, когда въ приходшей признала мапъ свою...

»Дочь моя!« вскричала Гжа де Вердень: »что съ тобою? .. чего тебѣ надобно? .. Полина! .. Мона!« ..

»Мнѣ ничего болѣе не нужно!« отвѣчала слабымъ голосомъ Елена... »Я надѣялась найти отца моего... Но вашъ шрауръ показывается.« ..

Она не кончила: прижала къ сердцу своего ребенка, какбы для того, чтобы согрѣить его, поцѣловала въ лобъ и бросила на мапъ взоръ, въ коемъ выражался еще упрекъ, но уже смягченный прощеньемъ. Гжа де Вердень не хотѣла понять этого взора: она позабыла, что Елена была для ней днпъ гореспіи и опчаянія, днпъ долга, днпъ, которое было причиною ея величайшихъ несчастій... Она шихо подошла къ ней, вспоминая только, что Елена первая заставила узнать ее наслажденія маперинскаго чувства: глаза ея были полны слезъ; и осыпая Елену поцѣлуями, она воскликнула:

» Елена! Боже! «

Елена молчала. Она только что приняла послѣдній вздохъ своего ребенка. Въ это время Моина, шрапширица, докторъ и Полвна, ихъ горничная, вошли въ комнату.

Гжа де Вердень держала холодную руку дочери въ своихъ рукахъ и глядѣла на нее съ глубокимъ опчаяніемъ.

Пораженная несчастіемъ, вдова моряка, послѣ страшнаго кораблекрушенія спасшая изъ всего прекраснаго своего семейства одного только ребенка, сказала матери ужаснымъ голосомъ:

— » Все это дѣло рукъ вашихъ... Еслибъ вы были для меня тѣмъ, что... «

» Моина выди! выдише всѣ! «... вскричала Гжа де Вердень, заглушая голосъ Елены.

» Ради Бога, дочь моя! не будемъ возобновлять нашихъ несчастій. «

— » Я молчу! « отвѣчала Елена, дѣлая надъ собой сверхъестественное усиліе. » Я мапъ... и знаю, что Моина не должна... Но гдѣ мой ребенокъ. «

Моина взопла, побуждаемая любопытствомъ:

» Сеспра!... Докторъ! «

— » Все напрасно! «... подхватила Елена. » Ахъ! для чего не умерла я шеснаццапъ лѣтъ тому назадъ!... Нѣтъ счастья... Моина... Ты? «

И она испустила послѣдній вздохъ, склонивъ голову къ ребенку, котораго судорожно сжимала.

— «Сесира швоя вѣрно хотѣла сказать тебѣ, Монина» — сказала Гжа де Вердень, войдя въ свою комнату и залившись слезами — «что нѣтъ счастья для дѣвушки, въ романтической жизни, въ принятыхъ обычаяхъ, всегожь болѣе вдали отъ матери!» . . .

III.

СОСТОЯНІЕ ИСКУССТВА ВО ФРАНЦІИ

ПОСЛѢ ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

 ПИСЬМО

ЖЮЛЯ ЖАНЕНА

КЪ МИЛЕДИ Ф. Б.

Я нахожусь въ затрудненіи отвѣчать на то, о чемъ вы спрашиваете меня, Миледи! Вы думаете, что нѣтъ ничего проще и легче, особенно человѣку въ моемъ положеніи а), какъ со-
кратить въ нѣсколько страницъ современную

а) Въ самомъ дѣлѣ, никакъ лучше Жюль Жаненъ не въ состоя-
лнн представить обзоръ Французской литературы за
прошедшіе два года. Вудучи дѣлательнымъ спражемъ ея, онъ
имѣлъ возможность внимательно наблюдать и сохранить
объ ней полное, вѣрное воспоминаніе. Для насъ оно осо-

испорію Французской лирической поэмы, которую я и мои собратья пишемъ безпечно, день за день, преслѣдуя шагъ за шагомъ ея безчисленные излучины, смотря на ея капризы безъ жалости, присуществуя при ея неистовствахъ безъ страха, не увлекаюсь поддѣльными ея прелестями и не прогнусь припворною грустью. Вамъ кажется, что представить все это весьма не трудно. Вы увѣрены, что съ хладнокровіемъ и съ желаніемъ сдѣлать вамъ угодное, я въ состояніи буду дать вамъ обнять однимъ взглядомъ эту шапающуюся поэзію Франціи, опечаленной толпами переворошамъ! Это не такъ легко, какъ вамъ кажется, Фанни. Напрошивъ, это требуетъ большихъ заботъ, большихъ предосторожностей и особенно большой памяти. Припомъ, говорить объ искусствѣ съ вами, съ существомъ поэтическимъ, коего одно движеніе, одинъ взглядъ спонитъ всей поэзіи: это еще болѣе увеличиваетъ трудность задачи. Но вамъ это угодно: да будетъ по вашей Англійской волѣ! Только, изъ вашего прекраснаго парка, гдѣ вы въ наспоціи часъ обыкновенно прогуливаетесь, запылавъ въ опадающихъ листьяхъ, прощайте мнѣ, если можно,

бенно важно, какъ искреннее сознаніе Француза въ томъ, на что мы чужеземцы давно смотримъ съ болѣзненно и негодованіемъ. Изд.

вашу миленькую ручку, близкой не уступающую вашей душѣ, и поддержите меня на шрудномъ пупи, копорый я начинаю именно для васъ, Миледи!

Начиная пакъ, какъ намѣренъ я кончить, признаюсь вамъ опкровенно, что съ Іюльской Революціи, мы пакъ мало живемъ художническою жизнью, что, мнѣ кажется, послѣ прехъ славныхъ дней не прошло еще и года. И пакъ мы очень хорошо сдѣлаемъ, если оба испекшіе года сложимъ въ одну глыбу и будемъ по возможности опыскивать слѣды искусства среди смяшеній, баррикадъ, моровыхъ язвъ, полишическихъ преній, междоусобныхъ войнъ Парижа и Вандеи и другихъ безчисленныхъ эпизодовъ, опчаспи смѣшныхъ, опчаспи кровопролитныхъ, коими, въ продолженіе двухъ лѣтъ, была загромождена наша несчастная исторія.

Чтобъ быть ясными, пойдемъ по порядку. Если вы хотите, начнемъ съ шеатра, дабы заранѣе опдѣлаться опъ самой тяжкой работой. И пакъ пойдемъ въ шеатръ, если вамъ угодно: или лучше останьшесь счастливо на своемъ мѣстѣ и предоставьте мнѣ рассказать вамъ, что видѣлъ въ шеатръ я бѣдный, въ продолженіе двухъ лѣтъ ходившій шуда пакъ часпо.

Нѣкогда, при Ресавраціи — (я говорю нѣкогда, ибо, мнѣ кажется, это было уже пакъ давно) — различные Парижскіе шеатры заключа-

лись въ извѣстныхъ предѣлахъ, изъ копорыхъ не могли выходить ни подъ какимъ видомъ. Каждый театръ имѣлъ свою обласъ спрого опредѣленную, границы, за копорыя не могъ выступить: это предписывалось общесѣвеннымъ вкусомъ и законами. Театръ Французскій, на примѣръ, владѣя образцовыми произведеніями нашихъ великихъ поэтовъ, разрабатывалъ Корнеля, Расина и Мольера, какъ свою маенность. Большая драма, трагедія въ стихахъ, высокая комедія, сославляли его исключительное достояніе. Въ поже время запрещено было Французскому Театру играть мелодрамы, носить рубище; суму, ливрею и пресупленія булеваровъ. Театръ Французскій опъ пого выигрывалъ: и мы также!

Что сдѣлалось послѣ Июльской Революціи? Она дала необузданную свободу театру: раздвинула всѣ границы, сокрушила всѣ преграды, смѣшала всѣ роды; перевела трагедію и величественный стихъ на мелодрамные театры; перенесла лохмотья мелодрамы на Театръ Французскій. Даже Гжа Сакн (Saqni), копорую благоразумныя полицейскія устанавленія привязывали къ натянутой веревкѣ, предославляя, какъ единственную милость, право плясать на ней безъ баласа, даже и она сошла съ своего пугаго каната, съ своей шонкой проволоки, и явилась играть Сиду, Гораціевъ, Мизантропа: смѣшеніе ужасное!

Вы шли въ Амбигю-Комикъ и находили памъ Г. Марпи, декламирующаго прагедію Шенье! Вы спрашивали на Театръ Французскомъ Меропу и видѣли Шарлотту Корде! Театръ Брюне представлялъ вамъ Баррикады и Три Дня. Г. Лепейнпръ дрался на улицѣ и бралъ Лувръ на сценѣ, въ полномъ водевилѣ. На всѣхъ театрахъ дрались, на всѣхъ театрахъ пѣли Марсельскую; и Драматическая Гимназія, даже Театръ de Madame, для ней созданный, поддерживаемый ея благосклоннымъ покровительствомъ, эфемерное дила ея улыбки, щеголяла ругательствами надъ ней, надъ Герцогинею Беррійскою! Смѣшеніе неслыханное, безграничное, пагубное, опъ копорого долго, долго намъ не оправишься!..

Въ то же самое время, когда всѣ роды такимъ образомъ смѣшались, когда всѣ театры, сломя голову, кидались на свои взаимныя права и преимущества, спѣша наперерывъ сбросить собственную кожу, чтобы завладѣть сосѣднею, и между тѣмъ дивясь, что оспаюпся все также худо одѣтыми, закушавшись въ чужое платье не по роспу, они пуспились грабить, и самымъ плачевнымъ образомъ, всю прошедшую и всю наспоющую испорію. Воптъ до чего довела ихъ свобода Іюльская! Пользуясь ею, они сначала смѣшали всѣ роды; потомъ смѣшали всѣ эпохи, всѣ имена, всѣ славы, всѣ

пресуппленія. Подумайте объ эпомъ, Миледи, и о томъ, чтобы могло выйти изъ театра, еслибъ того захотѣли театры! Внезапный переворотъ открываетъ драмъ поприще безпредѣльное, совершенно новое и дѣвственное. Онъ даетъ ей вдругъ и Республику и Имперію и пятнадцать лѣтъ Реставраціи. Онъ сдаетъ ей Данпона и Бонапарша; Людовика XVIII и Марію Антуанеттну; Марію Луизу и Марію Терезію Англемскую: даетъ болѣе, чѣмъ вся древняя Греческая и Римская исторія, всѣ средніе Французскіе вѣки когда-либо давали пратедін. Подумайте объ эпомъ! Одного семейства Агамемнонова доспало на всѣ театры земнаго шара отъ Софокла до Расина! Чегобъ не въ правѣ были мы ожидать отъ Республики, Имперіи и Реставраціи, искусно уложенныхъ въ драматическія рамы, даже хоти бы пакъ, какъ уложена была классическая династія Амридовъ? Нѣтъ! Вышло напрошивъ! У насъ театры въ одинъ день пожрали всю сію обширную пажиль историческихъ событій и героевъ, коихъ должнобъ было спастъ генію вѣка на шри! Они пожрали все, даже не обременивъ желудка! Въ одинъ и тотъ же день они впаскивали на свои подмостки всѣ благородныя жертвы 93 года, Госпожу Роландъ, Королеву, Принцессу Елисавету, Людовика XVI, лица высокія и свѣтлыя, въ опшратительномъ

смѣшеніи съ ненавистною, кровавою грязью Терроризма. На Французскомъ Театрѣ слышанъ былъ неисповѣдъ ревѣ Горы! Такъ что наконецъ, среди толкаго множества эшафотовъ, гильотинъ и палачей всякаго рода, подъ шумомъ революціонной декламации, раздававшейся на всѣ лады, Парижская публика, наскучивъ красными колпаками, утомившись слушать безпрестанно: *ça ira! ça ira!* и другія мелодіи Сенплярскихъ губищелей, обратилась къ театру съ покорною просьбою уволить ее отъ Революціи! Такимъ образомъ Революція погибла для театра: онъ распродалъ ее всю, менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли, когда могъ бы прожить ею лѣтъ тридцать. Прекрасно!

Тогда театры, заперши въ своихъ магазинахъ карманьолу и шарфы публичныхъ обвинителей, ринулись изъ всѣхъ силъ на Респаврацію. Они вывели на сцену іезуитовъ и священниковъ, даже до Архіепископа, въ коемъ представили вмѣстѣ всѣхъ пороковъ. Но публика закрыла лице предъ симъ крайнимъ соблазномъ: она не могла вытерпѣть, чтобы комедіанты могли ругаться святыней, предъ коей благоговѣли пышечельшія. И при томъ, какъ не ксшати было выбрать для подобныхъ представленій время, когда на самомъ дѣлѣ дослѣдованный Архіепископъ Парижскій былъ изгнанъ изъ своего дома среди неисповѣдъ карнавала, когда буйная

чернь ниспровергла и опустила его жилище, размешала по улицамъ всѣ украшенія, даже до священныхъ религіозныхъ драгоценностей, и богатую, единственную коллекцію богословской литературы, собранную толкими прудами, спившую толкихъ издержекъ, предала въ добычу вѣтрамъ, размешала въ рѣку, запотопала, погубила, погубила невозвратно! когда величественное зданіе, Сен-Жермень д'Оксерруа, ограбленное, разрушенное, ниспровергнутое, находилось въ безусловной зависимости отъ архипещера, коего одно слово могло спереть совершенно съ лица земли сей достопримѣнный памятникъ среднихъ вѣковъ! Вотъ какъ удачно театры воспользовались Ресавраціей, присвоивъ себѣ право выводить на позоръ служителей алтаря и прона! Вотъ плоды ихъ свободы!

Оспавалась теперь одна Имперія; оспавалось великое имя Наполеона Бонапарта; оспавалась эта знаменитая жизнь, которая началась при Пирамидахъ, почивала на престолѣ вселенной, въ расширенныхъ черпogaхъ Королей Французскихъ, и испала на пустынной скалѣ среди океана. Это былъ такой драматическій предметъ, какого никогда не бывало! Что значатъ Цезарь и Александръ для драмы, въ сравненіи съ Бонапартомъ? Бонапарть, царь нынѣшняго міра, царь нынѣшней мысли, царь будущей испорціи; Бонапарть, котораго Лордъ Байронъ, вашъ ве-

ликій поэтъ, первый увидѣлъ съ поэтической
 почки эрѣвѣ, и копорый неоспоримо соспав-
 ляетъ высочайшую славу высочайшаго изъ со-
 временныхъ поэтовъ; Бонапартъ, сіе начало но-
 вое, неслыханное, впоргнувшееся въ міръ, по-
 добно грому, и овладѣвшее имъ съ непоспужи-
 мымъ могущесвомъ; Бонапартъ, сынъ народа и
 самодержецъ, спрахъ вселенной и узникъ Оспро-
 ва С. Елены! Какое явленіе! Какія пропивополож-
 ности! Какіе переворопы! Здѣсь было чему усп-
 рашишь Боссюэша, чѣмъ напугаться Корнелю.
 Но наши драматическіе писатели, чувствуя се-
 бя могущесвениѣ Боссюэша и сильнѣ Корне-
 ля, не побоялись жизни Наполеона: съ распуцен-
 ными крыльями, подобно коршунѣмъ, они ри-
 нулись на эпгу безмѣрную прикормку! Они раз-
 ципали своими когтями эпонтъ огромный
 пругъ, коего глава касалась Пирамидъ, а ноги
 упирались въ спѣны Кремля! Они поже сдѣла-
 ли съ Бонапартомъ, чпо первые Римскіе Сена-
 торы съ Ромуломъ: раздѣлили его по часпямъ.
 Ты возьми его дѣшество! шебъ Египетъ! твоей
 1804 годъ! шебъ 1814! тому Оспровъ С. Еле-
 ны! другому Спо Дней и Эльба! Они подобрали
 все на эпой широкой дорогѣ. Увы! Они
 захватили себѣ и невинные снѣжные ком-
 ки школы Бріанской и смерпоносныя ядра Ва-
 шерлоо: все эпю смѣшали, все перепутали, все ис-
 теребили. Искусство машиниста подоспѣло на

помощь поэту. Изобрѣли новую систему декораций. Живописцы выстроили огромныя кулисы, на копорыхъ представлялись всѣ столицы міра, отъ Вѣны до Москвы. Они играли смерпною агоніею героя, заспавляя его переносимъ оскорбленія соопечесивенника вашего Гудзон-Лова: они играли даже его гробомъ, представляя шу уединенную долину, гдѣ, подъ плакучею ивою, охраняемый однимъ шолько солдапомъ старой арміи, покоишся непримѣтный обломокъ великаго обломка, мечпавшаго имѣть своей гробницей высокой шпиль Сен-Дени, шоль спрашнѣй Людовику XIV, а охранителями соборъ Канониковъ, превращенныхъ имъ въ Епископовъ.

И чпоже, Миледи? Со всей эпошъ славою, съ эшимъ великимъ именемъ, съ эшими неслыханными бѣдспвіями, шеапръ не сдѣлался счастливымъ. Имперія, подобно Респавраціи и Республикѣ, была пожрана имъ безъ пользы, безъ славы, безъ чеспи. Нынѣшнѣй шеапръ можно уподобить пѣмъ жаднымъ шпицамъ, купающимся въ вашихъ прудахъ, копорыя глошають все, чпо имъ ни попадается, но безъ проку и не надолго. Проспшите мнѣ эпо сравненіе: оно привіально, но вѣрно. Они поглопили великаго человѣка, не разпомспѣвъ нисколько! Жалкая прожорливоспъ! Сенаторы Римскіе, о копорыхъ я сей часъ говорилъ, разо-

рвать Ромула на куски, сдѣлали изъ него по крайней мѣрѣ бога: наши театры не могли сдѣлать хорошей мелодрамы изъ обломковъ Бонапарта. По особенной странности, которая однако служила величайшимъ признакомъ народности, всѣ знаменитыя историческія лица павовы, что ихъ весьма легко передразнивать: вспомните Фридриха II, вспомните Вольпера! Такая большая часть великихъ мужей Франціи: ихъ весьма не трудно предсказывать на сценѣ. Шляпа извѣстнаго фасона, мундиръ съ извѣстнымъ шпигель, шикъ, грубой жести, меньше чѣмъ ничего—иногда особый парикъ—вотъ и все, чтобы признавъ великаго человѣка! Что случилось съ Фридрихомъ II и Вольперомъ, случилось и съ Бонапартомъ. При помощи маленькой трехгранной шляпки и сѣраго сюртука, не было ни одного послѣдняго актера въ послѣднихъ изъ Парижскихъ театровъ, который бы не былъ въ состояніи передразнить Наполеона Бонапарта и извлекать крики радости или слезы умиленія изъ спекавшейся толпы. Этого сѣраго сюртука и этой маленькой шляпки достаточно было на пропитаніе всей современной либературѣ. Со всѣхъ сторонъ кричали, указывая на шляпу и сюртукъ: это онъ! это точно онъ: *vive l'Empereur!* И театры, видя то, принялись съ большимъ стараніемъ строить сѣрые сюртуки и маленькія шляпы, чѣмъ мелодрамы

и прагедіи. Сѣрое сукно вздоржало вдругъ на площади, почпи шакже какъ синее. Не возможно было дешевле выкроить драматическаго героя!

Вы, Миледи! вы, шакъ хорошо знающіе своихъ поэтовъ и свою испорію, чипающіе шакъ часто спараго Вилля, поэта Королевы Елисаветы, разумѣющіе, какъ соспавляется драма изъ хроники и какимъ образомъ великій Шекспиръ умѣлъ наполнишь сцену распрями двухъ Розъ, кон были обѣ равнокровавы, Бѣлая гораздо кровавѣе Красной: вы не можете вообразить, чпо сдѣлала Французская поэзія изъ Бонапарта. Какое безмѣрное разспояніе опдѣляетъ насъ — не говорю опъ генія Шекспира — опъ формъ его генія! Въ первыхъ драмахъ, соспавленныхъ о Бонапартѣ, изътъ ничего, кромѣ сумазбродныхъ, часпо неисповыхъ декламацій, несныхъ монологовъ, воплей народныхъ, сражений въ чепыре ружья, кораблекрушеній въ спаканѣ воды. Въ продолженіе всей піесы, герой полько чпо нюхаетъ пабакъ, щиплетъ за ухо своихъ маршаловъ, подписываетъ жалованныя грамоты или военные приказы: эпо во время дѣйствія. Чпожъ касаетъ до покоя, то Бонапартъ, драматическій Бонапартъ, не умѣетъ дѣлать ничего, кромѣ одного жеспа, въ спокойномъ положеніи: онъ спонитъ, заложивъ руки за спину, воптъ и все! Другой драмы

не дѣлалось изъ Императора. Ни одной порядочной сцены не было изобрѣнено въ его честь: ни одного сноснаго разговора не было вложено ему въ уста. Правда, по особенной благосклонности, ему давали нѣсколько историческихъ словъ; но эти слова были пакъ вкроплены въ спрланную прозу нынѣшней драмы, чпо ихъ не сносно было слышать; онѣ опливали въ ней явною ложью. Скажемъ однако, къ славъ Бонапарша, чпо онѣ оспавался одинъ на театрѣ столько времени, сколько Республика и Респаврація обѣ вмѣстѣ. Циркъ Олимпійскій еще недавно сдѣлалъ новую піэсу изъ Имперін, опваживаясь, одинъ уже изъ всѣхъ, рыскнушь еще соипнею пысячъ франковъ, на эпо великое имя, которое прочіе театры скупають уже испощеннымъ. Никогда Бонапаршѣ, въ прекраснѣйшіе дни своей славы, посреди несмѣтной толпы льстецовъ, не получалъ похвалы, которая бы споила лестной честью, оказанной ему Циркомъ. Рыскнушь спо пысячъ франковъ на его имя, спуспя два года послѣ Іюльскои революціи, когда никто уже не думаетъ даже о той сшапуѣ, которую сіа революція обѣщала возспановить на его колоннѣ!

И пакъ какъ мы теперѣ оспановились на Бонапаршѣ, по докончимъ нашу рѣчь и выскажемъ все, чпо у насъ на сердцѣ! То, чпо мы намѣрены теперѣ сказать, дастъ вамъ возмож-

носпѣ судить о современномъ состояніи оды во Франціи, послѣ разсужденія о состояніи пьесагра. Выслушайте!

Бонапартъ, послуживъ спекуляціей для всѣхъ пьесагральныхъ директоровъ, кои посреди всеобщаго маразмасохранили свою предпріимчивость и запылливость, наконецъ опшелъ на покой. Уже болѣе не думали объ немъ, кромѣ развѣ дней смятеній, пакъ не рѣдкихъ въ Парижѣ, когда пробуждалось невольное сѣпованіе о сей швердой и могучей рукѣ, испортившей насъ нѣкогда изъ пропасти безначалія, какъ вдругъ изъ Вѣны приходитъ вѣсть о смерти Герцога Рейхнштадскаго. Порфирородный младенецъ, родившійся Королемъ Римскимъ, испустилъ послѣднее дыханіе! Онъ умеръ! Это великое имя поухло, какъ нухнетъ свѣтъ догорѣвшаго факела: и—никого уже не возжеть его! Послѣдняя капля сей крови, кипѣвшей нѣкогда споль неукротимо въ жилахъ Франціи, изсякла на вѣки! Чпожъ дѣлають наши поэты? Какъ упѣшаютъ они опца въ его пустынномъ гробѣ? Какимъ образомъ, при сей новой скорби, воспользуются новою свободою, чпобы прикоснуться благоговѣющими руками къ язвамъ исполнина, почіющаго на скалѣ Св. Елены? Франція нѣсколько минулъ ожидала со вниманіемъ: она напратала свой слухъ и приспально слушала; взонла на вершину своихъ башенъ и ничего не видала; ничпо не прихо-

дило, Нѣкоторые драматурги, находя сей случай благопріятнымъ, сдѣлали нѣсколько водевилей на смерть сына, шакъ какъ дѣлали водевили изъ смерти отца—и только! Ни одного изъ нашихъ поэтовъ не расстрогала смерть порфиророднаго юноши. Я — копорый теперь говорю съ вами—я первый бросилъ имъ вызовъ: они не подняли эпой перчатки, кинутой имъ рукою безвѣснаго, но между пѣмъ шрудной для подъема; ибо на сей перчаткѣ написано было крупными буквами имя Бонапарша. Никто не отвѣчалъ на сей призывъ. Казимиръ Делявинъ, споль честнованный Французскою оппозиціею, поэтъ, бывший истинно Французскимъ и національнымъ, когда Бурбонъ спаршей линіи возсѣдалъ на тронѣ, Казимиръ Делявинъ сохранилъ глубокое молчаніе о смерти сына Императора. Можетъ быть это была скромность. Можетъ быть Казимиръ Делявинъ на сей разъ захопѣлъ своимъ молчаніемъ искупить слишкомъ посредственную кампашу, кака только можетъ быть написана даже для народа, и слишкомъ пошлую Мессеньену о Луврской собакѣ, послѣ коей сама воспѣваемая собака безвозвратно бѣжала изъ Лувра. Это имя вы можете вычеркнуть изъ вашей поэтической записной книжечки, если угодно!

Веранже, эпонтъ человекъ, копорый сопавлялъ силу почти Наполеоновскую въ нашей лишерашурѣ, копорый нѣсколькими зашпальными

пригѣвами потрясалъ изъ конца въ конецъ Францію; Беранже, эпо замогильное воспоминаніе Бонапарта, привѣспованный опъ него царемъ поэзіи изъ глубины гроба; Беранже также молчалъ, какъ молчалъ Казимиръ Делявинъ, о смерти того, копорый былъ сыномъ Наполеона! И такъ вопъ еще новая пошеря, копорую должно присоединить къ прочимъ. Впишипе имя Беранже на верху списка напихъ поэповъ, затерявшихся въ буръ событій: имя Казимира Делявина можепе посшавить въ самомъ низу.

Даже пѣ, копорые—(эпо безъ сомнѣнія еспъ признакъ сильной души)—не опчаяваюпся о поэпической будущности Франціи; пѣ, копорые сказали себѣ и—(надѣюсь)—докажутъ, чпо еспъ еще искусство во Франціи; пѣ, кои хотѣли воспѣть эпически юношу, увядшаго въ Шенбруннѣ, въ шомъ Шенбруннѣ, копорый былъ свѣшелемъ славы его опца: и пѣ не успѣли въ своихъ погребальныхъ пѣснопѣніяхъ. Самъ Викторъ Гюго, наилучшая душа поэпической нашей эпохи, желая прославить сію смерть, сдѣлалъ шолько прекрасные стихи по своему обыкновению—не боге! Послѣ сихъ стиховъ написалъ онъ *le Roi v'amusé* и—шолько! Но, ради Бога, Миледи, не берипе вашей книжечки, чшобы вписать имя сей огненной головы въ ряду погибшихъ поэповъ. Если на сей разъ онъ не

умѣлъ совладѣть съ именемъ Бонапарта, которое
 десяти лѣтъ тому назадъ сосланило его славу;
 если послѣ несчастной Іюльской Революціи онъ
 упалъ, какъ поэтъ драматическій и дионисическій:
 по будуще увѣрены, что это было слѣд-
 ствіемъ, можетъ быть, излишества ревности,
 а не скудости силъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не исключай-
 те его изъ списка живыхъ поэтовъ. Вспомните
 все, что извергала его огнедышущій геній до
 шрехъ Іюльскихъ дней! Сколько пламени и сла-
 вы, смѣшанной съ небольшимъ дымомъ! Едва
 оставивъ священную ограду Парижскаго Собора
 Богоматери, сей таинственный лабиринтъ, со-
 зданный человѣческимъ геніемъ, какбы въ до-
 казательство, что и ему доступна глубина бо-
 жественной неисповѣдимости, онъ произвелъ
Маріону Делормъ. Маріона Делормъ, спраш-
 ное выраженіе физической любви въ эпоху, ког-
 да плагионизмъ самый изскупленный перешелъ
 изъ книгъ въ умы, но не въ нравы! Маріона Де-
 лормъ, раздавленная Ришелье въ своей большой
 красной каретѣ на носилкахъ! Посмотрите на
 нее, посмотрите на развращенную Маріону, и
 плачьте съ нею! *Маріона Делормъ*, хотя иг-
 рая и послѣ Іюльской Революціи, не принад-
 лежитъ ей. *Маріона Делормъ* есть дочь Ре-
 спавраціи: она родилась въ тѣ блаженные вре-
 мена либераторныхъ спрашей и раздоровъ,
 когда спорили и рассуждали въ кофейномъ Про-

копьевскомъ домѣ, въ прекрасную эпоху Французскаго Театра. *Маріона Делормъ* также мало принадлежишь Іюльской Революціи, какъ и *Осенніе Листы*. *Осенніе Листы* прозябли подъ небомъ болѣе чистымъ, болѣе свѣплымъ, во Франціи болѣе спокойной. До сихъ поръ Викторъ Гюго, единственнѣйшій поэтъ, оспающійся намъ съ Ламаршпиномъ, ничего не создалъ послѣ прехъ дней. Подождите, чпобы судили объ немъ, до новыхъ твореній. Подождите также и Ламаршпина, отправившагося на воспокъ и пеперь спраншвующаго по Греціи, онъ копорого я нынѣшнимъ упромъ чипалъ письмо, гдѣ съ кровавыми слезами рассказываетъ онъ, какимъ образомъ видѣлъ Грецію, опуспошаемую огнемъ и мечемъ, раздираемую и губимую со всѣхъ споронъ; съ какимъ ужасомъ оппрядывалъ онъ пылающихъ всюду развалинъ, изумленнѣйшій споль неожиданнымъ пожаромъ на землѣ, копорую считалъ мерпвою, но копорая еще не довольно мерпва для яроспи освирѣпвшихъ паршій!

Теперь вы видите, чпю поэзія драматическая и поэзія лирическая, сіи двѣ великія поэзіи положипельнаго міра, единственно возможны нынѣ, когда двѣ крайности, эпопея и идиллія, совершенно изгладились изъ генія людей, какъ не сущеспвующія въ современныхъ нравахъ, вы видите, чпю драма и ода въ печеніе двухъ послѣднихъ лѣтъ для насъ погибли. Мы оспа-

емся безъ языка и глагола вдохновеннаго! Оп-
 сюда конечно происходишь та роковая мо-
 нопопня, о копорой вы говорите въ вашемъ
 послѣднемъ письмѣ; ибо только ода и драма мо-
 гутъ быть достойнымъ занятіемъ великаго
 народа. Прибавьте къ тому, что искусство вы-
 сшее, погнбши, увлекло съ собою второсепен-
 ное искусство. Развалины большихъ театровъ
 подавили собой театры малые. Прежде былъ
 въ Парижѣ прекрасный маленькій театръ, ко-
 торый былъ въ большой модѣ: это Гимназія.
 Я даже имѣлъ честь провожать васъ туда, во
 время послѣдняго вашего пребыванія въ Парижѣ,
 и вы ничего тамъ не поняли, благодаря вашему
 Французскому учителю въ Лондонѣ. Этого
 театръ принадлежалъ почти исключительно
 Скрибу. Высшій тонъ публики былъ спрашно
 къ нему привязанъ. Скрибъ создалъ для ней
 особую аристокрацію банкировъ, офицеровъ,
 вознагражденныхъ эмигрантовъ, копорая спо-
 коже нравилась городу, сколько и двору. Гимназія
 была единственнмъ убѣжищемъ сей аристокра-
 ции во Франціи: тамъ только можно было слы-
 шать сіи великія имена, видѣть сіи огромныя
 богатства; тамъ въ особомъ, отдѣльномъ мрѣ
 можно было слѣдить особыя, отдѣльныя крутъ
 спрашей. Послѣ Іюльской Революціи, Гимназія
 вдругъ скончалась: толпа хлынула изъ нее и не
 возвратилась. Весь этого отдѣльный комиче-

скій міръ, созданный нарочно для Реставраціи, олимпіада, невѣдомо куда, вмѣстѣ съ Швейцарскою Гвардіею, съ Герцогинею де Гишъ, съ Госпожею дю Кейлзъ, съ Г. Соспеномъ де ля Рошфуко, съ Госпожею де Гонпанъ! Жалость! жалость!

И такъ, въ настоящее время, во Франціи нѣтъ ни трагедій въ стихахъ, ни высокой комедіи, ни комедіи мѣщанской, ни мелодрамы, благодаря сліянью родовъ и свободѣ театровъ. Прекрасный плодъ Іюля!

Опносительно прочихъ родовъ искусства, я знаю, что вы спросите меня, куда жъ дѣвались эти особенные театры, предназначавшіеся именно для проходящихъ, театры, открывшіе добродушно и безъ церемоній свои двери для нашей вечерней праздности; Брюне, Одри, Верне, Лепейшеры, всѣ эти забавники, представлявшіе по дурачковъ, по героевъ, и забавлявшіе опчасти васъ, Миледи, хотя вы не совсѣмъ справедливо предпочитали имъ ваши клоуны (clown), нагруженные импермедіями? Увы! Миледи! Признаться откровенно, что я мало забочусь и безпокоюсь объ этомъ мѣлкосправчаномъ искусствѣ: оно идетъ, какъ можетъ и куда хочетъ; ему нѣтъ нужды до важныхъ государственныхъ первороповъ; лишь бы только оставалось что-нибудь на голые зубы, надъ чѣмъ подшутить, что поднять на смѣхъ. Это искусство ограни-

живается водевилемъ, водевилемъ безъ интриги, на заказъ, на учачу, водевилемъ, который пережилъ все во Франціи и который вѣроятно переживетъ самую Францію. Водевиль, родъ пепаральнаго зубоскальсва, который издѣвается надъ всѣми развалинами, добиваетъ всякаго лежащаго, довольствуется всѣми эпохами и, во время всеобщаго голода, сытъ маленькими кусочками сыру, которые бросають ему на голову: водевиль всегда одинъ и шопъ же у насъ, равно безсмертный, какъ поваренокъ Парижскій. Водевиль есть предсавитель Французскаго духа, есть зубоскальство Француза! Я не понимаю, какимъ образомъ, при этомъ бышенствѣ приводить все въ размѣры куплепа, умѣщая въ припѣвы людей и обспоншельсва, мы могли еще сохранить спаринную напу репунацію народа оспроумнаго. Вѣроятно, по счастью для насъ, разрушивъ репунацію оспроумія также, трудно, какъ и создалъ ее.

Такимъ образомъ мы оспаемся пеперь, Миледи, къ чести нашей липераптуры, съ однимъ водевилемъ. Изъ прозы Шатобріана мы упали въ водевиль, изъ трагедіи Виктора Гюго въ водевиль, изъ испоріи Тьерса въ водевиль. Вмѣсто всякой испоріи у насъ пеперь водевиль, вмѣсто всякаго надгробнаго слова водевиль, вмѣсто всякой комедіи водевиль, вмѣсто всякой на-

ціональної поезіи водевіля и, чпо хуже еще водевіля, посланія Г. Вьене. Жалѣйше объ насъ!

Жалѣйше объ насъ! Люди, которые сидѣли на публичныхъ кафедрахъ, говорили такимъ прекраснымъ языкомъ, умѣли такъ художественно округлять періоды, люди, блиставшіе сими невинными и славными ребячеспвами прежняго воспішанія, взяты у насъ Іюльскою Революціею въ люди государспвенные. Революція сдѣлала Пера изъ Профессора Кузень: прощай философія нашихъ школъ! Революція сдѣлала Пера изъ Вильменя: прощай рипорика! Революція сдѣлала Начальниковъ Кабинета изъ сочинипелей *Цейльскихъ Вегеровъ*, Под-Префекпа Сен-Дени изъ Г. Мазера: прощай большая комедія. Немногіе писатели, коихъ мы имѣли во всѣхъ родахъ, приспособились кое-гдѣ къ мѣстамъ, по часпи военной, морской, финансовой, даже въ Инспитупѣ, если не могли ничего сдѣлать лучше, какъ Г. Вьене. Такъ что міръ липературный оспається теперь совершенно лупсѣ! такъ что, среди сей глубокой ночи, напрасно оспапривающся, ищутъ другъ друга, окликающся! Все проходитъ и исчезаещъ! Только изобрѣшены краповые панталоны, панталоны-сапоги, ночные пелеграфы, подкупныя измѣны, проспши раскидывающіся креслами. Великій переворотъ и великій вѣкъ!

Одинъ романъ, въ эпомъ спранномъ смѣшеніи

родовъ, еще мужескивенно споялъ за себѣ. Въ
 то время, какъ пеашпръ обрушивался со всѣхъ
 споронъ, романъ упопрелялъ опчаянныя уси-
 лія, чпобъ оспашся на ногахъ. Такимъ обра-
 зомъ послѣдніе оспашки нашей драмы искали
 убъжища и спасенія въ романъ. Прочпите вни-
 мательпо всѣ произведенія нашихъ романисповъ;
 прочпите *Индіану*, прочпите *Валентина*, про-
 чпите *Два Трупа Суде*, эту прекрасную кни-
 гу; и вы легко соспавите поняпіе о несчаст-
 номъ и неопредѣленномъ соспоянніи нашего со-
 временнаго общеспва, общеспва безъ цѣли и
 плана, кошорое едва знаетъ, опкуда идептъ, со-
 верпенно не знаетъ, куда идептъ, общеспва, по-
 выпоряю, нерѣшительнаго и злосчастнаго, пы-
 шающагося ежедневно прилѣпиться къ какой-
 нибудь новой ариспокрапії, но не знающаго, за
 что приняпся, когда денежная ариспокрапії
 банкировъ разсыпалась въ его глазахъ. Франція
 понимаетъ уже смупно, что не можетъ обой-
 тись безъ ариспокрапії, безъ монархіи: она съ
 меньшею жадноспію схватилась за книгу
 Мисприсъ Тролопъ о Соединенныхъ Шшапахъ,
 какъ и у васъ въ Англіи. Она имѣетъ нужду въ
 покоѣ, въ мирѣ, въ наслажденіяхъ нѣжныхъ и
 очипченныхъ. Посмоприте на нашу Оперу. Среди
 смупъ, во время всеобщей крайности, когда
 спрахъ спучился у всѣхъ дверей и врывается
 во всѣ души, Парижъ вдругъ объемлется не-

описанной спрашью къ Оперѣ. Пѣніе и балетъ сдѣлались потребностями перваго разряда. *Робертъ-Чортъ* Мейербеера имѣлъ одинъ изъ пѣхъ неслыханныхъ успѣховъ, кои не лъзи иначе объяснить, какъ полипическими событіями. Народъ, очарованный симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ среди непрерывныхъ смяненій, принялся рукоплескать, радуясь, что можетъ заглушить и позабыть убійственный шумъ прехъ дней. И теперь еще сія опера составляетъ единственный благородный предметъ любви и энтузіазма, остающійся Парижанамъ.

Даже губительная язва, эпо ненавистное зло, постигшее насъ внезапно среди шумной ночи карнавала, не могла опорвать насъ опть Оперы. Вы конечно испытывали у себя, Миледи, когда въспрѣ холеры подулъ на вашъ оспровъ, усъвая мершвыми загруженныя больницы, вызывая на бой и мужество больныхъ и знаніе врачей; дыханіе губительное и смерпоносное, облекшее насъ мрачною пеленою; вы конечно испытывали эпопъ общій ужасъ: вы знаете, какъ оправляеиъ душу, какъ усугубляеиъ біенія сердца эпо зрѣлище жеривъ, падающихъ вокругъ васъ, эпопъ плачь сироиъ, плачь малперей еще болѣе скорбиный, эпа кареша, подвижной гробъ, скачущій въ галопъ по улицамъ! И чпоже? Мы Парижане, среди сей гибели, продолжали ходишь въ Оперу. Я и теперь еще

какъ будно сию памъ. Зала набила зри-
 ями. Вдругъ появляея изъ за кулисъ чело-
 вѣкъ блѣдный, суровый, худощавый. Видъ его
 производить самое странное впечатлѣнiе: его
 длинное лицо, кажется, еще болѣе распянулось
 въ сiи дни унынiя. Эпо Паганини! Онъ пришелъ
 къ намъ, во время язвы, пришелъ съ своею
 скрипкою; и мы пришли къ нему, во время яз-
 вы, безспрашно подвергаясь вечерней сырости
 и просудѣ. Сколько было могущества въ его
 волшебномъ смычкѣ! Эпо были тѣ ощущенiя,
 копорыя забываются слишкомъ скоро и копо-
 рыхъ я не умѣю вамъ выразить! Мнѣ помни-
 ся, что я писалъ вамъ объ нихъ въ свое время.
 Но, безъ всякаго сомнѣнiя, много было поэзи въ
 эпомъ ночномъ сходбищѣ въ театръ во вре-
 мя язвы, когда, прежде нежели очутился подъ
 яркимъ свѣтомъ оперной люстры, должно бы-
 ло насмотрѣться на красные фонари холерныхъ
 каретъ; прежде нежели услышишь Паганини,
 должно было вслушаться въ глубокое безмол-
 вiе города! Эпо было удовольствiе странное, не-
 обыкновенное! Переходить отъ носилокъ заражен-
 наго язвою къ авансценѣ прекраснаго театра,
 гдѣ раздавалась сiя прекрасная музыка! Я пом-
 ню, что я сказалъ тогда самъ себѣ: искусство
 есть послѣднее утѣшенiе страдающихъ наро-
 довъ, когда они имѣли несчастiе потерять вѣ-
 ру; искусство—послѣдняя религiя одряхлѣвшей

гражданственности; искусство—последняя надежда людей, не имѣющихъ будущности! Въ самомъ дѣлѣ, Паганини, среди ужасовъ язвы, предсказывалъ собою чудо: Паганини, играющій молитву изъ Россиніева *Моисел*, въ шопъ самый день, когда Бруссе декламировалъ свои ужасныя рѣчи, было чудо! Какой день! Поупру, вы были въ городской больницѣ, видѣли больныхъ и мерпвыхъ, копорыхъ уносили съ номеромъ на шеѣ вмѣстѣ всякаго надгробнаго слова; въ полдень, слушали Бруссе, этого великаго генія, бросающаго свой орлиный взоръ на сіе таинственное, неисповѣдимое начало смерти; вы оспавались шамъ, цѣлые при часа, опдувая руки, содрогаясь при каждомъ взорѣ, при каждомъ словѣ проповѣдника, расперявшись, внѣ себя, изучая малѣйшее бѣеніе малѣйшей жилки вашего плѣа; и опшуда вечеромъ, еще блѣдныя, приходили въ Оперу слушашъ Паганини. Иногда, когда приходила ваша очередь, изъ Оперы прямо, вы должны были садиться въ походный госпиталь и всю ночь перепься подлѣ холерныхъ; на другой день вы были свидѣтелями буйства разъяренной черни, упивавшейся кровію несчастныхъ, считааемыхъ оправившелями. Не правда ли, Миледи, что это значило жить скоро и много! Это было неслыханное соединеніе людскихъ скорбей и безумныхъ наслажденій! Я не понимаю, какимъ образомъ могло еще доспашъ Парижа на эту

пышку жизни, Парижа, уже измученнаго и истерзаннаго пышкою прехъ дней! Надобно, чпобъ Французы были очень крѣпкаго сложенія! Ужасно! Лихорадочный знобъ во всѣхъ жилахъ, приговореніе завѣщаній во всѣхъ домахъ, распорженіе всѣхъ связей, ночныя бдѣнія прерываемыя безпокойнымъ сномъ; врачъ, единственная власпъ въ мірѣ, замѣняющая всѣ прочія; душа челоувѣческая, принужденная вогнувшись въ себя, прелепая въ глубинѣ своей! И между тѣмъ—такъ жили мы цѣлые при мѣсяцѣ!

А вы еще спрашиваете меня, Миледи, опъ чего мы произвели такъ мало! Гораздо больше челоувѣколюбія и больше логики былобы, еслибъ вы спросили, какъ могли мы еще произвести что-нибудь! Выспавка 1830 года, которую вы видѣли, не была ли достойна замѣчанія? Реставрація, уходя, могла ли оставить намъ лучшее свидѣтельство своей заботливости о художникахъ? Не прекрасное ли произведение былъ эпонъ *Кромвель* Делароша, похитишель при гробѣ Спюарпа, явившійся внезапно въ Луврѣ, за при дня до не менѣ роковаго изгнанія попомковъ Людовика XIV съ вѣковаго прона? Не производили ли высокаго эффекта сін *Жнецы* Роберпа, принесшіеся вдругъ изъ Рима, какбы для доказательства, чпо еспъ солнце гораздо теплѣе и ярче того, которое мерцало въ несчастные Іюльскіе дни? Вы вѣ-

дѣли эту выспавку, эти послѣднія минушы благородной аристокрашіи въ удивительныхъ поршрешахъ Шампмаршена и Госпожи де Мирбель. Вы были свидѣтельницею великихъ успѣховъ двухъ братьевъ Жоанно, соперниковъ въ образномъ смыслѣ: Алфреда, которъй помышлялъ только о славѣ Тони, Тони, которъй лекся только о славѣ Алфреда. Вы, своими глазами видѣвшіе Шопландію, вы оспанавливались предъ живымъ, могущесвѣннымъ ландшафтомъ Эдуарда Берпена, оплачившимся шолікою просполою, чисполою, исправностію. Вы съ умиленіемъ смотрѣли на юную дѣву Горація Верне, прекрасное дѣля, пакъ удачно понятое своимъ опцемъ. Поиспиннѣ, Миледи, на этойъ выспавкѣ были минушы, когда дыханіе ваше пресѣкалось: были минушы, когда ваша рука крѣпко сжимала мою руку опъ удивленія и восшорга. Я видѣлъ васъ очень счасливою въ этотъ день, когда принесъ вамъ гравированный эспампъ Эрванпова *Густава Визы*, сдѣланный моимъ пріятелемъ Генрикезомъ Дюпонъ. И что же! Все это искусство, копорые вы нашли за два года предъ симъ во Франціи, съ тѣхъ поръ жило одинокое, безъ пособія, безъ покровительсва, безъ опоры, безъ благословенія небснаго! Ему обѣщали торжесвѣнно ежегодныя выспавки; и вопъ уже скоро сорокъ восемь мѣсяцовъ, какъ оно ихъ дожидается. Подождемъ до ближайшей выспавки послѣ Іюль-

ской Революціи: тогда увидимъ, будетъ ли оно на сей разъ счастливымъ!

Но знаете ли вы, Миледи, самыя прямые, самыя непосредственныя благодѣянія Іюльской Революціи для искусства? Знаете ли вы ихъ? Вошъ онъ! И вы не повѣрите, какъ это сокрушительно для всѣхъ насъ, художниковъ и поэтовъ, притѣвленныхъ онъ всей души къ древнимъ памятникамъ нашего опечеснва, подобно какъ притѣпляюся къ спарому другу, похищаемому онъ насъ ежедневно лыпами и болѣзнями! Со времени прехъ Іюльскихъ дней, древніе опечеснвенные памятники преданы на разграбленіе; нечесніе разрушителей не знаютъ никакихъ границъ: священное зодчеснво среднихъ вѣковъ недоспойно оскверняется свящопашскимъ прикосновеніемъ каменьщиковъ. Посмотрите, Миледи! въ Парижѣ, въ самомъ Парижѣ, нашей столицѣ, средоточіи образованности, просвѣщенія, учености, поэзіи, въ Парижѣ нѣтъ памятника, который бы пощадили. Буйство черни возложило свои убійственныя руки на Сен-Жермень д'Оксерруа; невѣжеснво королевскаго Архиснепкпора на Тюльери. Вандализмъ, съ обѣихъ сторонъ, произвелъ пѣже опустошенія. Посмотрите! Прежде ниспровергли Архиснепскопскія Палаты; потомъ дошла очередь и до Епископскихъ, удивительнаго памятника чепырнада-

паго спользія, доспойнаго благоговѣнія всѣхъ христіанъ и художниковъ! Посмотрите! Уже грозятъ срыть до основанія Венсенскую Часовню; между бапнями Судной Палаты выпромили анбаръ для бумагъ; перескоблили бапню Сен-Жак-ля-Бушери; разрубили пополамъ Аббатство Сен-Жермень-де-Пре; прелестную, спройную церковь С. Венедикта обрадили въ театръ, гнусный вершеть водевилей и мелодрамъ! Все спремится къ разрушенію. Теперь, когда я пишу къ вамъ, послѣ того, какъ дворецъ Тюльерійскій уже подпоясанъ презрѣннымъ рвомъ, напелся еще новый нечесливецъ въ Парижѣ, копорый предлагаетъ выпроить родъ гостиницы по обѣимъ сторонамъ купола, коимъ украшается замокъ, созданный Филиберомъ Делормъ. Благодаря сей новой выдумкѣ, куполь сравнится со всею кровлей зданія. Вся прелестъ дворца будетъ поперяна: эшо драгоцѣнное произведеніе возраждающагося зощесства будетъ недоспойно поругано. Но за шо замокъ пріумножится одною залою больше: все вознаградится. И между тѣмъ сколько монарховъ прежней Франціи довольствовались черпोगами Тюльери! Самъ Бонапарть, эшопъ вшорый Александръ, копорого земля не вмѣщала, находилъ въ нихъ довольно проспора для себя и для своей свипы Королей. Поиспигъ, надобно бытъ или слишкомъ великимъ или слишкомъ малымъ, чшобы не помѣ-

цапьяся просторно въ палапахъ, гдѣ обитали Людовикъ XVIII и Императоръ Наполеонъ!

Я оканчиваю здѣсь свое слишкомъ уже длинное письмо, Миледи, предославляя вамъ самимъ извлечь всѣ результаты изъ представленнаго мной крашкаго обзора нашей исторіи. Я далъ вамъ, сколько могъ, прикоснуться ко всѣмъ ранамъ современнаго нравственнаго и императорскаго нашего міра, опъ успѣховъ водевилей до возобновленія Тюльерійскаго дворца. Вамъ теперь судить, еспь ли намъ чему радоваться, особенножъ, еспь ли чего надѣяться!

Относительно того, можемъ ли мы еще надѣяться, кпо въ соспояніи рѣшишь эпо? Гдѣ наши наставники и вожди, копорые бы могли предшесловать будущему умственному движенію? Роковой 1832 годъ сорвалъ всѣ ученыя, поэпическія и философическія вершины Европы. Гете умеръ въ Германіи, пересадивъ на ея почву всѣ успѣхи осьмнадцатаго вѣка Франціи. Кюве умеръ у насъ, разширивъ предѣлы знанія, сколько возможно челоѣку. И вы, Англичане, вы поперяли своего Вальсера-Скоппа, царя историковъ и поэповъ обѣихъ вапихъ соединенныхъ королевствъ. Три главѣйшіе народа Европы носятъ одинъ прауръ: каждый изъ насъ на колѣнахъ предъ гробницею, каждый оплакиваетъ равную потерю. И, посреди. поли-

кихъ развалинъ, кто захочетъ забавлять себя обширными замыслами, далекими надеждами? Не ужели вы?

Но я замѣчаю, что, прошивъ воли, принимаю понѣ слишкомъ поржесивенный. Можеть быти, я нѣхотѣю опечалить васъ. Пропу васъ, будыте добры и просшите меня; это больше ваша вина, чѣмъ моя. Требовашъ отъ меня испоріи искусства во Франціи значить пребовашъ испоріи самого сущесивеннаго ея счастья, самой истинной ея славы, самого неоспоримаго ея преимущественна. Вотъ отъ чего сполько поржесивенности въ моемъ письмѣ, сполько важности въ моихъ рѣчахъ, и пакъ мало сердечнаго опираднаго измѣненія, даже съ вами, Фанни, споль прекрасною, споль снисходительною и споль доброю, когда вы далеко отъ меня!

III.

ГРЕЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

(окончаніе)

ЭРИННА — МИРО — ТЕЛЕЗИЛЛА — МИРТИСЬ — НОССИСЬ — АНИТА —
 ПРАКСИЛЛА — КОРИННА — АНАГЛАЛІСЬ — ФРЕТА — ГИПАТИЯ — ЭЛАРА —
 ПАМФИЛА — АННА КОМЕНИНА — ЕВДОКІЯ — ИРИНА.

Сафо имѣла подругу: эша подруга была ея соперницею. *Эринна*, знаменитая своими героическими стихами и лаконизмомъ выраженія, оспаривала намъ два или три отрывка, или лучше нѣсколько словъ, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ грамматиковъ и схолиастовъ. Ее прозвали *παιρομένης*, *скупая на слова*. Она была родомъ изъ Лесбоса, также какъ и Сафо. Ей приписываютъ дурную оду, подъ заглавіемъ *Ρῆμα* (*Рѣмъ*) изъ коей Гроцій хотѣлъ сдѣлать оду *Мужеству* (*εἰς ῥῆμα*). Стиль и созданіе сей піески принадлежатъ эпохѣ гораздо позднѣйшей. Анеологія, сохранившая нѣсколько эпиграммъ Эринны, сравниваетъ ее съ Гомеромъ и Пиндаромъ. Свида осыпаетъ ее похвалами. Она прославилась въ осьмнадцать лѣтъ отъ роду. Таковы воспоминанія и слабые докуменнты, сообщаемые исторіею касательно ей. Это для насъ одно имя—не болѣе!

Вѣкомъ позже, родилась въ Аргосѣ знаменитая *Телезилла*. Тамъ же видѣлъ и слышную ея

Павзаній, которую описываетъ весьма занимательно. Она представлялась въ ней спящею, гошвою накрытъ голову шлемомъ, находившимся въ ея рукахъ, съ глазами, усшренненными на разбросанные у ногъ свшпки ея спшхотвореній. Сія женщина, соревновательница Тиршея, была не только рукодѣльницею спшховъ, но и героинею воинспвенною и благочеспивою, Жанною д'Аркъ своего времени. Когда свирѣпый Клеомень, предводшпельспвуя своими Лакедемонскими палачами, проливалъ на улицахъ Аргоса кровь гражданъ: Телезила, говоряшъ, возбудила женщинъ къ меспи за опечеспво; и губштели обрашпились въ бѣгспво предъ полною невольниковъ, слабыхъ женъ и спарцевъ. Не должно никогда оспоривашъ достовѣрности сихъ прекрасныхъ преданій. Чшо касается до двухъ или трехъ Нѣмецкихъ писателей, нападавшихъ на сіе повѣспованіе, ихъ крипка не имѣетъ ничего усшрашающаго. Нѣмцы посшавили себѣ правиломъ не думать, какъ другіе, и проповѣдывашъ всеобщій скепшцизмъ. Они ищутъ испины въ глубинѣ колодезя, который ее скрываетъ; но ищутъ ее такъ далеко, роюшся въ сихъ мрачныхъ глубинахъ съ такимъ упорспвомъ и безопвзностію, чшо она почти всегда опъ нихъ ускользаетъ. Презирая вулгарныя мнѣнія, они привязываются къ идеямъ спшаннымъ, необыкновеннымъ, нелѣпымъ, кои

подпирающъ всею важностью метафизики, за-
кляпой ученостию. Оспказашъ имъ совершенно
въ достоинствѣ было бы безразсудно; но пре-
дашся безусловно ихъ теоріямъ было бы па-
губно.

Тѣсно связанныя съ исторіею Пиндара, *Мир-
тисъ*, которая учила его наукъ спихопворснва,
и *Коринна*, побѣдоносная соперница Фивскаго
пѣвца, обѣ оспавили намъ только имена свои и
славу. Знаменипослѣ Пиндара не нравилась Мир-
писъ, коей завислѣ къ ученику, ее превзошед-
шему, выразилась въ нѣсколькихъ сапирахъ, ны-
нѣ поперянныхъ.

Коринна, благодаря своему Элическому ді-
алекту, своей красотѣ и силѣ—(пакковы слова
Павзанія)—одержала семь разъ побѣду надъ Пин-
даромъ, который не проспилъ ей во всю жизнь
споль многократно повпореннаго поржеснва.
Эпослѣ грубый Доріецъ, по свидѣтельству Эліана,
назвалъ ее именемъ живописнаго, которое при-
знается символомъ нечислѣнны и безобразн, *οὐ
ἐχάλη*. Коринна была дородна собою. Въ своей
пнесполѣ Олимпикѣ, Пиндаръ снова приходитъ въ
ярослѣ и осыпаетъ грубѣйшими ругательств-
ми свою соперницу. Комментаторы напрасно
дивятся сей брани и вооружаются пропнвъ не-
въжливоспн, господспвовавшей въ Фивахъ. Само-
любіе спихопворцевъ, безжалоспное во всѣ вре-
мена, внушило чопорному Вольшеру, поэту при-

дворному, любимцу гостинныхъ, пипу осьмнадцатаго столѣтія, предпавивелю Французской вѣжливости, именно поже самое бранное названіе, и припомъ не ошносительно соперницы, а просто любимой женщины, Госпожи Дюшапле. Что касается до Пиндара, то ему должнобъ было вспомнишь, что Коринна, вмѣстѣ съ Мирпсиною, управляла его первыми шатами на поэтическомъ поприщѣ. Но свидѣтельству Аэнея и Плутарха, она совѣтовала ему особенно не забыватьъ *ἔργα*, басню, дѣйствіе, главную мысль поэмы: это даетъ право думать, что сама она не довольствовалась одними звучными словами и дирамвическими возгласами.

Три стиха и одна пословица соспавляютъ весь поэтическій капиталъ *Праксиллы*, дщери Сикіонской. Но сіи ничпожные опрывки даютъ право предполагать въ ней итливостъ воображенія. Прочитавъ ихъ, не удивишьсѣ, что Сикіонянка, какъ увѣряетъ Аэней, сочиняла круговыя заспольныя пѣсни, шо что Греки называли *σκολιά*. Это было не что иное, какъ шутливое распространіе мысли, уже выраженной другимъ поэмомъ. Сей родъ стихопворныхъ забавъ извѣстенъ былъ Воспочнымъ, новѣйшимъ Италянцамъ и Испанцамъ: можно собрать многіе шомы Испанскихъ Глоссъ, которыя въ самомъ дѣлѣ сущъ не что иное, какъ Греческія *σκολія*.

Мы нисходимъ по порядку вѣковъ. Сокъ поэпическій оскудѣваетъ. Являются только эпиграммы и двустишія. *Аниѳа* и *Носсисъ* блистають, посреди сихъ вѣпороспепенныхъ поэповъ, кои за при вѣка до Р. X. играли въ Греціи почини ту же роль, какую сплешапели сонеповъ въ Испаніи. До насъ дошло болѣе двадцати подобныхъ спихопвореній отъ Аниѳы. Омъ ошличаются не гомерическою силою, какъ увѣрлялъ современникъ ея Аниѳиатръ, а кропкимъ и очаровашельнымъ просподушіемъ. Надпись, сочиненная Аниѳою ко входу одного гроба, гдѣ и была начерпана, сосполная изъ двухъ пенпамешровъ и гекзамешровъ, можетъ служить образцемъ ея произведеній. Вошъ она! » Спранникъ, проспри здѣсь свои упошленные члены! Кропкій ропопъ колышетъ лиспья; живоѣ ключъ журчитъ у ногъ пвоихъ при дневномъ зноѣ! Уполи свою жажду, пупникъ, и вкуси успокоеніе до солнечнаго заката!»

Носсисъ, Локріанка, если вѣришь похвалятъ Мелеагра, ошличалась въ элегическомъ и эропическомъ родѣ. Мы можемъ судить объ ней только по нѣкопорымъ дурнымъ эпиграммамъ, не имѣющимъ ни соли, ни яркости, ни силы; копория въ Анеологіи смѣшаны со множествомъ другихъ подобныхъ, иногда красивыхъ, иногда пошлыхъ, бездѣлокъ.

Миро, родившаяся въ Византіи и заключающая собой капиталъ знаменитыхъ женъ Греческой древности, есть сочинительница нѣсколькихъ эпиграммъ и героической поэмы, подъ заглавіемъ: *Мнемозина* или *Память*. Объ нихъ оспалось намъ одно только воспоминаніе. Въ продолженіе жизни она имѣла свою долю славы; и сынъ ея, *Гомеръ Младшій*, одинъ изъ членовъ трагической Плеяды, коей шуманное созвѣздіе мерцало надъ прономъ Пполомеевъ, продолжилъ извѣстность мащери. Эпо были свѣтила мрачныя, кои, возникая въ упадающихъ диспературахъ, окружающа поддѣльнымъ, скоропреходящимъ сіяніемъ, возбуждаютъ эфемерное благоговѣніе и исчезаютъ!

Поэтическія произведенія Гречанокъ, пощаженныя губительною силою времени, ограничиваются бездѣлками: опрывки прозаическихъ сочиненій Греческихъ писательницъ не важны. Германецъ Хриспіанъ Вольфъ, копорый, вооружившись всѣмъ прудолубивымъ перлѣніемъ, отличающимъ его націю, собралъ всѣ оспалки ихъ прозы, даже до завѣщаній и дарспвенныхъ записей, кои Византійскія дамы давали монаспырямъ и монахамъ, не могъ соспавить изъ нихъ больше одного помика in quarto, копорый въ добавокъ еще снабженъ нопами, обремененъ комменпаріями, набишь предварительными извѣспіями и испещренъ вариантами. Между шѣмъ

многія Гречанки писали прозою. Аееней и Свида хвалящъ *Анагаллису* Корцирскую, опличную комменпапорку, Госпожу Дасье древности. *Аре-та* Киренская, дочь знаменитого Аристиппа, продолжала философическую школу своего отца, написала сорокъ помовъ сочиненій и образовала сию десящъ учениковъ: армія значительная философовъ, но коей число не имѣетъ ничего удивительнаго въ сравненіи съ жизнію Арепы, умершей семидесяти осьми лѣтъ!

Гипатія, родившаяся въ Александріи и окружившая себя славою, подобною той, коей Гжа Спаль пользовалась въ наши времена, внушаетъ гораздо живѣйшее участіе, чѣмъ сіи ученицы женщины. Не только соединяла она въ себѣ астронома, геометра, филолога, поэта и богослова, но еще въ добавокъ была прекрасная, молодая, любезная и благородная женщина. Она погибла жертвою своихъ паланцовъ, своей славы и ненависти духовенства, жеспотайшей изъ всѣхъ ненавистей. Александрійскій клиръ, руководимый Епископомъ, котораго былъ опличнаго ума, но не опличнаго сердца, возмутилъ проповѣвъ ней фанатическую чернь. Гипатія была разорвана на куски въ церкви, въ то время, какъ проповѣдывала добродѣтель и философію. Изуродованные оспапки ея были влечимы по городскимъ улицамъ сею дикою полною звѣрей въ человѣческомъ образѣ: ибо

самая кровожадная чернь всегда есть чернь больших городовъ, гдѣ царствуютъ софисмы, гдѣ распушество въ чести, гдѣ изящная образованность управляется правилами риторовъ.

Сочиненія Гипатія были сожжены инквизиціею ея времени. Немногіе прозаическіе оспашки другихъ писательницъ не довольно достоверны. Нѣкопорыя женщины, ученицы Пивагора, Платона и Фотиія, излагали и анализировали начала своихъ учителей. Мы имѣемъ весьма сухой ошрывокъ о *Человѣческой Природѣ*, сочиненный Пивагорейкою *Эларою*, державшеюся Дорическаго діалекта во всей спирополи; маленькую піску *Периктионы*, подъ заглавіемъ *Женщина*; разсужденіе о *Необходимости Умѣренности для Женщинъ*, приписываемое *Финтидѣ*; апокрифическія *Письма Θεаны*; *Посланіе къ Филмидѣ* о кормленіи грудью дѣтей, *Мнѣ Спиль* сихъ произведеній ознаменованъ нѣжностію, приписуемою, и не дѣлають безчестія сочинительницамъ, коимъ онѣ приписываются: но ихъ подлинность не совершенно доказана. Бетилей, который любилъ преслѣдовать великую репутацию и находилъ вездѣ апокрифы, не пощадилъ сихъ бѣдныхъ пруженицъ. Онѣ опинялъ у *Периктионы* ея славу и ниспровергъ права *Мнѣ* на безсмертіе. Мнимое *Посланіе* Гипатія къ *Кириллу* признано также апокрифическимъ.

За три вѣка до Гипатія, одна Эпидаврида,

по имени *Памфила*, жена знаменитого Сократиды, одного изъ ученыхъ своего вѣка, собрала въ шридцаши прехъ книгахъ всѣ липературныя и поэтическія обломки, попавшія ей подъ руки. Вкусъ ея не опличался чистотой; или должно полагать, что она мало заботилась о выборѣ списковъ и ихъ достоверности. Для ней достаточно было списывать на удачу и помѣщая въ своей коллекціи все, что ей ни представлялось. Патриархъ Фотій сію смѣсь находилъ прелестною. Діогенъ Лаэртій сохранилъ намъ загадки, логогрифы, девизы, которыми Эпидаврлянка скопила въ своей Энциклопедіи: это настоящая липературная шифонерка, образецъ всѣхъ нынѣшнихъ альбомовъ.

Спустя одиннадцать вѣковъ послѣ Р. Х. одна Византійская жена, рожденная въ порфирѣ и надменная своимъ саномъ, ученостію и красотою, изъвила припазаніе на пальму испорія. *Алексіады Анны Комниной* суть единственное полное твореніе Гречанки, дошедшее до насъ. «Испорія Византійская имѣетъ свой порокъ» — говоритъ Виньоля Марвиль а) — «и порокъ, весьма непріятный для чистотелей, состоящій въ томъ, что большая часть ея огромнаго собранія не заслуживаетъ тѣнѣя» Сницкомъ

а) *Melanges d'Histoire et de Littérature*. III. 58.

чрезмѣрная посредственность Зонары, Сократа и другихъ Византійскихъ историковъ, даѣтъ рельефъ прозѣ Анны Комниной. Но чипайнѣ ея спраницы вмѣстѣ съ спраницами Платона или Фукидида: ихъ съ трудомъ выработанная напыщенность, до чрезмѣрности утонченный педантизмъ, возбуждѣтъ въ васъ отвращеніе! Ни капли простоты, ни одного расказа безъ надутости: все принесено въ жертву ошдѣлкѣ рѣчи, длинной выработкѣ метафоръ. И между тѣмъ Анна Комнина умѣла, когда преобладали обстоятельствова, выражаться съ грубою откровенностью. Извѣстно, что недовольная холодностью и женскимъ слабодушіемъ своего мужа, Никифора Врѣннія, она попрекала его за сей недоспадокъ энергіи выраженіями столь рѣзкими и прямыми, что мы спыдимся здѣсь привесити ихъ а).

Единственную замѣчательную часть послѣдняго романа, написаннаго Вальшер - Скопшомъ, Роберта Парижскаго, составляетъ порпребъ Анны Комниной, шцеславной, припязательной, воспитанной въ школѣ Азіатскихъ рипоровъ и соединявшей съ понкосіями Греческихъ богослововъ пышную и метафорическую декламацию Воспока: это истинный символъ Византіи, сей Византіи многорѣчивой и безплодной, празднои и занятой бездѣлками. Чпобы выразишь одну

а) *Annales Nicetae. L. III.*

половину только идеи, Анна Комнина наполняетъ двѣ или три страницы неизмѣримыми періодами. Любопытно сравнить опрывки Сафъ, какъ они ни изучены, съ широкоѣщательными лѣпописями Византійской Принцессы, лѣпописями, кои время, по безразсудной милости, пощадило въ совершенной цѣлости. Какое различіе между положеніемъ, нравами, идеями и стилемъ сихъ двухъ женщинъ, говорившихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ? Чистая ихъ, въпредсказывающе одну полу-одѣнутую, увѣнчанную цвѣтами, въ развѣвающемся хитонѣ, съ длинными черными распрепанными волосами, окруженную юношами и дѣвами, кои, упоенные ея славой, повсюду поютъ ея пѣсни: другую, во глубинѣ воспочныхъ чертоговъ, нѣжащуюся роскошно на пурпурныхъ подушкахъ, окруженную эвнухами, невольниками и невольницами, диктующую свои пышные фразы секретарю, который благоговѣнно пріемлетъ ихъ на колѣняхъ. Тотъ же самый конспиритъ находится въ стилѣ. Для одной Музою служить спраситъ; для другой респорика и самолюбіе. У одной фраза есть всегда выраженіе мысли живой и свѣтлой; у другой широкое словъ надъ идеями такъ чрезмѣрно, что сіи послѣднія исчезающъ въ ихъ длинныхъ складкахъ. Одна выражаетъ зеница Греческой императрицы, время ея блеска и величія; другая напрошивъ ея послѣдній періодъ и крайнее одряхлѣніе.

Два другія Византіянки, *Евдокія*, жена Θεοδора, и *Евдокія Младшая*, бывшая прежде за Константиномъ Дукою и потомъ во второмъ бракѣ за Романомъ-Диогеномъ, писали, одна духовныя, замѣчательныя своимъ безвкусіемъ, спихошворенія, другая спранный сборникъ, подъ заглавіемъ *Разсудникъ Фіалокъ*. Эпопъ разсудникъ содержитъ въ себѣ 1,028 матерій или главъ. Виллаузонъ издалъ ихъ: но ученый міръ ничего отъ нихъ выигралъ. Издатели глоссаріевъ могли подбратъ адѣсь нѣсколько словъ, упомянутыхъ въ Византійской Имперіи, нѣкоторыя слѣды забытыхъ обычаевъ; но чинатели оцѣнившъ достоинство и пользу сочиненія, прочитавъ слѣдующія названія нѣкоторыхъ главъ: *Какимъ образомъ Паллада родила Дракона? Былъ ли Вахъ Андрогинъ или Гермафродитъ? Гомеръ былъ Египтянинъ. О его смерти въ Аркадіи*, и пр. До такой степени ребячества унизились наконецъ умственные занятія Греціи!

Наконецъ, въ царствованіе Андроника, дочь Θεοдора, Великаго Логофета Имперіи, занималась поэзіей, метафизикой и философіей. Никифоръ Григора, сохранившій или лучше похоронившій въ своей испорченной опрывокъ изъ занятій *Ирмисъ* — (это было ея имя) — сравниваетъ ее съ Платономъ и Пифагоромъ. «Блгъ гений» — говоритъ Григора — «проливалъ потоки опыта на задачи са-

мья темныя. Спиль ея былъ цѣломудренный и ашпическій, подобно спилу мапронъ Аеннскихъ. Предоспавляемъ чипашелямъ судить о сей чистотѣ и ашпицизмѣ: они увидятъ сами, что Никифоръ былъ слишкомъ снисходительный криптикъ для своей воспитанницы и что онъ безъ сомнѣнія ослѣплялся шипломъ *Пангиперсевасты*, которое она носила и въ силу коего имѣла право на полное и глубокое высокопотитаніе, если только сіе звучное Греческое слово значило что-нибудь. Пангиперсеваста обращался такимъ образомъ къ своему опцу, который входилъ къ ней задумчивый и огорченный: «можесть быть, предъ очами швоими, будетъ знакомъ неумѣстной дерзости и ребяческаго неприличія, даже смѣю сказать, дѣйскаго безразсудства, опецъ мой, если юная дочь спанетъ говоритъ свободно съ виновникомъ дней своихъ, если па, коей языкъ едва разрѣшился, возведетъ нескромный взоръ на Олимпъ швоей мудрости. Но смущеніе швоего лица, косность швоей рѣчи и неподвижность очей, доказываютъ, что въ душѣ швоей зенитъ скорби, что швердыня швоего сердца предана въ добычу горести а);» и шакъ, въ продолженіе цѣлыхъ прехъ спрашницъ, нагруженныхъ метафорами, распнушыми до безконечности, извившими до нелюости.

а) *Annal. Byzant. Niceph. Gregor. L. II.*

Если Византійскія красавицы имѣли обыкновеніе щеголять подобнымъ краснорѣчіемъ въ домашней жизни, то не лзя не пожалѣть о ихъ опіцахъ, дѣпяхъ и супругахъ.

Какъ бы то ни было, сіи отрывки, смѣшныя и чуждые всякаго внушрнннго и наружнаго достоинства, представляютъ характеристикку времени, которое произвело ихъ. Доспойно сожалѣнія, что женщины не записывали своихъ воспоминаній и наблюденій, не соспавляли своихъ записокъ, во всѣ времена, у всѣхъ народовъ. Тысячи опітннковъ, пысячи шонкостей ускользающія отъ насъ, были бы ими схвачены и завѣщаны потомству. Испорія не прежде довершилась, дѣпописи челоѣческія не прежде получили своеполное развитіе, какъ при совершенномъ освобожденіи женщинъ вліяніемъ Христіанства. До Христіанской эры, онѣ не осмѣливались казаться на сценѣ и проявлять свой геній, развѣ нарушая всякую скромность и провозглася, подобно Аспазіи и Сафо, презрѣніе къ стыду, явное служеніе сладоспращію. Вмѣсто того, чтобы бросить въ будущность нѣсколько яркихъ звуковъ несповства и любви, кои кораблекрушеніе временъ разсыло и испребило, Сафо подъ вліяніемъ нынѣшней гражданственности, написала бы внушрннюю и подробную испорію нной спращной жизни, которая кнѣла въ ея сердцѣ. Она изобразила бы

намъ въ обширной карпинѣ своихъ современницъ и саму себя. И кпобы не спалъ сокращая благоговѣнно сіи драгоценныя откровенія, еслибъ можно было ихъ испоргнуть изъ бездны древности? Кпо бы съ радостію не опдалъ въ замѣну ихъ всѣ схолии и комментаріи, всѣ аналогіи и сборники эпиграммъ? Еслибъ можно было опыскапъ исповѣдь Аспазіи или дневникъ, веденный Коринною, спалибъ ли мы жалѣпъ о потерѣ софистическихъ рѣчей Исокраппа или бредней Гераклища о образованіи земнаго шара?

(EDINBURGH REVIEW).

IV.

СТРАШНАЯ ГРОЗА.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

ЗАПИСОКЪ МЕДИКА а).

Въ концѣ лѣша 1824 года, страшная гроза разразилась надъ Лондономъ. Никогда не забуду

а) Члппатели *Телескопа* помняпъ сіи любопытныя записки, изъ коихъ одинъ замѣчательный отрывокъ, представляющій жизнь Англійскаго *Государственнаго Чловѣка*, помѣщенъ былъ въ N 22 *Телескопа* за 1851 годъ. *Изд.*

я этой грозы, оединенной для меня съ обшпильснвами весьма спранными и воспоминаніями исполненными гореспной занимательности. Попытаюсь раздѣлить съ чипашеями болѣзненныя впечатлѣнія, кои съ шѣхъ поръ живутъ еще въ душѣ моей.

Около полудня я замѣнилъ, что въ атмосферѣ произошла необыкновенная перемѣна и природа покорялась мало по малу какому-то безмолвію, оцѣпенѣнію, ожиданію: облака опускались, электричество сосредоточивалось; небо желтѣло и какъ будто ссѣдалось и спятывалось вокругъ земли. Трепетъ живописныхъ изобличалъ предчувствіе опасности: онѣ содрогались заранее отъ бѣды, угадываемой ихъ инстинктомъ. Небо грозило какимъ-то близкимъ злосчастіемъ. Зной увеличивался ежеминутно: собаки задыхались, выспавая сухой, раскаленный языкъ изъ опкрытой пасти; воды, копорыхъ вели на бойню, оспанавливались и не прогались съ мѣсна. Но не смотря на духоту, спершуюся въ улицахъ отъ перпендикулярно дождимыхъ лучей солнца, народъ толпился въ нихъ. Въ умахъ господствовало особенное волненіе. Многие, изумленные испугленными предвѣщаніями энпузіастовъ, ожидали въ сей день свѣто-преспавленія и спрашнаго суда. Перемѣна температуры, видъ неба, приближеніе грозы, воспламеняли воображеніе суевѣровъ: ссылаюсь на шѣхъ, кои жили

тогда въ Лондонѣ; они вѣрно помнятъ, какъ и я, энюшъ день, эню горячку ужаса, распроспранившюся въ народѣ, фанатизмъ однихъ и глубокое уныніе другихъ.

Въ Англіи религія имѣетъ большую силу; почему спрахи сіи овладѣли народомъ въ высшей степени. Между особами, коихъ я посѣщалъ въ ушреннемъ объѣздѣ, едва замѣнилъ я двухъ или трехъ, принадлежавшихъ къ высшему кругу вельможъ, кои не подверглись ихъ вліянію. Въ каждомъ семействѣ встрѣчалъ я только спрахъ и уныніе. На поворотахъ улицъ, у сполбовъ, проповѣдники, коихъ голоса не могъ я слышать, назидали толпы, внимавшія имъ съ ужасомъ. Ихъ жесты изобличали явственно содержаніе ихъ проповѣдей. Я самъ уснутилъ наконецъ общему впечатлѣнію; и, когда воропылся домой, усталый, покрытый пошомъ, ощутилъ невольный шрепетъ, котораго не могъ преодолѣть и который попрясъ всѣ мои нервы.

Въ госпинной напелъ я свою жену, дѣлей и одну молодую дѣвушку, ввѣренную намъ своею маперью, копорая была съ нами въ дружеской связи и должна была сама прѣхатъ къ намъ скоро. Миссъ Елена В***, единственная дочь Мисприссъ В***, вдовы одного кавалерійскаго полковника, жила съ маперью близъ Виндзора. Эта дѣвушка была вся воображеніе, вся поэзія; но вмѣстѣ отличалась необыкновенною проспо-

пою. Она была воспитана весьма тщательно въ совершенномъ уединеніи; и ничто не могло омрачить въ ней той ясности взгляда, той чистоты дѣвственнаго просвѣщенія, того пылкаго энтузіазма, кои составляли отличительный ея характеръ. Мы считали ее своей дочерью и наша привязанность къ ней усиливалась ежедневно. Не лзя было узнать ее и не полюбить. Вы бы спали любовались нѣжностію ея чертъ, стройностію снана; но она обворожала не столько наружною красою, сколько выраженіемъ внутренней прелести, кою душа ея была проникнута и копорая оппечашлѣвалась на всемъ существѣ ея. Она была не велика собой, оппаша въ миниатюрныя формы древней Гебы. Физіономія ея не показывала ни романической меланхоліи, ни свѣтской живости, но изобличала неиспощимую роскошь чувства и мысли, сокровищъ, кои такъ рѣдко соединяются съ физическою красою. Звукъ ея голоса полный, звучный, чистый; удивительная легкость, походки; глаза раскаленные мыслію: все согласовалось съ характеромъ лица. Она не бросала, а какъ будто тихо покоила взглядъ, вырывающійся изъ ея черныхъ, бархатныхъ очей, ярко сверкавшихъ подъ длинными, тонкими рѣсницами. Едва появилась она въ моемъ домѣ, какъ посѣщенія, вѣжливости, ласки сплѣсли меня оппсуду. Молодые люди, коихъ я видалъ не бо-

лѣе разу, и по въ прешъемъ домѣ, искали предспавишься мнѣ чрезъ своихъ друзей; а шѣхъ, кои посѣщали меня обыкновенно изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, не лѣзя было выжишь. Съ удивительнымъ вниманіемъ и шрогашельною исправноспію навѣдывались они о моемъ здоровьѣ, о женѣ моеѣ и дѣтихъ. Манушки и шепушки, между разговоровъ, закидывали будпо случайно вопросы: »Миссъ В*** очень мила—еспъ ли у ней соспояніе?« или: »ваша гостыня не замедлитъ найпш опличную парпцію—думаютъ ли ее приспроишь?« Я легко понималъ смыслъ сихъ вопросовъ и начиналъ привыкать къ нимъ, какъ къ необходимоспи моего положенія. Сколько молодыхъ людей, заняпыхъ собою, спарались выискивать всякаго рода предлоги, чпобы извинишь необъчайную безопшвзность своихъ посѣщеній! Фаворишь, коего рука изливаешъ чины и богащспва, не былъ бы ласкаемъ и уважаемъ болѣе, чѣмъ я въ по время.

Но Елена уже сдѣдала свой выборъ. Изъ всѣхъ искашелей, окружавшихъ ее, она предпочла самаго шихаго, самаго кропкаго и, можетъ бышь, самаго dospойнаго: одного молодаго духовнаго, копорый скоро долженъ былъ приняшь посвященіе и копорый ни въ чемъ не походилъ на свою невѣсту. Онъ имѣлъ одну изъ шѣхъ мирныхъ и чиспыхъ душъ, кои добродѣтельны по темпераменту, кои способны къ привязанноспи глубокой и непоколебимой, но всякой энгузі-

амъ очиняють сумасшеспвiемъ, каждый порывъ воображенiя находящъ пагубнымъ. Елена и Фридрихъ Дальверъ не сходились между собой ни въ одномъ пунктѣ и полюбили другъ друга сердечно: оба они удивлялись другъ въ другъ качествамъ, конхъ въ самихъ себѣ не находили. Ихъ не рѣдко длинныя споры всегда оканчивались возвышенiемъ взаимнаго уваженiя и, сказавъ правду, сiя противоположность поэзiи и прозы, воображенiя и здравого смысла, одушевленнаго энтузiазма и холоднаго разсудка, представляла любопытное зрѣлище.

Елена, коей пылкая душа была расположена ко всѣмъ идеямъ, оплечавшимся величiемъ и яркостью, натурально не могла не покориться общему вѣрованiю въ близкiй конецъ свѣта, вѣрованiю, котораго Англiйскiе богословы со всѣмъ не опвергали и которое подкрѣплялось журналами, духовными проповѣдями и даже нѣкоторыми учеными книгами. Фридерикъ весьма далеко былъ отъ того, чпобы мыслить заодно съ нею. До отъѣзда своего къ Оксфордъ, куда призывали его обязанности званiя, онъ имѣлъ съ ней весьма продолжительный разговоръ: ихъ идеи и чувства были различны; и, въ слѣдствiе сего разногласiя, прощанiе ихъ было не такъ лѣжно, какъ бывало обыкновенно. Елена поддерживала свою вѣру съ краснорѣчивымъ одушевленiемъ,

копорому женихъ ея только улыбался, но копорое весьма сильно подѣйствовало на жену мою и дѣшей.

Я остался въ гостиной на нѣсколько минутъ и пошелъ въ свой кабинетъ, гдѣ надобно было мнѣ записать нѣкоторыя замѣчанія. Когда я сѣлъ, небо было совершенно желтое и нѣкоторые зеленоватые и рыжеватые оплѣнки, рисовавшіеся на немъ, усугубляли печальную унылость представляемаго имъ зрѣлища. Неперпимая духота атмосферы не переспавала увеличивалась. Облокошась на сполъ и усуремивъ неподвижный взглядъ на сію мрачную массу, какбы свѣсившуюся съ тверди, я провелъ нѣсколько минутъ, размышляя о сполъ необычайномъ успокоеніи природы: ни одинъ древесный листокъ не шелохнулъ въ моемъ саду; ни одно малѣйшее дыханіе въперка не производило слабѣйшаго шороха. Я задыхался... опворить окно, развязалъ галспукъ и обмочилъ перо въ чернилъ... какъ вдругъ блескъ, поиспинъ адской, разсѣкши облака и заливъ небо на шесип или на семь секундъ, вскрылъ предо мною наспоящую преисподнюю бездну. Двѣ или при крупныя дождевыя капли плжело упали на перилы балкона. Черезъ минушу разразился громъ. И какой громъ? Великій Боже! Еслибъ я покусилъ дашь объ немъ идею, выраженія мои показались бы гиперболическими. Когда бы

*

шаръ земной насильственно сорвался съ своей оси; когда бы обломки его разлепѣлись на пысячи дребезговъ въ пространствѣ, это, думаю, не произвело бы шреска ужасѣе. Дай Боже, чпобы слухъ мой никогда не поражался подобнымъ ревомъ! Я ринулся, опрокинувъ стулъ, на кошпоромъ сидѣть, неспособный ни къ какой мысли, зажавъ уши обѣими руками и закрывъ глаза, чпобы не видашь споль ослѣпительнаго блеска.

Нѣсколько времени я былъ словно обезумленный, словно окаменѣлый. Когда я пришелъ въ себя, по первое мое движеніе было броситься спремглавъ изъ кабинета и бѣжать къ женѣ и дѣтямъ. Онѣ были еще въ госпинной: жена въ обморокъ, дѣти вокругъ ней, испуская громкіе вопли, ибо счипали ее мерпвого. Я поднялъ ее, сжалъ въ своихъ объятіяхъ. . . Въ эту минуту другой ударъ грома, другая молнія, снова попрысали и освѣтили весь домъ. Тысяча пушечныхъ жерлъ, изринувшихъ вдругъ свое пламя, можесть бысть, сравнились бы съ симъ впорымъ ударомъ. Всѣ спекла въ окнахъ разлепѣлись въ дребезги: жена моя, на колѣнахъ, судорожно обвилась вокругъ меня. Я зазвонилъ изъ всей мочи въ колокольчикъ; и горничная, вся распрепанная, прибѣжала наконецъ въ госпинную. Я велѣлъ ей найти спирту и разшуровать мою жену. Ей спало получше: я положилъ ее на софу и пронзитель-

ный крикъ дѣшей началъ униматься, какъ вдругъ пришло мнѣ на мысль, что Миссъ Елена не являлась во всю эту ужасную сцену. Одинъ слуга проходилъ мимо опворенной двери.

»Эдуардъ!« вскричалъ я. »Гдѣ Елена?«

— Миссъ Елена, сударь?.. Не умѣю вамъ сказать... А! да! продолжалъ онъ. Назадъ тому минутъ пять, я видѣлъ, она очень скоро пошла по лѣспницѣ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ ее.

»Такъ ты видѣлъ ее въ ту минуту, какъ въ первый разъ сверкнула молнія?«

— Именно, сударь!

»Подиже въ госпинуу и будь при барынь. « . . .

Я побѣжалъ по лѣспницѣ самъ, крича изъ всѣхъ силъ: »Елена! Елена! гдѣ вы?« Никто не отвѣчалъ. Дошедши до верха лѣспницы, я ударилъ въ двери комнапы, копорая служила ей спальнею. Двери были запворены, но ключъ находился въ замкѣ. Нѣтъ отвѣпа.

»Ради Бога! Елена, отвѣчайше! Или я опворю!«

Удивленный, испуганный молчаніемъ, копорое она хранила, я принужденъ былъ дѣйствительно опворить... Трудно описать вамъ то, что я увидѣлъ; передать ужасъ, мною овладѣвшій, и совсѣмъ не возможно.

Напропавъ дверей, оушахъ въ шрехъ опъ порога или еще ближе, Елена сполла, недвижимая, пропинувъ обѣ руки, съ глазами опкрытыми и равно неподвижными. Часъ волосъ ея развѣвались по плечамъ: обыкновенная кропосъ ея чертъ исказилась какимъ-по спраннымъ выраженіемъ угрозы. Одѣлая въ бѣлое платье, она казалась блѣднѣе и бѣлѣе кисей ея покрывавшей. Глаза ея, совершенно безъ всякаго движенія, сверкали какимъ-по сверхъеспесивеннымъ блескомъ, коего гробовое сіяніе доселѣ преслѣдуешъ меня въ сновидѣніяхъ и всегда будетъ присуще моему воображенію. Елена казалась окаменѣвшею; губы ея не шевелились; руки оспавались распростертыми въ воздухъ... и между тѣмъ она на меня смопрѣла... она на меня смопрѣла!...

Нога моя оспалась какъ будпо прильнувшео къ порогу; я не смѣлъ ни говорить, ни двинушся впередъ; голова у меня пошла кругомъ; невольное безпамятство овладѣло мною; я потерять упопробленіе чувствъ; новыи ударъ грома возврапитъ мнѣ ихъ снова.

Тогда я упрекнулъ себя за споль ребяческій спрахъ и, подошедши къ молодой дѣвушкѣ, схватилъ ее за руки; онѣ были совершенно холодныя!...

» Елена! « вскричалъ я. » Елена! «

Она не опивчала ни слова. Тѣло ея было жеско и заоченѣло, какъ пруть; объ пропнянутыя руки не сгибались, не перемѣняли положенія. Я схватилъ ея въ свои объятія, донесъ до постели, положилъ, закрылъ ей рѣсницы, опустилъ, не безъ насилія суспавамъ локтя и плеча, объ руки и смотрѣлъ съ неизяснимою горестію на сіе необычайное зрѣлище. Она лежала, лишенная чувсва, но не жизни, потерявъ способность двигаться и дѣйствовать, но сохраняя дыханіе. Тонкой непримѣнный паръ выходилъ изъ ея посинѣлыхъ губъ: біеніе, хотя самое слабое, служило доказательствомъ, что кровь продолжала обращаться. Я кликалъ ея изъ всѣхъ силъ, ширя насильственно всѣ ея члены. Громъ все еще продолжалъ ревѣть; кровавая молнія обаграла небо. Елена ничего не слыхала, ничего не видала: она не двигалась ни чѣмъ, была наслоящая спалуга. Напрасно усиливался я опкрышь въ ней какой-нибудь изъ слѣдовъ, кои громъ оспавляетъ на своихъ жерпвахъ. Огнь небесный не поразилъ ея! Чпожь пакое съ ней случилось? Не ужели это смерть? Но она дышала! Спало быть, она еще жива? Но чпо значила эта жизнь безъ чувсва и движенія, эта жизнь, приличная пруту?

Жена моя, удивляясь, чпо меня пакъ долго не видишь, прибѣжала въ сопровожденіи служан-

ки и своими распросами увеличила мое смущеніе.

— Не ужели она умерла? Не ужели громъ убилъ ее?—спрашивала она, прижимаясь ко мнѣ съ ужасомъ.

Присущіе ей только чпо связывало меня. Посему, вырвавшись изъ объятій, въ конхъ она меня сжимала, я вывелъ ее въ сосѣднюю комнату, гдѣ велѣлъ служанкѣ бытъ при ней безоплочно и ухаживать за ней. Потомъ ворошилъ къ постели, на копорой лежало распротертое шѣло Елены. Чпо дѣлать? Какъ принялъ за припадокъ, копорого я не зналъ ни причинъ, ни дѣйствій? Мои знанія, моя ученость, моя практика, мои долготѣніе опыты, не предспавляли мнѣ никакого пособія, не давали никакого свѣта. Я шерь себя лобъ обѣими руками, допрашивалъ всѣ свои воспоминанія, чпобы сыскалъ какой-нибудь подобный примѣръ, случай, коего лѣченіе могло бы руководствовало меня въ споль затруднительномъ обстоятельстве. Эпо не была ни эпилепсія, ни исперика, ни обыкновенный обморокъ. Если я бралъ какой-нибудь членъ ея шѣла и пытался перемѣнить его положеніе, шо онъ успуналъ съ усиліемъ, сохранялъ нѣсколько времени направление, копорое я ему давалъ, и опять возвращался въ прежнее. Я, на примѣръ, двигалъ ея руку: она повиновалась моему давленію, потомъ

медленно, поспешенно возвращалась обратно назадъ. Я поднялъ ее и посадилъ: она оспалась на одномъ мѣсцѣ, съ дикими, неподвижными взорами. Я закрылъ ей рѣсницу: она поднялась опять мало по малу. Ужасно было видѣть это существо, одушевленное, но безъ воли, безъ могущества; эти глаза, лишенные смысла и чувства; это шло, въ коемъ кровь обращалась, но душа казалась оплотившею.

— Ахъ, сударь! вскричала испуганная служанка. Она испорчена! Въ нее вселился сашана! Это самъ сашана!

Наконецъ, одна мысль поразила меня. Этого страннѣйшій припадокъ долженъ быть *катаlepsis*, болѣзнь рѣдкая, паниственная, ужасная, которая въ жизни носитъ всѣ признаки смерти, а въ смерти сопровождается признаками жизни. Никогда подобный случай не представлялся моему наблюденію. Я понялъ, что это пылкое, спремипельное воображеніе, уже предубѣжденное всеми ужасами наступающей кончины свѣта, распростиравшимися не только между народомъ, но и въ высшихъ классахъ общества, не могло вопрошивишься потрясенію, произведенному ударомъ грома, который и меня оглушилъ такъ ужасно. Она бросилась къ дверямъ комнаты: вдругъ кровь свернулась въ ея венахъ, мозгъ какъ будто пораженъ параличемъ; и она окаменѣла въ своемъ порывѣ къ побѣгу, оспалась

спашуей, въ томъ видѣ какъ я нашелъ ее, отворивъ двери.

Но громъ не произвелъ ли въ ней какого-нибудь органическаго поврежденія? Не ослѣпла ли она? Ея расширенныя зрачки не поперяли ли способности принимашь солнечныя лучи? Мучимый сими сомнѣніями, кои открывали мнѣ слишкомъ ясно предѣлы знанія и тѣсный кругъ, коимъ ограничиваеся могущество человека, я не зналъ, къ какому способу лѣченія прибѣгнуть. Между тѣмъ не лзя было перяпъ ни минуны времени; долго ходилъ я взадь и впередъ по комнашъ Елены; наконецъ рѣшился держашься анги-спазмодическаго лѣченія. Обильное кровопусканіе изъ руки, нарывныя пластыри сзади ушей, горчичная каша для ногъ, не произвели никакого дѣйствія; небольшой приѣмъ опиума и эфира, копорый я принудилъ проглотить несчастную больную, имѣлъ не больше успѣха. Ея ноги, почти обваренныя горячею водою съ горчицей, оспавались бѣлы и холодны. Спремленіе крови къ головѣ было шакъ сильно и упорно, что всѣ сіи средспва, упошребленныя вмѣстѣ, не могли воспоржеспвовать надъ нимъ. Я рѣшился поспавить ей рожки между лопатокъ.

Въ ту минушу, какъ я писалъ корошенькую записочку къ моему фармацевту, жена моя, копорая, какъ я сказалъ, находилась въ сосѣдней

вспомнѣть, начала громко хохотать. Я побѣжалъ къ ней: ужасныя нервическія конвульсіи причинили сей спазматическій хохотъ. Я пустилъ ей кровь, послалъ своего камердинера къ фармацевту и воровился къ поспели, гдѣ Елена по прежнему находилась безъ движенія.

Я продолжалъ прилагать объ ней всѣ возможные назначенія, какъ сильный спукъ раздался у воровъ. Слуга взомель и доложилъ мнѣ, что въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ имѣютъ во мнѣ крайнюю нужду, что больной находится при послѣднемъ издыханіи и что пребудетъ самоскорѣйшая помощь. Я имѣлъ полную довѣренность къ искусству фармацевта, котораго долженъ былъ спавить рожки, и пошелъ за человекомъ, котораго былъ за мной присланъ. Дождь лилъ ливнемъ: гроза продолжала свирѣпствовать. Дверей черезъ шрое отъ дома, гдѣ я жилъ, пупеводилшелъ мой оспановился и заставилъ меня войти въ шретій этажъ, гдѣ нашелъ я опворенныя двери.

Я оставилъ молодую дѣвушку, споль инпесную, споль прекрасную, пораженную смертною депаргіей: зрѣлище новое, совершенно опличное отъ того, которое наполняло душу мою самыми скорбными ощущеніями, ожидало меня у больного, къ которому я былъ приглашенъ.

Это былъ кулачный боецъ по ремеслу, котораго звали Билли Веделькифъ: богатырь по сложенію, заменившій между своими собратіями и весьма часто выигрывавшій призы въ кровавыхъ битвахъ, коихъ былъ героемъ. Въ поже самое ушро, онъ присущсповалъ въ качествѣ судьи на одномъ изъ подобныхъ празднествъ, увѣнчанномъ по обыкновенію большою пирушкой. Охмѣлѣвъ и поперивъ способность правилъ, онъ сѣлъ въ свое шильбюри и добѣхалъ кое-какъ до Лондона: но здѣсь лошадь его, испуганная молніей, взбѣсилась и опрокинула ушлую колесницу, копорая, увлекши бойца въ своемъ паденіи, вывихнула и раздробила ему въ подъемъ лѣвую ногу. Нѣкопорые проходяще, нашедши его въ шакомъ сосполніи на улицѣ, перенесли къ нему въ домъ, копорого нижній эшажъ занимался таверною. Съ самыхъ первыхъ спупеней лѣспницы я услышалъ его стоны или лучше вой, смѣшанный съ ужасными проклятіями.

Во глубинѣ комнапы, копорая вся была въ безпорядкѣ, хопя меблировка ея показывала препензіи на роскошь дурнаго вкуса, боецъ лежалъ, распянувшись на постели съ красными занавѣсками. Обнаженная нога его висѣла до полу. Впрочемъ онъ былъ совершенно одѣтъ; его синій фракъ съ золотыми пуговицами, коропкое исподнее плашье изъ сѣраго космалаго бархата, были испачканы грязью и разорваны во

многихъ мѣспахъ. Раскраснѣвшись опть вина и ярости, эпа грубая, раздупая фигура скрежешала зубами и изрыгала ужасныя хулы, раздираемая люпыми муками. Вы бы содрогнулись, увидя эшо опшрапишельно обезображенное лице; эшопть лобъ и щеки, словно вылипыя изъ раскаленной мѣди; эпи мускулы, надувающіеся подобно осученнымъ канапамъ; эпи большіе зубы, копорые яростино спучали другъ объ друга: надобно было слышать его проклятія, изрыгаемыя на грозу, на время, на пирушку, на вино, на жену, копорая спояла возлѣ, на самого себя, на свое сумасшесствіе, на лошадь, на громъ, копорый ревѣлъ, даже на Бога, Копорый гремѣлъ имъ. Не возможно вообразить ничего гнуснѣе, опшрапишельнѣе. Я опспушилъ на нѣсколько шаговъ.

»Но, милая моя!« сказалъ я Мисприссъ Билли, копорая препешала всѣми членами: »вамъ бы надобно было послать не за мною, а за хирургомъ!«

— Онъ убьетъ насъ всѣхъ! Помогите ему, помогите, сударь, ради Бога! Сдѣлайте что-нибудь! кричала бѣдная женщина, вся въ слезахъ, ломая руки.

Тогда неистовый обернулся ко мнѣ и приподнявшись до половины на локпѣ:

— Гей, докторъ! сказалъ онъ мнѣ. Ну, дѣлай же *что-нибудь*, какъ говорить эпа негодница...

И пусть чорнѣ возьметъ пвого душу!... По! Какъ я спрадаю!.. Посмопри-ка эпу ногу... эпу ногу!.. Проклятая лошадь! Я ее изломаю, исковеркаю, изомну, проглочу эпу сапанинское живошное, какъ скоро эпа собачья дочь нога ошпашъ будетъ на своемъ мѣспѣ...

Говоря сіи слова, онъ прлсъ сею несчастливой ногой, копорая висѣла вся окровавленная; на ней держался еще ошанпокъ голубаго чулка, приклеенный запекшеюся кровью. Сія звѣрская физическая сила, препирающаяся съ смершною мукою и борющаяся съ опчаяніемъ, сей аплепъ, чуждый всякаго нравспвеннаго чувспва и преданный одной яроспи, человекъ безъ Бога, безъ души, добыча люшѣйшей пыпки, озаремый время ошъ времени огненными бороздами, кои сѣклись въ небѣ, предспавляли мнѣ живыи образъ падшаго Архэнгела, неисповспвующаго во глубинѣ бездны, его поглоспвшей. Ревъ грома продолжался: жена упала на колѣни подлѣ его постели.

— Билли, любезный мой Билли! сказала она ему. Докпоръ уидетъ, если ты будешь такъ говоришь. О Господи! Пропшу тебѣ, успокойся! Или докпоръ опкажется пособить тебѣ!

— Пусть онъ попробуетъ, пусть попробуетъ! закричалъ боецъ, сжимая кулаки. Пусть онъ поидетъ, если смѣетъ!.. Я шеперь хромъ, конечно! Но, какъ я ни хромъ... я тебѣ поймаю,

докпорь... Я тебя научу бышь вѣжливымъ...
Вощь моя нога, господинъ медикъ... Чпо съ
ней дѣлашь... Ошвѣчайше жь скорѣе, госпо-
динъ докпорь! Вѣдь вы, кажешся, шакъ себя
называете...

Мое первое движеніе было удалиться и предо-
спавить судьбѣ своей эпого грубіана, которъ
ругался мною. Но я бросилъ взоръ на его же-
ну: она была dospoйна всякаго сожалѣнія. Не
ошвѣчая ни слова, даже не смопрѣ на больного,
я спалъ на колѣни и началъ опдирашь чулокъ,
прилигнувшій къ ранѣ. Какую оспорожность
ни упопроблялъ я при сей операціи, она была
очень мучительна; по мѣрѣ шого какъ чулокъ
уступалъ моимъ усиліямъ, шѣло больного ко-
робилось, брови ярошно морщились, бѣшенств-
во овладѣвало имъ, пѣна била у рта; наконецъ
неисповшво его лопнуло.

— Докпорь! докпорь! глупецъ! мерзавецъ! Ты
не знаешъ своего дѣла!... Ребенокъ, ой! ребенокъ
лучше бы сдѣлалъ!... Оспавь меня, оспавь
меня, брось меня... Поди къ чорпу!... Я
не хочу... не хочу тебя...

И онъ вспалъ, сжавъ кулаки, тошовый приплю-
снупъ меня на мѣстѣ. Я собралъ все свое хла-
днокровіе и сказалъ женѣ, чшобъ она позвала
кого-нибудь. Между шѣмъ написалъ нѣсколько
словъ карандашемъ одному хирургу, моему прі-
ятелю, которъ жилъ въ сосѣдствѣ. Я хотѣл

иди вонъ; но жена Билли бросилась къ дверямъ, умолая меня оспаться.

— Мужъ мой пьянъ, говорила она. Проспитише ему! Онъ шакъ спрадаешъ. Завтра онъ будетъ благодарить васъ за ваши попеченія. Сжалъсь надъ нимъ, сжалъсь, кричала она. Вы видите, чпо онъ пьянъ!

— Поди-ка сюда! заревълъ боецъ женъ своей громовымъ голосомъ.

Бѣдняжка подошла. Онъ схватилъ ее за плечо своей Геркулесовской рукой и, шрахнувъ, бросилъ онъ себя изъ всѣхъ силъ.

— Вонъ, негодница, вонъ!... А! я пьянъ!... Ты думаешь, чпо я пьянъ!... Вонъ опсюда! Вонъ сію же минушу, или я шебя...

Несчастная бросилась по лѣспницѣ опромепью и я оспался одинъ, лицомъ къ лицу, съ бѣснующимся извергомъ. Признаюсь, единственное побужденіе, удержавшее меня, былъ спрахъ, чшобы онъ не вскочилъ съ своей поспели и, въ испуленіи, не разразилъ надо мной своей ужасной силы, копорую яроспъ увеличивала еще больше. Я перевязалъ его рану; она должна была причиняшь ему несперпимую боль; я обмылъ ее теплою водою и дожидался прибытія хирурга, копорый не замедлил явиться. Тогда я вздохнулъ свободнѣе и наконецъ собрался идти къ ангельскому созданію, копорое насшояшельно прѣбовало моихъ попеченій.

— Ради Бога, остановишесь! сказалъ мнѣ въ поголоса хирургъ.

Онъ чувствовалъ попѣже спрахъ, что и я. Большаго труда споню намъ окончить перевязку. Никогда успа челоуѣка не изрыгали прошивъ подобныхъ себя споль грубыхъ, споль скаредныхъ ругательствъ. Буря не переспавала; но дождь нѣсколько упихъ; молніи и громовые удары спановились чаще, сильнѣе. Я подумалъ, что сей яркой и ослѣпительный блескъ можетъ безпокоить больного, и опустилъ одну изъ споръ.

— Подыми эту спору! закричалъ Билли. Поднимешь или нѣтъ, чорнѣ возьми! Эй, проворнѣе! Слышишь ли? Развѣ ты думаешь, что я какъ лошадь, испугаюсь молніи? . . Нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ онъ, изрыгая ругательства. Я хочу видѣть эту молнію, которая переломила мнѣ ногу... Хочу видѣть ее. . . Да! . . Я хочу клясть ее, клясть сколько душѣ угодно, ее—и Бога, который создалъ ее! . .

Сжавши кулаки, съ пѣной у рта, онъ поднялъ голову; новый пошокъ багроваго свѣта облитъ его; онъ продолжалъ богохульствовать. Хирургъ, который былъ весьма благочестивъ, обнаружилъ движеніе ужаса и опвращенія, угрожая бросить его, если онъ не замолчитъ.

— Знай свое дѣло! не мѣшайся въ чужія! кричалъ боецъ.

Я зажалъ обѣими руками глаза, чѣобы защи-
титъ ихъ отъ яркаго блеска новой молніи. Ког-
да разразился ударъ грома и я осмошрѣлся во-
кругъ себя, то увидѣлъ бойца, сидящаго на по-
спелѣ, съ просяннушими впередъ руками и опро-
кинутою назадъ головою: глаза его словно вы-
скочили изъ глазницъ; все лице покрылось
смершною блѣдноспію; зрачки выпучились и
стояли неподвижно; онъ напомнилъ мнѣ вохва
Элиму на одной изъ картинъ Рафаэля. Его спи-
снущія губы не шевелились; онъ не говорилъ
ничего; не прогался ничѣмъ. Онъ ослѣпъ!

Молнія, извившаяся вкругъ насъ безъ всякаго
вреда, выжгла глаза богохульнику. Хирургъ и я
осмошрѣли ихъ: они были неподвижны, безчув-
ственны. Мы начали спрашивать его: онъ не
опвѣчалъ ни слова и повалился навзничъ, какъ
бездушная глыба. По временамъ глухой спонъ
вырывался изъ его шяжко воздымавшейся гру-
ди: спонъ ужасный, хрипѣніе смершной муки,
лрости или, можешь бышь, раскаянія. Наконецъ
онъ повернулся на поспелѣ и положилъ руку
на оба глаза. Послѣ сего, можно сказать, су-
дорожнаго движенія, онъ не ворошилъ болѣе.
Хирургъ могъ дѣлать съ его ногой, чѣо хо-
пѣлъ. Изъ неистоваго звѣря несчастный пре-
вращился въ существо оцѣпенѣлое, безмыслен-
ное, нечувспвишельное къ самымъ люпѣйшимъ
спраданіямъ. Легко угадашь, съ какою поспѣш-

носпію оспавилъ я его номнапу, гдѣ оспался хирургъ, чпобы бѣжанъ къ Еленѣ, коей цоложеніе преслѣдовало мою душу.

(окончаніе слѣдуетъ)

VL

НОВОСТИ

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ЛУКРЕЦІЯ ВОРДЖІА,

ДРАМА

ВИКТОРА ГЮГО.

(продолженіе)

Изъ предложеннаго нами краткаго обозрѣнія *Луcreціи Ворджіа* открываеица, что сіа новая драма Виктора Гюго естъ собраніе ужаснѣйшихъ сценъ развраща и злодѣянія, какія когда-либо возводились искусствомъ на прагическій колпуръ. Основаніе ихъ неоспоримо принадлежишь исторіи: всѣ эпи лица, изумляющія нечеловѣческою лютоспію и развращомъ, дѣйствительно существовали, злодѣйствовали, гибли, какъ представлено въ драмѣ, за исключеніемъ Дженнаро, принадлежащаго фантазін поэша. Только, по праву поэшической свободы, нѣкоторыя произшествія, для содѣйствія ходу и единству драмы, перемѣнены въ проишвеніи историческому порядку. Така ужасная канаспрофа, коею драма оканчиваеица, пере-

несена поштомъ въ Феррару изъ Рима, гдѣ она совершилась дѣйствительно, но съ другими обстоятельствомъ. По свидѣтельству дѣпонысца Павла а), Александръ VI, приготовивъ ядъ для Кардинала Адриана, по ошибкѣ оправилъ имъ себя и всѣхъ гостей своихъ, кон, подозревая Лукрецію въ злодѣяніи, умертвили ее въ яросни.

Спрашивается теперь, съ какою *поэтическою* цѣлю сей отвращительный рядъ ужасовъ, своею позорною дѣйствительностію оскорбляющій невыразимо высокое достоинство природы человеческой, выкопанъ изъ подъ спуда испорчен и представленъ на сценѣ со всеми очарованіями искусства? Говоримъ: съ какою *поэтическою* цѣлю, дабы предохранить всякое возраженіе со стороны ихъ, кон соблазняюща *безцѣльностію* искусства, проповѣдуемою въ вышешихъ кодексахъ изящнаго. *Поэтическая* цѣль, по нашему разумію, есть не что иное, какъ идея, которую художникъ предполагаетъ выразить своимъ произведеніемъ. Для искусства, какъ мы уже нѣсколько разъ имѣли случай замѣтить, не довольно одной матеріальной вѣрности представленія: оно должно вдыхать жизнь дѣйствительности, просвѣтлять единою мыслию мрачный хаосъ событий. И снмъ только оправдывается его свобода самоуправствовать дѣйствительностію, переставлять и измѣнять события, дабы онъ ярче и полнѣе выражалъ предначертанную идею. Глыба Каррарскаго мрамора, подъ рѣзцемъ Микель-

а) *Sophronizon*, VIII. 5.

Анджело получаетъ определенную фізіономію: поч-
но также долженъ познать поспунаць съ испоріей.
Какая же идея предположена Викпоромъ Гюго при
драматическомъ предспавленіи спрашнхъ злодѣяній
«аміаніи Борджіа»?

Когда во времена древней Греческой прагедіи, не-
умолимый Эсхилъ безжалостно развивалъ сыпнокъ
преступленій закланнаго семейства Апридовъ; когда
опицеубійство и кровосмѣшеніе, въ роковомъ лицѣ
Эдипа, являлись всенародно на прагическомъ копур-
нѣ: сіи ужасныя зрѣлища имѣли высокую *поэтическую*
цѣль, выражали глубокую идею. Въ нихъ олицетво-
рлялось религіозно-філософическое понятіе неумоли-
мой судьбы, подѣ непреоборимымъ вліяніемъ коей
благоговѣнно признавали себя древніе Греки. Пред-
спавляемые въ нихъ преступления, будучи слѣдспві-
емъ безспальнаго упорства природы человѣческой про-
пннѣ възнизлагающаго могущества Рока, спрашнаго
самому Зевесу, возбуждали не презрѣніе и отвра-
щеніе, а глубокое сердечное состраданіе къ чело-
вѣчеству, безжалостно сокрупаемому. Сіи преступ-
ленія шеряли даже свою преступность, покодику
всякое личное учаспіе человѣческой свободы при нихъ
уничпожалось. Въ настоящія времена, когда, подѣ
вліяніемъ Хриспіанства, сіе грозное спрашнлице
Рока изгладилось и уступило мѣсто лучезарному,
живошворному свѣшнлу міродержавнаго Промысла, въ
настоящія времена, искашъ производнть подобныя
впечатлѣнія значнть оскорбляшъ умъ, развращашъ
волю, убивашъ сердце. Отсюда новѣйшія предспав-
ленія наслѣдспвенныхъ преступленій и бѣдспвій, ко-

ихъ опыты видить мы преимущественно у Нанцеза, Вернера, Гримальпарцера, Мильнера, при всей народности преданій, служащихъ имъ основаніемъ, невыносимы на сценѣ. Скажунъ, что древнее понятіе судьбы можетъ быть нынѣ дополнено чувствомъ извоздаянія. Но чувство сіе не такъ достигается. Христіанская идея Промысла, съ одной стороны допущая суровое карающее Правосудіе, съ другой расщепляется несподручнымъ Милосердіемъ. Представленіемъ кары, преслѣдующей злодѣяніе чрезъ нѣсколько поколѣній, въ жертвахъ совершенно невинныхъ, уничижается божественное Милосердіе; изображеніемъ наказанія, коснящаго до крайней мѣры злодѣяній, ослабляется небесное Правосудіе. Сей послѣдній случай имѣетъ мѣсто при исторіи маммлин Борджіа. Если при ея поэтическомъ представленіи ограничиться однимъ понятіемъ извоздаянія, то скорѣе можно возбудить недоумѣніе, почему Промыслъ такъ долго медлитъ излить оіяль своей ярости на сію династію разврата и злодѣяній, коей средоточіемъ, къ довершенію соблазна и ужаса, былъ престолъ Первосвященительскій. Кажется, Викторъ Гюго самъ не думалъ спѣситься подобною цѣлю. И хотя нѣкоторые кришники, основываясь на послѣднихъ словахъ Дженнаро: «развѣ я не Борджіа?» усматривающіе видѣть въ нихъ намекъ на роковую наслѣдственность пресупленія въ сей отверженной фамиліи: но по одному мѣсту не должно определять цѣлаго впечатлѣнія всей пѣснѣ.

Не лзя однако не согласиться, что при всей ужасной своей ошарашивельности, судьба фамиліи

Борджія имѣють въ себѣ много поэзіи, дикою, но поразительной. Сладовашельно она не совсѣмъ недоспунна для художественнаго драматическаго представленія. Творческій взглядъ на нее можно бросить съ двухъ точекъ зрѣнія: политической и психологической. Въ обонхъ случаяхъ, при искуспой разработкѣ, она можетъ представити много элементовъ для высокой трагедіи.

Съ политической точки зрѣнія, фамилія Борджія, запечатлѣвшая себя въ лѣтописяхъ Италіи кровью и позоромъ, представляетъ явленіе важное, имѣющее глубокій историческій смыслъ. Глава ея, Александръ VI, возсѣдавшій на Первосвященническомъ Престола Змѣада, имѣлъ существенную связь съ современною лканью судебъ Европейскихъ. Подобно Людовику XI, Фердинанду V и Генриху VIII, онъ принесть съ собой на прронъ упорное желаніе утвердити свое могущество на развалинахъ аристократіи. Преступленія его по большей часпи были средствами къ достиженію сей цѣли. Знаменитыя Италіянскія фамиліи, конхъ сила и могущество представляли ему препятствія, Бендиволіи, Маланесты, Манфредди, Колонны, Монтефельпри, Орсини, Випелли, Савелли, были сброшены съ его дороги кинжаломъ, ядомъ, пещницею, обманомъ, клятвопреступленіемъ. Занимаясь единственно приобрыщеніемъ безпредѣльнаго могущества своему дому, онъ не ограничивалъ своихъ видовъ въ дѣйствій одною Италіею. Тогдашняя Европа была извѣстна ему, какъ Филидору шахматная доска. Съ немовѣрнымъ искусствомъ умѣлъ онъ пользоваться всѣмъ: спеченіемъ обшодательствъ, иг-

рою спраспей, борьбою выгодъ. Романическіе замыслы Карла VIII на Королевство Неаполитанское и Оттоманскую Имперію, слабодушіе Людовика XII, жадность Фердинанда V и ханжесство Изабеллы, даже ссоры Султана Баязета съ братомъ, все было употреблено имъ въ пользу. И въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, спарикъ, возложившій на себя шіару шесспидесяти лѣтъ отъ роду, умѣлъ раздать Герцогскія короны всѣмъ дѣтямъ пресупной связи своей съ знаменитою Розой Веноцца! Однимъ почеркомъ пера раздѣливъ новооткрытую половину земного шара между Королями Испанскимъ и Португальскимъ, онъ готовилъ уже Королевскій вѣнецъ своему возлюбленному Цезарю, свергнутому съ себя Кардинальскій пурпуръ, какъ ужасная смерть, о которой мы выше упомянули, прекратила жизнь его. Таковъ былъ Александръ VI, идеаль, съ котораго Макиавелли списалъ своего il Principi! И какое мѣсто занимаетъ онъ въ исторіи! Роль его, начавшаяся въ одинъ годъ съ ролею Генуэзскаго мореходца, окончилась почти на кануи проповѣдей Виттембергскаго монаха: между Христофоромъ Колумбомъ и Маршиномъ Лютеромъ — конечно прекрасное мѣсто! Коротко сказавъ, въ отношеніи политическомъ, лице Александра VI, въ коемъ сосредоточивались судьбы его ужасной фамиліи, представляетъ безбрежный горизонтъ поэзіи. Каждое изъ кровавыхъ хищеній, печальгионихъ каждую страницу его біографіи, могло бы быть богатымъ содержаніемъ для высокой политической трагедіи! Къ сожалѣнію, Викторъ Гюго не избралъ сей почки зрѣнія для своей драмы; и политическое значеніе споль ужаснаго эпизода въ

прологъ новѣйшей исторіи оспавлено имъ неприкосновеннымъ!

Другой способъ воззрѣнія на мрачный хаосъ преступленій, составляющій исторію Борджіевъ, есть способъ психологическій. Такое неслыханное совмѣщеніе распушенствъ и злодѣяній въ одномъ семействѣ представляеть опирающельную и вмѣстѣ любопытную задачу для наблюдателей человѣческой природы. Преступленіе Эдипа не могло возбуждать подобной пылливости, поколику было вынужденнымъ слѣдствіемъ рока, педовѣдомаго въ пупяхъ своихъ: но оскорбленіе всѣхъ связей кровнаго родства, достигшее неимовѣрной степени чудовищности въ фамилии Борджіа, было дѣломъ свободнаго производа! Проклятіе судьбы вооружило Поливика и Эпсеока другъ противъ друга; сыновей Александра VI оспервеннла на брапоубійство ревность, возжenna преступною свраспціо къ сеспрѣ! Какой феноменъ для изслѣдованія! Какая проблема для рѣшенія!

Викторъ Гюго дѣйствительно усвоилъ себѣ сей послѣдній способъ воззрѣнія; но воспользовался имъ не шакъ, какъ слѣдуетъ истинному художнику. Вмѣсто того, чпобы, собравъ историческія данныя, извлечь изъ нихъ въ естественномъ результатѣ психологическое рѣшеніе, онъ насильственно подобралъ факшы для выраженія предварительно созданной идеи. Изъ дѣйствительности поднятой на дыбы, распянутой на Прокупиновомъ ложѣ, изуродованной, обезображенной, вымучено имъ рѣшеніе произвольно предначертанной теоремы. Онъ составилъ себѣ идею о

борьба двухъ могущественнѣйшихъ чувствъ сердца человеческого, материнской любви и мести, и возмѣтился, во чтобы то ни стало, представивъ психологическое развитіе сей борьбы въ характеръ Лукреціи Борджіа. Идея сія не есть идея новая. Классическая древность давно олицетворяла ее въ мнѣшескомъ лицѣ *Меропы*, которое оправлено въ прагматическія рамы Вольтеромъ. Шопландецъ Гомъ далъ ей Каледонскую фязіономію въ своемъ *Дугласѣ*. Викшюръ Гюго только что обогатилъ или лучше обременилъ ее новыми элементами. Онъ соединилъ въ своей героинѣ Меропу, Клипемнестру, Федру: и дабы сіе историческое лице могло соотвѣтствовать вполне его чудовищно-многосложному замыслу, придумалъ, какъ мы замѣтили, Джениаро, лице совершенно вымышленное, въ коемъ соединены Эпизъ, Орестъ и Ипполитъ. Верный своему предначертанію, онъ раскордился дѣйствительною исторіею съ самоуправствомъ, превосходящимъ всѣ границы поэтической свободы. Сначала дочь Александра VI является у него озаренною чистымъ сіяніемъ святой материнской любви. Попомъ, встрѣчая сопротивленія сему добродѣтельному совершенно новому для ней чувству, снова низвергается въ бездну пресупуленій: мать исчезаетъ и остается на сценѣ Лукреція Борджіа, какъ изображаютъ ее Гичіардини и Павелъ Юнго, ужасная Мессаліна XV вѣка, далеко превосходящая древнюю несповснство въ развратѣ и злодѣяніяхъ. Далѣе, чувствено материнское снова беретъ верхъ въ ея сердцѣ; пламя, которое казалось погасшимъ, разгорается; Герцогиня Феррарская забыва-

енъ на минушу враговъ своихъ, чтобы спасти жизнь сыну, котораго сама предала въ жертву меснѣ. Но карающій Промыслъ не попускаетъ заматерѣвшему пороку, истощившему мѣру долгоперпѣнія, просвѣтитъся чистымъ пламенемъ святаго чувства: и пресшупная мать погибаетъ жертвой ярости оправленного ею сына! Таковъ психологическій составъ и ходъ пѣсы, созданной Викторомъ Гюго изъ исторіи Лукреціи Борджіа!

Не лзя отрицать, что въ драматической архитектурѣ сихъ идей обнаруживается необычайная сила. Дабы такъ управляться съ человѣческою природою, потребна рука, закованная въ стальную перчатку; дабы такъ глубоко проникнуть въ сокровенные изгибы совѣсти, такъ безпрерывно рыться въ гнѣющихъ язвахъ развращеннаго сердца оправдательницы и жрицы безсмысленнаго сладоспрасія, нуженъ глазъ проищательный и смѣлый! Дѣйствительно, составъ пѣсы въ психологическомъ отношеніи, изумляетъ своею искусною послѣдовательностію. Эпизодъ крапивоременнаго шоржесства, одержаннаго закоснѣлымъ развращеніемъ надъ порывами сердца непривычнаго къ добру, удивительно какъ дополняетъ сію метафизическую картину боренія свѣта со тьмой, одицетворенныхъ въ драмѣ подѣ формами чувства материнской любви и жажды неумолимаго мщенія!

Но по какому праву поэтъ осмѣлился создать изъ именъ и воспоминаній человѣческихъ столь ужасное зданіе, оскорбляющее неслыханнымъ уничтоженіемъ нашу природу, прекраснѣйшее созданіе

Божіе? Подобно жрецамъ древняго Рима, онъ искалъ разрѣшенія своей задачи въ крови пренецивающихъ жертвъ: но это не кровь безсмысленныхъ животныхъ, изливавшаяся подъ ножомъ аруспіцевъ; это жертвы человѣческія, конь самъ изысканій Римъ воспрещилъ Кароагену между условіями вынужденнаго мира! Кто далъ власть художнику, для своихъ прихотей, громоздить преслупленія на преслупленія, ужасы на ужасы, въ священной глубинѣ души человѣческой, созданной по образу и подобию вѣчнаго блага, безпредѣльной красоты? И безъ этого губительное дыханіе спрассей обезображиваетъ такъ поспѣшно ея небесное благозвѣстіе: гению ли, соревнованію зидидительнаго духа жизни, возвышать ихъ разрушительное, смертоносное дѣйствіе? И замѣтимъ, какъ упорно дѣйствительность отказалась повиноваться сему святошамъспвенному наскію, оскорбляющему высокое достоинство человѣческой природы! Поэтъ принужденъ былъ прибѣгать къ явнымъ преувеличеніямъ, напиханнымъ сплетеніямъ обшопельствъ, фальшивымъ поддыкамъ ситуаций. Посему созданіе его носитъ на себѣ очевидную печать принужденія и неспешивенности, какъ вообще, такъ и въ частныхъ подробностяхъ.

Чтобы оправдать поэтически оправданіе Джелла-ро и матерубійство, конь должна развязаться прагедія, Билпоръ Гюго придумалъ — ни много ни мало — три узла драматическіе: ревность возбужденную въ Альфонсъ подымаемъ Лукрецію, публичное оскорбленіе навесенное ей молодыми Венеціанами и новый

неблагоразумный порывъ Джениаро въ Феррарь передъ Герцогскимъ дворцемъ. Къ чему зпшо прензобиліе драматическихъ пружинъ? Одной изъ нихъ было-бы вполне доспапочно для движенія піэсы. *Густавъ Планш* весьма справедливо опытаесть сіе бесполезное накопленіе узловъ, какъ значительную погрѣшность въ художественномъ составѣ драмы.

Приставное лице Джениаро изумляесть фальшивоспію своего созданія. Въспшо того, чпобы безразсудно оказывасть сыновнюю пѣжность незнакомой женщинѣ, которую видить въ первый разъ, ему гораздобъ еспешвеніе было заключить въ себя тайну неизьяснимой привязанности къ невидомой маперн. Онъ могъ бы, какъ новыі Эдипъ, полюбить невинно-преступною любовью женщину, которая его носила; обожасть красоту, даровавшую ему жизнь; проклясть ее, опкрывъ ужасное ея имя; наконецъ узнать роковую тайну, погрузивъ книжалъ въ ея сердце. Тогда агонія сей новой Клиземнеспры моглабы служить величественно-поразительнымъ свидѣельствомъ небеснаго издвоздаанія, обратившаго въ орудіе месши союзъ природы, поруганной преступленіемъ.

Обратимся къ главной героинѣ піэсы. Лукреція, упомленная злодѣяніями и испытывающая жеданіе опдохнуть опъ распушсивъ прежней жизни въ новомъ благомъ чувствѣ, какъ могла доварить свои угрызения и надежды бездушному Губешитъ? Она должнабы была знать, что наемный убійца, цѣлая двадцать лѣтъ служившій преступленію, не можесть

въ одну минуту переродиться и спать орудіемъ добродѣтельнаго намеренія. Она не должнабы была радужно подвергаться наглымъ шуткамъ, выносить припѣльскія насмѣшки сего воплощеннаго демона, который съ весьма естественнымъ удивленіемъ спрашиваетъ, ошъ чего произошла въ ней такая внезапная перемѣна. Она не пожелала бы имѣть другихъ сообщниковъ, кромѣ себя и своей воли, въ благородномъ чувствѣ, которое до тѣхъ поръ было ей неведомо.

Принужденная описывать голову Дженнаро отъ Герцогской надменности и супружеской ревности Альфонса, она, подобно всѣмъ женщинамъ, слушающимъ одного своего сердца, предпочла бы съ совершеннымъ самоотверженіемъ чувство матери всѣмъ обязанностямъ и приличіямъ супруги. Она должнабы была проинвопославившъ шоржесивенное признаніе своего пресупущенія князю, усpreмленному на Дженнаро, закрывъ его отъ гибели своимъ безчестіемъ. Она должнабы была сама выпить ядъ, а не подносить его сыну: ибо какая мать, даже самая развратная, согласится оправить свое дѣйствіе? Но, скажутъ, она имѣла надежду спасти его? Эту надежду слѣдовало бы ей предоставить для самой себя.

Когда сынъ ея уже разъ испортиушъ изъ испительныхъ рукъ Альфонса, она не должнабы была нившъ ни минуты покоя, до тѣхъ поръ, пока онъ не отправился бы изъ Феррары въ Венецію подъ безопаснымъ и надежнымъ охраненіемъ; только новое неблагоразуміе со стороны Дженнаро, отъ котораго покровительство такой женщины, какъ Лук-

реція Борджіа, никакъ, не могло предостеречь его, должнобы было снова передать Дженнаро въ руки Альфонса.

Лицемерныя ласки, оказываемыя Лукреціей Альфонсу, совершенно излишни въ драмѣ, если онъ безсильны для исхода тайспивованія пощады ея сыну. Да и какъ могла она, сохраняя вѣрность своему историческому характеру, прибѣгать къ нимъ? Къ чему было ей расщепать по напрасну очарованія и соблазны своей красотою, когда она, дочь Александра VI, продававшего съ молотка Италіянскія княжества Франціи и Испаніи, могла однимъ словомъ предложить Альфонсу выборъ между двумя крайностями, или потерять свое Герцогство или отдать ей Дженнаро?

Альфонсъ д'Эспі, если видѣлъ пощадуй въ Венеціи, не долженъ былъ дожидаться новаго оскорбленія со стороны мнимаго любовника своей жены, чтобы наказывать его. Пономъ не следовало ему медлить безъ нужды до шѣхъ поръ, пока Лукреція сама не пришла къ нему претовашъ головы Дженнаро. Въмсто того чтобы прапнуть напрасно время въ археологическомъ описаніи спѣвъ и портретовъ своего дворца, онъ бы долженъ былъ просто сказать Дженнаро: » ты долженъ умереть! « а Руспигелло: » убей его! это моя воля! « Особенно же—что всего спраивѣ—можно ли повѣрить, чтобы Герцогъ Феррарскій ночью, въ сопровожденіи наемнаго убійцы, пошелъ подстерегать человека, котораго имѣлъ въ своихъ рукахъ, голова коего могла пасть по первому данному имъ знаку? Такой романъ кажется уже слишкомъ романтическимъ!

Лице Принцессы Негрони не есть ли совершенно бесполезное, даже вредное совершению мести Лукреція? Естественнo ли подумать, чтобы женщина крови Борджіевъ довѣрила другимъ, а не своимъ рукамъ, плату за причиненное ей оскорбленіе? Развѣ между молодыми Венеціанками не могъ найтись кто-нибудь, столько прекрасный, столько любезный, столько хитрый, кто изъ устъ самой Негрони, между поцѣлуями сладострастія, могъ бы. выкрасить тайну замышляемаго злодѣянія? По крайней мѣрѣ Лукреція не могла того не спрашивать!

Наконецъ, когда Джениаро заноситъ кипятокъ на Лукрецію, къ чему это ребяческое желаніе продлить страхъ, на что заплывать намеренно сію ужасную сцену, бросая во мракъ нѣсколько блудящихъ обманчивыхъ огоньковъ, вмѣсто того чтобы озарить всю глубину спрашнвой иглы блескомъ яркимъ и внезапнымъ, полнымъ, рѣшительнымъ? За чѣмъ позволять Джениаро обманываться, что Лукреція ему тетка? Подобная уловка достойна ли творческаго искусства, прилична ли сану поэзии? Не думаемъ!

И такъ, въ драмѣ Виктора Гюго, и дѣйствію и характерамъ не достаетъ испины, не достаетъ естественности и жизни; поэтому поэтъ насильственно подчинилъ ихъ произвольной идѣ, развилъ изъ ума, а не изъ сердца. По увѣреніямъ криптиковъ и спилъ *Лукреція Борджіа* съ удивительно точностию выражаетъ какъ достоинство, такъ и сей важный недостатокъ созданія. Въ послѣдней сценѣ перваго акта, въ свиданіи Альфонса съ Герцогинею и

въ опчаянной борьбѣ Дженнаро съ матерью, онъ воспроизводитъ вѣрно и ярко величіе и силу мыслей. По волѣ художника, повелѣвающаго, какъ извѣстно, языкомъ съ воинскимъ самовластіемъ, онъ является, по звучнымъ, какъ мѣдъ, по роскошнымъ и сладоспираснымъ, какъ опшоманъ, на которыя изоры Лукреціи какъ будто зовутъ слабоумнаго мужа, по наконецъ дерзкимъ, быспрымъ, искромешнымъ, подобно спугу двухъ мечей, свкущихся во тмѣ и жаждущихъ убійства, вопреки ночи, покровишельствующей даъ задыхающіяся груди. Никогда выраженіе, введенное въ прошломъ вѣкѣ въ моду знаменитѣйшимъ липерашпоромъ-нашуралистомъ, что *стиль есть тело*, не оправдывалось полнѣе и поржественнѣе. Оплмичительный характеръ духа Виктора Гюго составляетъ особенное приспращіе къ живописной спорѣ предметовъ, постоянно предпочтительное вниманіе къ колориту, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ качествъ. Ему не случается никогда, подобно Вордеворпу или Вильсону, искасть въ простодушномъ взглядѣ младенца свѣцлой искры божества, или, подобно Гервеку, въ алебаспровыхъ плечахъ юной красавицы предусматривать день, когда смерть обратитъ ихъ въ прахъ и пѣвнѣе. Онъ употребляетъ слово, какъ палитру: испощаетъ всѣ краски, чтобы описать, или лучше, живописать золотыя кудри дитяни, развѣваемыя играющимъ вѣтеркомъ, и какъ будто находитъ удовольствіе спорить въ богатствѣ и обиліи съ широкою кистью Рубенса. Если хочетъ онъ изобразить красому дѣву, по, будыне увѣрены, не возьметъ ни мислическихъ выраженій Клоппшюка,

ни сладостной и величественной прелести Мильдона. Онъ предпочитаетъ яркій колоритъ Мурильо или даже Венеціанской Школы. Твердые контуры, живые силуэты Альберни Дюрера или Гольбейна, показались бы ему бѣдными и ничтожными. Такъ какъ все созданіе *Луcreціи Борджіа* говоритъ болѣе глазамъ, чѣмъ уму, еще менѣе сердцу, то шрезвѣй спилъ Мадонъ Рафаэлевыхъ, кои нипаюшъ мечпательность, не возбуждая никакихъ нечиспыхъ желаній, или строгій логическій рисунокъ Германской Школы, который воспоргаетъ мысль, не развлекаая вниманія сочетаніемъ линий, равно не годились бы для сей піэсы.

Должно признаться, что спилъ *Герпани* и *Маріоны* имѣлъ еще не такъ опдаленное средство съ чувспвомъ и мыслию, какъ спилъ *Луcreціи Борджіа*. За то въ сихъ обѣихъ піэсахъ было менѣе драматической или лучше псапальной удачи. Сцены соединены были не такъ искусно, эффектъ былъ не такъ надеженъ. Не смонря на то, исключително лирическая фзіономія лицъ сохраняла еще печаль испины абсолютной, независимой отъ условій времени и взгляда. Людовикъ XIII и Маріона, конечно, не напоминали собой Госпону де Мопшевиъ и Коадьюпора; Дидіеръ не походилъ на героевъ Фронды. Какъ бы то ни было, сіи три главные лица *Маріоны Делормъ* были сообразны съ общими законами поэпической возможности, хотя испорія и не позволяешъ имъ принадлежать къ эпохѣ, избранной поэтомъ. Равножрно, въ *Герпани*, Донъ Карлосъ (Карль V) и Дона Соль, за исключеніемъ коснкома, походятъ болѣе на Коира-

да и Медору, чѣмъ на лица, представленныя въ Испанскихъ хроникахъ XVI столѣтія. Но, по крайней мѣрѣ, разѣ признавши въ нихъ отсутствіе жизни и дѣйствія, можно, увлекаясь общимъ поэтическимъ эффектомъ, симпатизировать съ императорскимъ честолюбіемъ Короля и опчаяннымъ изскупленіемъ юной дѣвы. Въ сихъ обихъ поэмахъ, спектакль игралъ роль второспешенную. Напропивъ, въ *Дукреции Борджіа*, золото, шелкъ и бархаты слишкомъ ярко блестятъ на первомъ планѣ. Во время представленія ся неоднократно приходило на мысль невольный вопросъ: не ужели всѣ способности человѣческой души должны ограничиваться любопытствомъ, не ужели очарованіе глаза составляетъ верхъ драматическаго эффекта? Не оспаривая удивленія, возбуждаемаго искуснымъ и глубоко расчитаннымъ сплетеніемъ сценъ, неожиданными ситуаціями, яркимъ блескомъ діалога, прудно или даже невозможно опредѣлить, какое изъ лицъ драмы возбуждаетъ къ себѣ внутреннее, сердечное участіе! Піеса, разсматриваемая въ своей невидимой цѣлости, интересуетъ, какъ панорама, какъ пиротехническое зрѣлище: глаза обольщены, ослѣплены... но сердце остается холодно, румянецъ щекъ не волнуется, слеза не дрожитъ на рѣсницѣ!

Что касается до грубыхъ lazzi Губептты, пріятельныхъ оспроу на счетъ дьяволова хвоста, приписаннаго къ его спинѣ, плоскихъ шуточекъ о Папѣ и Салпанѣ, всѣ сіи уродливыя спранности въ геніи Виктора Гюго могутъ быть изъяснены также, какъ причудливая спрасъ готическихъ архитекторовъ

украшать хоругви соборовъ разными лагушками и жабами, какъ мода древней феодальной аристократіи на шпоровъ и карликовъ!

И однако Парижская публика была довольна піэсою при ея представленіи: проотивъ этого не лзя спорить. Въ зрительныхъ не обнаруживалось ни на минуту скуки или неперенія. Безмолвное вниманіе смѣнялось единогласными рукоплесканіями. Чпожь это значить?

(окончаніе слѣдуетъ.)

VII.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

СТРАННОЕ ПРЕДСКАЗАНІЕ.

НЗЗ

ЗАПИСОКЪ

ЛЮДОВИКА XVIII.

Замѣшательство въ Государственныхъ доходахъ не уменьшалось. Опсавка Неккера не только не поправила ничего, но даже причинила значительный ущербъ казнѣ. Государственный кредитъ и довѣренность публики, которую умѣлъ заслужить опсавный Министръ, исчезли невозвратно. Его преемникъ не находилъ никакого средства поправить зло, безпрестанно увеличивающееся. Впрочемъ несбыточные мечты еще обольщали многихъ; опъ того наше разочарованіе было тѣмъ ужаснѣе. Но я, къ несчастію, не былъ ослѣвленъ сими мечтами.

Королева была близка къ разрѣшенію. Сіе обсто-
ятельство должно было причинить новыя издержки
особливо въ случаѣ рожденія Дофина. Марія Ан-
туанетта почувствовала первые припадки родовъ
22 Октября 1781 года, въ девять часовъ утра.
Вся Королевская фамилія пошчасъ была извѣщена
о томъ. Я отправился изъ своего жилища съ твер-
дымъ намѣреніемъ скрыть въ себѣ чувствованія,
которыя возникнутъ въ моемъ сердцѣ при рожденіи
младенца, какого-бы ни былъ онъ пола. Впро-
чемъ не смотря на то, въ Версали и въ Парижѣ
распустили слухъ, будто лице мое измѣнилось, ко-
гда возвѣстили о рожденіи Дофина.

Принцъ Конде не присутствовалъ при рожденіи
сына Людовика XVI. Его не было дома. Онъ при-
ѣхалъ спустя нѣсколько времени. Марія Антуанет-
та разрѣшилась въ часъ и двадцать три минуты
по полудни.

Новорожденнаго отдали въ руки Г. Мироме-
ниля, Хранителя Государственной Печати, для
удостоверенія въ полѣ. Всѣ молчали, припавъ
дыханіе, ожидая, что онъ скажетъ. Безпокойство
Короля и Королевы достигло высочайшей степени;
мое сердце билось спремительно; Графъ Д'Артуа
также былъ очень распроганъ. Мы ожидали рѣше-
нія вопроса, который долженъ былъ имѣть великое
вліяніе на судьбу нашу. Вдругъ лице Миромениля
прояснилось. Онъ бросилъ торжественный взглядъ
на Короля, наблюдавшаго малѣйшія его движенія.
Чело Людовика XVI также озарилось радостію;

и отгадалъ причину ея. Я принялъ видъ, приличный обстоятельству. Графъ д'Арпуа, которому я сообщилъ свою догадку, невольно вздрогнулъ.

Одна Королева находилась въ мучительной неизвѣстности. Король шопотомъ просилъ совѣща у акушера, который отвѣчалъ ему съ привычною грубостію:

— Ваше Величество! отъ радости не умирають!

Сии слова ободрили Людовика XVI; онъ приблизился къ Королеві и сказалъ:

— Ваше Величество, вы исполнили наши желанія и желанія Франціи. Вы дали жизнь Дофину.

Гермоншъ былъ правъ: отъ радости шочно не умирають. Марія Ангуанешпа, узнавъ о семъ благополучіи, забыла свои спраданія, приказала принести сына и сквозь слезы, спруившіяся по лицу ея, облобызала его нѣсколько разъ съ любовью и гордостію.

Король былъ упоенъ радостію. Онъ ходилъ по заламъ, говорилъ со всѣми и хопѣлъ перелишь свое восхищеніе въ сердце каждаго.

— «Надѣюсь,» сказалъ онъ, обороняясь къ намъ, «что и вы, какъ братья и Принцы, радуешесь счастливому умноженію нашей фамилии.»

Блаженство, которымъ наслаждался Король, сообщилось мнѣ: я отъ чистаго сердца отвѣчалъ, что раздѣляю радость Его Величества. Слезы, брызнувшія изъ глазъ моихъ, подтвердили сіе.

Графъ д'Арпуа обнаружилъ также свое участіе. Тогда Король, пожимая наши руки, сказалъ съ проташельнымъ добродушіемъ:

«Будьте увѣрены, что я буду признателенъ за такое безкорыстіе.»

Дофина крестили въ тотъ же день. Я былъ его восприемникомъ. Ему дали имя: Людовикъ-Іосифъ-Ксаверій-Францискъ.

Королева, отдавая сына своего Принцессѣ Гемене, сказала:

— «Мнѣ не нужно напоминать вамъ о попечительности, какой пребудетъ сей драгоценный залогъ, на который обращено вниманіе всего Королевства. Онъ находится въ самыхъ лучшихъ рукахъ: я могу облегчить заботы ваши, раздѣливъ съ вами попеченіе о воспитаніи моей дочери.»

Сія слова не очень понравились Гжѣ Гемене. Она догадалась, что Марія Аннуанетта подъ симъ предлогомъ намѣревалась поручить кому нибудь другому воспитаніе Принцессы. Въ самомъ дѣлѣ Королева знала, что сія гувернантка совершенно неспособна къ исполненію своихъ высокихъ обязанностей. Гжа Гемене, легкомысленная, вѣтреная, непросвѣщенная, не заслуживала сама по себѣ никакого уваженія и была обязана имъ только своей фамиліи и должності, ею занимаемой.

Она не имѣла ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыми украшали Графиню Марсантъ, и должна была, по собственной опрометчивости и неосмотрительности, потерять все.

Въ тотъ же вечеръ я нашелъ на ночномъ своемъ столикѣ письмо, весьма плащательно завернутое въ два куверта, съ такою надписью:

«ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ПО СЕКРЕТУ!»

Я спарался развѣдать, какъ оно доставлено; но ни одинъ изъ моихъ прислужниковъ не зналъ того. Я далъ знакъ Аваре, споявшему близъ меня, разорвать первый конвертъ; на второмъ была даже самая надпись. Любопытство мое увеличилось; я самъ пожелалъ вскрыть остальное. Какое-то тайное предчувствіе заставляло меня повергнуться на постелѣ, дабы никто не могъ видѣть содержанія записки. Раскрывъ, я увидѣлъ листъ черной бумаги, исписанный бѣлыми чернилами. . . . Незыяснимое чувство овладѣло мною. Но я обуздалъ себя и, вложивъ листокъ въ обертку, опустилъ прислужниковъ.

Оставшись одинъ и горя нетерпѣніемъ, я открылъ таинственное письмо и при свѣтѣ лампы прочиталъ слѣдующее:

«Упѣйся! Я разсмапривалъ гороскопъ новорожденнаго; онъ не похититъ у тебя короны; онъ умретъ, какъ скоро опецъ его перестанетъ царствовать. Другой, а не ты, наследуетъ Лудовику XVI; но и ты нѣкогда будешь Королемъ Франціи. Горе тому, кто вступитъ на престолъ послѣ тебя! . . . Радуйся, что ты не имѣешь дѣтей! Величайшія бѣдствія угрожаютъ жизни сыновей твоихъ. Фамилія твоя должна выжить до два весь фѣаль горестней, приговоренный ей судьбою.»

«Прости! пренеци за жизнь свою, ежели вздумаешь дѣлать обо мнѣ розыски! . . . Имя мое:»

«СМЕРТЬ!!!»

Приведенный въ замѣшательство, даже въ ужасъ, чтеніемъ письма сего, я уже не думалъ о снѣ и началъ размышлять, какъ поступить въ семъ случаѣ. Предать ли забвенію, открыть ли Гну Морепла, или Начальнику Полиціи? Угрозы, помѣщенные въ запискѣ, не спрашивали меня; я зналъ, что онѣ не разразятся надо мною. Не смотря на всѣ усилія, сіи злощія предсказанія, сдѣланныя столь дерзко, смущали меня. Я боялся шакже, чпобы сіе таинственное извѣщеніе не было съпью, которую бросили враги мои, дабы привести меня въ затруднительное положеніе. Упомясь и не могши заснуть, я вспалъ поспихоньку и списалъ конію съ роковаго письма, дабы сохранить ее, въ случаѣ, когда предскаваю подлинникъ. По краткости письма, я скоро кончилъ переписку.

Но успремивъ взоры мои на бѣлыя буквы, я примѣтилъ въ нихъ движеніе, подобное кипѣнію. Я обратилъ на сіе произшествіе все мое вниманіе: движеніе увеличилось и буквы исчезли. Я видѣлъ въ семъ явленіи химическое дѣйствіе состава, который, послѣ извѣснаго времени, долженъ былъ поглотить таинственные буквы. Съ любопытствомъ наблюдалъ я сей опытъ; буквы сначала поблѣднѣли, потомъ пожелтѣли, наконецъ поспепенно исчезли, не оставя на бумагѣ ничего, кромѣ пятенъ. Благоразумная предосторожность виновника сего поступка причинила мнѣ смертельную досаду; я не могъ ничѣмъ изоблчить его; слѣды пресупленія исчезли. Но дѣйствіе сие еще не кончилось: въ слѣдующее утро оказалось, что бумага была продырена въ

нѣсколькихъ мѣстахъ, и почти совершенно изгла. Сіе служило доказательствомъ, что она была написана тѣмъ составомъ, который воспріялъ свое дѣйствіе спустя нѣсколько времени.

Это принудило меня къ молчанію. Я увѣрился, что сочинитель письма не имѣлъ намѣренія вредить мнѣ: его предосторожности показывали, что онъ боялся быть открытымъ. Я подражалъ его благо-разумію; умалчалъ о тайнственномъ письмѣ и ни-кому не сказывалъ о немъ, кромѣ д'Аваре, и по уже послѣ нашего изгнанія.

Утромъ я почувствовалъ большую тягостъ отъ безпокойствъ протекшей ночи. Въ продолженіе нѣ-сколькихъ дней я старался наблюдать лица особъ, ко мнѣ приближавшихся, съ намѣреніемъ открыть преслупника; но всѣ мои старанія оспались тщет-ными.

VIII.

МИКРОСКОПЪ.

Cum rerum natura nunquam magis quam in minimis tota sit. Plinius.

Читая сочиненія различныхъ естественныиспытателей, случается находить въ нихъ значительные недоспадки и ошибки. Полагая, что не бесполезны будутъ указанія на такія ошибки, я намѣренъ, по временамъ, сообщать опечесственной публикѣ замѣчанія, особенно о сочиненіяхъ, къ произведеніямъ Русской природы относящихся. Сверхъ того у меня и моихъ пріятелей есть нѣсколько собственннхъ замѣчаній и наблюдений по предмету Естественныхъ Наукъ. Всѣ такія замѣчанія я спаву печатаю подъ общимъ заглавіемъ: микроскопъ. Можетъ быть, чрезъ микроскопъ сей нныя ошибки покажутся большими; но не такъ ли же нкогда и доспонисва представляются слишкомъ увеличенными въ микроскопахъ, для того приспособленныхъ? Никто не винитъ астронома, когда онъ съ своимъ телескопомъ опкрываетъ *туманныя пятна* въ звѣздномъ мірѣ, *пятна* на планетахъ и солнцѣ. Надвюсь, что никто не обвинитъ и меня за сей микроскопъ, опкрывающій ошибки и въ такихъ сочиненіяхъ, кои почитаются свѣточами ученаго міра. Сія - то ошибки и поучительны! Сколько авторитетъ важенъ и часно необходимо для утвержденія истины; сполькоже онъ невыгоденъ опносительно погрѣшностей: ибо скорѣй

пойдушь въ ходъ заблужденія писателя именитого, чѣмъ истина безименная. Впрочемъ у всякаго свой образъ мыслей, какъ и свое особенное выраженіе лица. Мнѣ же очень по нраву древнее выраженіе: *amicus Aristoteles, amicus Plato, sed magis amica veritas!*

§ 1.

О ПЕРСИДСКОМЪ КЛЕЩѢ ИЛИ ЯДОВИТОМЪ КЛОПѢ.

Описаніе сего Персидскаго клеща (*) сдѣлано извѣстнымъ Россійскимъ Этнопологомъ, Г. Фишеромъ • *Валдгеймскимъ*, и помѣщено въ VI томѣ Записокъ Московскаго Общества Естествоиспытателей, 1823 года.

а) Въ самомъ описаніи замѣчается слѣдующій недостатокъ. Щупальцы (*palpi*) не разсмотрѣны съ точностію и описаны такъ: «*Les palpes sont gros à la pointe et amincis à la base.*» Сіе произошло отъ того, что Г. Фишеръ три верхніе суславца щупальцевъ, сложенные вмѣстѣ, принялъ за одинъ (**), между тѣмъ какъ уже Лапрейль, въ родѣ *Argas*, (къ коему

(*) Водился въ Адербиджанской области, въ селѣ Міонѣ, у подошвы хребта горъ Кафшанку.

(**) Всѣхъ суславицъ четыре: первый изъ нихъ короткій, толстый; второй подлиннѣе, цилиндрическій, (косвенно урѣзанный; третій короче всѣхъ; четвертый по длине равенъ второму, тонкій, на концѣ шупой и выпуклой. Суславицы сіи сложены такъ, что послѣдній приложенъ ко второму; и третій маленькій служившій имъ какъ бы перилею или шолкеромъ, а первый основаніемъ. Всѣ вмѣстѣ они значительно длиннѣе трубочки рта. Трубочка сія цилиндрическая, только на концѣ немного ширѣе, шупалъ.

Г. Фишеръ описавъ Персидскаго клеща) описываетъ щупальцы *тетверосуставными* и *коническими* (сходя къ концу шпиге); и по такому предварительному указанию, съ помощію своего микроскопа, можно бы, казалось, рассмотреть оныя суславы съ точностію.

б) *Рисунокъ*. Г. Фишеръ самъ сознается, что не рассмотреть надлежащимъ образомъ оныхъ суславы; однакожъ онъ предложилъ *особый рисунокъ* щупальцевъ, и еще въ увеличенномъ видѣ рисунокъ неярный, и поному напрасный; ибо и на немъ три сложившіяся суслава также предъставлены *одинакъ, на концы толстыми*.

с) *Исторія*. Г. Фишеръ описываетъ два вида въ семь подродъ (subgenus) клещей, копорый, по Латрейлю, называется Argas, а по Герману Rhynchorption. *Первый* давно извѣстный видъ Argas Reflexus, по Герману Rhynchorption Columbae; у Фабриціи назывался онъ или Asarus Marginatus или Asarus Reflexus: сіе у Г. Фишера не совсѣмъ ясно различено: ибо первое имя упомянуто сначала; а въ синонимахъ вида приведено одно только второе имя; почему и не всякъ можешь увидѣть изъ списковъ Г. Фишера: два ли разныхъ живописныхъ, или одно и тоже разумѣлъ Фабрицій подъ двумя двумя именами. Кромѣ сихъ синонимовъ, Г. Фишеръ при первомъ видѣ сдѣлалъ еще ссылку на Латрейля и Конербта. *Второй* видъ сего подрода составляетъ *Клещъ Персидскій*, копорый у путешественниковъ назывался *Ядовитымъ Мѣанскимъ Клопомъ*, а у Г. Фишера названъ Argas Persicus. При семъ имени Г. Фишеръ не означилъ никакихъ уже синонимовъ, чрезъ что

даются знать, якобы онъ первый описеть къ этому маленькому роду или лучше *подроду* сие живописное; да и въ началѣ списавши сие приписываетъ онъ себя первому. Но, въ самомъ дѣлѣ, сие сдѣлано было уже прежде, за нѣтъ лѣтъ. По образчикамъ, присланнымъ изъ Россіи онъ Лодера въ Іенскій Музей, сие живописное было въ Оkenовой *Индѣ* срисовано и описано въ томъ самомъ подродѣ клещей (*Rhynchoprion Persicum*). Но если не случилось найсти сего въ самой *Индѣ*, то объ этомъ можно было читать въ *Фрунцовыхъ Новостяхъ* (1822), кои извѣстны многимъ Русскимъ читателямъ. Такимъ образомъ въ родъ *Rhynchoprion* уже прежде было два вида; и потому часомъ систематическаго перемѣщенія сего живописного изъ рода клоповъ въ родъ клещей принадлежать не Г. Фишеру. Исторія онаго въ наукѣ представлена имъ не полною. Замѣчательно сие тѣмъ болѣе, что въ сочиненіяхъ сего автора оказывается большая требовательность въ семъ отношеніи. Напр., въ его списавъ объ *Синописи Млекопитающихъ*, изд. Іоан. Баппистомъ Фишеромъ Шпудгарпскимъ 1829 года, говорится такъ: «Cette compilation est faite avec plus de diligence que de critique et de connaissances de cause... L'auteur n'a pas connu la *zoologia tabulis synonymis illustrata* (Gott. Fischeri) de Moscou qui a paru en trois volumes; moins encore les additions qui y ont été faites. Il y a cité plus de trois cent auteurs, e. s. p. (Bulletin. Tome III. 1831. p. 33).

d) Ципація неполна; ни слова не сказано объ *Методической Энциклопедіи*; между тѣмъ какъ изъ ней, почти слово въ слово, сдѣлана большая выписка.

Вопрь указаніе на недоснапкы въ снапъхъ Г. Фишера, по коему они теперь легко могутъ бытъ исправлены.

§ 2.

ERRARE HUMANUM.

Погрѣшности, хотя не столь частыя, случались и съ первоклассными писателями. Ныпъ пророка безъ порока; errare humanum! Quandoque bonus dormitat Homerus, сказалъ безсмертный прусъ Гораций.

И великому *Линнею* случилось однажды одно и тоже расшеніе опноситъ къ двумъ разнымъ родамъ: свой *Schoenus Compressus* онъ назвалъ было *Carex Uliginosa*!

И *Декандолъ*, принявши сдѣланный Г. Дево родъ *Artrolobium*, печаталъ его ошибочно *Astrolobium*; и сія почини типографическая ошибка опъ него распро-спранилась и въ другихъ сочиненіяхъ. Но еще важнѣйшую ошибку допустилъ сей знаменитый Женевецъ въ своемъ *Продромѣ*. Сопрудникъ его *Серенжъ*, принявъ на вѣру Сени-Илеровъ родъ *Largaea* и не сличивъ описанія съ напурой, опнесъ къ нему по ошибкѣ *Cerastium Aquaticum*, со всѣми синонимами сего расшенія; и всѣ, полагаясь на Декандолъ и не желая опспунитъ опъ него, спали называнъ сіе расшеніе *Largaea*, пока не обнаружилось, что родъ сей сдѣланъ Сени-Илеромъ изъ *Stellaria Aquatica* а). Кспани

а) Я уже не привожу такихъ ошибокъ, какъ на пр. *Тунбергъ*, коего новый видъ *Arctotis Elegans* еспъ просию *Cibryanthemum Indicum* L., по наблюденію Лессинга.

можно замѣтить о расшеніи Русскомъ изъ погожь семейства *Гвоздиковыхъ*. Декандоль въ своемъ *продромѣ* и Куртъ Шпренгель въ своей *Системѣ* пишутъ, что *Agrostis Lateriflora* расшенъ въ *Камчаткѣ*. Но она найдена дикорастущею и въ Южной Сибири (Г. Турчаниновымъ) и на Волгѣ (Г. Карелинымъ) и въ Москвѣ (Г. Дядьковскимъ) и въ Тарушимъ! Уже изъ этого видно, какъ неполно еще извѣсна въ ученое мѣръ *Русская Флора* и какъ важно предпріятіе Академіи Наукъ издашь оную.

И Берцелію однажды показалось, что онъ открылъ новую землю, и онъ называлъ ее *торитною*; а какъ каждая земля имѣетъ особый металлондъ, то онъ предположилъ, что и въ сей землѣ есть свой особый металлондъ, который называлъ *торіемъ* и ввелъ въ табличку металловъ, вонедшую попомъ въ химию. Но въ послѣдствіи онъ самъ же впрочемъ открылъ, что она я минеро-новая земля есть *фосфорокислая иттрія*; слѣдственно *торій* былъ вещественно мечтательное. Сію *иттрію* составляющую особый минералъ, Беданъ называлъ *Xenotime* (*суеславъ*); однакожь въ послѣдствіи Берцелій имя *торія* усвоилъ уже другому веществу, вновь открытому имъ же самимъ.

§ 3.

О длиннорыломъ медвѣдѣ или самоплюсѣ (*Jongleur*).

Погрѣшительность природы человеческой очевидна изъ слѣдующаго зоологическаго произшествія. Въ Англію былъ привезенъ изъ Индіи страннаго вида звѣрь, похожій на медвѣдѣ. Порядки звѣрей зоологи

опредѣляютъ обыкновенно по зубамъ и пальцамъ, Звѣрь этотъ оказался *безъ переднихъ зубовъ*, попому не былъ признатъ за Медвѣдя, ибо всѣ *хищные* звѣри имѣютъ въ обѣихъ челюстяхъ зубы всѣхъ трехъ родовъ.

Въ слѣдствіе сего тому звѣрю спали искавъ мѣста въ порядкѣ *беззубыхъ* (Edentata) и опнесли его къ роду *Тихохода* или *Лышца* и назвали его, по сходству съ медвѣдемъ, *Bradypus Ursinus Shaw*. Но какъ у него на ногахъ было пять пальцевъ, а у Тихоходовъ только два, либо три; по и рѣшили, что это *новый родъ* въ порядкѣ беззубыхъ звѣрей, а Г. Фишеръ, коему зоологія обязана столь многими новыми именами, назвалъ его *Chondrohy-nchus* (по переводу Г. Ловецкаго) *Хрященосомъ*. На повѣрку оказалось, что этотъ новый Хрященосъ былъ просто Индійскій *длиннорылый медвѣдь* (*Ursus Longirostris*) съ выпавшими передними зубами! Въ Индіи сихъ медвѣдей учатъ разнымъ комедіямъ, почему онъ и называется еще *самоплясомъ* (jongleur). Такимъ образомъ сей новый родъ Хрященоса, небывалый въ натурѣ, оспаривается въ зоологіи только предположеннымъ синонимомъ и памятнымъ урокомъ тому, съ какою оспорожностію должно устанавливать новые роды и что для сего недостаточно частнаго разсмотрѣнія какого-либо члена, но необходимо совмѣстное и полное наблюденіе цѣлаго сосипа ихъ и общаго выраженія всѣхъ примѣтъ.

§ 4.

НОМЕНКЛАТУРНАЯ СТРАСТЬ.

Изъ сего же происшествія можно видѣть, до какой крайности у многихъ натуралистовъ страсть

къ *наименованію* природы пересиливаетъ стремленіе къ живому и плодоносному ея *познанію*. Въ произведеніяхъ природы стараются найти какую-нибудь мѣлкую *отличительность*, чтобы сосланишь новый видъ, родъ и даже классъ, чтобы дать ему новое особливо Греческое имя, запечатлѣвъ оное своимъ *Mihi*. Онь эпитхъ безконечныхъ различій затемняется сродство и его поспепенность; система дробится, терзаетъ свою спройную цѣлость и единство; *номенклатура* возрастаетъ до шой крайности, въ копорой она не соснавляетъ уже *украшенія науки о природѣ* и не только не помогаетъ ея уразумѣнію, но опиврашаетъ онь нея; ибо въ ней находите, что *слово* важнѣе *дѣла*; ибо вы копите узнавъ изъ нея живое, спройное дѣло великой природы, а она погрузитъ васъ въ хаосъ словъ и мѣлкихъ дѣлъ авторскаго честопобія. *Тогда наиболее люди пренебрегли самими вещами, когда съ илтаннмихъ тщаніемъ стали выискивать имена*, сказаъ справедливо Галенъ. И чтобы видѣть, до какой крайности многіе натуралисты номенклатуру предпочитають самому дѣлу, довольно привести пѣ имена, кон давали зоологи упомянутому Хрящевосу, обрадовавшись опкрытію мнимо-новаго рода: *Prochilus Illig.* — *Melurus Mey.* — *Chondrotrhynchus G. Fisch.* — *Helarctos Horst.* — *Thalarctos Grag.* И все это = о! И все это ошибка, мечта, суема! Но все это... богатое познаніе — бѣдной природы!!!...

Есть еще и другая крайность познанія природы, также прихотливо-эгоистическая, но противополож-

ная сей номенклатурной справки, не столь резко положительная, за то слишком легко-опровергаемая. Это крайность произвольнаго видѣнія собственныхъ идей въ природѣ и построения оной по особымъ законамъ своего я. Но объ этомъ рѣчь впереди.

§ 5.

ROTAMOGETON BIFOLIUS.

Подъ симъ именемъ Лаперузъ описалъ и публиковалъ новый видъ изъ семейства *водоплавающихъ* расшеивъ (Rotaceae). Но въ послѣдствіи открылось, что это былъ новый Пиринейскій видъ былъ не иное что, какъ листъ обыкновеннаго боба (Vicia Faba), случайно попавшій въ воду и вымокшій. Урокъ столь же поучительный для охотниковъ до сочиненія новыхъ видовъ, какъ медвѣдь-самопласъ для родоупорцовъ!

§ 6.

ЧТО ЕСТЬ СОЛЬ?

Химикъ у васъ спросить соли: и вы ошибешесь, если ему предложите обыкновенную, *поваренную соль*. Она собственно и называлась сначала *солю*; потомъ съимъ именемъ стали называть и всѣ вещества, подобно ей *имѣющія вкусъ и растворимыя въ водѣ*: это соль въ минералогическомъ смыслѣ. Потомъ солю, въ химическомъ смыслѣ, стали называть вещества, *состояща изъ основанія и кислоты*, хотя бы онѣ были безвкусныя и нерасстворимыя. Наконецъ химики открыли, что *поваренная соль* не состоитъ изъ

кислоты (соляной) и основанія (соды); но изъ хлора и метаалюнда (сода): слѣдственно поваренная соль уже не соль; а мраморъ, кремль, мѣль — вошь чшо исплинная соль химіи!...

М. МАКСИМОВИЧЪ.

IX.

НЕКРОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОКЪ

УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ

за 1832 годъ.

(продолженіе)

МАРТЪ. а)

4. *Жакъ Франсуа Шампольонъ (Младшій)*, славный своими розысканіями о гіероглифкѣ и испорін древняго Египта, 47 лѣтъ. (въ Парижѣ). См. *Телеск.* 1832. N 4.

-
- а) Около Марта погибъ самоубійствомъ: въ Парижѣ, В. Эскуссъ, не имѣвшій еще 20 лѣтъ отъ роду, драматическій поэтъ, задушивъ себя чадомъ (см. *Телеск.* 1832. N 2); и въ Лондонѣ, Флетчеръ, также юноша, 22 лѣтъ, сочинитель *Истории Польши (History of Poland)*, который, занимаясь на канунъ вѣчеру продолженіемъ новаго сочиненія объ *Индійской Исторіи*, поупру лишилъ себя жизни пистолетнымъ выстрѣломъ.

18. *М. А. Бестужевъ-Рюминъ*, општавой Штабс-Капитанъ, занимавшійся липературою, издавецъ *Свернаго Меркурія и Гирлянды*. (въ СПБ.).
22. *Иоаннъ Вольфгангъ фон-ГЕТЕ*, Саксен-Веймарскій Дѣйствиельный Тайный Совѣтникъ и Каммер-Президентъ. (въ Веймарѣ). См. *Телеск.* 1832. N 13.
27. Докторъ *Мертенсъ*, Супер-Интендентъ и Обер-Предигеръ въ Гальбершпадтѣ, извѣстный своими обширными познаніями и многочисленными сочиненіями по части Математики, Философіи и Рациональнаго Богословія. Его послѣднее сочиненіе: *Über symbolischen Wissen*, принято съ особеннымъ уваженіемъ въ Германіи; другое гораздо обширнѣйшее твореніе: *Philosophische Grundlegung zur natürlichen Religion*, не приведено къ окончанію. Состоится 57 лѣтъ. (въ Гальбершпадтѣ).
28. *Лазаръ Бен-Давидъ*, Профессоръ Философіи при Берлинскомъ Университетѣ, ученикъ Канпа, славный многими философскими сочиненіями, 70 лѣтъ. (въ Берлинѣ).
- *К. Ф. фон-Шлотгеймъ*, Саксен-Кобург-Готскій Герцогскій Дѣйствиельный Тайный Совѣтникъ и Обер-Готмаршалъ, Членъ многихъ Академій и разныхъ Ученыхъ Обществъ, какъ писатель, извѣстный сочиненіемъ *Über Futrefactenfunde*. (въ Готѣ).
31. *Антонъ Бродовскій*, Профессоръ Варшавскаго Университета. (въ Варшавѣ).

АПРѢЛЬ.

3. *Виконтъ Мартиньякъ*, Министръ Франціи, оставившій по себѣ *Исторію Испанской Войны*, 50 лѣтъ, отъ холеры. (въ Парижѣ).
4. Баронъ *Вильгельмъ фон-Унгерн-Штернбергъ*, старшій Членъ Люблиндской Ландтагс-Коллегіи, извѣстный своею *Исторіею Великой Сѣверной Войны въ началѣ XVIII столѣтія*, въ семи нѣсколько разъ собственною его рукою переписанныхъ помахъ in folio, надъ которыми прудился до самой смерти, съ ослабѣвшимъ зрѣніемъ и дрожащею рукою. (въ Ригѣ).
6. Королевско-Прусскій Секретарь Посольства *фон-Норманъ*, занимавшійся поэзіею, 30 лѣтъ. (въ Гамбургѣ).
- Начальникъ Отдѣленія Военнаго Французскаго Министерства, *де Мюссе Пите*, извѣстный многочисломъ политическихъ и императорскихъ сочиненій, между коими особенно замѣчательна *Біографія Ж. Ж. Руссо*, и изданіемъ, обще съ *Сокниалъ*, *Курса Сельскаго Хозяйства*, вышедшаго въ 1812 году. (въ Парижѣ).
- *Джюстина Ренъеръ-Микіель*, сочинительница исследования sull' Origine delle Feste Veneziane, въ шестии помахъ. (въ Венеціи).
- Кардиналъ *Ферреро делла Мармора*, извѣстный обширными свѣденіями въ Піемонтской Исторіи и участіемъ въ изданіи *Biografia Piemontese*. (въ Туринѣ).

15. *Коулторстъ*, Англичанинъ, прославившійся путешествіями во внутренности Африки.
16. *Христіанъ Лодеръ*, Россійско - Императорскій Тайный Совѣтникъ, славный анапомъ. (въ Москвѣ). См. *Молв.* 1852. N 29.
- Докторъ *Шмидъ*, Профессоръ Физики и Математики. (въ Тибингенъ).
17. *Людвигъ Гизеке*, Королевско-Данскій Совѣтникъ, сынъ извѣстнаго поэта *Николая Дмитріа Гизеке*, славнаго дружбою съ Клоппшюкомъ, самъ занимавшійся поэзіею, издававшій съ братомъ своимъ *Gemälde ländlicher Geschäftigkeit* (1791) и особенно извѣстный своими *Erzählungen aus dem Menschenleben, dem Thierreich und der Ideenwelt*, 75 лѣтъ. (въ Брауншвейгъ).
18. Аббатъ *Домъ Андж. де Цезарисъ*, первый аспрономъ Миланскій, Членъ Италіянскаго Общества и многихъ другихъ, издававшій подъ руководствомъ своимъ въ продолженіе многихъ лѣтъ *Астрономическія Лѣтописи*, 82 лѣтъ. (въ Миланъ).
- *Фридрихъ Готлобъ Гайне*, Докторъ Философій, Профессоръ Ботаники при Берлинскомъ Университетѣ, извѣстный многими важными ботаническими сочиненіями и особенно изданіемъ *Дендрологической Флоры*, 59 лѣтъ. (въ Берлинъ).
25. Докторъ *Людвигъ Менде*, Профессоръ Медицины при Геттингенскомъ Университетѣ и Директоръ Королевскаго Родильнаго Института. (въ Геттингенъ).

96. Докшоръ *Оденъ-Рувьеръ*, издашель сочиненія о *Врахованіи безъ Врача*. (въ Парижѣ). .
98. Баронъ *Густафъ Розенкампфъ*, Императорско-Россійскій Тайный Совѣшникъ, извѣстный крѣпическимъ изданіемъ *Кормлей Кіниги*. (въ СПБ).
98. *Константины Ѳеодоровы Калайдовичъ*, извѣстный Русскій археологъ. (въ Москвѣ). См. *Молв.* 1832. N 32.

(окончаніе слѣдуетъ).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чѣобы по оппечатаваніи предспавлены были въ Ценсурный Комишесъ *три* экземпляра. Москва, Марта 24 дня, 1833.

Ценсоръ Николай Лазаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

ТЕЛЕСКОПЪ

I

О СТЕПЕНЯХЪ

ЖИЗНИ И СМЕРТИ.

(ПИСЬМО КЪ Ю. Н. ВАРТЕНЕВУ).

Жизнь природы такой предметъ, объ которомъ, кажешься, никогда не наговоришься; также, какъ не лѣзя, говоришь, напишься довольно. И я, желая изложивъ свои мысли о различныхъ видахъ *смерти*, опять говорю о *жизни*. Начинаю съ жизни, попому что она есть *начало*, и производящее и разрушающее плѣмя. Каждое плѣмя имѣеть определенное *бытіе* попому, что имѣеть свою *жизнь* и есть *явленіе* оной. А жизнь имѣеть такое могучее свойство, попому что ведетъ начало свое отъ Бога Живаго и есть *мысль Божія*.

Жизнь природы, являющаяся земными плѣями, имѣеть четыре главные вида, отъ чего и про-

исходятъ четыре вида бытія: *неорганическое, растительное, чувственное или животное и духовное.*

Въ первыхъ трехъ степеняхъ бытія, жизнь имѣетъ цѣлю образованіе тѣла, поному и называется она *тѣлесною*. Переходя въ вещественное и дѣйствительное бытіе, она является *тѣломъ*.

Для жизни *духовной* тѣло составляетъ только *средство* къ развитію; и дѣйствительное явленіе оной есть *душа*.

Въ *неорганическомъ* бытіи жизнь, образовательница своего тѣла, цѣпенетъ въ немъ и пребываетъ образованною, неизмѣнною массою. Это наибольшее *овеществленіе* жизни; вся она обращается въ вещественное пребываніе тѣла и не переходитъ за предѣлы его, въ попомство.

На степені *растительнаго* бытія, жизнь не успокаивается въ своемъ тѣлѣ, но продолжаетъ свои производительныя дѣйствія, не только въ немъ, но и внѣ его, размножаетъ и возрождаетъ бытіе его въ попомствѣ.

Бытіе *чувственное или животное* представляетъ еще болыное опдаленіе и освобожденіе жизни отъ вещественности. Здѣсь уже она не состоитъ собственно въ образованіи и производимости; но въ самодвиженіи своего тѣла и въ чувственномъ ощущеніи внѣшняго міра. Это высшая степень *тѣлеснаго бытія!*

Бытіе духовное соспоишь уже въ разумномъ дѣйствіи самопознанія и проспирается за предѣлы времени и пространства. Жизнь духовная есть числѣйшая, своеобразнѣйшая жизнь, ибо она мысленная.

Опытъ соединенія сихъ видовъ жизненнаго бытія происходятъ четыре царства земныхъ тѣлъ: 1) Минеральное — явленіе разнообразно-опредѣленныхъ видовъ жизни неорганической; 2) Растительное — явленіе видовъ жизни неорганической съ растительною; 3) Животное — явленіе жизней неорганической, расщипельной и животной; 4) Человѣческое царство, представляющее соединеніе полной тѣлесной жизни съ духовною. И пакъ минераль есть тѣло неорганическое; растение — тѣло органическое безъ самодвиженія и чувствія; животное — тѣло органическое чувствующее и самодвижущееся; человекъ — существо съ органически-животнымъ тѣломъ и разумною, безсмертною душою.

Таково бытіе земныхъ тѣлъ; таковою въ нихъ является жизнь.

Жизнь является тѣломъ, когда облекается въ вещество: и въ міръ физическомъ вездѣ вездеспо. Оно наполняетъ собою все пространство и въ немъ дѣйствительно. Длительность есть необходимое, врожденное его свойство.

Стихій или начальныхъ видовъ вещества, изъ

конхъ жизнию образующа пѣла, искони признано четыре. Одна спихія *всѣмирная*, первородная, наиболѣе дѣятельная, невѣсомая: это есть *эфиръ*, вполне являющійся огнемъ, коего видомъ почитаю и *электричество*. Эфиру противоположны при *земныхъ стихіяхъ*, изъ него произшедшія, опіяжельшія, вѣсомыя, способныя къ непосредственному образованію въ земныя пѣла: это суть *воздухъ, вода и земля*.

Отсюда еще два вида физическаго бытія: *огнестихійное* и *земнестихійное*. Бытіе спихій постоянно и опредѣленно, ибо онѣ также имѣютъ свою жизнь. И такъ въ мірѣ вездѣ *жизнь*. Чпожь есть *смерть*?

Смерть есть переходъ и возвращеніе *тѣла* на низшія степени бытія. И если жизненное возвышеніе бытія тѣлеснаго происходитъ чрезъ прибавленіе высшихъ степеней къ низшимъ; то смерть, какъ нисхожденіе бытія, происходитъ обратно — лишеніемъ или опгьяніемъ высшихъ степеней. Поэтому и здѣсь будетъ столько же степеней бытія, и даже тѣ самыя: это суть главныя ступени *лѣтвицы жизни*, по конхъ она восходитъ и нисходитъ въ мірѣ явленій.

Чтобы опредѣлить виды смерти, возьмемъ животное, которое представляетъ наибольшую сложность бытія.

Первая степень смерти его будетъ *ОНЪ* — лишеніе *чувственнаго* бытія. При такой *смерти*

усыпленія, животное переходитъ на степень бытія распылительнаго, которое для распыленія есть насоящее и полное бытіе. *Идиотизмъ* или *безуміе* есть случайно задержанное развитіе чело-вѣка въ животномъ сосояніи; и *идиота* по всей справедливости можно назвать живымъ мертвецомъ. Распылительное сосояніе представляють различныя болѣзненныя сосоянія тѣла и между прочимъ тѣ случаи сомнамбулизма, когда тѣло бываетъ безчувственнымъ къ сильнѣйшимъ физическимъ пораженіямъ.

Вторую степень смерти составляютъ ЦѢПЕ-НІЕ, когда животные и распыленія лишаются своей органической производимости и пребываютъ только образованными массами вещества. При такой *смерти члѣненья* органическія тѣла переходятъ на степень бытія неорганическаго, которое для минерала есть насоящее и полное бытіе. Такого пониженія можно различить при степени: 1) омертвѣніи или временное оцѣпѣніе, какое видимъ на многихъ животныхъ и распыленіяхъ, въ ихъ зимней спячкѣ: на лягушкахъ, находимыхъ заключенными въ камняхъ и оживавшихъ по освобожденіи изъ сего въковаго заключенія; на пороскахъ и особенно ягеляхъ (*lichenes*), прекращающихъ произрастаніе во время засухи и возобновляющихъ оное во влагѣ, хотя бы то было чрезъ много лѣтъ;

2) полный цѣлѣннѣ при безвозвратной потерѣ производимости; искусственными памятниками сего цѣлѣннѣ богаты капакомбы Египетскія и куншскамеры; въ шакомъ соспояннѣ пребывающѣ расшенія въ нашихъ гербаріяхъ; дерево, кость и другія частн органическихъ тѣлъ въ разныхъ издѣліяхъ; въ шакомъ соспояннѣ Академическій мамонтъ сохраненъ былъ природою отъ самаго поппа въ полярной льдинѣ; 3) окаменѣннѣ или совершенное превращеніе въ минералы и переселеніе въ минеральное царство; сюда принадлежатъ многія камни, каменное уголье и другіе *пламеннѣ* а).

Третья степень смерти есть **ТЛѢНІЕ** и распадѣннѣ тѣла на составныя стихіи, при чемъ оно лишается уже и пребыванія въ своей вещественной формѣ. Это переходъ къ бытію земно-стихійному. Такою *смертію разрушенія* умирающѣ и минералы.

Наконцѣ *четвертая* степень смерти есть старѣннѣ и утонченіе земнаго вещества въ огонь и въ элекпричество. Это переходъ его къ бытію огнестихійному или эфирному, разрѣшенія отъ земныхъ узъ тяжести. Это послѣдняя **ОГНЕВАЯ СМЕРТЬ** земнаго бытія в).

а) Этимъ словомъ я называю третій классъ минераловъ (*возгорѣлые*).

в) и Петра. III, 10.

Огневое бытіе естъ первый и послѣдній предѣлъ бытія *вещественнаго* или *пространственнаго*. За предѣломъ пространственности спланившись уже бытіе духовное. Но эфирное или огневое бытіе, какъ выше замѣчено, все еще естъ бытіе *вещественное*, определенное (до математической точности), дѣятельнѣйшее, слѣдственно *живое*. Поэтому когда шло, пройдя нѣсколько смертей, оспанавливаясь на сей крайней, наибольшей смерти; то оно приходило на степенъ жизни легкой и свѣтлой, болѣе обширной и дѣятельной, чѣмъ мятежная жизнь земныхъ сплнн и безмолвное бытіе минерала. И такъ можемъ повѣрить спаривное повѣрье, что какой бы смертію ни умирало шло, все оно *живетъ и въ мѣртъ нѣтъ ничего совершенно мѣртваго*. Это вѣрованіе въ повсюдную жизнь природы и вѣра въ бессмертную жизнь души—суть самыя оправданныя чувства для жизни сердца и ума, чувства основныя для нашего дѣйствія и знанія. И какъ не имѣть ихъ?..

М. Максимовичъ.

1832. 30 Декабря.

II

ПОЭЗИЯ

ИНДУСТАНСКАЯ И САНСКРИТСКАЯ.

(окончаніе)

Изъ всѣхъ опрышковъ Санскрипской поэзи, эпизодъ *Намы* можетъ быть наиболѣе вразумителенъ и наименѣ нуждается въ комменпаріяхъ. Вдохновенный пѣмъ еспешивенными чувспво-ваніями, копорыя покояпся во глубинѣ сердца человѣческаго, онъ предспавляетъ картину душевнаго соспоянія, копорое также неизмѣнно въ различныхъ поколѣніяхъ рода человѣческаго, какъ общее спроеіе нашего пѣла. И какова должна быть поэзія, копорую могутъ понимать все люди, копорая извлекаетъ слезы подъ всеми градусами широты, опъ копорой опрысаются единозвучно все сердца! Здѣсь Индійскій коспомъ усугубляетъ очарованіе: намъ пріятно подъ чужеземною драпировкою опкрывать наши спрашп, наши печали. Сія вѣрная копія семейспвенныхъ нравовъ народа безвѣспнаго улаждаетъ насъ и легко, понятна.

Идеалъ женской добродѣтели возвышается и блеспитъ здѣсь, прелестію, чиспотою, сіяніемъ, испинно восхиппительными. Поэма дышетъ людскосію, нѣжнымъ чувспвомъ, очаровательнымъ проспосердечіемъ. Какъ будпо перенесен-

ный ео, живешь въ нѣдрахъ первобытнаго, непорочнаго, крошечнаго поколѣнія, гдѣ усовершенствованная гражданственность высоко развила умственные силы, не повредивъ дѣтской чистоты ихъ! Картины вѣнченнаго семейнаго быта, изображенія супружеской вѣрности, никогда не украшались цвѣтами, болѣе нѣжными, болѣе счастливыми. Лѣтъ за нѣсколько Сутей, не знавшій эпизода Налы, помѣстимъ въ своей Индѣйской эпопее: *Проклятіе Когамы*, сцены домашней жизни, коихъ простота предсказала рѣзкій контрастъ съ исполинскимъ величіемъ цѣлаго созданія. Его поэтическій инстинктъ угадалъ пайну Индѣйскаго гения: колоссальное величіе обруку съ дѣтскою прелестью и все простосердечіе семейныхъ чувствъ возлѣ самыхъ гигантскихъ вымысловъ, какіе только можешь соиздать распаленное до неистовства воображеніе.

Нала, царь Ничады, есть наилучшій изъ монарховъ и прекраснѣйшій изъ смертныхъ. Онъ оплываетъ и на войнѣ и въ мирѣ. Никто не умѣетъ съ равною ловкостью управлять бѣгомъ колесницы. Дамаянти, прекрасная и скромная дочь царя Бимы, внушаетъ Налѣ живѣйшую страсть. Придумывая средства опкрыть ей свою нѣжность, Нала встрѣчаетъ среди лѣса стадо красныхъ гусей съ золотыми крыльями, птицъ оплывающихъ быстротою

помеша и яркимъ блескомъ перьевъ. Сія пернатая сама вызывающая слезать къ дѣвѣ и опнеси ей сладкую вѣсь любви. Нала соглашается.

»Птицы поднимаются, исполненные радости, и направляють полетъ къ Видарбѣ, пыльному граду. Онъ опускаются у ногъ Дамаяни, сидящей между своихъ служапельницъ, на коврѣ, среди своихъ черпоговъ. Дамаяни удивляется при видѣ ихъ, любитися прелестными ихъ формами, блестящими перьями; и юныя дѣвы, играя, преслѣдуютъ вокругъ колоннъ золотокрылого сапо. Ноги ихъ скользятъ по мрамору; птицы разлетаются; и одна изъ нихъ, послѣдовавшая за Дамаяни въ лѣсъ, оставшись съ ней наединѣ, говоритъ ей плакъ, языкомъ человѣческимъ: «

— » Дамаяни! благородный монархъ царствуетъ въ Ничадѣ. Безъ ровни между смертными, прекрасный какъ близнецы Азуины, богъ во образѣ человѣческомъ! Если ты будешь его супругою, благолюбивая княжна, дѣши швыи будешь также прекрасна и благородна, какъ ты, какъ ихъ родителъ. Мы видѣли боговъ и Гандарвовъ, людей, змѣй и Ришьевъ; но никто изъ нихъ не сравнится съ Налою. Перло женщинъ, Нала есть гордость мужчинъ! «

Дамаяни, слыша слова сіи, ошвѣчаетъ:

— » Поди и опнеси онъ меня Налѣ мнѣ же слова, которыхъ мнѣ приносятъ! «

« Крылья птицы вспрепенулись. Она опускается надъ Ничадою. »

Между тѣмъ Дамаяни, объявляя любовію къ Налъ, предается вся новой своей спрасни. Европейскія дамы признають въ юной Индійской дѣвѣ тѣже самые симпномы, коими и у насъ изобличающся спраданія любящихъ сердецъ.

« Она сидѣла, полная мечпаній и унынія. Ея ланипы поблѣднѣли: глубокая дума поглощала ее. Безмолвно глядѣла она на небо; и тяжкіе вздохи вырывались изъ ея груди. Зрѣлище печальное! Ея прелестный румянецъ попускъ: душевныя спраданія превозмогли. Сонъ, бесѣда подругъ, веселые пиры, не утѣшаютъ ея. Горе! горе! она восклицаетъ: и молодыя подруги заливаются слезами вокругъ ней. »

Онець, пронутый скорбію, пожиравшего его дочь, убѣждаетъ ее къ супружеству. Размышленія его по сему предмету, проспосердечныя, физиологическія и напріархальныя, заспавипъ улыбувшись нашихъ криптиковъ. Вскорѣ, всѣ цари земные, всѣ вожди и храбрые рапники, приглашаются имъ на шоржеспвенное празднество. Книжна должна избрать себѣ супруга, бросивъ цвѣпочную вязъ на голову счасливцу. Оливсюду спекающся; земля дрожитъ подъ колесницами; дорога, ведущая въ Видарбу, покрыва лошадами. Щаръ земной спонепъ подъ пя-

жестію. Шликаго множества словъ, коней, царей и боговъ: ибо геронческіе боги сяхъ первобытныхъ временъ мѣшаюцца съ людьми, раздѣляютъ ихъ спраспи, соперничаютъ съ ними, нападаютъ на нихъ, защищаютъ ихъ или караютъ.

Нала отправляется на сіе собраніе. Четыре бога оспанавливаютъ его среди дороги; сіи четыре бога его соперники, также помогающіеся руки Дамаяни: *Индра*, богъ шверди; *Агни*, богъ огня; *Веруна*, богъ воды; *Яма*, богъ преисподнихъ. «Мы покинули небеса,» говорятъ они ему, «чтобъ получить прекрасную Дамаяни; ты, нашъ вѣрный слуга, благочестивѣйшій изъ смертныхъ, справедливѣйшій и добродѣтельнѣйшій изъ царей, будь нашимъ общимъ посломъ къ прекрасной дѣвѣ и возвѣсти ей, что четыре божества ищутъ ея любви!» Религія борелся съ нѣжностію въ расперзанномъ сердцѣ Нала: онъ колеблется и наконецъ рѣшается. Благочестіе превозмогло: онъ повинуется богамъ и идетъ искать Дамаяни.

«Подъ бесѣдкою, сплетенною изъ цвѣтвъ, почивала дѣва Видарбская, убранная повязками, украшенная дѣвичьими покровами, блистая красотою, величественною и кропкою, достойная крови, текущей въ ея жилахъ: очи большіе и черныя, станъ миніашкурный, нѣжные члены округлены прелестно. Видя сіи очи, болѣе кропкія и болѣе яркія, чѣмъ лучи

мѣсяца, Нала въздыкаеть: любовь его воспламеняется улыбкой, коей наградила его Дамаянти. Но онъ долженъ сохранить свое слово: онъ исполнить свой долгъ.»

Въ самомъ дѣлѣ Нала сообщаетъ юной дѣвѣ рѣчи боговъ. Она сморщитъ на него и, улыбаясь юному герою, который самъ ей улыбается, говоритъ:

— «Кто ты, коего красота возбуждаетъ во мнѣ пламень страсти? Твоя благородная и твердая поступь уподобляетъ тебя богамъ. Юноша красоты безпорочной и несравненной! сердце мое стремится къ тебѣ!»

— «Я Нала! Благородная дѣва! Боги послали меня сюда. Четыре божества любятъ тебя! О совершеннѣйшая изъ женъ, избери между ними! Боги возложили на меня сіе посольство. Отвергнуй тому, кого избрали они своимъ вѣсникомъ.»

Дамаянти вознесла моленіе богамъ и сказала:

— «Государь! Какъ изъяснить тебѣ склоненіе, которое влечетъ меня къ тебѣ? Воспоминаніе о запокрьмой лицѣ, принесшей мнѣ онъ тебя вѣстѣ, покрываетъ лице мое краскою. Я швоа! Ты мой господинъ! Ускори же минушу брака, владытель моей жизни! Отведи меня въ швои чертоги. Я швоа вѣрная супруга: Любовь швоа увѣнчаетъ меня блаженствомъ. Гово-

ри, ибо цари уже собрались. Но если ты отвергнешь меня, то иды, пламя, пучина воды, роковой снурокъ, освободить меня отъ сей жизни!»

Сей пресподушный воспоргъ любви напоминаетъ Джюльетту Шекспирову. Джюльетта также уснуваетъ безъ сопротивленія. Въ своей искренней прозрѣности, которая несравненно чище принужденнаго цѣломудрія обыкновенныхъ женщинъ, она признаетъ возлюбленнаго своимъ господиномъ; ввѣряется ему, какъ благородному мужу (gentleman). Дамаяши любитъ героя, какъ существо высшее, и безусловно ему предается.

— «Когда боги ищутъ руки твоей,» отвѣчаетъ Нала, «для чего избирать смертнаго? Возвысь мысль твою и взоры къ симъ верховнымъ хранилищамъ міра! Прахъ, возмешаемый стопами ихъ, благороднѣе меня. Прерѣкаешь богамъ значить иди на гибель. О прекраснѣйшая изъ женщинъ! когда богъ будетъ владѣть тобою, наряды твои будутъ вѣчно прекрасны, цвѣты, вѣнчающіе твою голову, будутъ сіять немерцающимъ блескомъ! Говори, избирай! тебя умоляетъ любящее сердце!»

Такъ говорилъ повелитель Ничады. Очи дѣвы подернулись мрачнымъ облакомъ, оросились горячими слезами.

— «Герой!» говоритъ она ему. «Богамъ принадлежить слава и честь; я поклонюсь имъ;

мо тебя — избираю! Ты мой единственный супруг! тебя одного я желаю.» И ея скамьи руки ломались; она претепала вся отъ скорби.

— «Вспомни о моей обязанности я общи!» возразилъ Нала. «Боги пребовали отъ меня молчанія; я долженъ молчать о шомъ, что испытываю, долженъ говоришь въ пользу боговъ, меня пославшихъ... Читай въ душѣ моей, Даманини!»

— «О! ты будешь чистъ отъ всякой вины! Боги, предводимые Индрою, предпанутъ предо мною; будь ты съ ними! Предъ лицомъ хранителей земли, я изберу тебя, льва между смертными! Мы не сдѣлаемъ никакого пресупленія.»

Поэтъ описываетъ собраніе, *свалмбару* или *свободный выборъ*: сія картина отличаетъ величественностію и яркимъ колоритомъ.

«Зала поддерживалась золотыми колоннами. Чрезъ исполинскіе портики шествуютъ герои, какъ величественные львы между холмами. Для нихъ приготовлены безчисленные разнообразныя сѣдалища. Уши ихъ обременены драгоценными каменьями; головы увѣнчаны благовонными цвѣтами. Они отличаются формами нѣжными и крѣпкими, подобно кольцамъ змѣевъ, гибкимъ и швердымъ, какъ мѣдъ; мышцы ихъ исполинскія; волнистыя кудри спускаются какъ виноградныя кисти.»

Дамаянти готовится исполнить свое намерение и выбрать супруга по сердцу. Но какое чудо! Взорамъ ея предъставляется пять героевъ, совершенно похожихъ на Налу. Четыре бога приняли на себя его видъ, черпы, корону, поспуль; она оспанавливается, трепещетъ; подозрѣваетъ обманъ, успроенный четырьмя соперничающими божествами, и, сложивъ руки, обращаетъ къ нимъ сію превосходную молитву:

— «О боги! доселѣ душа и жизнь моя были чисты. Да преклонить васъ моя невинность и мольбы за Налу! Именемъ моей чистоты, именемъ искренности моей любви, именемъ благоговѣнія моего къ богамъ - хранителямъ міра, заклинаю васъ, покажитесь моимъ взорамъ и дозволейте показаться Налѣ!»

Здѣсь открывается высокая идея мифологии Индустанской. Искренняя молитва никогда не остается безъ дѣйствія: истина и добродѣтель имѣютъ силу волшебную: всякое проклятіе дѣйствительно, всякое моленіе непобѣдимо. И такъ боги являюся взорамъ юной дѣвы въ своей безмерной формѣ; напротивъ Нала со всею человѣческою слабостію: сія противоположность заключаетъ въ себя новую философическую идею, коей смыслъ развивать здѣсь стѣсняетъ излишнимъ!

« Боги явили себя. Ноги ихъ не касались земли. Они неподвижны, какъ кристальныя спатуны; увѣнчаны цвѣтами безсмертными; вѣжды ихъ никогда не смыкаются; погъ не оскверняетъ ихъ; пѣло не даешъ пѣни. Но прахъ и паръ земный мрачатъ красону Налы; опъ пѣла его падаешъ пѣнь; ноги его пренетно попираютъ землю; ужась рисуется въ его глазахъ. Даманти узнаешъ его по симъ примѣпамъ. »

Тогда черноокая дѣва, полная цѣломудренной спыдливости, хватается за воскресіе одеждъ Налы и опоясываетъ его цвѣточною вязью, бывшею въ ея рукахъ. Владыки міра дивятся ея выбору и восклицають: ахъ! Прочіе боги и мудрецы осыпають рукоплесканіями добродѣшель дѣвы. Собраніе расходится.

Празднуютъ бракъ. Нала и жена его благословляются небомъ. Они имѣютъ двоихъ дѣтей и подають міру примѣръ добродѣтели. Нала любимъ своими подданными. Благочестивый предъ богами, часто и со вниманіемъ читаетъ онъ Веды, даже пятую Веду. Наконецъ — что составляетъ послѣдній предѣлъ Индійской набожности — совершаетъ великое жертвоприношеніе коня.

Но гдѣ найти счастье совершенное, неизмѣнное! Два божества, искавшія руки юной дѣ-

вы и пришедшія очень поздно, покаялись преслѣдоваль его. Они вспрѣчаютъ препяшспіе къ совершенію своего злаго умысла. Нала живеть безпорочно; а чистая добродѣтель прилупляетъ гнѣвъ самихъ боговъ. Хранители міра услышавъ, что Кали, злой геній, поклялся ненавистію къ герою, отвѣчаютъ ему:

»Ты не можешь ничего ему сдѣлать. Кропосъ соспавляетъ его душу; слово его истина; никогда не нарушаетъ онъ кляпвы. Честный, великодушный, благочестивый, безпорочный, онъ подобенъ богамъ, управляющимъ вселенною. Кто клянетъ добродѣтель, тотъ клянетъ самаго себя. Кто поражаетъ ее, тотъ закаляетъ себя собственными руками. Кто возсипаетъ противъ Нала, тотъ погрузится въ преисподнее озеро, въ вѣчную пропасть! «

Двенадцать лѣтъ мщеніе злаго духа ждетъ малѣйшаго пресупленія Нала, чтобы погубить его. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, монархъ, забывъ священный законъ, предписывающій чистопу всѣхъ членовъ плѣа, наступилъ ногою на мѣсто, невольно оскверненное. Тотчасъ душа его подверглась вліянію демона Кали. Злобный духъ вшоргается въ плѣо царя, возмущаетъ разумъ его, развращаетъ сердце, искажаетъ склонности! Нала уже совсѣмъ не тотъ: единственныиъ источникомъ добродѣтели оспается для него любовь къ Дамаяни. Какая

безконечно прогашельная нравственнаѣ идея! Нельзя сильнѣе выразишь могущеснаѣ, которое имѣешь надъ душою челоѣка привязанность добродѣельная и глубокая!

Нала играешь въ кости съ Пушкарою, своимъ брешомъ. Онъ проигрываетъ ему свои владѣнія, одежды, колесницы, золото. Игра продолжается при мѣсяцѣ. Наконецъ у монарха не оспается ничего, даже одежды. Спросишь къ игрѣ, свойственнаѣ племенамъ героическимъ, удивительно начерпана. Чѣмъ болѣе выигрываетъ брешъ Нала, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ въ Налѣ сѣѣ пожирающая спросишь. Онъ глухъ ко всѣмъ совѣшамъ, упорно спременился къ гибели: его влекутъ сумасшесныѣ и ослѣпленіе, коихъ ничто побѣдишь не можешь. Дамаянти предвидишь участъ, ожидающую еѣ супруга; она посылаетъ за возницею, повѣряешь ему двухъ своихъ дѣшей и просишь опшесни къ еѣ родишелямъ.

Продолжительный хохотъ Пушкары раздался и возвѣспилъ совершенную гибель его пропивника.

— «Ну хочешь ли играть еще?» говорилъ онъ ему. «Чшо спавишь?»

Нала оспавался безмолвенъ.

«У тебя оспается только Дамаянти! Ну! поспавъ еѣ!»

Бросивъ на варвара взоръ глубокой и печальной, Нала вспавъ, не отвѣчая ни слова. Лиши-

вписъ всѣхъ своихъ драгоценныхъ сокровищъ и украшеній, одинъ, съ лицомъ, которое казалось покойнымъ, но запечатлѣнно было глубокимъ опечаленіемъ, онъ оспавляетъ черпоги родительскіе. Такъ бѣснующійся пропившійся демонъ, который его давитъ! Любовь къ Дамаяни побѣдоносно сражается съ злобнымъ вліяніемъ Кали. Ничего не можетъ быть прогашельнѣе и драматичнѣе!

По городу обнародованъ указъ Пушкары: «да будетъ проклятъ, кто дастъ помощь Налѣ!» Все бѣжитъ; одна Дамаяни сопровождаетъ его. Она вырываетъ изъ земли корни и пьютъ едоу изъ живыхъ ключей. Голодь помнитъ ихъ. Однажды, изгнанный монархъ бросилъ плащъ свой на спадъ пищъ съ прекрасными перьями, дабы поймать ихъ себѣ въ пищу. Но пищы едва ощутили на себѣ одежду, потчасъ взвились подъ небеса; и одна изъ нихъ проговорила Налѣ: «Смотри на насъ! Пищы, похищающія теперь послѣднее твое сокровище, это кости, ввергнувшія тебя въ гибель! Безумный! мы смѣемъ надъ твоею крайностію; нагота твоя составляетъ нашу радость!»

Тогда монархъ обратился къ Дамаяни:

«Женщина любезная и робкая! Для меня закрыто всякое убѣжище: опята у меня всякая надежда! Кости лишили меня прона, чести и пропитанія, необходимаго для человѣка. Послушай

меня! Оспавь челоуѣка, погрязнаго въ глубочайшемъ несчастіи; оспавь непременно; возвратись къ опцу своему; вопгь южныя спраны, вопгь дорога, по копорой тебѣ должно иппи! «

Дамаянти слушала, между пѣмъ какъ несчастный супругъ начерпывалъ ей дорогу, ведущую въ Видарбу. Наконецъ, рыданія пѣсившія ея разперзанную грудь, вырвались съ сими прогательными словами.

— » Правда, сердце мое раздирается, измощенные члены склоняюпся, гнушся; и чѣмъ болѣе размышляю и о пвоихъ совѣпахъ, пѣмъ болѣе ослабѣваетъ духъ мой. Царство, сокровища, одежду, все пошерялъ пы; и нагой, преданный въ добычу голоду и жаждѣ, хочешь, чпобъ я тебя оспавила въ сей пуспынѣ и блуждала одна вдали опъ тебя! Ныщъ! ныщъ! супругъ мой! Доколь пы здѣсь, въ дикомъ дремучемъ лѣсу, печальный, изнуренный голодомъ, будешь обращать дальній взглядъ на прошедшее пвое счастье, и оспанусь съ шобою! Другъ мой господинъ мой, я спану облегчаю пвои бѣдствія! Какой врачъ спдишь любящей супруги? Какія попеченія могутъ сравняпсь съ пѣжноспію ея? Опвѣчай Нала, шакъ ли пы думаешь? «

Не спанемъ безобразныя объясненіями высокую проспону сей рѣчи. Нала успупаетъ; и покрывшись пѣмъ же плащомъ, копорый по-

крываешь Дамаянти, продолжаешь свой путь по лѣсу. Но Кали, духъ преслѣдующій его, не оспавляетъ своей добычи. Между тѣмъ какъ вѣрная его супруга заснула, демонъ хочеть задушить послѣднее благородное чувствованіе, оспавшащееся въ сердцѣ Налы. Онъ соблазняетъ его покинуть свою жену. Несчастный монархъ находитъ на землѣ половину обнаженнаго меча, описываетъ имъ половину плаща, накрывается и бѣжитъ. Но скоро нѣжная любовь начала призывать его; онъ возвращается назадъ и бросаетъ послѣдній взоръ на спящую Дамаянти.

— » О ты, коей красоты не омрачили ни солнце, ни буря! О возлюбленная! И пакъ, безъ покровищеля, ты оспавешься теперь распростершая на жесткой землѣ! Недавно улыбалась она пакъ нѣжно... Чпо же будетъ съ ней, когда, лишенная своей одежды, одна, покинулал своимъ мужемъ, будетъ блуждать посреди змѣй и шигровъ, въ мрачной глубинѣ сихъ лѣсовъ! Боги времени года, геніи мѣсяцевъ, хранили небесъ, всѣ верховные божества, бодрствуйше надъ нею! Но если и они оспавятъ тебя, благородная женщина, швоя добродѣтель будетъ швоимъ могущесствомъ! «

Аріадна Капулла, Уна Спенсера, Дѣва Милыпона въ *Колустъ*, соединяюща здѣсь вмѣстѣ для Европейскаго воображенія. Но ни одинъ изъ сихъ идеаловъ женскаго достоинства не сіяетъ столь

божественною красою, какъ юная Дамаянти. Подобно героинѣ послѣдняго изъ поэтовъ, нами упомянутыхъ, она непобѣдима, потому что цѣломудренна и вѣрна. » Не думайте, чтобъ она осталась безъ защиты: ея щитъ невинность, сила сокровенная, опора таинственная, единственный талисманъ, даруемый намъ богами а).

Демонъ, боясь обращенія Налы къ добродѣтели, поражаетъ его безуміемъ. Онъ бѣжитъ: и » его сердце « — по превосходному выраженію поэта — » колеблется между сумаспесивіемъ и любовію, какъ маятникъ, не зная покоя. «

Дамаянти пробуждается. Красота ея блистаетъ свѣжестію среди пустынного бора. Она не видитъ своего мужа: продолжительной вопль вырывается изъ груди ея.

— » Гдѣ ты, о государь? Мой единственный покровитель, мой господинъ! не ужели ты оставилъ меня? Я погибла, я погибла! Вѣрный всегда своимъ обѣщанъ, своимъ обязанностямъ, ужели ты дѣйствительно могъ покинуть меня спящую, въ споль пустынномъ и дикомъ мѣстѣ? меня, свою слабую и вѣрную супругу? меня, которую ты такъ любилъ? Чѣмъ огорчила я тебя? Я одна! Мнѣ такъ спрочно! Ахъ! если ты скрываешься отъ глазъ моихъ, если ты за-

а) Колумъ, Мильтона.

бавляешься моимъ положеніемъ.... переспань, На-
ла, переспань! я умру съ печали! Да, я ви-
жу тебя, эпо шы! Для чегоже не опѣчавель!
Возвращись ко мнѣ, дай усльпнать пнвой голосъ,
ушѣшь меня, облегчи мои муки! Увы! я ничего
не слышу! онъ оспавилъ меня. «

— «Только объ немъ я скорблю, шолько объ
немъ одномъ! Голодный, печальный, безъ помо-
щи.... кпо ушѣшннть тебя, господнть мой, когда
вечеромъ сядешь шы при корнѣ ушлаго дерева и
не увидишь меня возлѣ себя! «

Она спремннсь, ищентъ, пробѣгаентъ лѣсъ,
орошаентъ землю своими слезами: сердце ея
рвется опть печали. Она хочентъ бѣжашъ и па-
даентъ безъ силъ; ея рыданія и плачевные вопли
раздаются въ пусшыняхъ.

— «Проклянтъ,« возопила она попомъ, «про-
клянтъ шонтъ, кпо погубилъ Налу! Проклянтъ
развращившій добродѣтельного человека! Да бѣ-
житъ опть него блаженство! Да будетъ онъ
несчастнѣе меня! «

Она взываетъ: дикіе псы воютъ и скачутъ во-
кругъ ней; и слезы льются изъ очей ея рѣками.
Спранспвукющія героини рыцарскихъ романовъ
не подвергались опасностямъ ужаснѣе шѣхъ, кои
угрожаютъ Дамаянти. Исполинская змѣя ду-
шинтъ ея въ своихъ кольцахъ; охошникъ убива-
ентъ змѣю, предлагаентъ пицу молодой женщннѣ
и, пораженный ея красотою, говоритъ:

— « Жена черноокая, подобная сери! какимъ образомъ твоя чудная красота зашла въ сію мрачную дубраву? кѣмъ ты? гдѣ твое семейство? отъ кого тебѣ столько несчастій? »

Дамаянти рассказала ему свои бѣдствія. Изъ подъ одежды, полу-покрывавшей ее, охотникъ увидѣлъ мраморныя перси, лучезарную бѣлизну лица, величественныя дуги бровей; съ наслажденіемъ слушалъ очаровательныя ея слова; любовь воспламенилась въ груди его; спрасныя и нѣжныя выраженія полились изъ устъ. Желаніе горѣло его въ глазахъ; но юная женщина, покраснѣвъ и задыхаясь отъ гнѣва, сверкавшаго въ ея глазахъ подобно пламени коспра, воскликнула:

« Именемъ любви, заключающей въ моемъ сердцѣ, именемъ Намы, заклиная тебя, умри у ногъ моихъ! »

И какъ дерево, пораженное громомъ, охотникъ падаетъ мертвымъ.

Вся эта сцена напоминаетъ опять Дѣву Мильпонову: *«Одинакая идетъ она среди дремучихъ лѣсовъ; ея невинность, сіяіе невидимое, окружаетъ прелести ея мѣдной стѣною; ни воинъ, ни страшный разбойникъ, не имѣютъ власти надъ ея цѣломудренною красой!»*

Дамаянти, избѣжавъ сей опасности, удаляется во глубину лѣса. Здѣсь поэтъ описываетъ величественный ландшафтъ, который населя-

есть существами и дѣйствительными и фантастическими.

»Чирикание кузнечиковъ раздавалось въ лѣсу; полчища львовъ, барсовъ, оленей, пигровъ, медвѣдей и ланей, попирали ногами своими пышныя могучихъ распелій съ вѣтвями переплешенными и сросшимися; унылый шумъ раздавался отъ колеблющихся кустовъ; дивныя пещеры открывались предъ царицею. Быстрыя рѣки, пушистые звѣри, гномы, змѣи, оплывающія испомыны, прозрачныя испочники, въ коихъ играли рыбы, высокія вершины, откуда низвергались быстрые потоки, вепри и буйволы, спремившіеся изъ глубины лѣсовъ — сіи ужасы не оспановили августѣйшей дщери царей, искавшей своего супруга въ пущинахъ.»

Мы пропускаемъ здѣсь много краснорѣчивыхъ мѣстъ, гдѣ Дамаинпи оплакиваетъ свое несчастье. Тигръ, уже гошовой пожралъ ее, обращается назадъ. Она возноситъ свою молитву къ генію священной горы; проситъ всѣ существа природы возвратитъ ей сокровище, которое потеряла.

—»Возврати мнѣ того, который шакъ благочестивъ и праведенъ, коего душа споль пламенна, рука споль могущественна; того, который увѣнчанъ славою и силою! Нама! Нама! услышу ли я еще твой голосъ, споль пріят-

ный, споль крѣпкій, коего звуки, сильные и нѣжные вмѣстѣ, раздающся подобно грому, улаждають ухо, какъ шопонъ лѣсовъ? Не споль сладоспна рѣчь боговъ, какъ голосъ любви для слуха любящей! Ошвѣспспвуи, священнѣй монархъ, найду ли я Налу? ошвѣспспвуи умоляющей швоей дочери! «

»Наконецъ спопы ея оспанаавливаются въ мирной долинѣ, населяемой *суанизисами*, ошпельниками, кои одѣваются древесною корою: прелеспнѣйшее убѣжище, при видѣ коего Дамаянти наконецъ отдыхаетъ! «

» Она приближается и преклоняется предъ мудрецами, сія женщина благолѣпная, съ плѣнительными формами, съ прекрасными бровями, съ шонкой и нѣжной кожей шѣла, въ успахъ коей заключены блиспательные перлы, коей большіе и черные глаза чаруютъ своею выразительною шмноспію! «

Ошпельники почишаютъ ее божеспвомъ; они повергаются предъ нею и поклоняются ей, какъ Нимфѣ сихъ лѣсовъ, какъ дочери Брамь. Дамаянти разувѣряетъ ихъ, рассказываетъ имъ свои приключенія, получаетъ ихъ благословеніе и обѣщаніе счастливой будущности. Едва проговорили мудрецы, вся сцена долины исчезаетъ; Дамаянти погружается въ ужаснѣйшую пуспнню. Упѣшпшельныя слова пуспынниковъ, кажется, оспановили шеченіе горестей ея, для шого чшобы ободе-

ришь и поддерживаешь въ испытаніяхъ. Скоро вспрѣчаешь она караванъ купцовъ, которые почитаютъ ее богинею и принимаютъ съ радостью. Роздыхъ каравана подаетъ поэшу предметъ для характеристической картины, которой не лѣзя пропустить здѣсь.

» Въ лѣсу ужасовъ, купцы видятъ озеро, коего мирные берега покрыты высокою травою; воды играютъ пестрыми разнообразіемъ пнищъ, безмолвными оплѣнками цвѣтовъ, и дышатъ благовоніемъ лопоса. Прозрачная влага ихъ вливаетъ въ упомянутые члены оживляющую свѣжесть. Всадники и кони остановились на берегахъ очарованнаго озера. «

» Наступила полночь. Всѣ спали, молчаніе глубокое царствовало, упомянутые купцы дремали. Вдругъ спало дикихъ слоновъ, обливаясь попомъ, приходятъ къ озеру утолить жажду; они видятъ караванъ, обоняніемъ своимъ почудили ручныхъ слоновъ. Въ бѣшенствѣ, бросающія попрысая убійственными хоботами. Они падаютъ и опрокидываются съ непреодолимую силою, съ ужасною пылостью, какъ вершина горы, обрушившись съ высоты своей, капающая съ шумомъ и засыпаетъ долину. Пуль ихъ ознаменованъ разрушеніемъ; деревья и вѣтви предаютъ подъ ихъ слонами; спящій караванъ попирается ихъ ногами, раздирается клыками, раздробляется хоботами сихъ ужасныхъ живош-

ныхъ. Одни бѣгутъ, другіе оспаюются, объятые ужасомъ, словно окаменѣлые; верблюды падаютъ и гибнутъ. Въ общемъ, страхъ всѣхъ пѣснися и поражающъ другъ друга взаимною смертію. Крикъ опчаянія раздается на мѣстѣ гибели. Одни повергаются на землю, другіе бросаются въ озеро, иные взлѣзаютъ на вершины деревъ.

— «Спасайшесь! спасайшесь!» кричатъ голоса.

«Вы шопчете мои драгоцѣнные камни!» говоритъ скупой.

«Все спало теперь общимъ имѣніемъ!» отвѣчаетъ другой.

«Берегитесь, ваши дѣянія сочтены!» кричатъ сильный голосъ; «я все вижу!»

Караванъ приписываетъ сіе бѣдспвіе присупсвию Дамаяни, пораженной и преслѣдуемой гибельнымъ рокомъ.

— «Эта женщина, покрытая рубищемъ, эта безумная, демонъ въ образѣ жены, блуждающая во мракѣ, навлекла на насъ столько несчастій! Убьемъ ее! Оптомсимъ за потерянные сокровища, за погибшихъ родспвенниковъ!»

Дамаяни слышитъ сіи слова и бѣжитъ къ Чеди, городу великолѣпному, коимъ управляетъ Сувагу.

«Какъ луна, едва исполнившаяся, печетъ по

небу, блѣдная, колеблющаяся: такъ является царица, входя въ городъ Чеди; распрепанные волосы ея сплетаются по изможденному, полунугому плъму. Дѣши бѣгутъ за ней, какъ за безумною. Ее приводятъ къ царской маперѣ. «

— » Да! эша женщина, кажешся, несчастною, сумасшедшею! « сказала великодушная царица. » Одежда ея въ грязи; но я чишаю въ смѣломъ ея взорѣ, въ ея благородной поспути, величѣ души и чистоту рожденія. «

Попомъ опводитъ несчастную въ шайные покои своего великолѣпнаго жилища.

— » Ты жерпва несчастія! но видѣ пвой доказываешъ благородство, подобно молніи, блистающей среди мрачныхъ пучъ. Кто пы? Расскажи мнѣ. Я защищу тебѣ опъ жестокоши людей! пы не проспая смерпная! «

Сценою счастья, описанною самыми очаровательными красками, кончается сей восхищительный опрывокъ, въ коемъ волшебная занимательность Арабской сказки смѣшивается съ пантепическою прототипою семейственнаго романа и съ величественнымъ, чистымъ, протосердечнымъ колоритомъ поэзіи Гомерической. Не лзя не дивиться сему разнообразію вводныхъ обстоятельствъ, сей искренности разсказа, сей нѣжности описанковъ, сему богати-

спву каршинъ благородныхъ и просподушныхъ. Между древними поэтами едвали можно насчитать двухъ, кои могутъ возвыситься на равную степень съ Визою, шворцемъ сей поемы, коего шворенія извѣсны только ученымъ, а имя почти невѣдомое Европѣ.

Таже глубокая и цѣломудренная нѣжность дышетъ въ одной позднѣйшей Индійской идилліи, копорую Г. Шези перевелъ на Французской языкъ, подъ заглавіемъ: *Гата-Карпару* или *Отсутствіе а*); въ *Пустынь Канду*, переданной пѣмъ же переводчикомъ съ рѣдкимъ искусствомъ; и въ ошрывкѣ изъ *Рамаяны: Смерть Яднаты*. Тѣсныя границы, въ коихъ мы заключили себя, дозволяютъ предсказать здѣсь только легкій очеркъ послѣдняго эпизода.

По религіи и обычаямъ Индійскимъ, величайшимъ несчащіемъ, какое только можетъ постигнуть человека, считается умереть безъ дѣшей. Царь Дазарапа лишился Рамы, своего сына; онъ предаётся опчаянію, и воспоминаетъ, что старый брахманъ, у котораго убилъ онъ сына, предсказалъ ему сіе несчащіе, изрекъ на него свое проклятіе.

Однажды Дазарапа, еще молодой, прогуливался по берегамъ, поросшимъ густымъ лѣсомъ, и

a) Mémoires de la Société Asiatique.

вдругъ услышать, что-то колеблеть листья дерева; онъ подумалъ, что подъ тѣнью ихъ кроется слонъ или буйволъ, и наудачу пустилъ стрѣлу. Но роковая стрѣла должна была поразить жертву человѣческую. Юноша, единственный сынъ спараго брахмана, пришелъ почерпнуть воды въ рѣкѣ. Онъ уже плавалъ въ крови своей, когда приблизился къ нему Дазарапа. Жалобы умирающаго исполнены чувствованій самыхъ прогашельныхъ: его родители уже слепы и оба слѣпы. Онъ оспариваетъ ихъ на землѣ однихъ, безъ опоры. Кто будетъ имѣть доверіе объ нихъ? кто облегчитъ ихъ бѣдноту и утѣшитъ ихъ въ горести? Сія стрѣла, наудачу пущенная, вдругъ поразила шри существа. Дазарапа объялъ споль глубокимъ опечаленіемъ, что самъ юный Яднапа пронулся соспраданіемъ къ своему убійцѣ. Умирающій проситъ царя пойти сказавъ сію печальную вѣсть опцу его и махери, которые должны испугаться опсуществованія его: говорятъ ему, чтобы онъ не печалился слишкомъ, что его пресупленіе не такъ велико, какъ онъ думаетъ; ибо онъ убилъ сына не брахмана и женщины изъ касты браханской, а брахмана и жены изъ касты судра, что облегчаетъ вполнину произвольную вину его. Сказавъ сіи слова, онъ умираетъ.

Дазарапа идетъ къ уединенному жилищу брахмана, оставивъ на берегу рѣки шрутъ

юноши. Уже шумъ царскихъ шаговъ доходитъ до слуха слѣпыхъ, сидящихъ въ своей хижинѣ. Они думаютъ, что идетъ ихъ сынъ, и съ нѣжностію выговариваютъ ему, что онъ оставилъ ихъ однихъ такъ долго. Эта сцена превосходна: поетъ представилъ ее въ проспѣхъ выраженій, увеличивающихъ ея прелесть. Съ пою же испиной и глубиной изобразилъ онъ опчаяніе преспарьлой чепы, когда Дазарапа разскажалъ имъ объ ихъ несчастіи. »Поведи насъ!« говорили они убійцѣ: »поведи плуда, гдѣ лежатъ наше убійное дышнице! Мы прикоснемся по крайней мѣрѣ къ его плу, если не можемъ видѣть.« Долго мать рыдаетъ въ опчаяніи и едва можетъ произнести къ оспаникамъ сына своего нѣсколько гореспныхъ, спраспныхъ словъ. Опецъ еще долѣ оплакиваетъ невозвратную потерю. Къ переводу нашему прилагаемъ здѣсь Латинскій переводъ Бюрнуфа. Пусть читатели сами видятъ, что мы не искажаемъ оппѣнковъ оригинала, не прибавляемъ отъ себя никакого чуждаго украшенія къ высокому краснорѣчію, изливавшемуся изъ души.

»Мать нѣжно обლობызала блѣдное, охладѣвшее лице сына, и въ глубокой гореспи испустила слезный вопль, какъ юница едва родившая и уже лишившаяся своего исчадія.

»Яднапа! Я мать пвоя. Или ты меня уже не любишь? Ты опправляешься въ пакой дальній пупъ и не промолвишь ничего съ маперью! По-

цѣлуй меня, поцѣлуй меня, сынъ мой! и попомъ
оправишься! Или ты сердитъ на меня, дитя
мое! Чпо ты не ошвѣчаешь мнѣ? »

»Попомъ и отецъ приблизился къ юношѣ и,
въ свою очередь, осылая охладѣлые члены его,
говоритъ къ нему, будпо къ живому:

»О сынъ мой! Я пришелъ къ тебѣ съ своею
матерью. Вспань, подойди къ намъ, поцѣлуй насъ,
сынъ мой! Въ нынѣшнюю ночь, уже не услышу
я въ лѣсу своего голоса, чищающаго священныя
письмена, произносящаго слова свящныя! Кпо
согрѣетъ ноги спарца послѣ вечерняго служенія,
когда совершился омовеніе и огонь возгорится
на жертвенникѣ? Кпо принесетъ намъ корень-
евъ, шравъ, дикихъ плодовъ, намъ, бѣднымъ слѣп-
цамъ, голодомъ снѣдаемымъ? Подожди, не ходи
къ спрашному Ямѣ. Завпра, любезное дитя,
оправишься ты вмѣстѣ съ матерью и со мною!
Подожди, подожди не много. Намъ не долго житьъ
на землѣ, гдѣ мы оплакиваемъ себя; на землѣ,
гдѣ ты оспавляешь насъ безъ помощи, перза-
емыхъ горестію о поперѣ своей « а)!

-
- a) Materque, ejus mortui etiam linguâ exanimem faciem lambens,
Exclamavit valde flebiliter, ut orba nato juvenca, recens enixa:
»Nonne tibi, Yadnatta, ego proæ vitâ etiam cara sum!
Cur, longam viam ingressurus, me non alloqueris?
Amplexus igitur me, postea, ó fili, abibis!
Quid, o nate, iratus mibi es? Quid mihi non respondes? «
Continuo, pater quoque ejus, membra ejus attingens,

Ни плачь Орфея, ни сапованія Пріама; ни спраспныя жалобы Дидоны, не превосходятъ красошой и глубиною испины сего Выпрыжка Санскрипской Поэзіи. Карпина совершенна: нѣтъ преувеличенія, нѣтъ ни одного ложнаго или наудачу брошеннаго ошпѣнка; нѣтъ ни одного изысканнаго сравненія; напоминающаго испорченныи вкусъ позднѣйшихъ писателей, ни излишней роскоши колорита, споль ярко блистающаго въ нѣкоторыхъ воспомочныхъ поэмахъ. Также должно замѣнить, что излишесство насильственныхъ метафоръ не принадлежитъ древней поэзіи Индустанскій; она прозрачна въ своихъ выраженіяхъ. Всегда, когда должно изображать карпину семейственныхъ нравовъ и живописать привязанности сердечныя,

Hoc dixit mortuo filio, velut viventi, infelix:

«Nonne ad te ego pater, ó fili, simul cum matre veni?

Exsurge ergo: veni ad nos. In collo, fili, complectere!

Cujus et proxima nocte ego piam lectionem facientis in sylvâ

Audiam mellitam vocem, sacras aripipturas legentis,

Et quis, cum absolvero vespertinas preces, ablutione facta

et culto per oblationem igne,

Delectabit meos pedes, membris circum attingens?

Herbas, radices, fructus sylvestres afferet quis e sylvâ?

Nobis coecis, fili, desiderantibus, famę circumventis?

Ille! ne, ne iveris, fili, Yamae sedem versus!

Cras, mecum pariter et cum matre abibis, simul, filiule!

Ambo enim, tuo desiderio, praesidio destituti, non post longum
quoque

Spiritu vitali, fili, sejungamur, mortem penes facti, sine dubio!

*

проступа ея доходитъ до младенческой невинности. Но, описывая чудеса брахманской теогоніи, она громоздитъ дива на дива, распростираетъ пропорціи времени и пространства, дѣлитъ и міровъ, людей и боговъ, до крайнихъ предѣловъ не дѣлоспи, оцѣпляетъ все безконечноспью, считаетъ не иначе какъ милліонами. Великое видитъ только въ неизчислимомъ, прекрасное въ чудовищномъ. Все, что подлежитъ чувствованію человеческимъ, что можетъ обаять воображеніе и постигнуть разумъ, кажется ей недостижимымъ.

Такимъ образомъ опы прососердечія совершенно дѣтскаго она переходитъ къ исподвольной необузданности. Вы скажете, что эта поэзія развивалась вся въ мозгѣ какого-либо уединеннаго юга (опшельника), коего жизнь протекаетъ вдали отъ всѣхъ общественныхъ занятій и безпокойствъ. Онъ поконился у подошвы Гималайскаго хребта; низкая и скромная хижина служитъ ему убѣжищемъ; ключевая вода утоляетъ его жажду. Крошкія и мирныя добродѣтели, первобытныя чувствованія природы человеческой, занимаютъ и поглощаютъ всѣ его нравственныя способности; но въ праздномъ умѣ громоздятся всѣ неслыханные колоссы брахманской мифологіи. Въ глубокомъ безмолвіи лѣсовъ, когда полуденный зной помнитъ природу и принуждаетъ ее къ молчанію, предъ

нимъ мимондупъ сін спранные фанпомы, слонъ своею широкою спиною поддерживающій земной шаръ, единымъ движеніемъ шѣла приводящій его въ шрепентъ; пысячи образовъ, въ конхъ воплощается Брама; пысячи супругъ Вишну; несльханное сянне небесъ Индры; безмѣрная рука вѣчнаго Бога, испускающаго Гангесъ изъ своихъ зиждипельныхъ персповъ. Если онъ подьемлетъ взоры и, прервавъ свои мечпанія, созерцаетъ окружающую его природу: ему видятся шолько колоссальныя формы, лисплъ широкия, какъ кровля пагоды, рѣка, подобная океану, живошныя, подъ спопами конхъ содрогается земля, горы, конхъ вершины служащъ основаніемъ новымъ горамъ и конхъ дивныя ярусы, увѣнчанные льдами, виноградниками и безпредѣльными лѣсами, шеряюпся въ облакахъ далеко отъ взора человѣческаго, копорый мунипъ и низлагающъ.

(QUARTERLY REVIEW).

III.

СТРАШНАЯ ГРОЗА.

(окончаніе).

Елена находилась въ томъ же состояніи, какъ я оставилъ ее: это былъ дышущій шрупъ, Синапизмы сожгли у ней кожу; нарывные пластыри содрали эпидерму; но чувствительность больной не пробуждалась, оцѣненіе не проходило. Глаза ея были закрыты, щеки чрезвычайно блѣдны, ротъ полуоткрытъ, какъ будто собираясь заговорить. Жена моя, сидя у изголовья больной, была безмолвна отъ изумленія; служанка не могла придти въ себя отъ ужаса, который дѣлалъ ея присутствіе и услуги бесполезными. Пробыло десять часовъ. Какой день! Пророчества энтузіазмовъ; дѣйствія электрическаго, коего скопившаяся масса наконецъ прорвала тучи, ее носившія; сія гроза, превосходящая свирѣлостію самую пропитическія грозы; капалесія, поразившая это ангельское созданіе, бывшее предметомъ нѣжнѣйшей привязанности всего нашего семейства; зрѣлище неисповодимаго нечестивца, ослѣпленнаго въ глазахъ моихъ блескомъ молніи, какбы въ мещъ за изрыгаемое богохульство: сіе спеченіе обстоивательствъ, сіе смѣшеніе всѣхъ ужасовъ, ниспровергло бы самую могущественную душу. Я чувствовалъ,

чпо швердоспъ моя колебалась; мнѣ едва оставалось довольно хладнокровія, для утѣшенія моей жены, копорая разливалась въ слезахъ.

Я попребоваль огня; два или три раза подносилъ зажженную свѣчу къ глазамъ Елены: рѣсницы не шелохнулись; зрачки не показали ни малѣйшаго движенія. Я опложилъ перочинный ножичекъ и сдѣлалъ жеспъ, будпо хочу вонзипъ оспрее въ правой глазъ больной; она не шевелилась. Я взялъ ея руку; рука была мокра и холодна. Наконецъ пускалъ спицы подъ ногти, гдѣ находипся, можетъ быть, самая чувствиппельнѣйшая часпъ пѣла; производить надъ ухомъ самые неспройные, самые пронзипельные, самые рѣзкіе звуки. Ни одинъ изъ сипхъ опышовъ не имѣлъ ни малѣйшей удачи. Упомленный споль безполезными усиліями, пошерявши бодроспъ, я повѣрилъ больную сидѣлкѣ, копорую велѣлъ позвать и копорой наказаль немедленно извѣспипъ меня, какъ скоро она обнаружиптъ малѣйшее движеніе. Попомъ ушелъ въ свой кабинетъ.

Топчасъ написаль я къ матери Елены и къ молодому Фридеріку, прося ихъ, не шеряя ни минушы, пріѣхать. Медицинскія книги, къ коимъ я прібѣгъ для совѣщанія, весьма малѠ бросили свѣша на сей неизьяснимый случай: я искалъ средствъ и находилъ фантасмическія тео-

рія, безполезныя классификаціи, зыбунія гипотезы. Усталость подавила меня; я вошелъ опять къ больной; она сохраняла поже положеніе. Я присѣлъ къ ней на минушку.

» Бѣдное дитя! « сказалъ я самъ себѣ, цѣлуя ее въ блѣдный, холодный лобъ. » Бѣдное дитя! Какая панисшвенная сила поразила тебя! Какой враждебный духъ овладѣлъ швоею красою! Холодна, какъ могила, и прекрасна, какъ жизнь! Блиспающая юностью и умершая безъ потери дыханія! Твой разумъ живетъ ли еще подъ саваномъ, копорый тебя покрываетъ? Или душа уже покинула земную оболочку? Гдѣ ты? Чшо ты? Долго ли я буду видѣть тебя на границѣ сихъ двухъ міровъ, кои оба тебя призываютъ, коимъ обоимъ вмѣстѣ принадлежишь ты? Ахъ! бѣдное созданіе! Да просвѣтишь меня Господь! Да внушишь мнѣ, человѣку слабому и лишенному всѣхъ средствъ, какъ помочь тебѣ, какъ разрушишь швое несчастіе! «

Я не могъ долѣе оспаваться въ комнатѣ и, съ слезами на глазахъ, пошелъ искать покоя, копорого нигдѣ не нашелъ. Безпокойная ночь слѣдовала за ужасными безпокойствами минувшаго дня. То видѣлся мнѣ Билли Веделькинофъ, сидя на своей постели, изрыгающій богохульства и весь облишый небеснымъ пламенемъ, его ослабшимв; по несчастная молодая дѣвушка,

въ своемъ гробу, съ опкрытыми глазами и распростирытыми руками. Предметы сливались потопомъ: и ихъ адское смѣшеніе заспавляло меня вскакивать съ ужасомъ. Такимъ образомъ проведенная ночь, вспаль я очень рано.

Елена, которую я въ шуже пору пошелъ на-вѣспинь, нисколько не измѣнила положенія, только поблѣднѣла гораздо больше. Съ при-скорбіемъ пакже замѣщилъ я, что синапизмы переспали совершенно производить дѣйствіе и что ледяная холодность въ оконечностяхъ нисколько не уменьшалась. Между тѣмъ показалося мнѣ, что нервическая корча, едва примѣнная, списнула ей ноздри. Я вложилъ въ нихъ кисточку, напоенную нашатыремъ, распущеннымъ въ водѣ: сіе возбуждающее средство, коего сила пакъ могущественна, оспалось безъ дѣйствія. Я не зналъ болѣе, что дѣлать, къ какому еще средству прибѣгнуть. Оспавалось только одно: прижечь позвонки. Можесть быль, думалъ я, это насильственное возбужденіе всей нервной системы наконецъ воспоржеспуесть надъ лешаргією. Однако, прежде чѣмъ употребилъ сіе послѣднее средство, я рѣшился посоветоваться съ однимъ изъ нашихъ знаменитѣйшихъ врачей, Докторомъ А^{***}, другомъ моимъ, который особенно занимался изученіемъ капалеписи. Въ восемь часовъ утра, я былъ уже у него.

— » Какъ? « спросилъ онъ у меня, выслушавъ мой разсказъ. »Эта молодая дѣвушка, шакъ замѣчательная, копорую я видѣлъ въ церкви возлѣ вась? «

» Она самая! «

— » Физіономія ея поразила меня. Во время пѣнія, глаза ея сверкали необычайнымъ одушевленіемъ, Бѣдное дитя! А какъ вы ее пользовали. «

Я далъ всѣ требуемыя имъ свѣденія. Онъ одобрилъ способъ лѣченія, копорому я слѣдовалъ, и разсказалъ мнѣ многіе примѣры капталепсін, за копорыми по большой часпи слѣдовала смерть. Я изложу здѣсь нѣкопорыя любопытныя свѣденія, копорыя почерпнулъ я изъ его разговора и глубокой опытноспи. Онъ пѣлъ болѣе драгоцѣнны, чпо имѣють опношеніе къ болѣзни, еще мало извѣспной, мало изученной, коей фанатики завладѣли для своихъ выгодъ и копорую многіе искусные врачи исключили изъ носологіи, какъ болѣзнь мнимую и ложную, порожденіе обмана и легковѣрія.

— » Это не еспь болѣзнь правильная, « говорилъ мнѣ докпоръ. »Это патологическая аномалія. Докпоръ Кюлленъ не хочетъ признавать опдѣльнаго сущеспвованія капталепсін; онъ смѣшиваетъ ее съ параличемъ и считаетъ ложными и поддѣльными всѣ примѣры капталепсін, приводимые другими. Я не раздѣляю его мнѣ-

нія; но думаю вмѣстѣ съ Ван-Свишеномъ, что эта окаменѣлость существованія, приводящая въ оцѣпенѣніе члены, оспанавливающая движенія, оковывающая волю, безъ прерыва кровообращенія и безъ погашенія жизни, какъ ни случается рѣдко, есть болѣзнь испинная, доспѣвая наблюдений. Цельзъ одержимыхъ ею называетъ *attoniti* (огромленные), что удивительно какъ прилично. Ван-Свишенъ сравниваетъ, и весьма вѣрно, лицо капалепшиковъ съ головою Медузы, которая приводитъ въ оцѣпенѣніе всѣхъ на нее глядѣвшихъ.

... Medusae

Saxifici vultus!

какъ говоритъ Клавдіанъ! «

« Но вы сами никогда не лѣчили капалепшиковъ ?

— » Лѣчилъ, только не вылѣчивалъ. Вотъ замѣчательнѣйшій примѣръ сей болѣзни, изъ всѣхъ предшавлявшихся мнѣ въ продолженіе практики. Назадъ шому лѣтъ пять, меня позвали также къ молодой дѣвушкѣ, пораженной капалепсіей. Когда я пришелъ, она сидѣла, занимаясь выпиваньемъ, совершенно прямо только слегка наклоня голову, держа въ одной рукѣ канву, а въ другой иглу, копорую продвѣвала въ пеняю. Трогательное и

прекрасное зрѣлище представляла эпа одушевленная сшапуа, въ положеніи самомъ просномъ и еспешивенномъ, съ челою свѣтлымъ и покойнымъ, съ лицемъ блѣднымъ и дыханіемъ почти непримѣшнымъ. Искусство и воображеніе никогда не произведуть ничего подобнаго. Если шротали какой-нибудь изъ ея членовъ, заспаваляли двганься какой-нибудь суспавъ: все шло уешупало данному направленію, какъ авшомашъ на пружинахъ. Даже мускулы ея шен покорялись шому же закону: можно было поднать, опусшпть, обернушъ ея голову, какъ угодно; она повиновалась всякому движенію и сохраняла данное ей положение!

«Я приподнялъ шихо ея рѣсницу; раекъ зрачки дрогнулъ и заигралъ; но мало по малу рѣсница спала опускашся и оцпашъ закрылась. Я возобновилъ сей опышъ и поднесъ къ глазамъ горящую лампу. Раекъ сильно сжался и рѣсница опустилась съ спазмодическимъ движеніемъ. Цѣлые полчаса, въ моемъ присутствіи, она не измѣняла нисколько положенія; какъ вдругъ, не шротаясь и почти не опкрывая губъ, зашла. Шопландская заунывная мелодія, коей она напѣвала одни звуки, не произнося словъ, была первою ея пѣсню. Потомъ она протѣла, и уже весьма раздѣльно, произнося слова и музыку, романсъ изъ *Отелло*:

Assim al piè d'ua salice!

Наконецъ весьма помную арно, которой не знаю сочинилъ. Сильная спрашпъ, глубокая меланхолия, дышали въ сикъ печальныхъ напѣвахъ. Я не удивился, когда узналъ, что обманутая любовь была причиною сей нервической болѣзни, коей послѣдній пароксизмъ имѣлъ симптомы споль необыкновенные. Минуть черезъ пять продолжилпелный вздохъ вырвался изъ ея груди; члены спали опкочилпъ; она положила руки на глаза, жалуясь, что не можешъ ихъ опкрышъ; все шѣло ея насильспвенно содрогнулось; она пробовала вспашъ, но не могла.»

«Между шѣмъ память и способносш дѣйспвовавпъ возврапилпсь къ ней. Она могла исчисляшъ подробно всѣ симптомы своей болѣзни; рассказала намъ, что шерпѣла, что чувспвовала. Тогда общій спазмъ опашъ возобновился, но уже въ другой формѣ. Лице ея приняло выраженіе спрашпное. Время отъ времени, она произносила невнятные слова и испускала пронзительные крики. Спрашно было видѣшъ ея списнутыя руки, обвисшія брови, сморщенный лобъ, мускулы грозно напрягшіеся. Апоплексическій ударъ окончилъ ея жизнь.»

«Не говоря уже о шѣхъ явленіяхъ нервной системы, кои упошребляюпся во зло шарлатанспвомъ и фанатизмомъ и въ коихъ можно конечно сомнѣвапсь; о больныхъ, кои, по свидѣтельспву Доктора Пешепени Ліонскаго, видѣ-

ли, чувствовали и слышали *желудкомъ*: одинъ изъ моихъ собратій, давнишній хирургъ въ одномъ изъ полковъ напей Испанской арміи, рассказывалъ мнѣ сюдаже относящееся приключеніе, весьма странное и любопытное. «

»Одинъ Францисканскій монахъ, путешествуя пѣшкомъ по Аспурин, оглушенъ былъ громомъ, упавшимъ отъ него въ двухъ шагахъ, такъ что оспался безъ всякаго чувства. Другіе путешественники подняли его и перенесли въ ближайшій монастырь. По обычаю Испанскому, его положили въ открытомъ гробѣ, среди церкви. Погребальныя свѣчи озаряли мрачный сводъ храма; раздались унылые звуки *de Profundis*: какъ вдругъ монахъ, пробудившись изъ своей лешарги, возмахнулъ руками, сбросилъ съ себя саванъ и вспалъ изъ гроба, конюрьей гонимъ былъ навсегда надъ нимъ сомкнувшись. «

» Вообще женщины, болѣе чѣмъ мужчины, подвержены сему роду *истерики*. Средства отвлекающія суть наиболѣзнейшія въ подобныхъ случаяхъ. Если ваша больная подвергнется въ нынѣшній вечеръ такому же спазму, я совѣтую вамъ прибѣгнуть къ гальванизму. Любите ли она музыку? «

— Спрашиваю.

» Такъ надобно и эпо употребить въ дѣло. Когда гальваническій сполбъ попрыскаетъ ея нервную систему, мы будемъ играть возлѣ

ней. У васъ есть превосходный органъ съ отличными басами: онъ послужитъ намъ въ пользу.»

Мы условились, что Докторъ будетъ у меня въ понедѣльникъ вечеръ, что гальваническій снарядъ будетъ готовъ и мы испытаемъ сей способъ лѣченія, который, сказавъ правду, внушалъ мнѣ боязнь. Я вспомнилъ тогда одно изъ обшопяпельствъ моей жизни, которое нѣкогда напутало меня чрезвычайно!

Въ концѣ Сентября, 1808 года, учился я anatomy въ Лондонѣ. Нѣкто, по имени Касперъ, былъ повѣшенъ упрямъ и шло его было препровождено въ амфитеатръ для опытовъ. Опрѣзавъ веревку, привязывавшую его къ висѣлицѣ, съ него сняли колпакъ, надвигаемый обыкновенно на глаза осужденныхъ. Лице его, искоробленное конвульсіями, было ужасно. На немъ еще оспавался бумазейный камзолъ, старое исподнее платье изъ голубаго бархата и черныя жилеты. Онъ былъ казненъ за душегубство; и въ физиономіи его можно было читать опличительныя примѣны убійства и пресупленія. Когда первый гальваническій ударъ поразилъ его, прутъ вскочилъ быстро, разинулъ ротъ, выславилъ два ряда бѣлыхъ зубовъ, размахнулъ руками, сбилъ съ ногъ кулакомъ одного изъ близъ стоявшихъ, грозно засверкалъ

оперывшими глазами и, казалось, готовъ быть ринулся на насъ. Мы опскачили всѣ въ изумленіи, предполагая, что онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Одинъ молодой студентъ упалъ въ обморокъ; мы сами, прежде нежели могли образумиться и возвратились спокойствіе, необходимое для продолженія опытовъ, оспались на нѣсколько минутъ словно уничтоженные. Трупъ пошомъ самъ собою опрокинулся опять на сполъ.

И симъ-по ужаснымъ ударомъ надлежало поразить это нѣжное, прелестное созданіе, не имѣя вѣрной надежды спасенія! Я нашелъ ее гораздо блѣднѣе, чѣмъ наканунѣ; не возможно было заставишь ее проглатишь ни одной ложки арарупа. Сидѣлка сложила ей руки крестомъ на груди и обернула голову къ перелуку за кроватью: покорное шло сохраняло нерушимо сіе положеніе.

» Бѣдное дитя! « говорила добрая женщина. » Мнѣ тяжко было видѣть ее, подобно шрупу, съ повисшими руками. Мнѣ хотѣлось, чтобы она казалась спящею. «

Безполезность всѣхъ употребленныхъ мною средствъ; невозможность пропустишь въ нее ни малѣйшей пищи; безпрестанно усиливающаяся блѣдность щекъ; боязнь, чтобы внезапная смерть не поразила ее среди кашаленсія, можетъ быть до пріѣзда мащери и жениха; всѣ эти мысли, соединенныя съ опечаленіемъ, которое воз-

буждало во мнѣ чувство моего беземля, задушали меня. Я не переспавалъ ее разсмазривать, шротать, звать, но напрасно. Наконецъ прищелъ вечеръ; и Докшоръ А*** двился.

Я поднялъ больную: она держалась, сидя, все еще прекрасная, и красоты самой восхитительной. Я опкрылъ ей рѣсницы; глаза спояли неподвижно и сверкали; какое-то ужасное выраженіе, замѣчаемое во взорахъ эпилептиковъ, дѣлало ихъ видъ злобѣщимъ и невыносимымъ. Руки ея, копорья мы подняли, медленно опустились. Не умѣю описать вамъ пущепы, опсущивія, мраморной холодноспи сей фizioноміи. Я велѣлъ выйши сидѣлкѣ и принесши гальваническій сварядъ. Какъ скоро опытъ былъ произведенъ, кровь прихлынула ей въ щеки, попомъ опхлынула ко лбу; рѣсницы быспро вщрепенулись, ротъ разсчочился; казалось, она глядѣла вокругъ себя и хотѣла всчочипъ съ поспели. Мнѣ почудилось, что она наклонилась ко мнѣ, что начинается говорить, что узнала меня.

— «Елена! Елена!» вскричалъ я, сжимая ее въ объятіяхъ. » Любезная моя Елена! Скажите мнѣ хотя словечко, хотя одно словечко: скажите, что вы еще живы! «

Увы! она не могла ни слышать меня, ни узнавать, ни говорить со мною! Она упала снова,

добычею ужасныхъ конвульсій, кои производить гальванизмъ. Я долженъ былъ винить себя за сей жестокой опытъ. Чпо, если се скудельное созданіе разрушился подъ споль ужаснымъ ударомъ, если оспапки быпія, уже споль рухлаго, разлепятся въ дребезги подъ Вольповымъ сполбомъ! Я посмопрѣлъ печально на моего пріятеля, который, съ видомъ равно безупышнымъ, положилъ гальваническій пруть и сълъ, опершись лбомъ на руку.

« Не знаю, чпо дѣлать больше! » сказалъ онъ
 « Я ожидалъ много опть нашего опыта. Теперь знаніе мое пришло въ тупикъ. Была ли она подвержена эпилепсін? »

— « Нѣтъ, сколько я знаю! »

« Боялась ли грозы? »

— « Напрошивъ любила слушать ревъ грома и видѣть блескъ молніи. »

« Не думаете ли вы, чпо молнія ее ослапила? »

— « Не умѣю сказать ничего утвердительнаго на эпо. Но недвижимоспъ ея зрачковь можетъ быть дѣйспвительно опсюда происходить. »

« Какое положеніе! И вы ожидаете ея мамы? »

— « Да! И молодой Фридрихъ Дальверъ, женихъ ея, также скоро долженъ пріѣхать. Я жду ихъ. »

« Ахъ! Воже мой! » вскричалъ Докпоръ, сложивъ руки. « Сколько несчастій вдругъ! Какой

хаосъ спрдацій! Вы не вынесете сихъ ужасныхъ потрясеній!... Но бодрость, другъ мой, бодрость!... Я долженъ васъ сей часъ освашить. Безчисленное множесство паціентовъ меня ожидаетъ. Мнѣ должно ѣхать. До свиданія! Если случится что-нибудь новое, пришлите за мной!»

Упомянувъ ли мнѣ чипашелей однообразнымъ описаніемъ соспоіянія, которое нисколько не измѣнялось! Я пыпался напирать горчицей самыя чувствительныя части пѣла, клалъ ей въ ноздри напипанныя горчицей вещества. Также безчувственность! Одинъ изъ моихъ дѣшей пришелъ съ матерью въ спальню, вѣлъ на поспелю, началъ ласкаться къ ней, думая, что она спитъ, прясъ ея руки, ошкрывалъ глаза своими пальчиками, приговаривая:

« Сесприца, миленькая сесприца, Леночка! Проснися! Папа говоритъ, что пора вставать. За чѣмъ ты спишь съ ошкрытыми глазами? »

Наконецъ, не могли выносить неподвижнаго взора сей новой Медузы, испуганное дѣши бросилось съ поспели и побѣжало спряпаться за матерью. Мнѣ принесли письмо: я узналъ почеркъ Фридерика на адресъ къ Миссъ Еленѣ В*** На немъ былъ штемпель изъ Линкольна, а не изъ Оксфорда, что меня крайне удивило. Съ какимъ опчаяніемъ увидѣлъ я, что оно было написано въ шонѣ легкомъ, веселомъ, шупланвомъ!

Фридерикъ, вмѣстѣ Оксфорда, отправился въ Графство Линкольнъ, гдѣ жила одна изъ его двоюродныхъ сестеръ, копорая выходила за мужъ. Онъ писалъ своей невѣстѣ между прочимъ:

... » Любезная Елена! я надѣюсь, что пружба Страшнаго Суда оставила невредимою вашу жизнь, ваши прелести, все очарованія, васъ украшающія. Я, копорому все въ васъ такъ дорого, желаю, былъ бы въ опчаяніи, еслибъ ангелъ Божій унесъ на своихъ крылахъ копия малѣйшую частичку отъ васъ. И однако тяжкій грѣхъ, лежащій на вашей совѣсти. Вы проситались со мною такъ холодно; вы заслуживаете всю мисль небеснаго гнѣва; и если небо справедливо, я вскорѣ возьму на себя обязанность опомнить вамъ и проч.

Жена моя, при чтеніи сего письма, разлилась въ слезахъ. Я поспѣшилъ написать немедленно къ Фридерикъ, на имя сестры его, умоляя неукосянительно ворошиться въ Лондонъ. Къ довершенію нашей скорби, положеніе Елены разгласилось, обезображенное разными прибавками; журналы, овладѣвъ сей новостью, издали ее по обыкновенію и распространили всякими нечестными выдумками. Это одно изъ важнѣйшихъ золъ необузданной гласности! Тайны семейства, горести самыя сокровеннѣйшія и священные, спановящія добычей и игрушкой

голоднаго фельетониста! Бѣдная Елена! Сдѣлаться предметомъ всенародной жалости и—кто знаетъ?—можетъ быть даже посмѣянiя! Эта мысль меня перзала... Я не могъ глядѣть на нее, не смѣлъ ходить къ ней въ комнату.

Винчестерскiй Деканъ, отецъ одной изъ моихъ пациеншоекъ, замѣтилъ мою грусть, мои спраданiя, и спросилъ меня о ихъ причинѣ. Я рассказалъ ему все, что случилось. Онъ выслушалъ меня; и, когда я кончилъ рассказъ, глаза достопочпеннаго спарца оросидись слезами.

»Но за чѣмъ вы не испытали дѣйствiя музыки?» сказалъ онъ мнѣ наконецъ.

— »Признаюсь, я былъ такъ пораженъ и распроенъ ужасными слѣдствiями гальваническаго удара! Боясь, чтобы несчастная дѣвушка не умерла въ моихъ глазахъ, я удержался отъ сего послѣдняго средства, которое однако имѣю въ виду.«

»Надобно испытать, любезный Докторъ! И—проспите спарому служипелю алпаря« — прибавилъ онъ положивъ руку мнѣ на плечо — »проспите, если я къ вашимъ заботамъ и попеченiямъ присоединю мысль, внушаемую мнѣ върою! Почему эту гармонию, на которой вы основываете изъкоторыя надежды, не соединить съ молишвою? Призовите благословенiе Божiе на ваши усилiя: это не повредитъ никогда!«

Я молчалъ. Спарецъ продолжалъ:

— Вы знаете, что я совсѣмъ не фанатикъ, но человѣкъ разсудительный, съ воображеніемъ довольно холоднымъ; я всегда былъ недоверчивъ къ энтузіазму. Но когда средства человѣческія оказываются недоспапочными, когда наша сила и могущество истощены, скажите, что оспаетеся намъ, какъ не прибѣгнуть къ Богу? Согласитесь на мои прозбы. Нынѣ же вечеромъ я приду къ вамъ и прочту надъ больною молитвы, установленныя нашими обрядами: звуки органа пусть будутъ слѣдовать или предшествовать молитвамъ! Если вы будете имѣть несчастіе поперять ее, то, по крайней мѣрѣ, не спаетеся упрекать себя за сей опытъ совершенно невинный и безвредный. Другъ мой! Повторяю вамъ, мысль о Богѣ никогда не можетъ повредить! »

Я успушилъ. Слова спарца распротали меня. Сія поржеспвенная, необыкновенная въ наши времена, церемонія, копорую въ другихъ обшпашеспвахъ и я можетъ быть счелъ бы суетрїемъ, назначена въ восемь часовъ вечера. Между шѣмъ мать Елены прїѣхала. Какая сцена!

Сія изспупленная отъ гореспи мать, внѣ себя, сжимающая въ объппяхъ свою единспвенную дочь, неподвижную, безмолвную, не дающую никакого опвѣта; ужасные вопли и

судорожныя движенія одной, каменная безчувственносць и нерушимое молчаніе другой; смертная поспа преспарѣлой женщины, охлаждающая жизнь молодой дѣвушки! . . И когда несчастная Елена, приподнятая машерью, оспалась, сѣдя на поспели, съ рукою распроспершою въ воздухъ и головою обращенною къ намъ, какъ будто желая возвѣспишь какое-то великое паинспво, какое-то грозное опкровеніе свыше... какое сердце не содрогнулось бы! . . Я удалилъ Мисприсъ В***, копорая, пришедши въ себя, увѣдомила меня, что въ семейспвѣ ихъ случилось много подобныхъ происспсвій и что прабабка Елены цѣлые восемь дней была въ леппаргической безчувственноспи.

Слуга опправленъ былъ мной пригласишь доктора А*** и музыкальнаго учипела Елены къ осьми часамъ вечера. Я велѣлъ перенесъ въ залу органъ, на копоромъ часпо она играла и коего величеспвенная гармонія имѣла для ней особеную прелесъ. Последняя и слабая надежда! Если средспво сіе оспанется безуспынымъ, то для сей прекрасной дѣвушки, споль молодой, споль свѣжей, споль достойной любви самой нѣжтѣйшей, должна была опшворишь неумолимая могила! Сердце мое обливалось кровью. Можешъ бышь, говорилъ я самъ себѣ, можешъ бышь, какая - нибудь сокровенная вибра, поппрасенная звукомъ любимой гар-

мои, опозовется въ ея сердцѣ: можетъ быть Промыслъ не захочетъ, чпобы сіе невинное, чистое созданіе похищено было въ другой міръ, не проспившись даже съ маперью и женихомъ. Назначенный часъ ударилъ. Я услышала спукъ карепы Декана, оспановившейся у моихъ дверей, и поспышилъ къ нему на вспырчу.

» Миръ дому вашему!« сказалъ спарець. »Миръ и всѣмъ живущимъ въ немъ!«

Я ввела его въ залу. Органисты слѣдовали за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ, доложили о прѣздѣ Докшора. Деканъ сѣлъ возлѣ спола, на копоромъ положили библію и молишвенникъ. Три служишеля и я внесли больную, копорую жена моя убрала прилично. Блѣдность, преврашавшаяся въ синешу, царспвовала на ея лицѣ; она похудѣла гораздо болѣе, чѣмъ наканунѣ; не лзя было безъ смершной пюски видѣшь сіи бѣлыя, впалыя щеки; сію помную, меланхолическую, неподвижную физиономію. Закупанная въ большую бѣлую кашемировую шаль и покрытая бѣлымъ шюлевымъ чепцемъ, съ сложенными руками, закрытыми глазами, блѣднѣе бѣлая, въ копоромъ лежала, она казалась болѣе похожею на пруть, одѣтый саваномъ, чѣмъ на живое созданіе. Я положилъ ее въ спарыя дянныя кресла, копорыя спюали передъ органомъ прошивъ спарца. Докшоръ сѣлъ по правую

спорону, я по лѣвую. Деканъ далъ знакъ органисту, чинюбъ онъ началъ.

Все безмолвствовало. Величественный гимнъ Мартина Лютера раздался среди глубокаго молчанія. Глаза мои были неподвижно устремлены на Елену. Сія поржественная мелодія, полные и сладко-звучные аккорды, пролившіеся въ нашу душу, воспоргнѣ наши умъ, падали на нее, какъ звуки церковнаго пѣнія на неподвижныя столбы, подпирающіе своды древнихъ храмовъ. Я опчаялся въ успѣхъ! Если это средство не удался, что дѣлать? Всѣ присутствующіе преклонили колѣна. Деканъ вспалъ: и поржественный, но дрожащимъ голосомъ, прочелъ сначала семьдесятъ вшорой псаломъ; потомъ, схвативъ холодную руку больной и самъ падши на колѣна, началъ произносить слѣдующіе стихи изъ осьмой главы Св. Евангелиста Луки:

»Еще какъ Онъ говорилъ сіе, приходишъ нѣкино изъ дому начальника синагоги и говоритъ ему: дочь швоя умерла; не ушрудай Учишеля!»

»Но Иисусъ, услыша, сказалъ ему: не бойся, только вѣруй, и будешь жива.»

»Пришедши же въ домъ, не позволилъ войти никому, кромѣ Петра, Іоанна и Іакова, и опца дѣвицы и мащери.»

»Всѣ плакали и рыдали о ней; но. Онъ сказалъ:
»не плачьте; она не умерла, но спитъ! «

»И спали смѣялись надъ Нить, зная, что она
»умерла. «

»Онъ же, выславъ всѣхъ вонъ и взявъ ее за
»руку, возгласилъ, говоря: *дѣвица! встань!* «

»И возвратился духъ ея... «

Мнѣ показалось, что Елена дѣйствительно
вздрыгнула!.. Вдругъ чтеніе Декана было прервано ужаснымъ спухомъ у дверей дома....

—Кто тамъ? « сказала жена моя прерывающимъ
ся и дрожащимъ голосомъ.

Но прежде нежели слуга успѣлъ исполнить
ея приказаніе посмотришь у дверей, Фридерикъ
ворвался въ залу, весь распреланный, покрытый
пылью, съ помутившимися глазами.

»Елена! Елена! «...

При видѣ шрупа, покрышаго смершною блѣд-
ношью, онъ упалъ безъ памяти на полъ; по-
шомъ, почувствовавшись, попался къ ней и
сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Безпрестанно пред-
ставлялъ карпины, пребующія однихъ и шѣхъ
же красокъ; выжималъ, плакъ сказашъ, по капль
смершную, невыразимую тоску сихъ дней, бы-
ло бы дѣло слишкомъ тяжкое для меня и сли-
шкомъ изнурительное для моихъ чинашелей.

»Ты не хочешь со мною говоришь, Елена! Ты
не хочешь? «

И произнося сія слова, онъ предавался выраженіямъ совершеннаго безумія. Я опнешь въ спальню несчастную дѣвушку, копорая, среди ссей раздирающей сцены, оспавалась нерушимо спюкойною, какъ смерть!...

... Къ чему продолжатъ описаніе сихъ дней скорби и ужаса?

Поспѣшимъ къ развязкѣ жестокой драмы. Фридерикъ, послѣ обильнаго кровопусканія, возвратилъ упошребленіе разума. Мать, пораженная горячкою, слегла въ постелю. На другой день, по ушпру, спарый Деканъ снова прибылъ ко мнѣ; мы оба пошли въ спальню Елены. Все предвѣщало, что дѣйспвишпелная смерть скоро смѣнитъ сіе привидѣніе смерти.

«И шакъ, другъ мой!» сказалъ спарецъ, садясь возлѣ ея постели: «она шеперь въ рукахъ Божіихъ. Мы сдѣлали все, что могли. Теперь оспаешся шолько одно скорбное прибѣжище: покориться нешповѣдимымъ судьбамъ Промысла. Верховное Существо, даровавшее ей жизнь, вѣдаешъ, что шворитъ!»

— «Ахъ! шеперь не оспаешся болѣе надежды, какъ на Его милосердіе!»

«Сколько времени, думаете вы, можете продолжитъ ся это сосшояніе?»

— » Весьма не долго. Съ самаго начала припад-
ка, она не принимала никакой пищи. Наикрытчай-
шая организація не можетъ выноситьъ долге. «

»Милосердый Боже! Если сія департія продол-
жится больше, чѣмъ вы думаете. . . если мы бу-
демъ считатьъ ее умершею и обманемся. . . Ахъ!
я надѣюсь, я увѣренъ, что вы, любезный Док-
торъ, не предадите оспанковъ ея землѣ, пре-
жде чѣмъ получите самое непрерывкаемое удопо-
вѣреніе въ ея смерти. « . .

Я не опивчалъ ничего. Горестъ, которую я
чувствовалъ, была ужасна.

» Знаете ли вы, — « продолжалъ спарецъ, на-
чавъ говорить нѣсколько шипе и почти съ ро-
бостию — »знаете ли вы, какая странная мысль
пришла мнѣ въ голову сегодня утромъ? . . Пред-
положимъ, что среди сего оцѣненія физиче-
скихъ способностей, душа и умъ сохраняютъ
свою энергію, дѣятельность, силу! «

Я невольно содрогнулся. Въ самомъ дѣлѣ, въ
большой части примѣровъ кашалетси, упомина-
емыхъ медиками, больные, кои были выдѣлены,
объявляли, что слышали все говоренное вокругъ
нихъ.

— » Видная Елена! « опивчалъ я. » Въ самомъ
дѣлѣ, если она слышитъ насъ! «

У дверей раздался какой-то шорокъ: я пошелъ
посмотрѣть, отъ чего онъ происходилъ; опво-

рилъ и зашворялъ опять двери, какъ голосъ Декана поразилъ мой слухъ.

» Великій Боже! « вскричалъ онъ.

Я увидѣлъ, что онъ опскочилъ опять поспѣли, блѣдный, и упалъ на близъ споявнй спулъ. Елена, копорая, за нѣсколько секундъ, оспавалась недвижима, въ своемъ обыкновенномъ положеніи, съ закрытыми глазами, покрывая блѣдной синевой, шеперь смопрѣла во всѣ глаза, кон сверкали какимъ-то зловѣщимъ блескомъ. Кровь хлынула ручьями изъ ея рта и ноздрей, Никогда не видывалъ я ужаснѣе зрѣлища. Я не могъ двинуться ни въ задъ, ни въ передъ, ни даже сѣсть. И такъ очарованіе прервалось! Спазмъ прекратился!

Я позвалъ служителей, велѣлъ имъ взять Декана подъ руки, опвесили въ сосѣднюю комнату и пуспили ему кровь. Сидѣлка, дрожа всѣмъ тѣломъ, прибѣжала съ губками, салфетками и теплой водой. Промывъ ноздри и ротъ больной, мы помогли изліянію крови и воспріялисповали ей свернуться. Первый звукъ, вырвавшійся изъ груди ея, былъ продолжительный вздохъ: какъ будто давила ее какая-то ужасная тяжесть, отъ коей освободившись, она въ первый разъ вдохнула свободно. Мало по малу ея рѣсницы опустились; она повернула голову и положила себѣ на лицо препещунція руки. Пономъ испустила другой вздохъ и открыла глаза, конъ

выраженіе, къ удовольствію моему, было гораздо естественнѣе и живѣе. Она обвела ими помно вокругъ себя, какъ будто разсмапривая занавѣски поспели, и закрыла ихъ снова. Съ прудомъ могъ я заспавишь ее проглотишь чайную ложечку водки. Поцѣловъ сдѣлашь ванну для ногъ, дабы уравнишь обращеніе крови. После чего, наклонясь на ея поспель и испытывая съ мучительной поской всѣ движенія ея физиономіи, поцѣловать ее въ лобъ и сказать самымъ тихимъ голосомъ :

— « Елена, какъ вы себя чувствуете! »

Она обернулась ко мнѣ, взглянула помнѣми и печальными взорами, слабо пошевелила головой и не отвѣчала ни слова.

— « Вы спрдааете! »

Полу-улыбка обрисовалась на ея устахъ: но оный ни одного звука. Я понялъ, что ея изнеможеніе пребывало покоя; приказалъ даванъ ей слегка успокоивающее питье по капль и возвратился въ свой кабинетъ, проводивъ до дверей спарика Декана, котораго сіе неожиданное воскресеніе поразило такъ, что ему сдѣмалось очень дурно. До перваго часа утра оснавался я запершись, болѣе размысливая, чѣмъ учася, погруженный въ глубочайшую задумчивость. Въ часъ вошелъ я къ Еленѣ. Хотя спупалъ я очень тихо, мое приближеніе пробудило ее помпчасъ: она спала все время, после моего удаленія.

Обернувшись, она взглянула на меня: это былъ ея крошкѣй, нѣжный, пламенный взоръ, копорымъ я пакъ часто любовался и коего выраженіе принадлежало только ей! И пакъ я снова нашелъ ее! Сердце мое едва не выскочило опъ радости. Посмотрѣвъ на меня внимательно, она казалось узнала меня. Губы ея едва двигались; она прошептала пакъ тихо, что я не сполько разсѣпшалъ, сколько угадалъ сіи слова:

» Обнимице меня! «

Запечатлѣвъ родителескій поцѣлуй на челѣ сего небеснаго созданія, я залился слезами.

» Не плачьте! « сказала она пакже слабо, какъ и прежде.

Тихо пропинула она съ поспѣли дрожащую руку, положила ее въ мою; я сжалъ ослабѣвшіе, исхудавшіе пальцы, съ чувствомъ, котораго не умѣю выразишь. Она замѣтила мою распротанность; глаза ея омочились слезами; усла какъ будто хотѣли говоришь. Я умолялъ ее ни произносишь ни слова, до тѣхъ поръ, пока справишься съ силами, и рѣшился покинуть ея комнату, дабы она оспалась въ безмолвіи и покоѣ. Я еще разъ проснулся съ ней, поцѣловалъ ее, сжалъ опять эту нѣжную руку, копорая опѣчала мнѣ слабымъ пожатіемъ, и пошелъ отдохнушь. Какая тяжестъ свалилась съ моего сердца! Съ какимъ воспор-

гошь принесть я эту вѣсь мою жену! Судьба дано было приказаніе немедленно уведомить меня о малѣйшей переменѣ, которая произошла бы въ состояніи больной. Она спала глубокимъ сномъ до девяти часовъ. Ей дали немного арарупа; и я нашелъ ее гораздо крѣпче, чѣмъ надѣялся.

»Какъ вы въ общемъ здоровы?» спросила она меня швердымъ голосомъ, которымъ меня изумлялъ.

Я поздравилъ ее и съѣлъ возлѣ ней.

»Гроза прошла уже?»

— » О! давно, очень давно, моя добрая Елена!»

Она не знала ничего случившагося, ни своей депаргін, ни опасности, которой подвергалась; даже не подозрѣвала времени, которое прошло.

»И такъ никто изъ нашихъ не боленъ?» продолжала она. »Ваши супруга!»

— » Вы сей часъ ее увидише. «

» И никто не раненъ? «

— » Никто. «

» Ахъ! Боже милосердый! Какъ я перепугалась! Какъ я перепугалась! «

— » Полно-те, Елена! не говорите объ этомъ! «

» И преспаиваніе свѣла еще... Ничего не случилось? ... Все по прежнему? « ...

Взоры ея допрашивали меня съ жаднымъ любопытствомъ.

— «Вы меня спрашивали, хочется ли спать?»

«Да! да!»

— «О! нѣтъ! Гроза была ужасная!»

«Такъ она прошла!»

— «Совершенно!»

Я спарался, но напрасно, обративъ ея вниманіе отъ предмета, коимъ волновалъ ее: спросилъ, не хочется ли ей поужинать. Она отвѣчала не на мои слова, а на собственнымъ своимъ мысли:

«Видали ль вы когда подобную молнію?»

— «Она была ужасна!»

«Да, да! очень ужасна... И видѣла, сквозь блескъ ея, фигуры... такія ужасныя.»...

— «Вы говорили, какъ ребенокъ... Молчите, прошу васъ!»

«О! я видѣла ихъ, точно видѣла... Онѣ приближались ко мнѣ, приближались.»...

Она то блѣднѣла, то краснѣла: голосъ ея дрожалъ. Я принялъ спротивъ видъ и приказалъ ей прекратить разговоръ.

«Скажите Фридериху, чтобы онъ пришелъ сегодня вечеромъ. Я должна его видѣть. Мнѣ надобно кое-что сообщить ему.»

Порывъ и сила, съ коими онъ произнесла сіи послѣднія слова, смутили меня. Ей не сказыва-

ли, что Фридерикъ уже былъ въ Лондонѣ. Какъ же она это угадала? Не ужели сумасшествіе начало овладѣвать ею? Я пошелъ одѣваться и пришелъ снова взглянуть на нее до началія визитовъ. Она была очень хороша; я сказалъ ей нѣсколько словъ. Но въ ту минуточку, какъ хотѣлъ уйти, она сдѣлала мнѣ знакъ рукою и повѣдомила опять шоржесивеннымъ голосомъ:

«Я хочу видѣть Фридерика сегодня вечеромъ.»

Посомъ опвернулась, какъ будто вся ея воля, все, что заключалось въ ея дунѣ, выражалось симъ прѣбваніемъ.

Я успунилъ ея желанію и поспѣшилъ зайти къ молодому человѣку, который былъ весьма еще слабъ, но уже могъ вставать. Онъ безмолвно выслушалъ, что я ему сказалъ. Радость, причиненная ему споль счастливого, споль неожиданнаго вѣспію, не обнаружилась ни слезами, ни крикомъ: воспоргъ его былъ нѣмой. Крайне изумленный приглашеніемъ, которое ему я передалъ, онъ сказалъ:

«Какъ! и никто не говорилъ ей, что я здѣсь?»
— «Никто!»

«Признайпесь, Докпоръ, что пакое прозрѣніе огонь спранно! Чпожь вы думаете? Иппи ли мнѣ?»

— «Я думаю, иппи. Опкажь можетъ имѣть гораздо худшія послѣдствія, чѣмъ ваше появ-

леніе. Впрочемъ, до вечера, мы еще увидимся; я предувѣдомлю васъ, что случится.»

Онъ обѣщалъ мнѣ дожидаться. Я воровился. Еленѣ было гораздо лучше, чѣмъ поутру: ея выздоровленіе казалось мнѣ несомнѣннымъ. Пульсъ бился правильно; блѣдность уменьшилась. Она узнала меня и говорила съ живымъ чувствомъ; но, когда я взялся за дверь, привспала и сказала оляпъ съ необычайною силою:

«Не забудьте же! Онъ долженъ быть здѣсь сегодня вечеромъ!»

Это упорство, торжественность, съ коею были произнесены сіи слова, выраженіе почти прагматическое голоса, снова поразили меня. Я пошелъ увѣдомить Фридерика, что онъ можетъ прийти.

Вечеръ былъ прекрасный: вечеръ Июльскій, прозрачный, великолѣпный! Ни малѣйшаго дыханія въперка, ни одного облачка на небѣ! Сколько красныхъ и голубыхъ птѣней, удивительно сливавшихся между собой, рисовались на западѣ: оспальная часнь небеснаго свода обинна была глубокою лазурью, гдѣ гуще, гдѣ блѣднѣе. Жена моя сидѣла у постели выздоравливающей: я сподля подлѣ Елены была прекрасна и спокойна: какая-то ангельская безпечность и увѣренность царствовала на ея лицѣ. Близна чела

опливалась ярко изъ подъ черныхъ волосъ, небрежно разбросанныхъ; глаза сіяли необыкновеннымъ блескомъ; румянецъ по временамъ по игралъ на щекахъ, по снова смѣнялся совершенною блѣдностію. Сіе послѣднее обспояпельство казалось мнѣ спраннымъ и нѣсколько безпокойло меня.

— » Елена! « сказала ей моя жена. »Какъ прекрасно это заходящее солнце! «

» Ахъ! дайше мнѣ увидѣшь его! дайше увидѣшь! « вскричала она.

И, приподнявшись не много, она нѣсколько минутъ разсматривала сіе великолѣпное зрѣлище... Потомъ вдругъ сказала:

»Онъ придетъ, не правда ли? «

— » Я ожидаю его: онъ не замедлитъ долго. Но, любезная Елена, за чѣмъ вы шакъ часпо являете желаніе видѣшь его? «

Она вздохнула и опустила голову.

Я указалъ молодому челоѣку блосни за собой, во-держивапись и показывапись сколько можно меньше волненія. Наконецъ послышались его шаги: онъ входилъ на лѣспницу съ Докпоромъ А***, котораго я просилъ сопровождать его. Сердце мое сильно билось; я спрашился этого свиданія и съ пренешомъ ожидать послѣдствій.

— »Фридерикъ идесть!« сказалъ я весьма тихо.

И внимательно наблюдалъ выздоравливающую... Она нисколько не смущилась...

— »Хопните, чпобы онъ вошелъ, Елена?«

»Нѣтъ еще!« отвѣчала необыкновенная дѣвушка. »Черезъ нѣсколько секундъ.«..

Она закрыла глаза и, казалось, собиралась съ мыслями, съ минушу.

»Теперь, впустите его!«

Я взялъ ея руку, чпобы наблюсти пульсъ: онъ былъ весьма ровень и не ускорился ни на мгновенье. Докшоръ А***, на котораго опирался молодой человекъ, вошелъ медленными шагами. Какъ скоро Елена увидѣла Фридерика, какая-то пихая, небесная улыбка просіяла на ея лицѣ; это была улыбка ангела, невыразимой прелести! Она прощипнула ему свою правую руку, которую молодой человекъ прижалъ къ сердцу, не произнося ни слова.

Глаза мои не опрывались отъ поспели, гдѣ она покоилась. Не знаю, былъ ли по обману глазъ: но мнѣ показалось, чпо съ ней происходитъ странная перемѣна; словно шуманомъ подернулись ея черпы, щеки блѣдѣли и синѣли, губы смыкались. Я вспалъ. Докшоръ приближился. Ея сіяющій взоръ оспавался прикованнымъ къ Фридерикъ, коего черпы обнаружива-

ли совершенное разспройсво. Попюмъ пыхо подняла къ нему объ руки... Фридерикъ наклонился къ ней...

» Приготовься! «

Она произнесла одно эпо слово голосомъ, разипельнымъ, но слабымъ.

Ея блѣдность увеличилась, руки опуспились... То было ея послѣднее слово, по было послѣднй ея вздохъ!..

Пуспъ романиспы развяпываютъ, по своимъ прихонямъ иди способностямъ, создаемья ими драмы! Я расказываю испинныя собыпйя, драму жизни дѣйспивительной; и поспому не имѣю нужды давать ни объясненй, ни полкованй чипащеламъ. Молодой Фридерикъ черезъ годъ кончилъ жизнь, съ сердцемъ исполненнымъ воспоминапйя сей неизяснимой сцены. Въ упахъ его безпреспанно раздавалось послѣднее слово, споль поржеспвенно произнесенное Еленою.

(BLACKWOODS MAGAZINE).

IV,

ЛОНДОНСКАЯ ВИРЖА.

Спупайте въ ту печальную часнь Лондона, которая на восточномъ краю города: и изъ поворота въ поворотъ, изъ переулка въ переулокъ, проходами, одинъ другаго мрачнѣе, вы дойдете до улицы *Threadneedle*, коей почернѣлыя, огромныя, перепутанныя спроенїя, поднимаясь вокругъ васъ темничными стѣнами, не пропускають ни одного солнечнаго луча поиграсть на грязной мостовой. Здѣсь-то, позади маленькаго переулка *Barthelemy*, откроемъся передъ вами мрачное зданіе, въ совершеннѣйшей гармоніи со всѣмъ его окружающимъ, огромное и безъ всякихъ украшеній, попеременно то густынное, то волнующееся смущенною полною, то какъ могила безмолвное, то оглушаемое адекими кликами. Это *Stock-Exchange*, Лондонская Виржа, самый огромный изъ всѣхъ игорныхъ домовъ земнаго шара.

Что такое Парижскій Фраскаппи? Что всѣ ады б) Сен - Джемской улицы, передъ симъ чудовищемъ, симъ исполиномъ, симъ колоссомъ, въ одинъ день пожирающимъ бюд-

б) *Hells*, вторые дома.

жестъ прехъ королевствъ, предъ симъ безбреж-
нымъ позорищемъ разчепливой опваги и екаред-
ной жадности? Подвиги рулетки, всѣ риски на
красное или черное, что иное, какъ не дѣшкія иг-
рушки передъ колоссальною, спраиною борьбою,
вникающе въ семь верпенѣ, кошорый контъль бы
я описашъ и кошорый приводитъ въ препенѣ
жиспъ мою? Здѣсь-шо, въ нѣсколько часовъ, нажи-
ваютъ и проживаютъ полу-милліоны фуншовъ
сиперлинговъ. Сколько милліонщиковъ, прохо-
дящихъ по узкому корридору, вѣдущему въ сей
верпенѣ, наканунѣ выпили опсодо въ концѣ
разоренныя! Быспрыя и невѣроятныя пре-
вращенія! Волшебная лампа Алидина не имѣ-
етъ подобной силы; жезлъ древникъ сей
не имѣетъ равнаго могущества. Тамъ уви-
дѣне бѣднаго проидоху, мѣняющаго свой
пустой бумажникъ и изношенное платье на
домы и экипажи знаменитаго банкира; и одного
слова, одной минуты, одной цѣны достапоч-
но было къ совершенію подобнаго чуда! Здѣсь
колыбель большей части банкротствъ: эпо
поприще населенъ шорьмы, увеличиваетъ
списокъ самоубійствъ, направляетъ руку злодѣя,
нашелпываетъ низкія дѣйствія членамъ Парла-
менту, правитъ распоряженіями многихъ Мини-
спровъ! Чудное горнило скупости и плутовства,
гдѣ не слышенъ звукъ золотца и гдѣ назна-
чается цѣнность его для всей Европы! Грязная,

унылая хранила, гдѣ фортуна имѣетъ свое святилище, свою мастерскую, свою сумушную и шумную кузницу! Жерло клочущее, куда всѣ прихоти честолубія и жадности бросаютъ надежды и откуда черпаютъ либо раскаты, опчаяніе, смерть, либо богатство со всѣми наслажденіями.

Надобно войши въ сіе спрланное зданіе на другой день послѣ разнесшейся вѣсти о близкой войнѣ, о перемѣнѣ минисперства, о великомъ политическомъ движеніи. До десяти часовъ вы увидите разсѣянныхъ группы, безпокойныхъ, встревоженныхъ: одни тихо разговариваютъ, другіе читаютъ журналы, прессы размышляютъ, разчитываютъ. За нѣсколько минутъ до десяти часовъ придверникъ всходитъ на возвышеніе и неперпѣливо ждетъ роковой минушы, устремивъ взоръ на часовую стрѣлку. И только минушная спущитъ на двенадцать, прещопка быспро завершится въ рукахъ его и подаситъ знакъ къ бою. Эшотъ звукъ перемѣнитъ мгновенно сцену. Пронзительный прескъ злобщаго орудія, впоримый сосѣдними комнатами, длился... длился... и замираетъ... Группы разсѣиваются; всѣ съ разныхъ сторонъ спремятся къ одному общему сборному мѣсту, словно къ омушу, гдѣ ничего не слышно и не видно, кромѣ крика, шума, невнятныхъ словъ, шолкающихся локтей и волнующихся головъ.

Изъ сей густой, бурной массы, вырываются оглушительныя восклицанія: «Покупаю! — Продаю!» — Слѣдующія, пышечкранно повпоряемыя, слова, сопровождающіяся бѣглыми замѣчаніями, опроверженіемъ вѣстей, ложными слухами, обманами и догадками. Главное въ шомъ, чпобы успановить первую, запросную цѣну; это можетъ имѣть важное вліяніе на всѣ послѣдующія волненія публичныхъ фондовъ. Но не возможно понять спранныаго движенія сей мнимой шорговли, сей чудной игры мечтательными сокровищами, если я не войду въ нѣкоторыя подробности, чрезвычайно запутанныя и шрудныя для объясненія.

Биржа, говоря собшвенно, есть публичный шоргъ, на кошоромъ государственный фонды покупаются и продаются, прежде чѣмъ дойдуть штрансферпомъ до Англійскаго Банка. Сіе назначеніе Биржи знаютъ всѣ, хотя довольно шменно и сбивчиво; но не извѣстно, что происходитъ въ ней на самомъ дѣлѣ. Время отъ времени вычитаемъ въ журналахъ, что иной коммиссіонеръ раззорился, другой маклеръ утопился, шомъ бѣжалъ оспавя на себѣ долгу пышляч сто фунтовъ шперлинговъ. Вамъ извѣстенъ также соспояцій курсъ фондовъ; вы знаете, что ажіо занимается своими надеждами и опасеніями всю націю. Но вы пугаетесь, не вѣдая сей шансшвенной и пре-

исподней силы, невидимо опъ васъ движущей милліонами банковыхъ билешовъ. Такъ креспьяннѣ, воздѣлывающій у подошвы Эпны свой виноградникъ, съ невѣжественнымъ изумленіемъ смоприпъ на дымъ и пламя, извергаемыя исполинскимъ жерломъ, не помышляя объ истинныхъ причинахъ споль ужаснаго явленія.

Сказашъ правду, восемь сотъ милліоновъ фунтовъ сперлинговъ, соспавляющихъ національный долгъ Бришаніи, безпреспанно привлекаютъ взоры публики на сіе хранилище, гдѣ админиспращивный и полиспическій обманъ помъщаесть минимья сокровища. Но дивиденды всегда плапьясь въ свое время? Какаѧ жъ нужда до оспальнаго? Имъ больше не занимающіся!

И поспому-шо немногіе знаютъ о наспоящихъ дѣйсспвіяхъ спысячи или спысячи двухъ сотъ ажіосперовъ, кои ежесспвно сходяпся въ Биржѣ и коихъ безспкойныхъ лица и быспрые, споропливые спги оглушаютъ входы и въходы сего заклпшаго Капернаума. Между ними нѣтъ и помину о покупкѣ или продажѣ наспоящихъ фондовъ: все дѣло въ спомъ, чспобъ возвысппть или понизсппть цѣну ихъ и уполспребсптъ въ свою пользу сіе возвышеніе или пониженіе. Эпа такъ называемая *спекуляція* есптъ нечпто иное, какъ безпрерывное пари. Одни держатъ закладъ, чспо фонды возвыспяспся, другіе, чспо упадутъ. Коли-

число заклада увеличивается по обильности спавъ. Тѣ, кои держатъ закладъ за возвышеніе фондовъ, называющіеся *быками* а), а тѣ, кои за пониженіе, *медвѣдями* б). Если угодно вамъ участвовать въ сей азартной игрѣ, спойте только поручить играть за себя какому-нибудь биржевому маклеру и заплатить ему за комиссію.

Вотъ въ чемъ состоятъ биржевыя операціи. Чѣмъ держатъ закладъ на лошадей или на что-нибудь другое, держатъ его на большую или меньшую потребность фондовъ, то есть, на возвышеніе или упадокъ государственнаго кредита. Всякому извѣстно, что политическія событія имѣютъ вліяніе на недоспадокъ и изобиліе фондовъ. Чѣмъ надежнѣе безопасность, тѣмъ государство болѣе имѣетъ способовъ, судя по количеству денегъ, вносимыхъ въ его казначейства, выплачивать долгъ свой. Такимъ образомъ составляетъ особое поколѣніе, особая масса людей, кои, держа закладъ противъ государства, непременно желаютъ его разсройства. Подивитесь такому странному слѣдствию: и особенно подивитесь, какъ въ Англіи, въ странѣ величайшей своею національностью и духомъ общественнымъ, могла родиться подобная аномалія? Да! въ

а) *Bulls*.

б) *Bears*.

этой землѣ, споль гордой своими поспановленіями, любовь къ опечесиву еснѣ слѣдствіе любви къ деньгамъ. Прибыль — вошѣ единспвенная ея спраспѣ — спраспѣ всеобщая, ужасная, всепоглощающая! Къ сей единспвенной цѣли направлены всѣ способности человѣческія: сюда спремипся и здѣсь только развивается вся энергія, разлипая въ нихъ природою.

Бѣспѣ одиннадапѣ часовѣ. Первый курсѣ уже успановленѣ; гибель и счаспие, бѣдноспѣ и богатспство, носяпся надѣ сею несмѣпною массою волнующпхся голосовѣ. Видипе ли пгого веселаго, шумнаго, дерзкаго человѣка, кошпорый спопипѣ памѣ: въ послѣдніе полчася онѣ пошерялѣ десяпѣ ппсыачѣ фунп. сперлин. Оскорбляемый грубыми шулками и безжалоспными насмѣшками, онѣ испипѣ за обиду обидою, за эпиграмму эпиграммою. Спн десяпѣ ппсыачѣ фунп. сперлинг. соспавляли, можетѣ быпѣ, все богатспство несчастплица, раззореннаго пролептѣвшими придапью минушами. Здѣсь другой, болѣе слабый и менѣе наглый, спопипѣ какѣ вкопанный, опуспя руки, съ неподвижными спусклыми взорами и опкрытымъ рпомѣ, видя собспвенными глазами довершеніе своей гибели. Такія явленія продолжаюпся цѣлое ушро: нѣсколько промежушкковъ опдыха мало облетчаюпѣ сіе невѣрошпное помленіе; шумъ оглушаепѣ васѣ, жарѣ душипѣ; эспи шуловица,

со всѣхъ сторонъ около васъ пѣснящіяся, заражающъ васъ своею пылающею горячкою: у многихъ доспанешъ физической крѣпости и душевной силы выносить долго подобную пышку. Вы видите блѣдныя, дрожащія, облитыя потомъ фигуры, выходящія изъ бѣшеной толпы и останавливающіяся въ оконныхъ впадинахъ; дыханіе и голосъ ихъ замерли; но скоро очарованіе игры снова повлечетъ ихъ въ среду вихря, на мигнушку покинутого. Продолжительные крики, выпускаемые *быками* и *медвѣдями*, поочередно побѣждаемыми и побѣждающими, извѣщаютъ сихъ минувшихъ изгнанниковъ о движеніи, сопровождаемомъ благопріятными или пропихивыми вѣроятностями; и они снова лепятъ соединились съ подвижниками и погрузились въ бездонный омутъ.

Эта сцена, эта ужасная борьба алчности съ судьбою, отличаетъ какимъ-то бѣснующимся напряженіемъ, какою-то грозною глубиною, какимъ-то мрачнымъ, грустнымъ неистовствомъ. Часто отдѣльные споры увеличиваютъ помпезный интересъ сей безмятной трагедіи. Часто бѣснованіе поперіи и изступленіе порожества оглашаютъ толпу, нами изображенную, воплями ярости и воспора, коихъ дикость изумила бы самый Бедламъ. Но повременіе не много; все поспѣшь перемѣнится.

Природа человѣческая какъ будно не можетъ выносить долѣе подобнаго лихорадочнаго возбужденія, подобнаго насильственнаго сосредоточенія всѣхъ силъ; и потому биржевые люди, наперившись сихъ вольныхъ мукъ выигрыша и проигрыша, наигравшись досыща милліонами, богачствомъ и нищетою, дозволяютъ себѣ минушу развлеченія. Буйное веселіе объемлетъ ихъ. Каждый сбиваетъ шляпу съ своего сосѣда; полы плащевъ перекидываются черезъ головы; свершки бумагъ летятъ во всѣ стороны; бросаются пескомъ другъ другу въ глаза; дерутся, толкаются, бьются на кулачки, играютъ въ чехорду. Школьники, при выходѣ изъ класса, не дѣлаютъ столько шума и дурачества. Когда же наконецъ усладутъ драпса, вертѣтса, прыгаютъ другъ другу на плеча, то вдругъ принимаютъ пѣнь. Тысячи рознящихъ голосовъ, привычныхъ возглашаютъ *репортъ* и *премія*, усиливаются сладить между собой: *God save the King* а) и *Black Joke* б) оглашаютъ своды. Никпо не уклоняется, никпо не забываетъ присовокупиться къ сему адскому хору. Выигравшій, въ спорѣ шоржества, смѣло подхвываетъ пѣсню, выбранную его поварищами: проигравшій

а) *Боже Царя храни!* національная пѣсня.

б) *Дурная* проспонародная пѣсня.

боялся подорвать послѣднюю вѣроятность уступка, если дасть замѣшкать свое опечаленіе и прочитавъ на лицѣ своемъ, что онъ разорился совершенно.

Эпошъ припадокъ меломаніи бываетъ иногда для биржевыхъ посѣлителей наказаніемъ. Если кто изъ нихъ нарушитъ принятыя обычаи, если какимъ-нибудь поспуткомъ, непріятнымъ для шоварищей, навлечетъ на себя ихъ неудовольствіе, вопъ какъ наказываютъ они виновнаго. Только что войдетъ онъ, его окружаютъ со всѣхъ сторонъ и пѣснятъ. Толпа своевольныхъ пѣвцовъ, коихъ легкія не боялся надрыва, со всѣхъ сторонъ обступаютъ жернову, принуждая пѣть: *God save the King!* или другую какую пѣсню, выбранную на то время палачами. Провинившійся оспаетъ въ такомъ спланномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока заблагоразсудится пѣвцамъ освободить его. Если просупокъ значительный, пѣсня повпорядится; а если сильно раздражены прошивъ бѣдника, то музыкальная пыпка продолжается безконечно. Одинъ изъ биржевыхъ агентовъ, какими-то нечиспыми дѣйсвіями, подорвалъ репутацію своихъ шоварищей: и каждый разъ, какъ только входилъ онъ въ биржу, пѣвцы окружали его и принуждали пѣть. Будучи человекомъ крѣпкаго сложенія и швердаго характера, онъ сперва безъ труда подвергался сей церемоніи. За-

нося ногу въ залу, онъ уже самъ запягиваль определенную ему эпипимию. Такое хвасповство раздражило его поварищей. Онъ надѣялся побѣдипъ ихъ своего твердостію и возвраипипъ снова право спокойно занимапъя своими дѣлами. Но члены поющаго ареопага не унимались: они упрямо продолжали надобдапъ ему, такъ что наконецъ здоровье и грудь его ослабѣли. Онъ просипъ помилованія: ему опказали. И каковы ни были его вѣрно-подданныческія чувспвованія къ царспвующему Королю, наконецъ онъ почувспвоваль себя неспособнымъ воспѣваль долѣе ему хвалу. *God save the King* изгнало изъ Биржи одного изъ самыхъ постоянныхъ ея членовъ: онъ переспалъ въ ней появляпъся.

Какъ скоро сей припадокъ радости, если только можно такъ назвапъ его, пройдетъ, все снова возвращаепся въ поже соспояніе мрачнаго и буйнаго волненія, кошорое мы описали. Часто случаетъся, что одинъ изъ пѣхъ желпо-сизыхъ шумановъ, коими бываюпъ наполнены Лондонскія улицы, набрасываепъ свое печальное покрывало на внуспренность Биржи: тогда сумяпица спановипся ужасною, почпи адскою. Среди бѣлаго дня зажигаюпъ кенкепы; и при семъ дикомъ, уныломъ освѣщеніи, шемноша, царспвующая снаружи, кажетъся еще мрачнѣе. При свѣтѣ сихъ - то кенкепъ надобно смоп-

рынь на напикъ игроковъ! Тогда прошивою-
ложность свѣта и шемнопы внушаютъ глубо-
чайшій ужасъ: изъ нѣдръ мглы возникаютъ сіи
вспревоженные лица, сіи нахуленные брови,
сморщенные лбы... сверкающъ эти дикіе гла-
за... Страшно видѣть!

Таковы занятія, таковы нравы биржевыхъ
людей!

Игрокъ, на что бы онъ ни игралъ, на повы-
шеніе или на пониженіе — *медвѣдь* ли, *быкъ*
ли, это все равно — обыкновенно бываетъ блѣ-
день: изнуренныя черпы его носятъ на себѣ
оппечатокъ непрерывной тоски, его пожира-
ющей. Какое сложеніе, сколь бы оно ни было
крѣпко, не разрушился или по крайней мѣрѣ не
разслабился отъ подобнаго существованія? Спо-
яты безпреспанно на порогъ между богатствомъ
и нищетою, безпреспанно боясь и безпре-
спанно надѣясь, не ужели это значить жить?
Человѣкъ, нами описываемый, не походитъ ни
на купца, ни на банкира, ни на дѣловаго, ни на
человѣка *хорошаго тона*. Его оппичаетъ какая
то смѣсь дандизма съ вульгарностію. Послупки
его оппываются опрометчивостію и хвастов-
ствомъ. Въ обыкновенный разговоръ мѣшаетъ
онъ выраженія, коими оглашаются своды Бир-
жи; у него свой языкъ, конюрый ни грубъ, ни
изященъ, ни оппроумень; говоритъ онъ много
и громко; ешь у него и золотыя цѣпочки и

богатое платье, но онъ небрежно ихъ носитъ. Онъ походитъ на игроковъ - ремесленниковъ и на закладчиковъ улицы Нью-Маркетъ. Осанка его опъзывается тяжелымъ педантизмомъ городского купца и вмѣстѣ спесивою наглостью фанціонабля и проидохи. Не говорите съ нимъ ни о липерашурѣ, ни о поэзіи, ни объ искусствѣ, ни о промышленности, ни даже о торговлѣ. Не спрашивайте его, какъ идуть общественныя дѣла: для него онъ тогда только хорошъ, когда движеніе фондовъ представляеть ему благонадежныя вѣроятности успѣха. Это хищный обипапелъ береговъ Корнваллійскихъ; буря наноситъ ему счастье; тишина разоряетъ его. Онъ жаждетъ бурь, выбрасывающихъ на землю снасти и шрупы, дабы подбирать на берегахъ обломки, кои посылаетъ ему море.

Конечно на биржеваго игрока находятъ и минуты веселья, какъ мы выше описали; веселья безвреднаго, но часто глупаго, буйнаго, словно въ припадкѣ горячки. Такъ называемыя *koala* а), *humbug* б) и другія грубыя мистификаціи, коими пѣшился чернь, раздѣлаютъ на сей

а) Родъ обмана, одурачиванья.

б) Слово непереводимое. Американцы, чтобы выразить отвращеніе къ современному хаосу дѣлъ Европейскихъ, обыкновенно называютъ ихъ — насполицій *humbug*.

привольной мглѣ, доспигають огромныхъ размѣровъ и безконечно разнообразятся. Между мѣстными шуточками Биржи иногда бывають весьма странныя. Я видѣлъ, какъ одного старика, Жида Наана С***, два или три мѣсяца сряду преслѣдовали его поварихи. Вся вина бѣднаго Еврея состояла въ томъ, что онъ носилъ густой, кудрявый парикъ, чепыреугольный фракъ, напудренную косу и жилетъ по колѣна. Одинъ дергалъ его за полу фрака, другой за конецъ жилета, третій тпнулъ за косу парика. Разъ, когда сн нахальства перешли всѣ границы терпѣнія, одинъ изъ единовѣрцевъ Наана, какъ будто увлеченный внезапнымъ вдохновеніемъ, превраща сущесствительное имя въ глаголъ, закричалъ ему:

» Наанъ, Наанъ! *парикни ихъ, парикни!* а).

И поспѣвъ Израильянинъ, снявъ съ себя парикъ, махнулъ имъ вокругъ себя и обдалъ своихъ ругателей попокомъ жирной пудры, коей слѣды неизгладимо запечатлѣлись на ихъ новыхъ плащяхъ. Съ тѣхъ поръ возымѣли къ нему такое уваженіе, что, когда онъ хотѣлъ освободиться отъ своихъ мучителей, то ему стоило только погрозить своимъ парикомъ, и самыя сжапыя и враждебныя полчища предъ нимъ разступались.

а) *Whig them.*

Взятые отдельно, эти суежливые комиссионеры и маклеры, по большей части, люди честные, верные, даже добродушные. Но игра, ко-ей они предаются, совершенно безнравственна, пагубна обществу, ужасна в своих послѣдствіяхъ... И между тѣмъ эта игра со всѣми ея опасностями, освящена законами и обычаемъ; въ ней не можетъ быть ни ловкости, ни умѣнья; она основана единственно на случаѣ, вѣроятностяхъ и дерзкой лжи.

Множество Израильянъ посѣщаютъ Биржу. Изъ нихъ иные, особливо Голіаetz, коего десница такъ ловко дѣйствовала спраннымъ парикомъ, оплечаются небрежностію своего костюма. Самые богатѣйшіе обыкновенно бѣгаютъ одѣшы хуже всѣхъ: иные, имѣя, по крайней мѣрѣ, 250 тысячъ фунт. сперлинговъ наличнаго капитала, смѣло разхаживаютъ по галереямъ Биржи, оборванные, въ лохмотьяхъ. Впрочемъ Жида составляютъ родъ постояннаго заговора противъ Египтянъ, оказывающихъ имъ госпепріимство. Сей національный духъ, никогда ихъ не покидавшій, и здѣсь имъ весьма полезенъ. Благодаря ихъ взаимному застрахованію, риски, коимъ они подвергаются, бываютъ значительно меньше.

И такъ замѣнимъ истинными идеями и прочными выраженіями сіи, освященныя употребленіемъ, символическія слова: *биржа, возвышеніе, пониже-*

не. Будемъ смотрѣть на *Stock-Exchange*, какъ на игорный столъ, за копорымъ сидятъ тысячи игроковъ. Это игъ, кои опредѣляютъ соспоящую цѣну, печатаемую въ журналахъ и увеличивающую или уменьшающую цѣнность публичныхъ фондовъ. Тысячъ около пяти другихъ участвуютъ въ сей игрѣ, держа заклады другъ противъ друга. Что касается до опдаленныхъ дѣйствій сего волненія фондовъ, ихъ невозможно въ точности вычислить. Упадокъ процентовъ, производимый игроками и закладчиками, нами описанными, не только поражаетъ денежныя капиталы, но и недвижимыя имѣнія, промышленность, торговлю, въ самыхъ опдаленнѣйшихъ, мѣлчайшихъ опраслахъ. Изъ сего центра исходятъ, если пакъ можно выразиться, безчисленныя сопрясенія, опдающіяся изъ края въ край по земному шару, въ спранахъ самыхъ опдаленныхъ, даже въ Индіи и Африкѣ.

Опвращимъ взоры отъ сей мечпашельной игры, гдѣ пакъ упорно, пакъ ожеспоченно, быюся за фантасмическія сокровища. Борьба уже кончилась; возвышеніе или пониженіе успа новилось. Двѣсти, приспа спекуляторовъ опсавляютъ поле битвы, цѣлый день подвиавшись на немъ: пойдете за ними! А! какъ они печальны! какъ убиты! Другіе находятъ размеченіе въ наукахъ, веселостяхъ; но-

выя поприща могутъ для нихъ открыться; иныя надежды могутъ оживить ихъ: у всякаго есть свои склонности, свои привычки, свои прихоти. Но у биржеваго чловѣка только одна надежда, одно развлеченіе, одно занятіе, одна забава, одинъ интересъ; онъ ничего не понимаетъ, ничего не проситъ у свѣта, кромѣ того, что сей часъ потерять, кромѣ денегъ. Вся значительность, вся сила его опирается на деньги: съ деньгами изсякаетъ вся его жизнь. Нищета, такъ чувствительная для всякаго, для него обращается въ убійственную муку. Семейство ждетъ его, не разумѣя тайнствъ, среди коихъ находятъ онъ нищу своей дѣятельности; и вотъ оно, событіями сего дня, испровергнуто въ крайнюю бѣдность! Пусть читатели сами поспѣютъ дополнить эту картину: я не намѣренъ глубже допытываться до сего ужаснаго романа дѣйствительной жизни. Известно, сколько пруповъ, сколько неожиданныхъ пресупленій, должно приписать подобнымъ капаспрофамъ, коихъ не сможетъ поборошь душа самая твердая. Пусть размыслитъ, хотя минуту, о томъ, какое дѣйствіе долженъ производить сей внезапный, тяжкій переходъ отъ богатства къ бѣдности! Пусть спросятъ себя о послѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть сія игра, торжественно освящаемая обществомъ!

Этотъ другой игрокъ входитъ сегодня домой

богаче десятию тысячами фунт. стерлин., чѣмъ вышелъ поутру; завтра, можете быть, неблагопріятный промахъ пускнеть его опять съ сумою по міру; послѣ завтра новое движеніе колеса опять внесетъ на вершину, имъ покинутую: превращенія, конечно не очень благопріятныя для ободренія промышленности и чести!

И шакъ не дивитесь жѣ колоссальнымъ богатствамъ, словно изъ земли въ нѣсколько часовъ вырастающимъ не рѣдко въ Англіи. Смотрите — вдругъ пріобрѣтаютъ помѣстья, замки, отыскиваютъ запертыхъ предковъ, спровадивъ, высидя, блестя, гремятъ: все это сдѣлала Биржа. Но чѣмъ составивъ одну подобную форсуну, коей быстра импровизация и гигантская огромность шакъ изумляетъ васъ, потребно было двадцать банкротствъ: обломки двадцати несчастливцевъ доспались въ щипу одному! Можно опредѣлительно сказать, что двѣ шреппы играющихъ въ возвышеніе и пониженіе на Биржѣ, уходивъ бѣднѣе, чѣмъ приходивъ. Эта приблизительная смѣла ни сколько не преувеличена: ее напрошивъ должно считать весьма умеренною и гораздо ниже дѣйствительности. Горестная мада бичу, освящаемому или по крайней мѣрѣ ободряемому симъ пагубнымъ учрежденіемъ! Изъ Биржи, эта жажда выигрыша, пріобрѣтаемаго капризомъ случая, а не усиліями

честнаго пруда, разливаеиія по городу, по всей націи. Она возбуждаетъ гибельныя страсти, заключенныя природою въ нѣдрахъ нашей души: это обаяніе счастья, это очарованіе внезапно-сти, эту поспѣшность бурныхъ раздраженій, коей нѣтъ ни границъ, ни покоя, которая испровергаетъ царства, раззоряетъ семейства и цѣною порока и преступленія покупаетъ только наслажденіе новымъ чувствомъ.

Дѣйствительная покупка и продажа фондовъ относитъ къ спекуляціямъ, коихъ онѣ бывающъ предметомъ, почти какъ 1 къ 100. То, что называютъ на биржѣ *спекулировать*, просто значить *играть*. Правда, слово это безжалостно вычеркнуто изъ словаря, употребляемаго въ *Stock Exchange*. Бойтесь произносить его тамъ: васъ проклянутъ единогласно. Это тоже, что говорить о водѣ у винопродавца, о дурной нравственности у ланцовицы!

Попробуемъ раздробить на классы, по-Линнеевски, различные роды людей, обыкновенно посѣщающихъ Лондонскую Биржу. Ихъ можно раздѣлить на три большіе отдѣла: *brokers* или коммиссіонеровъ, *jobbers* или маклеровъ и *спекуляторовъ*, играющихъ на собственнѣй свой счетъ. Выразимся точнѣе: это больше три различныхъ занятія, чѣмъ три отдѣльные класса. *Brokers* занимающъ только покупкою и продажею, ославляя въ свою пользу восемь процен-

повъ за комиссію, *Jobbers*, коихъ названіе опъзывается такъ непріятно слуху а), имѣють гораздо лучшее значеніе, чѣмъ имя: эпо, болъшею частію, люди весьма значительные и почтенные. Будучи необходимыми посредниками, они вычитаютъ себѣ только должную премію изъ совершаемыхъ ими оборотовъ. Не смотря на неблагопріятное мнѣніе объ ихъ занятіи, не имѣ должно приписывать бѣдствія и опасности Биржи. Несправедливо жалуются на ихъ жадность: сіе обвиненіе происходитъ отъ того, что публика не понимаетъ совсѣмъ, или очень мало, механизмъ ихъ операцій.

Въключая минушы какого-нибудь особеннаго перелома, кои обыкновенно бывають очень рѣдки, всегда есть опредѣленная текущая или торговая цѣна, подраздѣляющаяся на двѣ частныя формы, покупную и продажную, коихъ относительная пропорція постоянно одинакова: и именно когда $81\frac{1}{8}$ есть самая низкая цѣна покупки, то $81\frac{1}{2}$ есть самая высокая цѣна продажи. Публика не очень понимаетъ сію разность, которую однако весьма легко объяснить. Положимъ, что *брокеръ* получилъ комиссію купить на извѣстную сумму процентовъ, сумму, которая часто бываетъ дробная; на прим.

а) *Job* называются паша, непріятный недостатокъ, всякая порча.

купить трех-процентныхъ облигацій на 735 фунт. стерлинговъ, 10 шиллинговъ и 5 пенсовъ. Невозможно или по крайней мѣрѣ чрезвычайно трудно бымоу сдѣлать ему эту операцію, еслибъ онъ спалъ дожидаясь прихода другаго брокера, желающаго продать такую же сумму; джобберъ уничтожаетъ се зашрудненіе. Онъ даетъ двѣ цѣны, одну продажную, другую покупную, кои различествуютъ другъ отъ друга только на $\frac{1}{8}$; на прим. $81\frac{3}{8}$ и $81\frac{1}{2}$. На сію двойную цѣну онъ предлагаетъ купить или продать всякую сумму, какую у него попросятъ или ему предложатъ. Эта $\frac{1}{8}$ есть цѣна его комиссіи и цѣна, кажется, очень умеренная. То, что онъ купилъ за $81\frac{3}{8}$, перепродаетъ за $81\frac{1}{2}$: вотъ вся его прибыль. И эту прибыль онъ заслуживаетъ не только хлопотами, которыми себѣ даетъ, но и рискомъ, коему подвергается.

Наконецъ слѣдуютъ *спекуляторы*. Эти уже дѣйствуютъ на свой собственный счетъ. Они стараются извлечь пользу изъ движеній шорта; покупаютъ и продаютъ уже не по комиссіи, а на свой страхъ; прибыли и потери ихъ бываютъ значительны: это игроки настоящіе.

Соединивъ въ себѣ всѣ три званія, джоббера, брокера и спекулятора, маклера, комиссіонера и настоящаго игрока, значитъ нарушить постановленія Биржи. Это три операціи, совершенно отдѣльные и различныя. Однакожъ быва-

юпть не рѣдко примѣры опшугуленія опть сихъ правилъ. Еспь люди, на которыхъ впрочемъ, смопрятъ очень неблагосклонно, кои попеременно по исправляюпть комиссіи другихъ, по лично участвуюпть въ игрѣ фондовъ. Я не буду говорить здѣсь о другихъ привычныхъ посѣпителяхъ Биржи, видахъ спранныхъ и неопредѣлимыхъ, коихъ и Линнею шрудно былобы описать и размѣспитъ прилично, о полу-зѣвакахъ и полу-игрокахъ, кои иногда ввязываются въ игру; но по большей часпти завлекаюпся сюда однимъ удовольствіемъ полюбоваться на зрѣлище, для нихъ привлекаштельное.

Особенно замѣпилъ я нѣкоторыхъ заслуженныхъ джобберовъ, кои, совсѣмъ удалившись опть дѣлъ, иногда посѣщаюпть прежнее поприще своихъ подвиговъ. Разорившіеся или обогащенные биржевыми спекуляціями, они ищупть иногда въ залѣ *Stock-Exchange* воспоминаній о бурныхъ порывахъ своей молодоспи. Словно дряхлые мапросы, прохаживающіеся по песчанымъ косамъ и прибрежнымъ скаламъ, они смопрятъ спротимъ, проницаштельнымъ окомъ на своихъ юныхъ преемниковъ, пускающихъ спремглавъ въ опкрытое море. Они узнаюпть берегъ, о который нѣкогда сами разбивались; порывъ бурныхъ въпровъ снова переноситъ ихъ къ первымъ лѣпамъ юноспи. Хошише ли, съ небольшими издержками, доставивъ величайшее наслажденіе снмъ и инвалидамъ барыш-

ничесства? Посовѣстуйтесь съ ними! Спросите у нихъ мнѣнія о вѣроятностяхъ потери или прибыли? Ихъ польщенная суещность дастъ вамъ совѣты добрые. Если вы обратитесь къ людемъ, разорившимся биржевою игрою, то еще болѣе можете быть увѣрены, что получите отъ нихъ свѣденія самыя вѣрныя и благодѣтельныя: къ ихъ — по опытности, купленной слишкомъ дорогою цѣною, должны прибѣгать вы.

Но попробуемъ проникнуть въ тайныя самой биржевой спекуляціи. Спекуляторы — говоря общепринятымъ словомъ — производятъ *срочные торги*, то есть, покупаютъ и продаютъ къ извѣстному дню. За шесть или за семь недѣль, смотря по обстоятельствамъ, комитетъ опредѣляетъ сей срочный день.

Посмотрите, вопль Г. Эдуардъ, въ печальное, пасмурное утро, выходитъ изъ дома. Все его имущество составляетъ тысяча фунт. сперзинговъ, кои лежатъ у банкира: это даетъ ему право быть членомъ общесства, котораго очеркъ я набрасываю. И шакъ, туманъ, какъ я уже сказалъ, обхвачилъ весь городъ Г. Эдуардъ идетъ по темнымъ улицамъ и переулкамъ, гдѣ едва находятъ дорогу. Вспавая, онъ начинялъ въспи весьма огорчительныя: лихушъ, что холера усилилась, билъ реформы рѣшишельно опровергнуть; предсказываеши общее возстаніе и всѣ гибельныя его послѣдствія. Г. Эдуардъ задум-

чивъ. Погруженный въ мрачныя мечты, выходилъ онъ въ биржевыя залы; и въ предусмотрительномъ его умѣ владычествоуетъ самое ясное убѣжденіе, что фонды упадутъ непременно. И такъ онъ спѣшилъ продать, по 82 франка на примѣръ, двадцать тысячъ фунт. сперминговъ прехпроценныхъ облигацій. Нужды нѣтъ, что ихъ столько нѣтъ у него: онъ продастъ и обязывается выкупить ихъ непременно въ день расчета, положимъ хоть, въ 24 Ноября. Покупать то, за что не имѣешь возможности заплатить, и продавать, чего не надѣешься имѣть въ рукахъ, вотъ ключъ къ ларчику, вотъ вся шайна биржевыхъ спекуляцій!

Если нашъ Г. Эдуардъ, который, въ мизантропическомъ припадкѣ, продать по 82 то, чего у него нѣтъ, купитъ, къ 24 Ноября, такую же сумму фондовъ за цѣну низшую, то онъ конечно выиграетъ; еслижъ, напротивъ, не можетъ къ сроку доставить себѣ фондовъ иначе, какъ заплативъ дороже, то проиграетъ. Эта потеря или прибыль называется *разностью*: и сія *разность* есть все, чѣмъ занимающія биржевые люди. Лицо, о которомъ мы говорили, наживетъ отъ своего оборота, на двадцать тысячъ фунтовъ сперминговъ, двѣсти фунтовъ, если фонды понизятся на одинъ процентъ, и лишится точно такой же суммы, если они однимъ процентомъ возвысятся.

Объясненіе, нами теперъ данное, кажется, само по себѣ довольно ясно: но какъ публика вообще мало знакома съ биржевыми обычаями и оборотами, то мы, пожалуй, объяснимся еще понятнѣе, измѣнивъ примѣръ, нами приведенный.

Г. Генри не богаче Г. Эдуардса. Прекрасное здоровье, надежды и вѣра въ будущность, составляютъ всеъ его дослапокъ. Онъ выспался очень хорошо; на завтракъ у него чай былъ превкусный; сухарики свѣжіе; щелячья копченка отлично приготовлена. Онъ не думаетъ ни о холерѣ, ни о бунтахъ: онъ счастливъ. Фонды не упадутъ: такъ, по крайней мѣрѣ, онъ думаетъ. И такъ вмѣсто продажи фондовъ, онъ покупаетъ ихъ на двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, то есть, обязываясь къ 24 Ноября принять фондовъ по 82 на означенную сумму. Не имѣя денегъ заплатить за нихъ, онъ долженъ ихъ перепродать дороже; и если курсъ биржевый поднимется на одинъ процентъ, то покупка сія приобрѣтетъ ему двѣсти фунтовъ стерлинговъ прибыли. Подобная операція спавитъ его, какъ покупателя, между *быками* (*bulls*), тогда какъ Г. Эдуардсъ, какъ продавецъ, входитъ въ классъ *медведей* (*bears*). Отсюда слѣдуетъ, что каждый биржевый игрокъ только что удачно или дурно рассчитывается въроятности на успехъ

недѣльную будущность и держишь закладъ за или противъ наспопцаго положенія дѣль.

Такія сдѣлки, споль простиыя сами по себѣ, запутывающія иногда разными обстоятельствомъ до безконечности. Пытаюсь въ немногихъ словахъ предсавить полную идею всѣхъ спекуляцій, совершающихся въ *Stock-Exchange*, значило бы поже, что хотѣшь описатьъ всѣ движенія войскъ на полѣ битвы, изчислить всѣ тонкости тактики, всѣ случаи и шансы боя, расказывая жизнь простаго солдата. Пусть читапель послѣдуетъ теперь за нами въ лабиринтъ расчеповъ: мы попробуемъ бытъ его вожапыми.

Урочный день, какъ мы уже сказали, долженъ бытъ 24 Ноября. Вотъ мы въ Биржевой Залѣ. На одной сторонѣ собрались въ кучку шѣ, кои думаютъ, что цѣнность фондовъ возвысится, и купили ихъ въ надеждѣ прибыли отъ предполагаемаго возвышенія. Я разумью здѣсь только фонды консолидированные, на которые одни только почти и спекулируютъ. Покупщики, вѣрующіе въ повышение, или—употреблю приняшую въ *Stock-Exchange* поговорку—*идущіе вверхъ* а), купили ихъ на двадцать милліоновъ больше, чѣмъ могутъ заплащивъ! На другой

а) *Going to a rise.*

сторонѣ видѣте группы *идущихъ внизъ* б), то есть, продавшихъ въ надеждѣ пониженія фондовъ. На обѣихъ спорахъ обманъ самый безнравственный; съ обѣихъ сторонъ продаютъ и покупаютъ огромныя капиталы, вовсе несуществующіе.

Цѣна фондовъ обыкновенно зависитъ отъ вліянія многихъ обстоятельствъ. Пока торговый или расчетный день далеко, то сими обстоятельствами бываютъ обществѣныя событія, миръ и война, поведеніе министровъ, часто причуды или заплѣи богатыхъ банкировъ. Но предъ великимъ днемъ генеральнаго боя всѣ спорныя причины, управляющія Биржевымъ курсомъ, мало по малу теряютъ свое могущество. Кругъ дѣлается менѣе, уже *медведи* и *быки* гошovy къ бипѣ; отъ ихъ силъ и изворотливости зависитъ судьба сраженія.

Утромъ, 23 Ноября, всѣ *быки* и *медведи* на лицо. Завтра *быки* должны заплашить милліоны, которыхъ нѣтъ у нихъ; завтра *медведи* должны предсказать сполько же милліоновъ, коихъ также и слѣду нѣтъ въ ихъ сундукахъ. Главный вопросъ узнать, кто въ этомъ спраннымъ родѣ торговли солгалъ болѣе, покупщики или продавцы; на которой сторонѣ значительнѣе количество фондовъ, на сторонѣ про-

б) *Going to a fall.*

дажи или покупки: отсюда зависить возвышеніе или пониженіе ихъ. Минута перелома близится; скоро вопросъ долженъ рѣшиться. Все изобличаетъ глубокое и живое участіе въ сей роковой минутѣ. Это два враждебныя воинства наканунѣ великой битвы; ровъ ихъ раздѣляетъ; ночь пролетитъ скоро. Всѣ силы ихъ соединяются и сосредоточиваются: съ безпокойнымъ вниманіемъ слѣдятъ они за всѣми движеніями непріятеля и предначерпываютъ свои заправшія движенія.

Главная тактика возвышающихся или покупателейъ, въ сію минуту кризиса, состоитъ въ удостовѣреніи продавцовъ, что имъ надобно фондовъ гораздо большее количество, нежели сколько продавцы могутъ выставить; тактика понижающихъ или продавцовъ состоитъ напротивъ въ удостовѣреніи противниковъ, что они могутъ представить фондовъ больше, нежели сколько покупающіе въ состояніи купить. Если понижающій сознаетъ себя не въ силахъ удовлетворить предлагаемыхъ ему требованій, то, значить, *медведь* побѣжденъ: онъ самъ тогда начинаетъ покупать фонды, которые обязался выставить; непріятель его, *быкъ*, пользуется представившейся выгодой и продаетъ, разумѣется, дороже. Еслижъ, напротивъ, покупательъ возвышающій опустится, то *медведь* торжествуетъ; и тогда сей послѣдній перекушаетъ

за низшую цѣну итъ самыя фонды, копорые быхъ хочеть сбыть съ рукъ.

Сію, предсавленную нами, сдѣлку можно названъ полюбовною: это родъ перемирія, копорое обѣ спороны избавляетъ отъ самыхъ гибельныхъ послѣдствій. Но часно-такой предвари-тельной сдѣлкой не кончается. Вопросъ долженъ рѣшиться на полѣ битвы, безъ всякихъ мир-ныхъ переговоровъ и условий. Схватка быва-етъ ужасная; и, въ заключеніе, обломки многихъ капиталовъ усыпають поле сраженія.

Предположимъ, что сіе обоюдное упорство жестокой битвы продолжается до утра 24 Но-ября. Бьетъ десять часовъ. Операциі начинаю-т-ся. Никогда споль глубокое молчаніе не цар-ствовало въ залѣ: никогда не бывало тако-го порядка и тишины; но подѣ симъ наруж-нымъ покоемъ таишся удушающая горячка. Это медленное, безмолвное движеніе двухъ враждебныхъ войскъ на рукопашную схватку, кой, припавъ дыханіе, обуздавъ всякой порывъ—ружья заряжены, рука на спускъ—идушь взаимно продавашь и покупаешь смерть. Я оставлю, если угодно читателямъ, сей метафорическій языкъ и изложу просто событія. Они сами поспрудя-т-ся дополнишь пробѣлы картины, изобразишь шумъ, смятеніе, хаосъ сей бурной сцены. По-купщики продолжаютъ браться, продавцы про-должаютъ выставлять: до шѣхъ поръ, пока па

или другая сторона наконецъ принуждена будетъ остановиться. Когда сдѣлается очевидно, что возвышающіе въ состояніи купить фондовъ больше, чѣмъ сколько понижающіе могутъ продать, побѣжденный *медведь* долженъ бываетъ выплатить непріятелю наличной монетой обѣщанное количество фондовъ. Но, не въ состояніи удовлетворить сему требованію, онъ вызывается докупить по количеству, котораго не можетъ предсказать: и тогда фонды возвышаются; тогда побѣдителемъ, *быкъ* или, если угодно, возвышающій, принуждаетъ непріятеля покупать то, чѣго ему не доставляетъ. Рѣдко побѣдителемъ имѣетъ жалость къ своему прошивнику: возвышающій ли, понижающій ли, онъ равно неумолимо перзаемъ побѣжденнаго; губительное оружіе его есть сей недоставокъ, сія возлагаемая на врага обязанность, перкупать гораздо дороже то, на что онъ обязался и чего не можетъ ни выплатить, ни выплатить.

Карпина, мною теперь набросанная, далеко не полна; и трудно окончить ее! Какъ вамъ данъ хотя нѣкоторое понятіе о крикахъ, бѣшенствѣ, рукопашныхъ единоборствахъ, чудныхъ контрастахъ, діалогахъ невѣроятныхъ, спрагогеммахъ неслыханныхъ, къ коимъ спекуляціи сіи подають поводъ! Какъ передать сіи гіероглифическія выраженія, сей разгаръ

страстей, выражающихся какимъ-то особеннымъ краснорѣчіемъ, напишаннымъ цифрами, усыпаннымъ рѣченіями необыкновенными? Вообразите, если угодно, какойнибудь псеологическій диспутъ, непонятный для простаго смысла, гдѣ аплепами и борцами дикіе звѣри, содержаемые въ королевскомъ звѣринцѣ. Вспомните о бурныхъ сценахъ, происходившихъ на сеймахъ, или о войнѣ слоновъ и львовъ, сопоставляющей одинъ изъ прекраснѣйшихъ эпизодовъ Санскрипской *Магабараты*! Соединивъ всѣ сіи черпы, вы едва можете создать слабый призракъ сего мятежнаго позорища, гдѣ бушующая жадность съ оспервенѣніемъ боя соединяется мислическую мглу выражений!

Не забудемъ, что у каждой партіи есть свой начальникъ и что сіи начальники, подобно героямъ эпическихъ поэмъ, различаются характеристическими недостатками и достоинствами. Изчисленіе сихъ паладиновъ Биржи было бы необходимо для моего разсказа, если бы я предположилъ наполнить всю обширность рамы, коей хочу начертать только малую часть. Рѣдко великіе движители Биржи сами являющіяся на позорищѣ своихъ подвиговъ; у нихъ есть подчиненные агенты, представители, извѣстные каждому. Спекуляторы низшаго разряда увивающіяся вокругъ нихъ наперсниковъ, словно какъ мѣлкіе обитатели океана плывущіе

ся за хвостомъ испанскаго кнѣзя. Другіе, болѣе искусные и смѣлые, прокладываютъ себѣ независимый путь; играютъ по собственнымъ видамъ и соображеніямъ; и иногда, симъ спраннымъ, невѣрнымъ, опаснымъ путемъ, достигаютъ богатства и значительности.

Начальники, мною упомянутые, для возвышенія и пониженія фондовъ вымышляютъ, въ пикиръ кабинетовъ, средства столь сложныя и запутанныя, что здѣсь трудно было бы исчислять ихъ. То вдругъ является такое спрашное множество фондовъ, что вымешая, такъ сказать, всю движущуюся ихъ массу, производить поддѣльный недоспашокъ, за копорымъ должно слѣдовать ихъ возвышеніе, равно поддѣльное. Это обширныя махинаціи, всегда неожиданныя, коимъ слабыя средства малыхъ игроковъ не могутъ прошивупоспавить никакого оборонительнаго оружія и копорья посему часто совсѣмъ ихъ разоряютъ!

Таковы главныя характеристическія черты сего обширнаго игорнаго дома! Да не обвиняютъ насъ, что мы легкомысленно говоримъ о томъ, что осуждаемъ теперь такъ немилосердо! Такой саркастическій тонъ есть одна изъ особенныхъ привычекъ шого мѣста, копорое мы описывали. Человѣкъ, даже въ самыхъ достохвальныхъ способностяхъ своихъ, невольно оплывающій въ

форму обспояпельспвъ, его окружающихъ. Долговременное обращеніе наше съ идеями и сценами, кои мы теперь изобразили, необходимо должно было приучить насъ къ нимъ. Укажице хирурга, копорый бы разнѣжился при видѣ раны; солдапа, закопченнаго пороховымъ дымомъ и соспарѣвшагося подъ ружьемъ, копорый бы имѣлъ еще слезы для умирающихъ; мапраса, испытавшаго не одну бурю и побывавшаго деспикахъ на двухъ сраженій, копорый бы изумился буруну и перепугался подводныхъ камней! Сколько бы природа ни удѣлила намъ чувствительности, она не замедлила изсякнуть въ необычайныхъ обспояпельспвахъ! И кто видалъ, какъ огромнѣйшіе капиталы разлепающся въ дребезги на боевомъ полѣ Биржи, понгъ разсуждающъ о сихъ удачахъ и промахахъ убійственной игры, съ спокойнымъ безчувствіемъ спараго солдапа, рассказывающаго о бѣдствіяхъ и побѣдахъ, въ коихъ онъ участвовалъ.

(Метаморфоза).

V.

НОВОСТИ

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ЛУКРЕЦІЯ БОРДЖІА,

ДРАМА

ВИКТОРА ГЮГО.

(окончаніе).

Какимъ образомъ случилось, что, черезъ три года, та самая публика, которая принимала *Германи* и *Маріону Делормъ* съ ропотомъ, смѣхомъ и криками неодовольствія, теперь, въ *Лукреціи Борджіа*, не смотря на всѣ недоспажки пѣсы, высиживаешь цѣлые чешыре часа съ безмолвною цокориноснію вождъ поэта? Кпо изъ двухъ перемѣнился: зрители, или художникъ? По всему должно предполагать, что публика оспалась неизмѣнна; ибо общественный образъ мыслей не шакъ скоро спарѣется, какъ обыкновенно думаютъ. Даже донлиъ есть многіе кварпалы въ Парижѣ, которые Бозльде опть души предпочитаютъ Россини; и нельзя перечесить по пальцамъ всѣхъ домовъ, гдѣ Арно спавились еще гораздо выше Виктора Гюго. Да и дѣйствительно, попребно болыне прехъ дѣпъ, что-бы изгладить липературные предрасудки народа!

Но теперь, когда записные судьи имѣютъ весьма слабое вліяніе на мнѣніе толпы, самая грубѣйшія спра-спы взяли верхъ. Госпишья Парижа, должно признаться опкровенно, совсемъ не занимаются липературою.

Приключенія биржи и споры прибыюны возобладали почши надъ всѣми умами. И шакъ шолпа, не имѣя вождя, который бы просвѣщалъ ее, предается самымъ дикимъ, самымъ грубымъ впечатлѣніямъ. То, чего она особенно хочетъ, что предпочитаетъ, чему рукоплещетъ, есть наружная помпа спектакля, поправляющая ея вѣщныя чувства какими бы то ни было средствами: не говоримъ, ея душу, ибо душу она оставляетъ дома и, по обыкновенію, обходится весьма покойно безъ ней въ театръ. По сему-то слово, которое должно служить органомъ и исполнителемъ самымъ чистѣйшимъ чувствованіямъ, самымъ возвышеннѣйшимъ идеямъ, теперь выражаетъ только наглость порока, уничижительный развратъ сердца. И никто не возстанетъ на сіе недостойное оскверненіе драматическаго искусства!

Такимъ образомъ успроенная публика натурально должна была почувствовать живую симпатію къ поэту неутомимому и бодрому, который, въ теченіе десяти лѣтъ, упорно продолжалъ заниматься вѣщною реформою языка, который усиливался самымъ проспонароднымъ выраженіемъ дать право гражданства въ лирическихъ спротахъ оды, который, дабы вымѣнить до возможной гибкости александрийскій Французскій стихъ, ломалъ цезуру, рубилъ стихи на неровныя полустикши, возвращалъ рѣчь ея первобытное богатство и сосредоточивалъ всю свою энергію въ *пластической* споротъ искусства.

Лукреція Борджіа, будучи въ литературномъ отношеніи несравненно ниже прежнихъ драматическихъ піесъ Виктора Гюго, ошвергнувшихъ толпою, пред-

составляет грубымъ въ приходамъ пищу болѣе лакомую и сытную. Это уже не образцовое классическое произведеніе, назначаемое только для утонченныхъ умовъ какой-нибудь литературной плеяды, для снискаго вкуса академій, для аскетическихъ собесѣдниковъ какой-нибудь паниспешенной вечери здѣсь не нужны обряды ученаго посвященія; довольно однихъ глазъ, которые исправляютъ все дѣло. Конечно, не лѣзя не согласиться, что сіе послѣднее произведеніе Виктора Гюго показываешь болѣе знаніе сцены, но не драматическаго искусства. Входы и выходы устроены весьма искусно: все разочтено для эффекта, какъ не лѣзя лучше. Но не лѣзя же ограничивать призваніе прагматическаго поэта однимъ устройствомъ спектакля, не признавъ вышш, что поэтъ, машинистъ и костюмеръ, сославляють одно и то же.

Если разыскивать, отъ чего Французская публика, такъ прославившаяся въ Европѣ разборчивостію и изяществомъ своего вкуса, дошла наконецъ до того, что почти буквально заслуживаешь сарказмъ Лаптинскаго сатирика: *ralet et circenses* (*хлѣба и спектаклей*), что на одной черпѣ съ Пашромъ Корнелемъ, и даже гораздо ниже, спавнить булеварную мелодраму и восхищается актерами, совершенно неизвѣстными предшествовавшему вѣку, слонами, львами и лошадьми, кони изкогда драхмѣй Римъ распочалъ свои рукоплесканія: то въ исторіи Французскихъ нравовъ можно найти полное и непрерываемое пому объясненіе.

Въ семнадцатомъ вѣкѣ, геній Испанскій и геній Греческій, искусно преобразованные, не находились ли въ гармоническомъ сочувствіи съ порывами удалясва, соспавдавшими отличительный признакъ эпохи несовершеннѣйшаго Людовика XIV, и позже, съ чопорностію и эпикетомъ Версали? Не естественнѣ ли было, изъ ожесточенныхъ, вздорныхъ и упрямыхъ сваръ Парламента и Мосье-Принца, извлечь идею *Цинизма*, или въ посприженіи Двицы Ла-Вальеръ найти поводъ къ *Федръ и Ифигеніи*?

Напрасно спали бы проптивупоспавлять указы Людовика XIV для испребленія безчесныхъ общесствъ, учредившихся у воропъ Парижа: ссылки, изгнанія и заключенія въ Баспидію, громко свидѣтельствуютъ проптивъ безнравственной терпимости, которую хопили въводить изъ сихъ указовъ; и усердный нипомецъ Порт-Рояля не написалъ бы *Аталии* для двора, похожаго на дворъ Геліюгабала и Нерона.

Регеншество, произведшее насильспвенную реакцію проптивъ лицемѣрной набожности вдовы Скарронъ, не имѣло степеннаго искусствва; и въ маленькихъ доминахъ, на маленькихъ ужинахъ, въ маленькихъ спитшкахъ, недостойно распотило всѣ способности Французскаго духа, копорыя, за двадцать лѣтъ ранѣе, продолжали бы днаспію Боссюэповъ, Расиновъ или Конде. Для буйныхъ погдашнихъ оргій шребовались соблазнительныя эпиграммы, двусмысленныя четвероспнишія, дабы внуспреннимъ уничиженіемъ мысли расширить предѣлы развраша; упромъ, для пробужденія, надушеныя мадригалы, легкія вылазки предъ вспуплешіемъ

на поле битвы. Это базарное сборище аббатовъ, наложницъ, опкупищиковъ и задорныхъ драчуновъ не знало бы, что дѣлать съ поэмою, еслибъ онъ не былъ ихъ слугою и домашнимъ человекомъ.

Последніе годы Людовика XV, болѣе степенные и сиротіе, не смотря на развратъ, котораго, хотя и выказывался нагло, но уже часто ограничивался одними хвастливыми фанфаронадами, опмѣчаютъ въ исторіи Французскаго духа новый періодъ. Царство такъ называемыхъ философовъ въ біографіи Франціи предсавляетъ нѣ годы опамятованія и раскаянія, кои въ жизни человека слѣдуютъ обыкновенно за первыми изліяніями молодеческаго своевольтства. Когда чело юноши обнажится, когда онъ замѣнитъ морщины, прорѣзающіяся на его щекахъ, обратитъ вниманіе на свои вваливающіеся глаза, тогда и спавишся уменъ и основателенъ: его уста, вчера еще разсыпавшіяся такъ обильно легкомысленными шутками, несбыточными обещаніями, растворяющаея только для поучительныхъ изреченій, для назиданія проходящихъ. Точно тоже случилось и съ осьмнадцатымъ вѣкомъ, когда онъ очнулся и почувствовалъ, въ своихъ оскудѣвшихъ жилахъ, что дуралеситъ и бѣды ночи напролетъ ему уже не по лѣтямъ. Тогда и театръ огласился наставительными поученіями, подобно саду Академа и Поршику. Вольтеръ написалъ *Магомета* и *Юлія Цезаря*, въ коихъ сражался съ фанатизмомъ и шираниіею. Театръ, бывшій при Людовикѣ XIV праздникомъ, щеперь сдѣался діалектическою палестрою.

Потомъ, когда толпа, приготовленная увѣщаніями

философовъ, почувствоваѣа свою енду и догадалась, что должно срамить враговъ для нихъ ниспроверженія, озлобленіе ея нашло достойнаго исполкованіе-ля. Бомарше написалъ *Сватѣбу Фигаро*. Феодальныя предразсудки и злоупотребленія, олицетворенныя подъ маскою Графа Альмавивы, преклонили колено предъ насмѣшками дерзкаго цирюльника: и памфлетъ комическаго поэта внушилъ славный отвѣтъ Мирабо на рѣчь Г. де Дрѣ-Брезе.

Холодное губительство Конвенша и сатурналіи Директоріи обошлись безъ поэзіи. Опчаянное единоборство Франціи съ Европою и распушѣва Люксембурга не имѣли нужды бытъ воспѣваемы.

На порогѣ новаго вѣка, юный побѣдитель Италіи и Египта, намѣреваясь достать монархію въ помя видѣ, въ какомъ она была оставлена любовникомъ Гжи де Менпенонъ, поваль, что искусство можетъ служить для него могущесивеннымъ средствомъ. Онъ успроилъ великолѣпные праздники, окружилъ себя роскошью и нарядами, хотѣлъ видѣть перлы и алмазы на женицнахъ своего двора, гербы на карешахъ своихъ придворныхъ, волнистыя перья на шляпахъ своихъ генераловъ: и въ то время, когда издавалъ кодексъ законодательства совершенно новаго, когда прорѣзывалъ по сурку прямыя улицы Версальскія, и назначалъ пенсіи спихотворцамъ, воспѣвавшимъ рожденіе Короля Римскаго, въ то время Давидъ рисовалъ костюмы военныхъ церемоній и драпировалъ въ Римскомъ вкусѣ коронацію новаго Карла Великаго.

Не лѣзя понять Ваншо и Буше безъ Мариво и Аббата Вуазенона: равнымъ образомъ не лѣзя понять трагедій Арио и Баур-Лорміана безъ карпиниъ Давида. Чѣмъ гомерическая живопись Гро была не по своему времени, эщо лѣно изъ того, чѣмъ назадъ тому три года, она была позабыта даже тѣми, кои знаютъ наизусть Ахиллесовъ и Гекторовъ сей Илиады.

И такъ, со времянь Ришелье до Наполеона, вкусъ и искусство слѣдовали за превращеніями обществъ. Корнель провозглашалъ Римскую добродѣтель въ то время, когда аббаты, дуэлисты и развратники, отъявленный любовники распутной женщины, написавъ *Заговоръ Фізско*: александринскій гекзаметръ непрерывно славословилъ въ пышныхъ полусценияхъ, въ прозрачныхъ намекахъ, величіе новаго самодержца, между тѣмъ какъ барабанъ гремѣлъ въ коллегіяхъ и дыпи, чѣшная Квинша Курція, мечпали о подвигахъ Александра.

Республикація должна была положить новую печать на вкусъ и нравы Французскіе. Пребываніе непріятельскихъ войскъ въ Парижъ приготовило развитіе либерашуры: книги Берлинскія и Лондонскія сдѣлались обыкновенными въ Парижскихъ гостиныхъ. Новое правительствово, желавшее сдѣлаться въ непрерывную цѣлость съ прошедшимъ, ободрялось его примѣромъ, пробудило спросъ къ историческимъ занятіямъ. Искусство, которое чувствовало себя издыхающимъ, захопѣло имѣть свою долю въ новомъ поприщѣ. Оно предоставило разбираемымъ хроникъ хартий и опредѣленій, договоры, заключенные между

баронами и городскими общинами: само взяло себя кольчуги и брони, шпаги и кинжалы, остроносые башмаки и фуфайки, цвѣтныя банты и жемчужныя узорчѣя; и съ дѣтскимъ простосердечіемъ увѣрило себя, что нашло снова пайку генія и славы, ибо пышность и песня пропала для обыкновенныхъ художниковъ замѣнили изученіе рисунка и спрашей. Обожаемый Шампмеле и любовникъ Форнарины были провозглашены неспособными: ибо продолжали поэтизировать Іудею и Грецію, вѣстиво черченія испанскихъ силуэтовъ среднихъ вѣковъ, кои не нужно было увеличивать и дополнять размышленіемъ.

Что теперь, въ продолженіе осьмнадцати лѣтъ, происходить во Французской литературѣ, должно было кончиться невозвратною гибелью всякой поэзіи, еслибъ въ судьбахъ человѣческихъ не было написано, что крайности должны истощать сами себя чрезмернымъ напряженіемъ, еслибъ нѣкоторые великія лица, своимъ одиночествомъ пропешившія прошивъ безусловно *вещественнаго* направленія драмы и романа, не общали нѣкогда собрать вокругъ себя припуганные умы, кои съ трудомъ можешь попрысать гальванизмъ современной *исторической* литературы.

Конечно, не лѣзя подумавъ, чтобы воображеніе могло поразить являемой и присудить къ оспракизму нѣкыя десять вѣковъ біографіи рода человѣческаго, чтобы изъ книги поэзіи надлежало вычеркнуть всѣ каптаспрофы, коими паденіе Рима опдѣляется оныя паденія Византіи. Но чтобы представлять ихъ поэтически, надобно иначе браться за дѣло.

Волновать и шрогать сердца есть искусство плающее

многопрудное. Пыль библиотекъ и пестроша раскрашенныхъ пергаментовъ никогда не замѣняютъ практической опытности жизни уединеннаго размыслившаго.

И потому - то, говоря правду, искусство новое, прикипающее въ братство Шекспиру и Шиллеру, не имѣетъ права возсѣдать за трапезою святаго ихъ семейства; ибо поэты Спрагфордскій и поэты Веймарскій не думали, чтобы слово вдохновенное должно было обращаться къ однимъ наружнымъ чувствамъ, не имѣя вниманія ни къ головному, ни къ сердцу. Славу Германскаго прагника, хотя онъ весьма еще далекъ отъ одушевленія и проспопы Британскаго образца, составляетъ внимательное и глубокое изученіе души человеческой. Донъ Карлосъ и Валленштейнъ могутъ смѣло причисляться въ братья Королю Іоанну и Ричарду III, выставляя свое общее превосходство надъ исторіей.

Еслибы *реализмъ*, господствующій нынѣ во Французской поэзіи, одержалъ рѣшительный верхъ, то на другой день, послѣ неоспоримаго удостовѣренія въ его побѣдѣ, не лѣзъбы было вѣрять ни въ Бога, ни въ достоинство души: ибо міръ, который сія поэзія развиваетъ предъ нашими глазами, есть міръ безъ промысла и свободы: это народъ безъ имени, безъ алгара, безъ закона, который повинуется только мечу и вѣруетъ только въ силу! Знаютъ ли понынѣ нѣкоторые современные поэты; предвидятъ ли сіи ужасныя слѣдствія, или упорно закрываютъ отъ нихъ глаза: ихъ справедливости нѣтъ не менѣе опаснаго перерѣзкаема!

Но воспоминанія прошедшаго должны утѣплять настоящее и укрѣплять надежды въ будущность. Благотвореніе человеческой души къ изящному, подѣ всѣми его формами, также безсмертно, какъ трансцендентное начало всѣхъ изучаемыхъ ею причинъ, какъ любовь къ истинѣ и благу, неопъемлемая принадлежность ея судьбы.

Должно полагать, что успѣхъ и народность поэзіи, говорящей однимъ вѣстнымъ чувствомъ, касающемся своего предѣла. Послѣ перваго упоенія скоро должно слѣдовать пресыщеніе. Наслажденіе чувствъ, по существу своему, ограничено: только радости сердца и восторги мысли безпредѣльны и неисчислимы.

Литературная школа, коей главою Викторъ Гюго набросила новыя спруны на лиру современной поэзіи, ожидаетъ новаго Моцарта, который бы извлекъ изъ нихъ достойныя мелодіи!

VI

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПРОГУЛКА ЗА БАЙКАЛЬ. а)

Въ двѣнадцать часовъ утра, оставя Чертовку, я отправился въ дальній путь. Дорога чрезъ степи

а) Первая половина сей статьи помѣщена была въ *Сибирскихъ Цѣлителяхъ* на 1852 годъ. Изд.

Кабанскую и Таракановскую лежатъ долиною, пересѣкаемою небольшими возвышеніями и передѣлками. Впереди съ прехъ сторонъ синѣлись горы, покрытыя темнымъ хвойникомъ. Селенга извивается около подошвы ихъ, прошекая въ палинной швни. Прелесни юной весны только что начинали развертываться по нѣжной зелени луговъ.

За десять верстъ до Ильинской спанціи лежатъ на берегу Селенги Троицкій заштатный Монастырь. Церковь въ немъ каменная, недавно поспроенная спараніемъ нѣтъпняго наспоашеля; ограда вѣшная деревянная, съ шакми же башенками по угламъ. Эшо оспапокъ нѣхъ оспрожныхъ зданій, въ конхъ нѣкогда козакн укрѣплялись, при покореніи сихъ земель Россійской державѣ. Ошселъ до Ильинской дорога лежатъ ровнымъ лугомъ.

Въ шессть часовъ утра оспава Ильинскую спанцію, я провхалъ девять верстъ ровнымъ же лугомъ до переправы на правой берегъ Селенги. Ошселъ вверхъ до самой границы съ Монголіею сія рѣка устлана островами, кошорые, по рыхлосни береговъ почвы, образуесть и уничтожаесть по своему произволенію. Недавно въ сихъ окреспносняхъ смыло водою острова, подъ кошорымъ лежало большое плоскодонное судно.

По переправѣ чрезъ Селенгу дорога поворачиваетъ въ горную долину на С. В. вверхъ по рѣкѣ Ипанцѣ. По берегамъ ея лежатъ небольшія, но частыя селенія, по близосни конхъ паслись стада, а за пасп-

вами песпрѣлись пучные луга. По горнымъ оплогоспямъ зеленѣлись полосы бархатныхъ озимей, а подлѣ нихъ желтѣли ряды прошлогодней соломѣ на корню или чернѣлись опдыхающія залежи. а)

Такая неспроша за-Байкальскаго земледѣлія есть необходимое послѣдствіе климата и обстановка. Сія спрана состоить болѣе изъ горъ и долинъ. До завоеванія оной обитали здѣсь Монголы, которые по удобности для скотоводства болѣе кочевали по близости къ водѣ. По сей причинѣ берега Селенги и рѣчекъ, впадающихъ въ нее, представляють собою голыя степи, а горы доселѣ оспаюцца покрыты дремучимъ лѣсомъ. Русскіе поселенцы первые начали здѣсь заниматьсѣ земледѣіемъ, и по собственнымъ опытамъ узнали, что въ горныхъ долинахъ весною сильныя вѣтры выдувають посѣянные зерна, а лѣтомъ ранніе мнен побиваютъ хлѣбъ еще не дозрѣвшій: по сей причинѣ спали избирать подлѣ хлѣбопашества мѣста возвышенныя. Каждый вновь поселяемый самъ для себя разчищаетъ землю; и какъ почва здѣсь вообще рыхла и не требуетъ навоза, то каждый длить свое поле на двѣ части, изъ конхъ одну засѣваетъ, смѣря ко добротѣ почвы опъ двухъ до пяти лѣтъ сразу, а попомъ оспаиваетъ на нѣсколько лѣтъ для опдыха и засѣваетъ другую: вопъ почему здѣсь не возможно ввести трехпольнаго раздѣленія полей.

а) Пашни оставленныя на нѣсколько лѣтъ для опдыха земли.

Переезды Корымскій и Турулевскій еще недавно заселены и во всѣхъ сельскихъ занятіяхъ видна юность домоводства. Отъ Турулевки далѣе дорога лежитъ дремучимъ лѣсомъ, склоняясь по оплогоспи хребтовъ на С. З. до рѣки Хайма, на лѣвомъ берегу коей построены почтовый дворъ въ тридцати верстахъ отъ впаденія сей рѣки въ Байкалъ. Таковъ же почто и переѣздъ Гремячинскій, склоняющійся на С. З. до самаго Байкала, по берегу коего еще четыре версты до станціи Гремячинской, также состоящей изъ одного почтового двора. Дорога на сихъ двухъ переѣздахъ имѣетъ большую покапоспъ отъ подошвы Хаймѣскихъ гольцевъ а) до Байкала; почему и рѣки, выходящія изъ сихъ гольцевъ, текутъ съ чрезвычайною стремительностію. Слѣдующій переѣздъ весь лежитъ по самому берегу Байкала до рѣки Турки. Переправясь чрезъ сію рѣку при самомъ ея устьѣ, вступите въ Туркинское селеніе, состоящее изъ одного почтового и шести обывательскихъ дворовъ; отсюда останется девять верстъ до горячихъ водъ, названныхъ по рѣкѣ Туркинскими.

Пространство отъ Турулевки до Турки представляетъ пустыню, въ которой одна только дорога показываетъ слѣды труда человеческого, а все прочее напоминаетъ первобытныхъ временъ дикости. Упомянутое усиліе достигнуть со мною вершинъ Хайма и съ высоты его окиньте взоромъ окрестность

а) Въ Восточной Сибири гольцами называются высочайшія горы, коихъ вершины состоятъ изъ каменныхъ громадъ, не имѣющихъ ни травы, ни дерева.

во всѣ чешыре спороны. Вамъ предспавяися горы за горами, одиѣ другихъ выше, одиѣ другихъ шемѣ, одышы дремучими непрерывными лѣсами. Опдаленные гольцы кое-гдѣ прерывають сіе единообразіе, быдѣ на мрачныхъ покапахъ, образуемыхъ вершинами деревъ. Сіа безпредѣльная пустоша, сіе повсемѣстное безмолвіе, нечувствительно увлекають воображеніе до первыхъ временъ міра; и послѣ кратковременнаго мечпанія погружаютъ душу въ какое-шо самозабвеніе. Здѣсь природа какъ будио сохранила первобытную свою дѣвспвенность. Но я долженъ былъ разспахъся съ любимомоу дѣпскою мыслію увидѣти огромныя древнія деревья, современныя возрожденію нашего міра. Кедръ и сосна, лиственница и ель, находящіяся подѣ общими законами природы. Деревья также имѣють юность и возмужалость, старость и кончину. Опжившія свой вѣкъ на высокихъ мѣстахъ, предѣ смертію начинаютъ сохнути съ вершинъ. Распуція на низкихъ мѣстахъ чахлы, мало-вѣспвисты; мохъ высасываетъ изъ нихъ соки и они умирають преждевременно. Здѣсь на опивѣсныхъ покапоспахъ высочайшихъ каменныхъ громадъ лежатъ миллионы кедровъ и елей, упавшихъ съ обрушившимися скалами или опровернутыхъ ураганами; подѣ нихъ уже начинаютъ возникати новыя поколѣнія. Послѣ урагановъ лѣсные пожары составляютъ впошой бичъ для лѣсовъ. На земляной почвѣ огонь сѣдаетъ только сухую траву и хвороситъ, не вредя деревьямъ; а на каменномъ грунѣ, гдѣ корни лѣсныхъ разстилаются по поверхности, онъ испребляетъ обширные лѣса. Дерево съ обгорѣвшимъ корнемъ

лишается органовъ къ принятію влаги и засыхаетъ.

Прежде узкая тропа, проложенная звѣрями по направленію горныхъ падей чрезъ болота и пески, составляла единственный проходъ чрезъ сію пустыню. Сколько трудовъ переносили путешественники, сколько скова погибло подъ тяжестію вьюковъ! Г. Трескинъ первый устроилъ нѣтъшнюю большую дорогу, сокративъ ее почти на 80 верстъ пропавъ прежней. На устройство сей дороги употреблено было два мѣсяца; весь край за-Байкальскій участвовалъ въ трудахъ и издержкахъ. Въ сіе время Трескинъ былъ предметомъ всеобщей ненависти; а теперь благословляютъ его память нѣ самые, кои тогда осыпали его проклятіями, сполъ съ попоромъ на горѣ или съ заступомъ въ болотѣ. Вонъ урокъ, какъ должно поступать въ нѣхъ случаяхъ, гдѣ общія польза требуетъ общихъ усилій! Отъ шеплицъ далѣе къ Баргузину еще нѣтъ шельжной дороги, а взлѣзть верхомъ такими тропами, по которымъ и пешкомъ ходили трудно. Сказываютъ, что уже начертано было предположеніе провести большую дорогу до самаго Баргузина: но по ошибкѣ Г. Трескина скоро нашлись причины, воспрепятствовавшія приведенію онаго въ исполненіе. Не принимая на себя выдавать за истину все слышанное мною по сему предмету, думаю, что для умноженія народонаселенія въ сей странѣ, появившее предположеніе со временемъ должно привести въ исполненіе, потому что Баргузинскій край всѣмъ потребностямъ жизни (кро-

мъ рыбы) получаетъ изъ Верхнеудинска сухимъ путемъ. Теперь я хочу познакомить васъ съ мѣстностью.

Туркинскія горячія воды находятся въ полупорахъ версинахъ отъ Байкала на востокъ въ догу посреди обширной долины. Спроеніе, извѣстное подъ названіемъ шеплицъ, лежитъ на южномъ возвышеніи сего дога и состоитъ изъ длиннаго корпуса съ шестью номерами для пребыванія пользующихся водами. Въ каждомъ номерѣ по двѣ кровати, а по нуждѣ могутъ помѣститься и шесть человѣкъ. Вдоль всего зданія теплый коридоръ, на западномъ концѣ коего особо приспособлены комнаты для доктора, а на восточномъ онахожія мѣста. Изъ сего коридора идетъ проспиранный крытый сходъ въ отдѣленіе съ купальнями, которое построено въ самомъ догу изъ лиственничнаго (негниющаго) дерева. Въ немъ устроены четыре купальни четвероугольныя, проспираннымъ въ при- съ половинною аршина и въ одинъ глубиною, каждая съ продушиной въ кровлѣ для выпуска испареній. При каждой купальнѣ теплая комната съ двумя кроватями. Противъ сего корпуса на югъ къ западному его концу находится зданіе для надзирающаго, къ восточному другое для лѣкарскаго помощника; а подлѣ сего спроенія кухня. Коридоры и комнаты въ шеплицахъ содержатся въ оплечной чистотѣ, для соблюденія которой и поставлены подчиняющіяся въ- которыми правилами. Саженой чрезъ сто ниже купаленъ, построено въ 1831 году особое зданіе для казенныхъ людей и черни. Нынѣ Кяхтинское купечество пожертвовало до 7,000 рублей, чтобы по сѣверную

спорому логъ построили новыи корпусъ для помѣщенія посѣщителей. Когда ихъ желаніе будетъ исполнено, то сіе новое зданіе, обращенное лицомъ къ полудню, а съ сѣвера окруженное опушкою лѣса, по высотѣ своего мѣстоположенія, будетъ представлять прекрасный видъ. Логъ отъ вершины холодныхъ ключей до самыхъ теплицъ хотя обнесетъ сельскою загородою, но опиноительно чистоюи оснавленъ въ пренебреженіи. Въ тепченіи шрехъ лѣтъ, при самыхъ малыхъ трудахъ, можнобъ превратить показныя уступы въ пріятное гульбище.

Для безопасности и порядка находились при теплицахъ казачій караулъ: для услугъ и присмотра за больными определено шесть человекъ служителей, коихъ обязанность состоятъ въ отопляваніи комнатъ и приготовленіи ваннъ. Сии служители избираются изъ ссыльно-кашоржныхъ: но ведутъ себя такъ хорошо, что живущіе въ номерахъ, уходя въ купальни или прогуливаться, по большой часки оставляютъ свои комнаты незапертыми, и никогда не бываетъ пропажъ.

Главный ключъ сѣрныхъ минеральныхъ водъ находится въ 130 саженьхъ выше теплицъ. Онъ углубленъ около аршина въ сѣрный камень, изъ котораго бьетъ нѣсколькими опверспіями, и покрытъ небольшою деревянною бестдкою. Вода къ купальнямъ проведена крышымъ деревяннымъ жолобомъ. Она содержитъ зимою 41°, а лѣтомъ 42° по Реом.; почему для умѣренія оной подведена къ купальнямъ холодная вода изъ ключей, лежащихъ въ томъ же логѣ съ горячими. Главный ключъ хо-

ледной воды выходить нѣсколькими саженими выше горячаго; опуская внизъ почти по всему правому берегу просѣдающъ холодные ключи. Въ самомъ же ложу, такъ какъ и въ купальняхъ, со дна, покрышаго толстымъ слоемъ песка, прорываются ключи горячей воды: изъ чего заключающъ, что масса сѣрной печенки лежитъ во всю длину сего лога; но сверху покрыта толстымъ слоемъ пины, по которой перебирается вода холодныхъ ключей. Далѣе по дорожкѣ къ Баргузину въ нѣсколькихъ мѣстахъ еще найдены горячіе ключи.

О лечебной силѣ Туркинскихъ минеральныхъ сѣрныхъ водъ, о внутреннемъ и наружномъ употребленіи оныхъ, равнымъ образомъ и о способахъ употребленія, обстоятельно изложено въ книжкѣ, изданной въ 1830 году Инспекторомъ по Медицинской части Восточной Сибири, Коллежскимъ Совѣшникомъ Эрнстомъ, подъ заглавіемъ: *Инструкція или Руководство, для Врачей, находящихся при Туркинскихъ Минеральныхъ Водахъ*. Въ сей же книжкѣ помѣщено и химическое разложеніе сихъ водъ, учиненное Докторомъ Гессе.

Туркинская горячеводская долина, такъ какъ и окрестныя горы, были покрыты дремучимъ лѣсомъ: но въ 1828 году лѣсной пожаръ опустошилъ всю долину съ частію окрестныхъ горъ. Теперь она вся завалена обгорѣвшими лѣсными и глухо обросла кустарными расшевелами. Зѣвшіе лѣса состоятъ изъ сосны, кедра лиственницы, ели, пихты, березы и осины. Изъ кустарныхъ расшевеловъ много багульника, ракитника, ольхи, кизиль-

ника, паволги, бузины, шиповника, боярышника, розмарина и жимолосни съ темноглубыми ягодами. Изъ ягодъ распушь рябина, черемуха, смородина, черника, голубица, брусника, шикша, морошка, княженица и земляника. Также родятся всѣ грибы, свойственные хвойнымъ лѣсамъ. Въ шайгахъ а) и по каменнымъ вершинамъ горъ водятся лоси, зубры, медведи, олени и бѣлки. Лисицъ и соболей мало. По берегамъ Байкала и рѣчкамъ впадающимъ въ него ловятся множество налимовъ, сигаевъ, омулей; изрѣдка попадаются таймени и осетры. Здѣшніе налимъ считаются лучшими по всему Байкалу; а омули попадаются въ сомъ отъ прехъ до двадцати фунтовъ и вкусомъ превосходятъ сигаевъ. Для прогулки больныхъ находится нѣсколько пропунковъ на югъ и на воспокъ къ горамъ и одна на сѣверъ, составляющая большую дорогу въ Баргузинъ, которая впрочемъ короче и болѣе доступна. Съ вершинъ высокихъ горъ представляются величественные виды во всѣ стороны: но всходъ на оныя по причинѣ покатости мѣста и густоты кустарниковъ чрезвычайно труденъ. Лучшая и обыкновенная прогулка по большой дорогѣ къ берегу Байкала, съ котораго представляются взорамъ поразительнѣйшія картины. Въ сорока верстахъ отъ берега на сѣверозападъ разстилается сумрачный Ольконъ в), какъ огромное морское живопис-

а) *Тайгою* къ Сибири называютъ дремучій и непроходимый хвойный лѣсъ, распушій на низменномъ мѣстѣ.

в) Островъ, который содержитъ 70 верстъ длины и отъ 5 до 10 ширины.

ное, поднявшееся на поверхность водъ. Высочайшіе утесы его, какъ будто предъ вашими глазами опускаются въ море. Но болѣе всего поразительнѣе ужасный Онгорентъ, на вершинахъ коего вѣчные снѣги издали предсказываютъ группу облаковъ, какъ будто покоющихся на высочайшемъ престолѣ, возгроможденномъ изъ мрачныхъ гранитныхъ скалъ. Сей картины, отстоящей слишкомъ на сто верстъ отъ берега на сѣверозападъ, не возможно изобразить во всемъ ея величествѣ.

Судя по малолюдности мѣстечка и отдаленности его отъ другихъ селеній, содержаніе здѣсь очень не дорого. Отъ мѣстныхъ жителей можно получить яйца, молоко и коровье масло; а куръ, барановъ и шелянъ покупаютъ не ближе, какъ за полтора-шна верстъ отсюда. Только препровожденіе времени сопряжено съ нѣкошорою скукой, особенно осенью и зимою, когда очень мало бываетъ посѣщителей. Большая дорога изъ Иркутска въ Баргузинъ лежитъ подлѣ восточн. Туркинскихъ степей; и хотя предписано отъ начальства, чтобы почта, слѣдующая изъ Иркутска въ Баргузинъ и обратно, останавливалась у степицъ для раздачи и пріема писемъ и посылокъ; но это рѣдко случается. Обыкновенно почтовой ящикъ идетъ прямо въ Баргузинъ, а отсюда уже посылки и письма обратно отправляются въ степицы, иногда по прошествіи мѣсяца или болѣе. Съ такою же исправностію поступаютъ и съ иными письмами, которыя смотрѣнцы степицъ принимаютъ на почту отъ посѣщителей. Лѣтний ящикъ кладетъ пакетъ за образа до понунаго слу-

чая и забывается объ немъ. По сей причинѣ здѣсь никогда не получаютъ ни вѣдомостей, ни журналовъ. Нынѣ посѣпипшели плащаютъ за комнату по двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ съ особы. Можно бы надбавить еще рублей по пяти и на сію сумму выписывать вѣдомости и журналы для общей пользы посѣпипшелей. Нѣтъ сомнѣній, что всѣ будутъ довольны симъ учрежденіемъ.

По южную сторону теплицъ находится небольшое селеніе, въ колпоромъ въ иеченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ построено до двенадцати домиковъ. Живущіе въ нихъ крестіане и служилые имѣютъ изрядное скопководство: но по малолюдству и недоспащку силъ еще не успѣли развести хорошихъ огородовъ, хотя здѣсь капуста, свекла, рѣдка, морковь и особенно карпозель хорошо родятся. Даже не имѣютъ сѣнокосовъ, не смотря на то, что по берегу Байкала отъ теплицъ до Турки находятся превосходные луга, пребующіе только небольшою очисткою отъ валежника. Говорятъ, что заводи здѣсь земледѣлства, но опыты посѣвовъ не были удачны. Это послѣднее вѣроятно; ибо съ трехъ сторонъ горы, покрытыя дремучими лѣсами, а съ четвертой Байкалъ, долго подерживаютъ спужу. Сѣны лежатъ до Николая дня, а нѣи начинаютъ падать съ Ильина дня. Но опшисительно опытовъ земледѣлія что-то сомнительно; ибо въ окрестностяхъ вовсе не примѣтно, чтобы начинали когда нибудь распахать землю. Здѣшніе жители получаютъ достаточное содержаніе отъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ. Осенью во время рѣкосава каждый домъ добываетъ въ рѣкѣ

Туркъ опѣ продаваѣ до пятидесяти пудовъ наливовъ, копорыхъ продають въ Верхнеудинскѣ, а опселя беруѣ хлѣбъ и другія вещи нужныя въ домашнемъ быту. Сверхъ того промышляють бѣлку, соболей, лисицъ; также сохашыхъ а), оленей и козуль, конхъ мясо употребляютъ въ пищу. Всѣ сѣи выгоды достапочно замѣняютъ хлѣбопашество, и поддерживаютъ кочевую безпечность, свойственную большей части Сибиряковъ. Даже хлѣпомъ у себя не занимающа они рыбнымъ промысломъ, а предоспаваютъ эпо Бурятамъ, прѣзжающимъ сюда съ острова Ольхона. Впрочемъ и свѣжая рыба здѣсь такъ дешева, что ситъ въ два и при фунна въсомъ сповитъ не болѣе пятинадцати копѣекъ. Почему Буяты, разрѣывая сырую, крупную рыбу, сушатъ на солнцѣ, а мѣлкую варятъ и, очистивъ опѣ костей, также сушатъ. Первую называютъ они *юколою*, а послѣднюю *порсою*. Оба сорпа довольно вкусны; только пригопавлиются безъ соли.

І. Б.

а) Такъ въ Восточной Сибири называютъ лосей.

VII.

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАСПРАВА.

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА.

Тяжкій прудъ предлежитъ теперь намъ. Поприще, на которомъ должны мы внести судъ и расправу, есть то, гдѣ мы сами подвизаемся. Кто повѣритъ нашему безпристрастію? Кто не предположитъ, и весьма еспешивенно, что всѣ правосудія нашего повинулися, что самолюбіе, лихоимство, подобострастіе, свая кумовства, сваповства и крестнаго братства, прорѣдятся ипачивенную повязку, возлагаемую древними на лице Фемиды? И однако дѣлать нечего! Должно рѣшиться!

Журналы *полиграфическіе* преимущественно занимаютъ собою публику: ибо многоспорность ихъ содержанія предполагаетъ разнообразіе, въ коемъ каждый читающій надѣется сыскать себѣ пищу. Это заставляетъ ихъ приспособляться всячески къ общему разумію и вкусу, не рѣдко съ пожертвованіемъ глубокомыслия и точности, необходимыхъ въ *монографическихъ* ученыхъ журналахъ: почему ихъ называютъ собственно *литературными* или *беллетристическими*, хотя не однѣ изящныя произведенія словесности входятъ въ составъ ихъ. Было время, когда число подобныхъ журналовъ на Руси было довольно значительнымъ; въ 1830 году въ одной Москвѣ издавалось шесть литературныхъ журналовъ: *Вѣстникъ Европы*, *Московский Телеграфъ*, *Дамскій Журналъ*, *Московский Вѣстникъ*, *Атеней*

и *Галатея*. То было время журнальнаго раздолья, золотой вѣкъ героическихъ подвиговъ и рыцарскихъ приключеній, о которыхъ нынѣ оспиаются только воспоминанія, любопытныя и поучительныя для потомства. Холера, физическая и нравственная, испрѣбила сіе бурное поколѣніе журнальныхъ Аргонавтовъ, опправдывшихся за золотымъ руномъ не совокупно, какъ дружина древняго Язона, а каждый на своемъ челнокѣ, съ своими орудіями, снастями и припасами. Тѣшнѣе Петербургская журналистика, въ слѣдующемъ году, пыналась расплодиться на запуспѣвшемъ полѣ: она легла коспами на коспяхъ, безвременно и безславно. *Колокольчикъ* не прозвенѣлъ и году; *СПБургскій Вѣстникъ* замолкъ въ первые мѣсяцы; *Это* не опдалось далѣе первой книжки; *Гирлянда*, не смотря на суевѣдливость *Сѣвернаго Меркурія*, вмѣстѣ съ нимъ, не раздѣлиши, выцѣла; *Литературная Газета* прекрапила до объявленнаго срока; наконецъ и *Сѣверная Минерва*, въ прошломъ году явившаяся во всеоружіи на журнальномъ пуспирѣ сѣверной нашей сполнцы, въ прошломъ же году опочила на щипѣ своемъ, сронивъ для нынѣшняго прехтѣзичную *Эгиду*, которой мы еще не видали. Теперь все липературно-журнальное пародонаселеніе обнхъ нашихъ сполницъ ограничивается **ШЕСТЬЮ** изданіями, изъ койхъ **ТРИ** принадлежатъ Москвѣ и **ТРИ** Петербургу. Скудоспѣ необычайная! Присововупивъ къ нимъ еще **ТРИ** липературные журнала, издающіеся въ провинціяхъ, мы получимъ итого = **ДЕВЯТЬ** на **ПЯТЬ** **ДЕСЯТЬ** **ДВА** **МИЛЛІОНА** жителей, соспавляющихъ гигантскую Россійскую Имперію!

Журналы, издающіеся въ провинціяхъ, суть:

1. *Радуга*, выходящая въ Ревели ежемесячно книжками. Сіе чудное изданіе не можетъ подлежать литературному суду и журнальной расправѣ: ибо, сообразно своему названію, перекидывается разноцветной дугой въ недосигаемыхъ высотахъ заоблачнаго мистицизма. Впрочемъ, по направленію своему, это не дуга завѣтра и мира, какъ дуга небесная, коей носить имя: она не успокоиваетъ и не умиротворяетъ, а пугаетъ зловѣщими прореченіями. Вообще она спремится къ испроверженію всѣхъ современныхъ успѣховъ ума, даже самыхъ положительныхъ математическихъ истинъ, обрушивая на нихъ *Обломки Философическаго Мозаика*, оригинальные до необычайности. Замѣнимъ однако, что Ревельская литературная *Радуга*, не смотря на свою выпренность, подобно радугѣ физической, дозволяла себѣ пить изъ земныхъ водъ современной Французской словесности, переводя нѣкоторые новыя повѣсти, сличкомъ напыщенные мутнымъ иломъ, прошивъ коего не она одна вооружается.

2. *Заволжскій Муравей*, издающійся въ Казани, по двѣ книжки въ мѣсяцъ. Сіе изданіе имѣетъ эпиграфомъ старинный стихъ:

За трудъ мой не ищу себѣ похвалъ и славы:
Люблю прудиться лишь для пользы или забавы!

Эпосъ благозвучный эпиграфъ выражаетъ вполне литературное достоинство журнала.

3. *Литературныя Прибавленія къ Одесскому Вѣстнику*, съ нынѣшняго года выходящія еженедѣльно

листами. Судя по первым их листкамъ, можно поздравить Русскую журналистику съ прекраснымъ приобретениемъ. Отличный выборъ переводныхъ статей, разнообразная занимательность мѣлкаго журнальнаго балласта, приправляемого сплхами *Теплякова*, *Подолинскаго* и другихъ, дѣлають честь вкусу редакціи. *Прибавленія* сіи дебютировали сплшьей, помѣщенною въ прошлагоднему *Телескопу* (N 19) подъ именемъ *Современнаго Духа Анализа и Критики*. Сплшь свѣжая и превосходная! Въ послѣднихъ листкахъ разнообразіе нѣсколько уменьшилось; но, предполагаемъ, не на долго!

Вообще о провинціальныхъ нашихъ журналахъ замѣтимъ, что они не совсѣмъ постигаютъ свое истинное значеніе и ту роль, которую съ пользою и славою могли бы играть въ нашей журналистикѣ. Въ они изъавляютъ приписанія на всеобщность, коей не всегда успѣшно домогаются и сподобные журналы, гдѣ централизація императорскихъ связей и обиліе средствъ, разумѣется, несравненно больше и могущественнѣе. Имъ бы лучше ограничить кругъ свой выраженіемъ отличительной фizioноміи мѣстностей, конхъ они служатъ органамъ. Пусть листки ихъ собирали бы и разносили на своихъ крыльяхъ характеристическія черты разныхъ сплоронъ великаго нашего опечества, дабы изъ нихъ составился полный его обликъ! Въ *Радугѣ* бывали нѣкоторыя любопытныя извѣстія объ Ост-Зейскихъ провинціяхъ: *Заволжскій Муравей* также помѣщаль сплшь импересныя о Заволжскомъ краѣ. Это должно со-

спавляли ихъ главную цѣль и упрочить права ихъ на любопытство и благодарность публики. Пусть разрабатываютъ они преданія старины, плѣющія вокругъ нихъ; пусть описываютъ современные нравы, кои живутъ и играютъ предъ ними; пусть изображаютъ природу, среди коей возникли! Поприме обширное и славное!

Теперь. . . Но. . .

(окончаніе върѣзано будетъ).

VIII

НЕКРОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ

УЧЕНЫХЪ И ЛИТЕРАТОРОВЪ

за 1832 годъ.

(окончаніе).

И М

1. *Христианъ Готфридъ Шитцъ*, Германскій филологъ, пятьдесятъ два года занимавшійся редакціей Галльской Allgemeine Literatur-Zeitung, 86 лѣтъ. (въ Галле).
13. *Баронъ Жоржъ Леопольдъ Христианъ Фридрихъ Дагобертъ КЮВВЕ*, Перъ Франціи, Государственный Совѣтникъ, Членъ Королевскаго Совѣта Народнаго Просвѣщенія, Несмынный Секретарь Академіи Наукъ, Членъ Французской Академіи и Академіи Наукъ, Профессоръ Естественной Истории при Французской Коллегіи, Ди-

- ректоръ Королевскаго Ботаническаго Сада и Профессоръ Сравнительной Анапоміи, 62 лѣтъ. (въ Парижѣ). См. *Телеск.* 1832. N. 16.
14. *Эдуардъ Доддвелъ*, славный Англіійскій археологъ, 65 лѣтъ. (въ Римѣ).
 15. Докторъ *Целтеръ*, Профессоръ и Директоръ Берлинской Академіи Пѣнія, другъ Шиллера и Гете, 73 лѣтъ. (въ Берлинѣ)
 20. *І. М. Зайлеръ*, Каполическій Епископъ, издавшій множество назидательныхъ сочиненій, 80 лѣтъ. (въ Регенсбургѣ).
 21. Докторъ *А. Х. Г. Ниманъ*, Ординарный Профессоръ Философіи при Кильскомъ Университетѣ, извѣстный многими полиписческими и хозяйственными сочиненіями, особенно по части лѣсоводства. (въ Килѣ).
 21. Докторъ *Серюлласъ*, знаменитый химикъ, Главный Аптекарь Парижскій и Первый Профессоръ при Больницѣ Валь-де-Грасъ, Членъ Академіи Наукъ, избранный на мѣсто славнаго *Ломже*, 56 лѣтъ, ошъ холеры. (въ Парижѣ).
 25. *Самуилъ Бауръ*, Пасторъ Гемптингскій и Альбекскій, одинъ изъ величайшихъ полиграфовъ нашего времени, доставлявшій работу тридцати семи издателямъ, 63 лѣтъ. (въ Гемптингѣ).
 26. *А. В. Вильгельмъ*, Немецкій антикварій и геологъ, 38 лѣтъ. (въ монастырѣ Росслебенъ, въ Турингін).
 30. *Сиръ Джемсъ Мак-Интосъ*, Членъ Бригнанскаго Парламента, славный правовѣдецъ и полипискъ;

первоначально учившійся медицинѣ и получившій степень доктора; потомъ предавшійся юриспруденціи и читавшій въ Линкольнс-Иннѣ публичныя лекціи о законахъ и конституціи Великобританіи, въ духъ противномъ началамъ Французской революціи, коей прежде былъ усерднымъ приверженцемъ; служившій послѣ адвокатомъ въ Бомбей, гдѣ въ часы досуга написалъ свой опытъ Англійской Исторіи отъ временъ Революціи до Регентства; наконецъ, по возвращенія въ Британію, избранный председателемъ отъ мѣстечка Нанрѣ и, въ послѣднія времена, отличавшійся въ Парламентѣ сильными рѣчами противъ Дона Мигюэля и цѣлости Оппиоманской Порты; 67 лѣтъ. (въ Лондонѣ).

І Ю Н Ъ.

1. Докторъ *Карлъ Константинъ Габерле*, Профессоръ Ботаники при Пестскомъ Университетѣ и Префектъ Ботаническаго Сада, убитый ночью ворами, забравшимися въ его домъ; 67 лѣтъ. (въ Пестѣ).
3. *Жанъ Пьеръ Абель Релюза*, Членъ Института, Профессоръ при Французской Коллегіи и Главный Инспекторъ Восточныхъ Манускриптовъ въ Королевской Библіотекѣ; знаменитый ориенталистъ; назначавшійся прежде къ medicinѣ и получившій въ 1813 году степень доктора, но увлеченный непреодолимымъ призваніемъ къ восточной литературѣ; одинъ изъ основателей Парижскаго *Азіатскаго Общества* въ

1822 году, коего былъ Секретаремъ и потомъ Президентомъ на мѣсто Сильвестра де Саси; преимущественно занимавшійся Китайскою словесностію и языкомъ, коего издалъ Грамматику въ 1822 году; извѣстный въ либературномъ отношеніи переводами многихъ Китайскихъ романовъ и повѣстей; но, своими дѣйствіями, оспавившій по себѣ недобрую славу интриганца; 44 лѣтъ. (въ Парижѣ).

- Докторъ *Томассенъ - а - Туссинъ*, славный Профессоръ Медицины. (въ Гренингенѣ).
- 6. *Джеремія Бенетъ*, Британскій правовѣдецъ и полиписческій писатель, но никогда не дѣйствовавшій на юридическомъ поприщѣ въ качествѣ адвоката, даже не издававшій опъ себя главныхъ своихъ сочиненій, а обязанный Европейскою извѣстностію Французскимъ переводамъ друга своего, Женева Дюмона, изданнымъ часпію въ Парижѣ, часпію въ Лондонѣ, и потому болѣе уважаемый во Франціи, чѣмъ въ самой Англіи и Германіи; 85 лѣтъ. (въ Лондонѣ).
- 9. *Доминико Сестини*, извѣстный нумизматъ, 85 лѣтъ. (во Флоренціи).
- *Фридрихъ фон-Генцъ*, дипломатъ и полиписческій писатель, Австрійской Придворной и Государственной Канцеляріи Совѣтникъ. (въ Вѣнѣ).
- 10. *К. А. Г. Гейтель*, Надворный Совѣтникъ Земскаго Суда, извѣстный многими уважаемыми въ Германіи писаніями. (въ Вольфенбюттелѣ).
- 18. Докторъ *Авг. Георгъ Рихтеръ*, Профессоръ Медицины при Кенигсбергскомъ Университетѣ,

сынъ знаменитаго Геттингенскаго Профессора *Авг. Готтлиба Рихтера*, оставившій много сочиненій по своей части. (въ Кенигсбергъ).

19. *Николай Николаевич Сандуновъ*, Импер. Московскаго Университета Ординарный Профессоръ Практическаго Русскаго Законоискусства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ; 66 лѣтъ. (въ Москвѣ). См. *Молв.* 1832. N. 47.

— Миссъ *Анна Марія Портеръ*, извѣстная Англійская сочинительница романовъ. (близъ Бристоля).

22. Шевалье *Людвигъ Кастильони*, банкиръ и нумизматъ. (въ Миланѣ).

24. Докторъ *Г. Б. Миллеръ*, Королевско-Саксонскій Обер-Гов-Ратъ, Ординарный Профессоръ Римскаго Права и Ассессоръ Юридическаго Факультета при Лейпцигскомъ Университетѣ, 76 лѣтъ. (въ Лейпцигѣ).

— Докторъ *Эристъ Цилерманнъ*, Велико-Герцогскій Гессен-Дармштадтскій Гов-Предигеръ, основатель извѣстнаго богословскаго журнала *Allgemeine Kirchen-Zeitung*, славный множествомъ другихъ теологическихъ практическихъ и духовнымъ краснорѣчіемъ, 45 лѣтъ. (въ Дармштадтѣ).

25. *Францъ Иосифъ фон-Герстнеръ*, Заслуженный Профессоръ Прагскаго Университета, отличной механикъ. (въ Младиговѣ).

Іюль.

1. Рекетмейстеръ *Моро*, журналистъ и авторъ многихъ драматическихъ пьесъ. (въ Парижѣ).

2. *І. В. Г. Нольте*, Обер-Консиспторіал-Ратъ, издапель многихъ учебныхъ книгъ Французскаго и Англійскаго языка, уважаемыхъ въ Германіи. (въ Берлинъ).
6. *Людвигъ Робертъ*, драматургъ и эстетикъ, 52 лѣтъ. (въ Баден-Баденъ).
10. Знаменитый Оріенталистъ *де Сен-Мартенъ*, Членъ Академіи Надписей, преимущественно извѣстный своими розысканіями объ Армянской Исторіи и Литературѣ, также практическими о клинообразномъ письмѣ древнихъ Персовъ, опы холеры. (въ Парижъ).
- Докторъ *Л. Ф. А. Гофмейстеръ*, Вице-Президентъ Волфенбюттельской Консиспторіи, преждебывшій Генерал-Супер-Интендентъ въ Брауншвейгѣ, соединявшій съ высокимъ духовнымъ саномъ званіе Учителя Волфенбюттельской Гимназіи, извѣстный проповѣдями и другими духовными сочиненіями. (въ Волфенбюттель).
16. *Круссоль-Ламп*, одинъ изъ основателей и главныхъ редакторовъ *Трибюны*, опы холеры. (въ Парижъ).
- Извѣстный Оріенталистъ *Оберлейтнеръ*, Профессоръ, Капитуляръ и Архивариусъ. (въ Вѣнѣ).
- *Карре* и *Дерни*, извѣстные Профессоры опы холеры. (въ Парижъ).
17. *Тюро*, членъ Академіи Надписей и Профессоръ Греческаго языка при Французской Коллегіи, извѣстный также переводами историческихъ сочиненій *Герена* и *Роскоз*, 62 лѣтъ, опы холеры. (въ Парижъ).

- *Губертъ Брюз*, географъ, извѣстный своимъ великолѣпнымъ атласомъ, поюже болѣзнию. (въ Парижѣ).
- Графъ *Шапталъ*, Перъ Франціи, Членъ Химическаго Института, при Наполеонѣ бывшій Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, знаменитый химикъ, 76 лѣтъ. (въ Парижѣ).
- *Талабо*, одинъ изъ главныхъ вождей Сен-Симонизма, опъ холеры. (въ Парижѣ).
- 19. *Карлъ Веберъ*, преждебывшій Надворный Совѣтникъ Эрлбахскаго Графства, потомъ депутатъ въ Собраніи Виртембергскихъ Государственныхъ Чиновъ, издавшій, болышею частію безмянно, многія политическія сочиненія. (въ Купферцелѣ).
- 22. Баронъ *Порталь*, Почетный Президентъ Медицинской Академіи Наукъ, Профессоръ при Французской Коллегіи, Коммандоръ Почетнаго Легіона, Первый Медикъ Людовика XVIII и Карла X; 90 лѣтъ. (въ Парижѣ).
- 26. *Вискоутъ Диллонъ*, археографъ и филологъ Англіійскій, 55 лѣтъ. (въ Лондонѣ).
- 28. *Иосифъ Шрейфогель*, Секретарь Придворнаго Театра, какъ спихопворецъ, извѣстный подъ вымышленнымъ именемъ *Веста*. (въ Вѣнѣ).
- 31. *Поль Генрихъ Марронъ*, Президентъ Реформатской Консиспориіи въ Парижѣ, утвержденный закономъ 12 Жерминаля X (1802) года и проходившій свое служеніе до конца жизни съ неутомимою ревностію, какъ писатель извѣстный многими журнальными статьями и участіемъ въ *Biographie Universelle*. (въ Парижѣ).

- Докторъ *И. Ф. В. Гессе*, Придворный Медикъ Прусскаго Короля и Доцентъ при Берлинскомъ Университетѣ, извѣстный многими медицинскими трактатами и спашьями, помѣщавшимися въ журналахъ Гюфеланда и Озанна, также въ Энциклопедіи Руста; 50 лѣтъ. (въ Берлинѣ).

АВГУСТЪ.

12. Аббатъ *Зинони*, Велико-Герцогскій Антикварій, Секретарь Академіи дельла Круска. (во Флоренціи).
13. *К. А. фон-Дросте-Гильсгофъ*, знаменитый Германскій юриспрудентъ, Профессоръ при Боннскомъ Университетѣ, не смотря на свою молодость оставившій по себѣ многія замѣчательныя сочиненія по части Правъ, на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, 38 лѣтъ. (въ Висбаденѣ).
17. *Д. Б. Палетта*, знаменитый хирургъ, анатомъ и фізіологъ, оставившій по себѣ много сочиненій, изъ коихъ особенно замѣчательны трактаты о *Египетскихъ Музіяхъ* и о *Способахъ Бальзамированія*; 85 лѣтъ. (въ Миланѣ).
27. *Адамъ Кларкъ*, извѣстный Англійскій богословъ, 68 лѣтъ, отъ холеры. (въ Лондонѣ).
31. Славный Оріенталистъ *Шези*, Профессоръ при Французской Коллегіи, образовавшійся первоначально въ Политехнической Школѣ; потомъ выучившійся самъ собою Санскритскому языку безъ помощи учителя и оказавшій такіе успѣхи, что для него собственно въ 1814 году учреждена Санскритская кафедра при Французской Колле-

- гин; съ 1824 года преподававшій Персидскую Словесность, послѣ извѣснаго *Ланге*, въ Школѣ Живыхъ Воспочныхъ Языковъ; извѣстный переводами Персидской поэмы *Джами: Межнунъ и Леила*, эпизода изъ Санскритской *Рамяны: Смерть Яднатты*, и драмы: *Саконтала*; 58 лѣтъ. а). (въ Парижѣ).
- *Сиръ Эверардъ Голъ*, славный физиологъ и алашомъ, Лейб-Медикъ Велико-Британскаго Короля, Президентъ Хирургической Академіи, извѣстный многими замѣчательными сочиненіями, 76 лѣтъ. (въ Чельзи).

С Е Н Т Я Б Р Ъ.

2. Баронъ *фон - Цахъ*, извѣстный аспрономъ, 80 лѣтъ, холерою. (въ Парижѣ)
6. Докторъ *Х. Э. Вейссе*, Профессоръ Уголовнаго Права при Лейпцигскомъ Университетѣ и Ассессоръ Юридическаго Факультета, (близъ Лейпцига).
21. Сиръ *ВАЛТЕР-СКОТТЪ*. (въ Аббатсфордѣ). См. *Телеск.* 1832. N. 14.
27. Докторъ *Х. Ф. Краузе*, прежде бывший Доцентъ при Гевскомъ Университетѣ, извѣстный многими философскими и другими сочиненіями, 50 лѣтъ. (въ Минхенѣ).

-
- а) Жена *Шези*, съ коею жилъ онъ врозь, дочь извѣстной *Гжи фон-Криденеръ*, занимается стихотворствомъ и сочинила текстъ для Веберовой оперы *Евріанти*.

О К Т Я Б Р Ъ .

3. *Лемеръ*, Сеніоръ Парижскаго Факультета Наукъ. (въ Парижѣ).
 6. Кардиналъ *Бенедетто Наро*, Префектъ Конгрегаціи Регулярной Дисциплины, 88 лѣтъ. (въ Римѣ).
 9. Докторъ *Рейгеръ (Младшій)*, извѣстный своимъ долговременнымъ плѣномъ въ Парагваѣ и сочиненіями о Докторъ Франція и о Млекопитающихъ Животныхъ Южной Америки. (въ Арау).
 14. *Г. Г. Мейеръ*, Велико-Герцогскій Саксен-Веймар-Эйзенахскій Надворный Совѣтникъ, Профессоръ и Директоръ Академіи Живописи, славный своими свѣденіями въ Древностиахъ и Изящныхъ Искусствахъ, завѣщавшій 20,000 талеровъ для заведенія въ Веймарѣ училища въ пользу бѣдныхъ подъ управленіемъ Великой Герцогини. (въ Іенѣ).
 15. *К. А. Б. Зигель*, Профессоръ Архитектуры и Президентъ Архитектурной Школы при Дрезденской Академіи Образовательныхъ Искусствъ, 75 лѣтъ. (въ Дрезденѣ).
 18. *Ю. Х. Г. Береншпрунгъ*, Шверинскій купецъ, основатель и редакторъ журнала: der Uerminthige Abendblatt. (въ Шверинѣ).
- *Аубъ*, ученый Арабъ, вывезенный во Францію послѣ Египетской экспедиціи, получившій Европейское образованіе и прославившійся многими стихотвореніями на Французскомъ языкѣ, бывший Учитель-Супплеантомъ въ Воспитной Школѣ при Коллегіи Людовика Вели.

каго, потомъ Профессоромъ Арабскаго Языка въ Египетской Коллегіи, заведенной въ Парижъ Египетскимъ Вице-Королемъ, но нигдѣ не могущій ужиться по спротивности нрава. (въ Марсели).

29. Докторъ *Делпешъ*, славный Профессоръ Медицины и Директоръ Ортопедическаго Института, насильственной смертію отъ убійцы. (въ Монпелье).
31. Докторъ *Антоніо Скарпа*, знаменитый анатомъ, 85 лѣтъ (въ Павіи).

Н О Я Б Р Ъ.

1. *Юлій фон-Фоссъ*, Германскій писатель. (въ Берлинѣ).
4. Докторъ *Монтегю*, старшій Врачъ при Опельдѣ, 85 лѣтъ. (въ Парижѣ).
- *Б. Ф. Тибо*, Надворный Совѣтникъ и Профессоръ Геттингенскаго Университета, знаменитый математикъ, 57 лѣтъ. (въ Геттингенѣ).
8. Сиръ *Джонъ Лесли*, Профессоръ Эдинбургскаго Университета. (въ Коатъ, въ Графствѣ Файфъ).
9. *Брантомъ*, Профессоръ Химіи и Деканъ Факультета Наукъ въ Спразбургскомъ Университетѣ. (въ Спразбургѣ).
12. *Барнаба Оріани*, известный астрономъ и математикъ. (въ Миланѣ).
14. *Жанъ Батистъ Сей*, знаменитый политическій экономъ, основавшій во время революціи журналъ: *Décade Philosophique*, который не долго продолжался, потомъ бывший Членомъ Трибюнала, но исключенный изъ сей должности

Наполеономъ и въ слѣдствіе того рѣшившійся не принимать никакихъ общественныхъ обязанностей, Членъ Академіи Наукъ, украшенный за свои экономическія сочиненія Императорско-Россійскихъ орденомъ С. Владимира, 65 лѣтъ, (въ Парижѣ).

- *Р. К. Реске*, знаменитый языковѣдецъ, Профессоръ при Копенгагенскомъ Университетѣ, 45 лѣтъ. (въ Копенгагенѣ).
- 16. *К. Ф. фон-Шмидт-Физельдежъ*, Тайный Консультантъ-Совѣтникъ, извѣстный своими политическими и философическими сочиненіями, 62 лѣтъ.
- 26. *Бартелеми*, Вице-Президентъ Французской Палаты Депутатовъ. (въ Парижѣ).
- *И. Х. Дене*, издатель многихъ классическихъ писателей, опытный педагогъ, 56 лѣтъ. (въ Цейцѣ).
- 29. Докторъ *Рудольфи*, Тайный Медицинскій Совѣтникъ, Профессоръ при Берлинскомъ Университетѣ, 62 лѣтъ. (въ Берлинѣ).

ДЕКАБРЬ.

- 28. Генералъ *Карлъ Ламетъ*, некогда Президентъ Сосланительнаго Собранія. (въ Парижѣ).
- 29. *И. Ф. фон-Котта*, знаменитый Германскій книгопродавецъ, основатель журналовъ: *Allgemeine Zeitung* (въ Аугсбургѣ), *Morgen-Blatt* (въ Тубингенѣ), *Zeitschrift für wissenschaftliche Kritik* (въ Берлинѣ); извѣстный, какъ писатель, многими хозяйственными практическими, политическими брошюрами и сочиненіемъ о *фамиліи Бонапарта* (1814);

дѣйствовавшій на политическомъ сценѣ, какъ Членъ Виртембергскаго Собранія Члновъ; славный заключеніемъ торговаго шактапа между Баваріей, Пруссіей и Виртембергомъ; Докторъ Лѣсной Академіи и Лѣснаго Инспиктора, образованныхъ имъ самимъ въ Тарандѣ; Королевско-Саксонскій Обер-Форст-Ратъ; Кавалеръ разныхъ Орденовъ и Членъ многихъ Ученыхъ Обществъ; 69 лѣтъ (въ Тарандѣ).

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаіиіи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Марта 24 дня, 1833.

Ценсоръ Николай Лизаревъ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. СТЕПАНОВА.

Николай Лизаревъ

О Г Л А В Л Е Н И Е

Т Р И Н А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И .

страниц.

ИЗЫЩАЮЩАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Дѣвъ Вспрѣчи. Повѣсть <i>Бальзика</i>	44, 186, 336
Спрашная Гроза. Опырокъ изъ <i>Записокъ Мес- дига</i>	381, 484

П А У К И .

Е С Т Е С Т В Е Н Н Ы Я .

О степеняхъ Жизни и Смерти. Письмо къ Ю. Н. Барпеневу. (<i>М. А. Максимовича</i>).	448

П О Л И Т И Ч Е С К І Я .

Духъ времени и потребности нѣка въ философ- ическомъ и нравственномъ ихъ значеніи. (<i>А. М. Дмитріева</i>).	167

И С Т О Р І Я .

Греческія Женщины.	229, 375
Поэзія Индуспанская и Санскритская.	311, 454

С О В Р Е М Е Н Н Ы Я Л Ѣ Т О П И С И .

1832 годъ.	1.
Состояніе Искусства въ Германіи. (<i>Э. Кинг</i>).	17
Состояніе Искусства во Франціи послѣ Польской Революціи. Письмо <i>Ж. Жанена</i> къ Миледи Ф. Б.	341
Театральный Духъ на Сценѣ Жизни.	88
Лондонская Биржа.	517
Наполеонъ II въ Орлеанѣ. Опырокъ изъ <i>Записокъ Графини де Бради</i>	139
Спранное Предсказаніе. Изъ <i>Записокъ Людови- ка XVIII</i>	426

ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОСТИ:

Бешховенъ 111

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

Окрестности Московскія. Жизнь Прудъ и Рошъ

Тюфелева. 250

Поездка въ Березовъ. (Доктора Бяласкаго). . . 286

Прогулка за Байкаль. (I. B). 559

Некрологическій Списокъ Ученыхъ и Императоръ
за 1852 годъ. 308, 442, 576

КРИТИКА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Русская Журналистика. 152, 300, 572

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Луcretia Борджиа, драма В. Гюго. . . 266, 409, 550

СМѢСЬ:

Лекція Шеллинга изъ Философій Откровенія . . 153

Необычайныя Небесныя Явленія. 161

Микроскопъ. 444

Къ сей части приложенъ портретъ Герцога Рейхенбергскаго,
сына Наполеонова.

О П Е Ч А Т К И.

151 — 14	schezor	scherzo
457 — 12	Carex	Carex
442 — 8	кремънь	гипсъ

AP
50
T4
1833a
no. 1-4

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.

